

Л 2010

219827

Салык Зиманов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ V

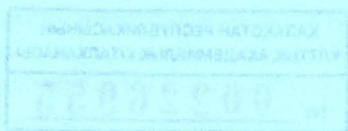
11 2010/2700 а к

Медиа-корпорация
«ЗАН»

Салык
ЗИМАНОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ V

Алматы
2009

УДК 340
ББК 67.0
З - 62

З - 62   **Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.**
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. V том. - 456 стр.

Руководитель проекта:

Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

ISBN 978-601-7043-01-8

ISBN 978-601-7043-06-3

В пятый том десятитомного собрания сочинений вошли книги С. Зиманова «От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве» и С. Зиманова, С. Даулетовой, М. Исмагулова «Казахский революционный комитет», а также научные статьи, опубликованные в 1976 – 1980 годах, в которых исследуются вопросы теории социалистического государства и его конституционные основы.

С: 1202000000
00 (05) - 09

ББК 67.0

ISBN 978-601-7043-01-8
ISBN 978-601-7043-06-3

© С. Зиманов, 2009
© «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На историю государства и права нельзя смотреть только как на описательную науку. Она вместе с тем является и аналитической наукой. Описательность в истории должна быть доведена до уровня синтетического знания, т. е. многообразие фактов, которое в совокупности воссоздает внешнюю картину исторического процесса, должно быть сведено к их внутреннему содержанию и рассмотрено в единстве внутреннего и внешнего с вычленением главных и определяющих сторон и связей в этом единстве. Только такое историко-правовое знание, выработанное и добытое таким путем, может претендовать на роль истинного и ценностного знания.

История государства и права во многих случаях представляется как наука о «вчерашнем дне» государственно-правовых учреждений и институтов. Исходя из такого взгляда, многие историки-юристы тщательнейшим образом пытаются описать эти учреждения и институты. Все это, конечно, нужно и необходимо. Если цель исследования ограничивается познавательным интересом, как это нередко бывает в исторической науке, то сам факт воссоздания внешних контуров ранее неизвестного или малоизвестного в науке явления прошлого имеет важное значение и порою приравнивается к научному открытию. Но при изучении государственно-правовых процессов и явлений прошлого, наряду с чисто познавательным интересом, нередко преследуется прагматическая цель использования данных такого исследования для более глубокого познания аналогичных однотипных процессов и явлений сегодняшнего дня и для предсказания их пути движения в будущем. В данном случае историко-правовые исследования имеют и прогностическое значение. Это в свою очередь предъявляет более высокие и определенные требования к нашей науке и тем методам, посредством которых формируются в ней научные выводы. Выводы и результаты историко-правовых

исследований, выработанные на уровне синтетического знания, имеют наибольшее ценностное значение для прогностики. Такими качествами должны обладать особенно исследования по истории государства и права новейшего времени, а в ней, главным образом, – стран социалистического содружества.

Несмалы успехи советской историко-правовой науки. В то же время нельзя не видеть и ее существенные пробелы и недостатки. В системе историко-правовых исследований, пожалуй, как ни в одной другой отрасли правовой науки, доминируют кустарщина и раздробленность, мелкотемье и несогласованность. Это не только связано с тем фактом, что историки-юристы малочисленны и разбросаны мелкими группами во всех частях страны и что в составе головного института – Института государства и права Академии наук Союза ССР – существует лишь довольно скромная, из нескольких лиц состоящая квалифицированная группа специалистов по истории государства и права, которая, кстати, в течение последних лет по сути дела вынуждена была переключиться на разработку истории правовой науки вообще. Слабость координации и кооперирования в области историко-правовых исследований не могла не отразиться на уровне и престиже последних.

Во многих историко-правовых исследованиях, в том числе и в учебной литературе для вузов, явно довлеют описательность и структурализм. Как правило, в работах и диссертациях по истории государства и права тщательнейшим образом описываются система и структура государственных органов, положение каждого из них, закрепленное в правовых актах, а также решения тех или иных ведомств, характеризуются их связи и отношения субординации. В такой же манере дается описание в историко-хронологической последовательности содержания наиболее важных законодательных актов, очередность их принятия и замены новыми. Словом, читателя заваливают фактами и разными описаниями, перечислениями из области истории государственно-правового строительства.

В результате этого создается впечатление информационной достоверности и фактологической насыщенности исследования. При этом часто такие вопросы, как жизненные основы и мотивы того или иного конкретного законодательства, его реальное значение в жизни и жизненная эффективность, его социальная ценность – недостатки и достоинства, частные и общие направ-

ления и тенденции правовых учреждений и институтов в рамках системы и по периодам развития государства и др. специально не ставятся и не рассматриваются. Такое положение в такой же мере относится и к освещению вопросов истории развития государства, его структурных подразделений.

Такие труды, не выходящие за пределы описания частных эмпирических закономерностей, нередко не вызывают какого-либо движения мысли у читателей, часто оказываются, в силу своей описательности, малопригодными и для построения на их основе научного прогноза. В этом факте я лично усматриваю одну из главных причин ослабления престижа историко-правовых исследований.

Вопрос о повышении научно-теоретического уровня историко-правовых исследований представляется самым актуальным и злободневным.

Вокруг этого вопроса шел откровенный и острый разговор на состоявшемся в Алма-Ате в мае 1974 г. зональном совещании ученых Средней Азии и Казахстана, на котором обсуждались проблемы науки об историческом опыте национально-государственного строительства в этом регионе, народы которого перешли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, и успешно строят ныне коммунистическое общество. Некоторые аспекты и выводы этого обсуждения могут иметь общий научный интерес.

Проблемы национально-государственного строительства в союзных республиках и в СССР в целом за последние десять лет развивались наиболее интенсивно. Этому способствовали 100-летний юбилей В.И. Ленина, 50-летие образования СССР и 50-летние юбилеи многих союзных республик и компартий этих республик, к которым приурочивались издания ряда солидных историко-правовых исследований.

Только в республиках Средней Азии и Казахстана за 1969 – 1974 гг. было опубликовано более 10 крупных монографий по истории и проблемам национально-государственного строительства. Одна из них – работа С.А. Раджабова «Советская национальная государственность» – была удостоена Государственной премии Таджикской ССР, а другая, авторами которой являются А. Агзамходжаев и Ш. Уразаев, отмечена Государственной премией Узбекской ССР. Специальной премией отмечены и труды

А. Ишанова, посвященные государственно-правовой истории Бухарской народной советской республики. Все это свидетельствует о серьезном размахе исследования проблем истории национально-государственного строительства как важного раздела науки истории государства и права СССР.

Однако мы в процессе подготовки к указанному обсуждению и в ходе его, анализируя состояние исследований в этой области, пришли к выводу о том, что их научный уровень оставляет желать большего и лучшего. При относительной количественной достаточности и объемности работ по истории национально-государственного строительства в республиках Средней Азии и Казахстана, их научно-теоретический уровень нередко отставал от современных требований. Вместо того, чтобы, опираясь на достигнутый уровень исследования, подняться на новый уровень знания и перейти к более глубокому анализу процессов национально-государственного строительства в этих республиках, многие авторы увлеклись описательностью в ущерб задачам теоретического обобщения с учетом интересов зарубежных развивающихся стран в современных условиях.

Было указано, что многие исследования в области национально-государственного строительства в республиках Средней Азии и Казахстана не доводятся до выработки и уровня синтетического знания, когда обобщения и выводы приобретали бы универсальное или регионально-социологическое значение. Изучение местной (союзно-республиканской) проблематики вовсе не обязательно должно вести к результатам и выводам, имеющим только ограниченно-местное значение. Именно этот недостаток присущ нашим исследованиям. Вычленение общего из всей совокупности исторических процессов и фактов должно составлять главную черту современных исследований исторического опыта национально-государственного строительства в советских союзных и автономных республиках.

Историко-правовые исследования, в том числе и по истории национально-государственного строительства, опираются на факты и не могут обходиться без массы фактов. Поэтому естественно, что исследователи много времени тратят на собирание и сведение разрозненных в источниках фактов, на поиски новых фактов. Но сплошь и рядом многообразие единичных фактов

мы, к сожалению, либо лишь более или менее умело регистрируем и используем для восстановления картинной детали ряда процессов и явлений прошлого, либо для нового доказательства уже известной истины и для начинки ими заранее заданной схемы. Иначе говоря, обработка и изложение фактов подчинены в основном отдельной, первичной и ближайшей задаче научного познания.

При таком подходе в лучшем случае мы отражаем непосредственные формы государственно-правовых явлений и отношений, а не их внутреннюю сложную связь, скрытую за этими внешними формами. Мотивы и логика фактов, то, что управляет движениями и изменениями фактов, т. е. то, что мы называем информационной ценностью, заложенной в фактах, на деле остаются в стороне и нераскрытыми в процессе нашей познавательной деятельности. Именно тогда, когда необходим переход от отражения в сознании непосредственных, внешних форм государственно-правовых явлений к отражению их сути, тенденции и направлений движения и развития, т. е. когда начинается переход к выработке собственно научных знаний, исследование прерывается и завершается. При таком положении нельзя рассчитывать на широкие теоретические обобщения, которых так не хватает в наших трудах по истории национально-государственного строительства в союзных республиках.

Наше стремление накопить побольше фактов, найти новые факты в исследуемой области и их систематизация и обработка должны завершаться логическим их обобщением и воспроизведением в главных, определяющих и самых важных свойствах. Это означает, что конкретный исторический процесс должен быть воссоздан наукой не как только предметная конкретность, а главным образом, как конкретность содержания, т. е. внешне не должно выступать как единственная реальность.

Другим существенным методологическим пробелом, характерным для многих исследований по истории советского национально-государственного строительства, является укоренившийся взгляд о внутренней непротиворечивости и бесконфликтности процессов развития в этой области. Это вело к тому, что национально-государственное развитие той или иной союзной республики представлялось и освещалось в исторических трудах как

сплошное шествие от одной победы к другой, от достижения к достижению. Такого рода труды содержат в основном лишь описание великих достижений, которые действительно имели место в истории социалистического развития той или иной национальной республики. При этом, однако, мало обращалось внимания на то обстоятельство, что в центре научного мышления должен, в первую очередь, находиться его внутренний механизм и «технология» движения, взятые во всей сложной внутренней связи частей и компонентов этого процесса. Только таким путем можно добраться, выяснить, раскрыть внутреннюю тайну динамики исторического процесса, понять его и осмыслить теоретически. В свою очередь это возможно и достигается посредством постоянного выявления диалектических противоречий, свойственных внутренним связям и отношениям этого процесса.

Лишь при таком подходе и анализе изучаемой предметной области истории осуществляется объяснение и обоснование тех конечных результатов, к которым привело развитие исторического процесса и явления. Именно такой метод исследования должен стать основным в историко-правовой науке.

**ОТ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ К СОВЕТСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БУХАРЕ И ХИВЕ**

В книге рассматриваются особенности и этапы развития освободительных идей и связанных с ними просветительских демократических и революционных движений в Бухаре и Хиве, которые завершились установлением в них советской государственности. В ней предпринята попытка вычленения общего и особенного в конкретном опыте становления этих стран на социалистическом государственном пути развития, обосновывается также необходимость более углубленного исследования политической истории советских народных республик Бухары и Хорезма.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый народ и каждая страна в процессе своего становления на социалистическом пути вносила и вносит своеобразное, конкретно-специфическое в общее русло социально-политического развития и прогресса. Из этих «особенных» путей, проявляющихся в рамках общего, и складывается исторический опыт перехода любого народа к социализму.

Национальности Советского Востока совершили революционный скачок от различной степени отсталости и средневековья к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Опыт исторического пути каждой из них важен как для воссоздания картины ее прошлого, так и для вычленения из него общего. Он имеет значение и революционной практики, являющейся ориентиром движения для многих развивающихся стран.

История становления на социалистическом пути развития Бухары и Хивы и утверждения в них советской государственности содержит в себе, кроме общего, немало ценного конкретного опыта, дополняющего и обогащающего опыт других восточных советских республик. Для глубокого осмысления и познания его необходимы дальнейшие исследования. Об этом говорилось в 1962 г. на совещании историков. Выступивший на нем секретарь ЦК КПСС Б. Пономарев отметил, что «большим упущением является слабая разработка историками СССР таких тем, которые представляют особенно большой интерес для стран, освободившихся от колониального ига и ищущих путь к подлинной свободе и процветанию. Взять, например, историю Бухарской и Хорезмской народных советских республик, возникших после Октябрьской революции на месте царских протекторатов – эмирата и ханства... Это очень интересный опыт. Причем, чтобы он действительно мог стать достоянием освободившихся от колониализма народов, его надо показать во всей конкретности, – должен быть виден не только конечный результат, но и реальный ход этого процесса»¹. Данное положение остается актуальным и сегодня, хотя в последнее десятилетие произошел некоторый сдвиг в разработке этой проблематики.

---

¹ Пономарев Б. Историческую науку и образование – на уровень задач коммунистического строительства. – «Коммунист», 1963, № 1, с. 22.

Успехи народов Советского Востока, достигнутые в условиях социализма, настолько поразительны, что порой трудно представить, что эти народы сравнительно недавно – в начале нашего века – были опутаны патриархальщиной и находились под жестоким прессом необузданного гнета местной тирании и колониального режима. Даже самые дальновидные передовые деятели этих национальностей не могли предполагать, что через такой короткий исторический период они окажутся в числе развитых в экономическом, культурном и интеллектуальном отношениях стран.

***

В начале XX века в пределах влияния российского самодержавия типичная среднеазиатская ханская власть со многими средневековыми атрибутами сохранилась только в Бухаре и Хиве. В них сидели старорежимные восточные монархи, считавшие власть принадлежностью собственной воли и фамильного дома со всеми вытекающими отсюда последствиями по отношению к подданным страны.

В этих ханствах (особенно в Бухаре) было сильно влияние мусульманского духовенства. Здесь существовала мощная, разветвленная, хорошо скоординированная сеть исламских учреждений, которые сосредоточили в своих руках науку, образование, право, законность, нравственно-этическое поучение и идеологическую обработку населения. Духовенство почти безраздельно господствовало в системе органов власти и в сферах формирования и осуществления государственной политики, точнее говоря, власть в самом широком смысле была властью преимущественно исламских учреждений, т. е. теократической. Кроме широкой и всюду проникающей исламско-религиозной корпорации, в тесном контакте с ней функционировали династические и кастовые организации ханско-эмирского дома, племенно-родовых вождей, крупных землевладельцев и скотовладельцев, а также учреждения торговых и торгово-промышленных объединений. Духовенство отличалось крайним консерватизмом.

Суровая действительность была такова, что самые многочисленные слои населения, составлявшие народ, на труде которых зиждилось общество, не имели ни своих учреждений, ни организаций, удовлетворяющих хотя бы хозяйственно-бытовые

нужды, не говоря о социально-политических интересах. Они без цепей, но крепче, чем цепями, были прикованы к земле, к общине, к хозяйству сильных и богатых. Все было обставлено так, что труженик не думал и не имел возможности думать о себе, о своем положении и участии, об облегчении своей судьбы. На него всей своей мощью давила хорошо слаженная и отработанная организация духовенства, местной аристократии, землевладельцев и родоправителей, а также торгово-промышленного круга, за которыми стояли сечи палачей, штыки солдат и сабли нукеров.

Однако такое положение не могло оставаться неизменным. Мощные раскаты идейной борьбы и революционных событий, происходивших в Европе и Азии, в особенности в России, в начале XX века, стали доходить и до народных масс Бухары и Хивы. Они по-разному воспринимались в слоях населения. Под их воздействием здесь формировались освободительные идеи и само движение.

Вплоть до 1917 г. в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве не было организованного местного пролетариата, тем более его учреждений и партии. Как же могли проникать в это общество и распространяться в нем социалистические идеи, которые, как правило, вносят в массу социалисты и коммунисты? Опыт развития Бухарской и Хивинской революций свидетельствует о том, что идеи социализма не чужды отсталым народам и странам. Они могут в определенной ситуации найти благодатную почву в условиях, подобных этим странам, и способствовать ускоренному развитию в них революционных процессов. Социалистические идеи, соприкасаясь с примитивными идеалами народных масс о свободе от произвола тирании и ликвидации угнетения, порождают на начальных этапах своеобразные формы идейных течений. В этот момент особенно необходимы поддержка и помощь интернациональных сил соседних стран, располагающих теорией и опытом революционной борьбы за идеи социализма. Если такая помощь придет вовремя и будет оказана в формах, приемлемых для отсталых народов, и в объеме, соответствующем размаху революционного движения, то создадутся реальные условия, способствующие быстрому развитию социалистического содержания в идейно-политических движениях передовых слоев населения и победе социалистической революции.

Как этот сложный революционный процесс происходил в условиях отсталой Бухары и Хивы, какие местные социальные силы и группы выполняли роль носителей демократических, радикальных и революционных идей на различных этапах развития в них освободительного движения – эти вопросы находились в центре внимания автора исследования.

Начало XX века – период пробуждения национального самосознания народов Средней Азии и Казахстана и их активного втягивания в сферу идейно-политической борьбы. В этот период на политическую арену вышли представители местной интеллигенции, мелкие и средние слои молодой национальной буржуазии, которые пытались задавать тон растущему национально-освободительному движению, определить его идейную платформу. Революционная инициатива этих социальных групп на начальных этапах становления освободительных идей и развития национально-освободительного движения сыграла положительную роль. Рассмотрение вопросов о пределах и формах «революционности» местной буржуазии в условиях Бухарского и Хивинского ханств представляет определенный интерес.

Группа младобуржуазных национальных революционеров по составу была разношерстной. В ней находились студенты медресе и учителя, мелкие и средние торговцы, служащие и ремесленники. Ведущую роль в этой среде играли молодые мударисы – студенты и учителя медресе, стремившиеся к свободе знания, реформе образования, к ограничению произвола властей и чиновников.

В период революционного угара национальных групп, когда они больше говорили, спорили и доказывали, т. е. когда их «революционность» еще не выходила за рамки полулегальных и нелегальных сходок и кружков, складывающаяся оппозиция принимала в свои ряды всякого, кто желал модернизации и известного обновления того, что было старо, нетерпимо и безобразно с их точки зрения в здешних местах. Когда эта борьба под влиянием нарастания народного возмущения против ханско-эмирской политики, злоупотреблений чиновников вышла за рамки дискуссии и частично перенеслась на улицы, стала воплощаться в демонстрациях и манифестациях масс, в рядах «освободителей» произошел раскол: одни находились в смятении и бездействовали, другие решили идти дальше. Чем активнее революциони-

зировались освободительные идеи и освободительное движение народа, тем значительнее были изменения в составе буржуазных революционеров. Наиболее радикальная и патриотическая часть национальных деятелей шла от ютительства к реформизму, от реформизма – к идее революционной ломки ханско-эмирского режима, другая – от просветительского движения к реформизму, а затем на последующих этапах развития революционного процесса либо отошла от политической борьбы, либо перешла в лагерь контрреволюции.

В начале XX века критическая оппозиционная мысль избирает образование и школьное дело областью своего наибольшего внимания, что вследствие ее слабости было закономерно. Именно в данный период наука и образование добиваются значительных успехов, и их положительная роль в развитии народов и стран становится очевидной. Модное течение, охватившее Европу и Азию, согласно которому все главные пороки общества и правителей объяснялись отсутствием знания и невежеством масс и государей, не могло не оказывать влияния на умы формирующихся деятелей из местной интеллигенции, в той или иной мере знакомых и увлеченных новыми веяниями.

Спустя некоторое время они стали связывать дело образования народа с политикой властей и увидели в последней основное зло на пути развития просвещения. Выход оппозиционного движения за рамки образования в область политики и политической организации общества, а в дальнейшем его слияние с революционным национально-освободительным движением были подготовлены внутренними и внешними условиями Бухары и Хивы.

Развитие политических событий в этих краях накануне победы народно-демократических, а затем социалистических революций было весьма своеобразным. Показ этого процесса, т. е. каким образом народы названных стран были втянуты в русло передового идейного движения и оказались вовлеченными в сферу активного воздействия Октябрьской социалистической революции, с какого уровня идейной зрелости и подготовки началось великое революционное преобразование всего старого, одряхлевшего, антинародного в новое, социалистическое, представляет основную задачу настоящего исследования.

Многие из затронутых нами вопросов истории освободительных идей и демократических, революционных движений в

Бухаре и Хиве в том или ином объеме уже рассматривались в литературе. Эти исследования положили начало большой работе по осмыслению сложной социальной и политической истории данного района. Но в них, как обычно бывает на первом этапе изучения, больше внимания уделялось описанию событий и процессов, их конструированию путем интенсивных поисков и нахождения все новых и новых материалов и фактов. При соотнесении же этих событий и выяснении их связей и взаимовлияния возникает, как правило, много новых проблем, на разработку и разрешение которых нужны многие годы и усилия ряда ученых. Именно в этом плане предстоит исследователям решать еще немало задач, особенно в изучении предыстории и истории социалистической революции в Бухаре и Хиве. Наше исследование является продолжением знания, уже достигнутого в области социально-политического и идейного развития Бухары и Хивы в первой четверти XX века.

Обзор литературы и отношение к ней автора настоящего исследования даны по проблемам внутри глав. Здесь лишь укажем, что среди специальных исследований по истории Бухарской Советской Народной республики наиболее фундаментальными являются труды члена-корреспондента Академии наук Узбекской ССР А. И. Ишанова. Его перу принадлежат главы о Бухарском и Хивинском ханствах в начале XX века и о победе в них социалистической революции в «Истории Узбекской ССР», монография о Бухарской Народной Советской республике и труд о Файзулле Ходжаеве.¹

Основные результаты по изучению политической истории Хивы начала XX века изложены в специальном коллективном труде, осуществленном под руководством академика Академии наук Туркменской ССР Г. Непесова.²

Ученые Средней Азии довольно плодотворно работали в области познания истории становления и развития коммунистических организаций в крае. За последние годы они ввели в научный оборот много новых, ценных материалов, раскрывающих истоки

---

¹ История Узбекской ССР. В 4-х т. Изд. 3. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 377 – 396; Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969; его же: Файзулла Ходжаев. Ташкент, 1972.

² Непесов Г., Абдуллаев М. и др. Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971.

сложения и упрочения социал-демократических и большевистских организаций в отдельных этнических и административных районах Средней Азии, в том числе в Бухаре и Хиве. Основные итоги исследовательской работы по данному вопросу изложены в книге «История коммунистических организаций Средней Азии».¹ В ней Бухаре и Хиве отведены две главы, что составляет почти одну пятую листажа труда. Разделы написаны группой авторов под руководством академика Академии наук Таджикской ССР С.А. Раджабова. Ценными являются и исследования А.В. Макашова по истории становления и деятельности Коммунистической партии Бухары в 1918 – 1923 гг.²

Кроме литературных источников нами изучены и использованы материалы архивных фондов. Так, в партархиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС мы ознакомились с материалами фондов: 17 – Центральный Комитет Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), 61 – Туркестанское бюро ЦК РКП(б), 122 – Комиссия ВЦИК и СНК по делам Туркестана.

В связи с темой нашего исследования большую значимость имели различные первичные материалы и документы, хранящиеся в фонде 17 Центрального партийного архива, в частности о деятельности Чарджоуской группы РСДРП за февраль – октябрь 1917 г.; донесения партийных и политических работников армии Туркестанского фронта о положении в крае, в том числе в Бухаре и Хиве; телеграммы, очередные и экстренные донесения (информационные сводки) Комиссии ВЦИКа и СНК по делам Туркестана и ее отдельных членов на имя председателя СНК В.И. Ленина, секретарей ЦК РКП(б) о политической обстановке в Средней Азии, о младобухарском и младохивинском революционном движениях; записки, телеграммы и докладные ЦК Бухарской компартии (1919 – 1920 гг.), Бухарского революционного комитета (1920 г.). Немало подробностей о Бухарской революции, ее предыстории и расстановке классовых и партийных сил в Бухаре

---

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967.

² Макашов А.В. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1955; его же: Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918 – 1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971 г. (Фонд Научной библиотеки Академии наук КазССР).

после Октября 1917 года содержится в официальных донесениях политического комитета (политком) поезда ВЦИК «Красный Восток», написанных по личным впечатлениям (1920 г.).

В делах Туркестанского бюро ЦК РКП(б), деятельность которого охватывает 1920 – 1922 гг., хранятся отчеты о его работе, направленной на закрепление и развитие завоеваний социалистической революции в крае. В них дан глубокий анализ вопросов, касающихся положения в Советском Туркестане, включая и национальный вопрос, содержатся сведения о подготовке и воспитании партийных, советских кадров в Средней Азии и их работе, имеются также данные и характеристики о партийных группах и организациях в Бухаре и Хиве, о связях туркестанских коммунистов с революционными группами Бухары и Хивы, борющимися за свержение деспотических реакционных режимов и установление советской системы управления.

Наиболее богат фонд 122. В нем собраны материалы о деятельности Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (1918 – 1923 гг.), об ее подходе и решении актуальных политических, экономических и идеологических проблем края, о грандиозной и бесценной помощи, которую она оказывала местным партийным и советским органам, общественным организациям и населению Туркестана в их сложной и трудной борьбе за социализм. Значительное место в материалах фонда занимают сведения о ее контакте с революционными группами и организациями Бухары и Хивы, о вызревании в них революционной ситуации, о поддержке и оказании помощи их революционным силам, о младобухарцах и младохивинцах и др.

В партийном архиве Узбекской ССР (г. Ташкент) мы ознакомились с материалами фондов 275 и 722. В них сохранились протокольные записи ряда заседаний младобухарцев, начиная с середины 1918 года, протоколы общего собрания «Младобухарского комитета партии коммунистов-большевиков» с апреля 1919 года, протоколы заседаний Краевого мусульманского бюро РКП(б) 1919 года, в которых принимали участие младобухарские, младохивинские революционеры и коммунисты; протоколы заседаний и так называемых «соединенных заседаний» Туркбюро ЦК РКП(б), на которых рассматривались вопросы взаимоотношений с центральным бюро революционных младобухарцев и усиления революционной борьбы трудящихся Бухары и Хивы

против ханского строя. Среди материалов фонда имеются партийные и политические донесения из Бухары, Самарканда и Хивы об обстановке на местах, о настроении населения, о работе партийных групп и ячеек.

В партийных архивах хранится немало уникальных по содержанию и редких документов о национально-освободительных и революционных движениях в Бухаре и Хиве после февраля 1917 года до установления советского строя в 1920 году.

Следует сказать, что архивные материалы, относящиеся к политическим событиям в Бухаре и Хиве, особенно в 1917 – 1920 годах, весьма специфичны. При их использовании надо учитывать следующее. Во-первых, быстрое революционизирование внутренней жизни в этих ханствах сделало «революционность» модным течением и на нее появилось много претендентов, которые стремились возвыситься в глазах народных масс и революционных сил соседнего Туркестана и встать не без помощи последних во главе освободительного движения в Бухаре и Хиве. Во-вторых, в такой обстановке возникло несколько групп, кружков и организаций, в основном мелких, между которыми и внутри которых было немало распрей, расхождений и фракционизма. В-третьих, в первые годы революции у ответственных партийных и советских работников Туркестана, в котором находились эмигрантские центры бухарских и хивинских революционеров, не всегда было ясное представление о политической обстановке и расстановке революционных сил в соседних ханствах. В результате этого порой допускались ошибки, нередко серьезные, в оценке политической ситуации в ханствах и в определении тактики действия и политики отношений к ним. Все это нашло отражение в различных донесениях и записках, в переписке и решениях, отложившихся в делах того времени и составивших документальную базу для изучения истории освободительной мысли и революционного движения в Бухаре и Хиве в период их досоветского развития. Не удивительно, что в архивных материалах встречаются противоречивые данные, взаимоисключающие сведения и оценки одного и того же события и явления из истории идейной жизни Бухары и Хивы. Только тщательное и глубокое изучение совокупности источников позволит определить главные мотивы в идейно-политической жизни общества.

В центральных государственных исторических архивах выявлено немало ценных материалов о Бухаре и Хиве, об их экономической, политической и идейной истории развития в начале XX века. В Государственном архиве Октябрьской революции и высших органов Союза ССР (ЦГАОР) мы ознакомились в основном с материалами Народного Комиссариата по делам национальностей (фонд 17). В справках и очерках о Бухаре и Хиве, в деловых записях о приеме в Москве уполномоченных из Бухары и Хивы содержатся сведения о предыстории установления Советской власти в этих районах Средней Азии.

В Центральном государственном военно-историческом архиве для нас большой интерес представлял фонд 400 (Азиатская часть Главного штаба Военного министерства). В нем собраны официальные донесения и переписка туркестанского генерал-губернатора вплоть до 1917 года, который был ответствен за положение дел в Бухаре и Хиве и охрану в ханствах интересов царской России. В этих материалах имеются довольно обширные сведения о социально-политических отношениях и идейных движениях в Бухаре и Хиве. Они позволяют получить представление об истории и конкретных формах освободительной мысли в этих странах вообще, об этапах революционизирования движения народных масс в частности. Не менее ценными для нас оказались бумаги политического агента в Бухаре, особенно те, в которых описываются события и приводятся факты из жизни страны по непосредственным наблюдениям. В них много подробностей об эмирском дворе и правительственных чиновниках, об их взглядах и политике, о выступлениях оппозиции и джадидизме, о кризисе эмирской власти и о младобухарских, младохивинских революционеров и их действиях в 1910 – 1917 гг.

В Государственном архиве внешней политики России имеется фонд, именуемый «Среднеазиатский стол». Материалы этого фонда несколько отличны от материалов Военно-исторического архива. Одну группу составляют анонимные и групповые жалобы местного населения Бухары, Хивы, направленные правительству и царю, в которых, как правило, описываются деспотизм эмира и хана, разбой и насилие наместников, крайне бесправное положение и обнищание трудового народа; в другую группу входит переписка местных ответственных чиновников, отдельных деятелей с политическим агентом и туркестанским генерал-гу-

бернатором о частичной реформе управления, экономической политике эмира и налоговой системе в ханствах. В делах имеются проекты реформ, заметки о содержании бесед с эмиром, его ближайшими людьми по этим вопросам. Третью группу образуют политические донесения из Бухары и Хивы царских чиновников, военных и гражданских должностных лиц, специальных агентов о «противоправительственной агитации», о «прогрессистах», о «партии молодых бухарцев», о «партиях, борющихся в ханстве», и т. п., присылаемые вплоть до середины 1917 года.

Нами также изучены и использованы материалы местной периодической печати, издававшейся на узбекском, казахском, татарско-тюркском и русском языках в городах Ташкенте, Бухаре, Оренбурге, Самарканде и Андижане как до Октябрьской социалистической революции, так и в первые годы после нее. В многочисленных статьях различной идейной ориентации, посвященных Бухаре и Хиве, прослеживаются особенности, трудности, характер и пути развития в них освободительной мысли и освободительного движения в начале XX века. Poleмика на страницах печати, часто перераставшая в страстную перепалку между представителями различных направлений, позволяет рассмотреть политические установки и глубинные мотивы борьбы между ними.

Мы имели возможность ознакомиться со статьями местных газет различных политических направлений за 1914 – 1918 годы: «Түрік елі» («Край тюркских народов»), «Кингаш» («Совет»), «Хуррият» («Свобода»), «Наждат» («Освобождение»), «Ұлы Түркістан» («Великий Туркестан»), «Туркестанский курьер», «Туркестан», «Туркестанское слово», «Туркестанские ведомости», «Туркестанский голос».

Очень ценными для нашего исследования были материалы периодической печати местных советских и партийных органов интересующего нас периода. Ими являлись газеты, выходившие в Бухаре и Ташкенте. Это «Наша газета», «Туркестанская искра», «Известия Новобухарского исполкома рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Известия ЦИКа Туркестанской республики», «Иштракиюн» («Коммунист») и др.

Нами особенно тщательно изучены материалы центральных периодических изданий, органов ЦК Коммунистической партии, ВЦИКа, Советского правительства и центральных ведомств об

освободительном и революционном движениях в Бухаре и Хиве накануне и в период установления в них Советской власти.

К анализу и осмыслению материалов и фактов автор настоящего исследования подходил с позиций методологии материалистической диалектики и принципов партийности в науке. Насколько успешно это проделано, судить читателям.

ГЛАВА I

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ В БУХАРЕ И ХИВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ

1. Внутреннее и внешнеполитическое положение ханств

В глубине Средней Азии, на самой южной окраине империи, находились два небольших по территории ханства – Бухарское и Хивинское, которые, однако, имели значительный вес как в среднеазиатских делах, так и в колониальной политике России.

Бухара и Хива занимали площадь немногим более 250 кв. км, причем первая была по территории в 4 раза больше второй. Освоенные пахотные угодья в начале XX века по Бухарскому ханству достигали 10 процентов, по Хивинскому – 3-4 процента. Остальная часть приходилась на пастбищные, не обжитые, не освоенные горные и пустынные, нередко безводные участки. В начале XX века в Бухаре проживало около 2 млн. человек, в Хиве – около 600 тыс. человек.¹

В облике и ритме жизни этих ханств сохранились своеобразные краски и черты стран средневекового мусульманского Востока: многочисленные мечети и минареты, медресе и кельи, крепостные стены и городские ворота, тесные переулки, шумные базары и ремесленные ряды, белые чалмы и черные паранджи, слежка и подслушивание, пытки и истязания. За этими пестрыми и причудливыми сочетаниями, составляющими азиатскую экзотику, проглядывало и выступало основное – социальное бесправие, нищета и отсталость основной массы населения и неограниченный произвол чиновников, засилие духовной и светской знати.

---

¹ По данным политического агентства России, в Бухарском ханстве в конце XIX в. было около 428 400 дворов, или 2 153 000 душ населения. (Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 298, л. 56). Население ханств более точно было подсчитано в период национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. К этому времени в пределах бывшего Бухарского ханства проживало 2 236 447 чел., а Хивинского – 604 044 чел. (Государственное строительство и право в Узбекской ССР. Ташкент, 1974, с. 19).

Основным источником национального богатства было земледелие. Наиболее плодородные земли находились в руках эмира (хана), духовенства, чиновников и феодальной знати. Так, в Бухаре только эмиру и духовенству принадлежало 3/4 всех пахотных угодий.¹ В ханстве был высок удельный вес безземельных, безлошадных и бесскотных крестьянских хозяйств. Такое же положение наблюдалось и в Хиве: 9/10 всей земли здесь считалось собственностью крупных светских и духовных феодалов.² Неудивительно, что в этих ханствах беднота образовала огромную армию – от 40 до 80 процентов сельского населения.³

По своей социально-экономической характеристике Бухарское и Хивинское ханства – это типичные азиатские средневеково-отсталые аграрные общества,⁴ подвергшиеся влиянию иноземного капитала, но сохранившие традиционную самобытность.

Колониальные интересы царского правительства и его устремления овладеть важнейшими отраслями народного хозяйства в ханствах (главным образом хлопководством и каракулеводством) и тем самым еще сильнее пристегнуть их к империи наложили отпечаток на форму организации экономической жизни в этих районах. Однако в целом в них еще не изменился и не разрушился привычный вековой уклад хозяйствования, а также отношения средневековой эксплуатации непосредственных производителей. Как и прежде, рутинность в ведении хозяйства и хроническая нужда трудовых масс сопровождалась безудержным их гнетом и неприкрытым засилием правителей, знати и чиновников.

С конца XIX века в Бухарском эмирате в связи с усиленным проникновением торгового, финансового и промышленного капитала России в хлопкосеющих районах стали насаждать средневековые плантационные способы ведения хозяйства, организовывать хлопкообрабатывающие предприятия, в результате этого возросло применение наемного труда, усилилось миграционное и эмиграционное движение населения. Несмотря на эти измене-

¹ История Узбекской ССР. В 4-х т. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 96.

² Там же, с. 111.

³ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 8.

⁴ Около 90% населения в ханствах составляли крестьяне. (История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1936 г. М., 1968, с. 278).

ния, здесь в своей сущности сохранился старый социально-экономический уклад.

В то же время в начале XX века под старыми формами отношений и быта активно зрели процессы, свидетельствующие об обострении внутренних противоречий в обществе и о накоплении в нем элементов конфликтных ситуаций. С одной стороны, отсталость и глубоко укоренившаяся религиозность масс сдерживали пробуждение их политического сознания, а с другой – настрой социально-политической жизни в ханствах ставил народ перед необходимостью действия и борьбы за право выжить и быть свободным.

К социально-политическим трудностям, которые нарастали с каждым днем, прибавились осложнения межнациональных отношений в ханствах.

В Бухаре и Хиве проживало соответственно узбеков 50 и 65 %, туркменов – 10 и 27 %, казахов, киргизов, каракалпаков – 8 и 15%. В Бухаре почти одну треть населения составляли таджики.¹

Национальными меньшинствами считались татары, евреи, арабы, индейцы, афганцы, селившиеся в основном в городах. Волею эмирско-ханской власти периодически устраивались конфликты между различными этническими группами.

Поскольку национальности занимали различное положение в системе власти, политике, экономической и духовной жизни, межнациональная борьба в ряде случаев в пределах ханств и отдельных бекств приобретала окраску борьбы угнетенной национальности против господствующей. Феодалская и духовная знать из узбеков в том и другом ханстве сосредоточила в своих руках высшую власть, а также наилучшие и большие земельные массивы. Она проводила жесткую политику систематического ограничения других народностей и пыталась подавить в них национальное самосознание и стремление к самоуправлению.

Таджики занимали преимущественно Восточную Бухару – районы Дарваза, Каратегина, Курбан-тюбе и Вахана. Именно здесь наиболее сильно проявились экстремистские тенденции:

---

¹ Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 25–26; История Узбекской ССР. В 4-х т. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 109; История национально-государственного строительства в СССР. 1917–1936 гг. М., 1968, с. 278.

стремление к феодальной и территориальной обособленности, к номинальной зависимости от центра, желание добиться самоуправления. Бухарские правители не раз топили в крови выступления «ослушников», устанавливали в этих районах жестокий режим угнетения, в первую очередь для трудовых слоев общества. Эти меры лишь приглушали, а не устраняли борьбы мест против произвола и насилия «благородной Бухары». Как отмечает академик Б.Г. Гафуров, «правители областей, особенно в Восточной Бухаре, не знали никаких границ и пределов в грабеже местного населения и в издевательствах над ним».¹

Национальная рознь и вражда наложили свою печать на межфеодальные, межвладельческие распри и междоусобицы. Конфликты среди знати и внутри обществ, если происходили в районах соприкосновения ряда этнических групп, то приобретали оттенок межнациональной борьбы, а в смежных районах кочевников и земледельцев они нередко выливались в борьбу двух хозяйственных укладов.

Эти среднеазиатские ханства официально именовались протекторатами России и находились в сфере надзора туркестанского генерал-губернатора.

В столице эмирата – в Новой Бухаре – имелось Российское политическое агентство с определенными полномочиями сношения, наблюдения и тайного надзора за деятельностью эмира и других высших органов ханства. Эту функцию в Хиве выполнял Амударьинский отдел, расположенный в Ново-Александровске. При эмире и хане нередко находились русские военные советники. Так, по данным 1898 года, при бухарском дворе состояли полковник Генерального штаба Гескет и капитан Корф.² Они проводили и защищали стратегические, политические и экономические интересы царизма в этом уголке Средней Азии.

На территории Бухарского ханства было расквартировано много русских воинских частей (около 8 тыс. человек). Для того времени это была крупная вооруженная сила. Ее использовали не только для обеспечения защиты интересов царского правительства, но и для подавления крестьянских бунтов и восстаний.

---

¹ Гафуров Б.Г. История таджикского народа. В кратком изложении. Изд. 3. Т. 1. М., 1955, с. 440.

² Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее: ЦГВИА), ф. 400, оп. 261/911, д. 65, ч. II, л. 20.

направленных против эмира и его агентов. Перед лицом нарастающего возмущения масс внутренним режимом союз верхушки эмирата и царских чиновников все более укреплялся. Как бы ни было ущемлено самолюбие эмира фактом пребывания в ханстве русских войск и как бы ни требовало реакционное духовенство «освободиться от глаз и штыков русских солдат», эмир и его окружение понимали, что вывод русских войск не только не реален, но даже не выгоден, так как без поддержки царского правительства и присутствия его войск они не смогли бы удержаться у власти. Корнет А. Талалаев, живший три года в Бухаре и выполнявший специальное задание правительственных органов, в своей записке от 10 июня 1910 года отмечал, что эмирские порядки в ханстве поддерживаются «силой русских штыков: лишь только начинается где-нибудь народное брожение, вызванное исключительно чрезмерным обиранием жителей, сейчас же высылаются русские войска на помощь бухарским виновникам».¹

Армия самого эмира к концу XIX века состояла из 13 батальонов общей численностью 11400 человек. Основная ее масса (9 1/2 батальонов)² была расквартирована в столице ханства – Бухаре. По сообщению одного высокопоставленного эмирского чиновника, в армии было около 14 тыс. нукеров.³ Прежде эмир закупал вооружение в основном в Афганистане. С ростом русского влияния это право было ограничено – оружие стала поставлять главным образом Россия. Так, в 1884 году царское правительство подарило эмиру 1000 винтовок системы «Бердана», в 1886 – 1888 гг. выделило еще 1000 винтовок и 120 патронов на ружье.⁴ Такие поставки производились и в дальнейшем. В целом армия эмира, численно ограниченная, была плохо вооружена: она имела несколько десятков старых пушек английского, афганского и местного литья, небольшое количество устаревших винтовок разных систем, в том числе и русские, с ограниченными боеприпасами, сабли и шашки, которых не хватало для всех конников. Царское правительство следило и временами посылало в Бухару тайных агентов, чтобы быть в курсе состояния войск эмира и знать, как

---

¹ Центральный государственный военно-исторический архив СССР (далее: ЦГВИА), ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 40.

² Там же, оп. 261/911, д. 136, л. 26.

³ Там же, д. 48, л. 8.

⁴ Там же, д. 186, л. 5.

выполняются договорные условия. В то же время эта армия была вполне достаточна для поддержания существовавшей власти в обычное время, а в исключительных случаях при выступлении народных масс призывались русские части.

Политико-правовое положение ханств в системе сферы влияния Российской империи оценивается в литературе по-разному. Одни авторы считают их колониальными владениями России, другие – вассальными и зависимыми государствами, а третьи – внутренними провинциями России, отличными от них только формальной самостоятельностью и договорным положением.

Автор одного из первых интересных исследований о Бухаре О. Головацкий писал, что эмир располагал только «призрачной независимостью», вассальные отношения, в которых находилась Бухара по отношению к России, с самого начала были формальными. По его мнению, Бухара «представляла собой в полном смысле колонию российского банковского и торгового капиталов».¹ Но он признавал наличие в ней «остатков политической самостоятельности». Автор солидарен с С. Айни в определении, что Бухара «была вполне независимой лишь в притеснении народа и поддержании его невежества».² В некоторых работах говорится, что Бухарский эмират в политическом отношении находился «в полной зависимости от царской России», а в экономическом был «типично колониальной страной».³ Почти аналогичного взгляда придерживаются А. Богоутдинов и А. Вишневский. «Бухара представляла собой колонию, – пишут они. – Ее единственное отличие от колонии заключалось в сугубо формальной, чисто номинальной государственной самостоятельности».⁴ В качестве аргументации они приводят такие факты, как учреждение в Бухаре специального политического агентства России, введение и содержание русских воинских частей в ряде пограничных и внутренних городов эмирата, ограничение прав эмира поддерживать внешние сношения и высказывание генерал-губернатора Туркестана Кауфмана об эмире Бухары как «исправнейшем из своих уездных начальников». А.И. Ишанов, наоборот, считает,

---

¹ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 3.

² Там же, с. 4-5.

³ Казачковский В.А. От феодализма до победы социализма. Душанбе, 1966, с. 18.

⁴ Богоутдинов А., Вишневский А. Роль русского рабочего класса в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1967, с. 28.

что «эмир был действительно неограниченным повелителем, ему принадлежала высшая власть в государстве».¹

То, что Бухарский эмират и Хивинское ханство в начале XX века находились на положении колонии Российской империи, бесспорно. Они входили в активную сферу вывоза капитала из России. Объем и направление их экономического развития определялись в основном политикой царского правительства и интересами метрополии – обеспечить приращение вложенного капитала.

Несколько сложнее обстоит дело с характеристикой политической зависимости этих ханств от России. Нам представляется, что говорить об их «полной зависимости», о «чистой формальности» вассальных отношений односторонне, такое утверждение не отражает фактического положения вещей. Бухарский эмир в пределах своего ханства располагал почти неограниченной властью, по своему усмотрению он назначал и смещал высших местных должностных лиц, вводил и отменял законы, пользовался правом высшей судебной инстанции без какого-либо согласования с царским правительством. Он имел свою армию, свою казну и руководствовался своей налоговой системой. Вмешательства России в эти области жизни ханства, если и были, то в основном в форме советов, пожеланий или мнения по тому или иному вопросу. Что же касается того, что в Петербурге вынашивали планы присоединения Бухары к России и ликвидации эмирской власти, то они остались не осуществленными. Расположение русских воинских частей внутри ханства и на его границах – в Чарджоу, Катта-Кургане, Керках и Термезе, а также строительство железнодорожных линий на средства метрополии и прекращение чеканки бухарских монет с середины 90-х годов – сами по себе все не объясняют. Эти мероприятия отвечали не только военно-стратегическим и экономическим интересам царской России, но и интересам самого эмира, ханской верхушки, опиравшихся на Россию в условиях нарастания народного недовольства режимом.

В Высшем военном ведомстве и в Министерстве иностранных дел России господствовало мнение, что Бухарское ханство «самостоятельно, хотя находится под протекторатом России.

---

¹ Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 57.

Россия также не вмешивается во внутреннее его правление».¹ Об этом писали многие современники. Проработавший более 10 лет в Бухаре русский офицер и исследователь Д. Логофет в 1911 году писал, что «ныне царствующий эмир Сейд-Ахад-Богодурхан управляет своей страной вполне самостоятельно».² Правда, начиная с 1908 г. в официальных кругах весьма оживленно обсуждается вопрос о том, как перейти от «полного невмешательства во внутренние дела Бухарского ханства»,³ к управлению им.

В Хивинском ханстве влияние России было более значительным. Русские пользовались здесь почти полной свободой торговли, правом свободного плавания по Амударье. Внешнее сношение и таможня находились в руках царских чиновников. Хан и его правительственные органы работали в контакте и под контролем уполномоченного представителя России.

Бухарское и Хивинское ханства могут быть определены как феодальные монархии – вассальные колонии царской России, сохранившие основные формы государственности, но ограниченные в полномочиях и зависимые во внешней политике от царского правительства.

---

¹ Логофет Д. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909, с. 3-4.

² Логофет Д. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911, с. 231.

³ Логофет Д. Страна бесправия. с. 7.

2. Засилье мусульманского духовенства

В Бухарском и Хивинском ханствах, особенно в первом, мусульманское духовенство было всесильно, как ни в одном другом районе Средней Азии и Казахстана.

Исламская религия завладела политикой, проникла в центральную и местную власть и превратила ее, по существу, во власть клерикалов. Господствующая феодальная знать в значительной степени слилась с мусульманским духовенством и была не в состоянии претендовать на самостоятельную роль. Можно сказать, что феодальная знать была зависима от духовенства, причем она гордилась этим. «Духовенство – всесильно, с могучим влиянием поддерживало феодальное общество», – писал один из авторов, хорошо знакомый с внутренней жизнью этих среднеазиатских ханств.¹

Бухарский эмир и хивинский хан олицетворяли не столько светскую, гражданскую власть, сколько власть главы мусульманского духовенства. Им принадлежала высшая духовная власть в ханствах. Они производили действия не иначе, как от имени Аллаха: будь это указы и распоряжения, обращения к населению и решения суда и т. п. Основными государственными функциями, кроме хозяйственной, считались надзор за исполнением шариата, совершение суда и расправы строго по шариату, обложение налогами подданных по шариату, распространение образования по шариату, поддержание связи с мировыми центрами ислама и т. д.

Город Бухара был одним из признанных центров исламского вероучения на Востоке. В его духовных учебных заведениях насчитывалось 15 – 20 тыс. учащихся при населении около 80 тыс. человек.² Бухарский эмир утвердил себя в сане халифа Средней Азии. Иначе говоря, он претендовал на роль религиозного вождя на территории, далеко выходящей за пределы ханства.

Одним из главных должностных лиц при эмире был казикалям, назначаемый эмиром, по сути дела, на пожизненный срок. Он был вторым высшим духовным лицом в ханстве после эмира и, по характеристике дореволюционных авторов, всегда отличался «страшным» фанатизмом и нетерпимостью ко всему

¹ Скалов Г. Хивинская революция 1920г. – «Новый Восток», 1923, № 3, с. 243.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 136, л. 110.

русскому».¹ Кази-калям ведал через состоявшего при нем главного ранса и полицейской силой, а также налоговой политикой. В каждом бекстве наряду с управлением хакима существовала канцелярия духовного правителя и судьбы, которая следила за исполнением шариата во всех сферах жизни общества и отвечала за полицейскую службу.

Духовные должностные лица в бекствах были изъяты из-под контроля светских начальников, считались ответственными только перед органами власти кази-каляма.

Советы и суждения, рекомендации и предложения кази-каляма ценились в эмирском дворе весьма высоко. Все подводилось под авторитет богословов – это был один из излюбленных методов управления и давления на сознание темных и задавленных народных масс. Как писал крупнейший таджикский поэт А. До-ниш, живший и умерший в Бухаре, эмир «считал противоречащим шариату все то, что не было в его пользу».²

В Бухаре и Хиве расплодилось настолько много мусульман-духовников, что они могли контролировать каждый кишлак, каждый квартал и каждую семью. По скромным подсчетам, в Бухарском ханстве было не менее 40 тыс. служителей культа, т. е. на 50 человек, или на 7 – 8 семей, приходился один мулла с официальным титулом.³ Но если иметь в виду, что духовенство в основном сосредоточилось среди узбекского и отчасти таджикского населения ханства и что его было мало среди казахов, киргизов, туркмен и других народностей, которые вместе составляли не менее 15 процентов всего населения, то фактически основные оседлые районы Бухары были насыщены муллами намного больше. В Зеравшанской области, ведущей в ханстве, на 10 человек приходилось по одному деятелю ислама.⁴ Хива в этом отношении не могла соперничать с Бухарой, но она довольно-таки активно и успешно ей подражала. В Хивинском ханстве в районах земледельческой культуры влияние мусульманского духовенства и его учреждений на население было огромным.

¹ Логофет Д. Страна бесправия, с. 30.

² Цитируется по книге: Муллаев М. Происхождение и реакционная сущность шариата. Душанбе, 1967, с. 121.

³ См.: Дервиш. Бухарская Советская Народная Республика. «Жизнь национальностей», 1923, кн. 1, с. 196.

⁴ Вабаджанова М. Борьба за ликвидацию неграмотности в кишлаках Узбекисстана. – «Труды Ташкентского гос. ун-та», 1960, вып. 169, с. 89-90.

Мусульманское духовенство имело слаженную, разветвленную организацию и строгое внутреннее координированное управление. Духовные учреждения и организации частично слились с государственными органами и выполняли общегосударственную функцию в стране, частично являлись специальными сословными учреждениями, в конечном счете также выступавшими в интересах, общих для ханской власти, господствующего режима и духовенства. По некоторым данным, в одной только Бухаре в конце XIX в. было 365 мечетей и 103 медресе,¹ а в пределах эмирата насчитывалось около 700 мечетей и медресе.² В Хиве действовало около 100 духовных учебных заведений, в том числе 25-30 медресе.³

С помощью этих организаций и учреждений духовенство охватило сферой своего активного влияния почти все стороны жизни общества. Эта организованная сила выглядела мощным дьяволом среди неорганизованной и темной массы населения. «Бухарское ханство, – говорится в одной из записок современника, составленной в 1894 году, – с его многочисленным, богатым и сплоченным духовенством, огромным количеством медресе и монастырей дервишей представляет собой очаг религиозного фанатизма».⁴

Своей организацией особенно гордилось бухарское духовенство и считало ее наиболее совершенной на всем среднеазиатском Востоке. В Бухару стекались со всех концов Средней Азии и Казахстана лица, желавшие получить духовное образование, а также периферийные служители культа, чтобы поучиться у духовных авторитетов, т. е. самых законченных схоластов, чтобы приобрести бумагу о прохождении выучки и школы в Бухаре. Это импонировало самолюбию и самовозвышению бухарского мусульманского духовенства.

Вместе с тем мусульманское духовенство было в ханствах и экономически господствующей прослойкой. Мечети и медресе и другие религиозные учреждения и общества владели лучшими землями в большом количестве. Так, в начале XX века в

---

¹ Климович Л. Ислам в царской России. М., 1936, с. 100.

² Алиев А. Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары. Ташкент, 1958, с. 7.

³ «Иштракнион» («Коммунист»), 1919, 19 июля.

⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 136, л. 110.

Хивинском ханстве 40 процентов всех орошаемых земель были вакуфными.¹ В районах компактного расселения узбеков угодья, принадлежавшие духовным учреждениям, составляли не менее половины, а в отдельных местностях – до 90 процентов всей обрабатываемой площади.² Об объеме земельных владений мечетей, медресе и других духовных учреждений можно судить из таких примеров: медресе Кутлуг-Мурад-Инак распоряжалось 24 634 танапами земли (один танап равен 900 кв. саженьям), другое медресе Ислам-ходжа – 14 451 танапом угодий и т. д.

Отдельные группы мусульманского духовенства в подворном, посемейном владении и имели большие массивы земель, приобретенные за службу, дарованные за сан и услуги, а также купленные или перешедшие по наследству. В Хивинском ханстве в конце XIX века насчитывалось 4 тыс. семейств сеидов.

Область образования была монополей бухарского и хивинского духовенства. Мектебы и медресе – религиозные школы – и другие духовно-нравоучительные заведения густой сетью облепили страну. Кроме религиозного, иного образования и не мыслилось. С 6-7 лет в головы детей вбивали в течение многих лет непонятные и отвлеченные догмы ислама. Главным в учении считалось постижение идеи и наставлений мусульманского пророка Магомета, его сподвижников, знание Корана и норм шариата. Все это сопровождалось различными посвящениями учащихся в «тайны» религии, наводившие на них трепет и страх перед «волей» всевышнего, палочной дисциплиной, суровостью ишанов и муддарисов. Годы уходили на то, чтобы только выучиться читать и писать. Еще больше времени требовалось для усвоения толкований богословов различных школ и направлений. Все это предопределяло облик и характер тех, кто, пройдя через длинный, однообразный, нудный и тяжелый путь учебы, выходил «в люди», преждевременно иссохший в результате сидения годами в полусырых, полумрачных и тес-

¹ История Узбекской ССР. Изд. 2. Т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, с. 151.

² Абдуллаев М. Победа народной советской революции в Хивинском ханстве. – В кн.: Из истории Советского Узбекистана. Ташкент, 1956, с. 29. Владея обширными угодьями, духовенство являлось крупным земельным собственником. В этом отношении оно превосходило светских феодалов (исключая эмира и хана). Духовенство располагало собственной экономической базой, вполне обеспечивающей кастовую обособленность и позволяющей вести в обществе наступательную политику.

ных кельях за постижением бесконечно длинных изречений и догм ислама.

Методы и программы обучения в этих учебных заведениях были заимствованы у старомодных духовных школ раннего средневекового Востока, отражавших победоносное шествие ислама. Потусторонность и схоластика, отрыв от мира и его событий, рассмотрение происходящего только через учения религии и попытка втиснуть все в ее тесные рамки, привитие навыка видеть и утверждать всегда и везде только правила и догмы ислама – вот характерное и главное мусульманской системы образования, принятой в Бухарском и Хивинском ханствах.

В Бухарском и Хивинском ханствах важнейшие области общественно-политической жизни, семейных отношений, морали и этики в основном регулировались нормами ислама. Население было обязано жить, мыслить и вести себя в соответствии с требованиями и нормами мусульманского учения. Некоторое исключение из этого составляли районы расселения киргизов, туркмен, каракалпаков и горных таджиков.

В ханствах ислам претендовал на роль сплачивающей национальной силы, оставаясь в то же время палачом народа. Таковую противоречивую миссию он выполнял, опираясь на свое влияние в массах, используя отдаленность этих регионов от центров цивилизации, ограниченность кругозора, понятий и забитость местного населения.

К началу XX века ислам успел глубоко проникнуть в жизнь и быт народов Средней Азии и в той или иной степени овладеть умами масс. Одновременно усилились противоречивые тенденции в отношении народных масс к религии и к той роли, какую играло мусульманское духовенство в жизни общества.

Там, где ислам достиг расцвета и опутал догмами народные массы, он больше чем где-либо обнажил свою антигуманистическую и антинародную сущность. Добившись относительного апогея власти, духовенство тем ожесточеннее удерживало свои привилегии, тем злее и беспощаднее становилось к тем, кто мог стать на его пути, а тем более к тем, кто был явным или потенциальным противником.

Несмотря на это, тенденции к «смягчению» отдельных сторон религии, к выходу из-под ее влияния начинают медленно, но упорно пробивать себе дорогу, причем более решительно

там, где ислам, казалось, был могучей силой. Наоборот, там, где ислам был слаб и не пустил еще глубоких корней, наблюдается расширение и углубление его влияния. Заполнив и перенасытив вакуум в одном районе Средней Азии и Казахстана, он устремился в относительно свободные зоны, каковыми, например, были многие области расселения казахов, киргизов, туркмен и каракалпаков. В этих районах возникали антиисламские течения, которые, однако, не имели особого общественно-политического резонанса, поскольку проблема религии в этих областях не была столь острой и злободневной, как в местах ее господства.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX века мусульманское духовенство пережило немало тревог по поводу сохранения своих позиций. Усиление проникновения в ханства российского капитала, в первую очередь в сферу производства хлопка и его первичной переработки, складывающиеся буржуазные отношения в районах приложения капитала, изменение хозяйственного уклада части населения и, наконец, социально-политические и идейные перемены, происходившие в соседних и других странах, – все это воздействовало на поведение и мироощущения членов общества, не внося существенных изменений в систему старых общественных связей.

Мусульманское духовенство оставалось глухим к изменениям. Оно ничего не предприняло, чтобы перестроить свою организационную структуру и деятельность в соответствии с новыми требованиями и условиями времени. Если оно и проявляло интерес к происходящим событиям как внутри ханств, так и у соседей, то лишь с единственной целью, чтобы предотвратить их возможное «пагубное» влияние на население и подтвердить священность и неизменность своих позиций и интересов.

В связи с демократическими преобразованиями в ряде стран Востока, с которыми ханства в той или иной степени поддерживали отношения, а главным образом вследствие революционных потрясений в России, которые отозвались эхом в сознании и отразились в настроениях определенных слоев общества, мусульманское духовенство в союзе с эмиром и ханом и другими единомышленниками образует единый фронт, священный союз для борьбы с еретиками, инакомыслящими, возмутителями, т. е. со всеми теми, кто в той или иной степени поддавался влиянию нового. Эти силы являли собой махровую реакцию, опирающуюся

на старое, на консервативное и на все отжившее. В начале XX века на историческую арену выдвигались группы, отличавшиеся от прежней стихийной оппозиции началами организации и выработанными платформами.

Духовенство во все времена имело противников. Оно добилось господствующего положения, поборов носителей другой идеологии. Например, ислам вытеснил язычество, нормы шариата – нормы обычного права. Он и после того, как стал государственной религией и господствующей идеологией в Бухарском и Хивинском ханствах, не был гарантирован от противодействия. Одни не верили учению религии, другие были недовольны деятельностью отдельных служителей культа, третьи призывали к неподчинению местным муллам, добивались их смещения и т. д. Все это происходило стихийно, как реакция на те стороны деятельности духовенства, которые задевали жизненные интересы индивидуумов, семей и групп.

Для начала XX века характерно зарождение идейных течений, направленных не столько против отдельных представителей или каких-либо разовых актов мусульманского духовенства, сколько против отдельных сторон, устоев ислама и монопольного положения мусульманского духовенства в некоторых областях общественно-политической жизни. В целом они не выходили за рамки религии. В этих течениях отразились принципы критического разума и свободомыслия, правда, еще весьма робко. Но само по себе подобное в условиях Бухары и Хивы было крупным явлением.

Нельзя не отметить, что любое выступление с попыткой что-либо изменить в системе установившихся религиозных воззрений, тем более любой шаг, направленный на пересмотр отдельных институтов ислама, были рискованными и опасными. Мусульманское духовенство имело разветвленную сеть учреждений, оно сумело организовать слежку и шпионаж в масштабе страны. Слепая вера масс в религию, переходящая порой в мрачный фанатизм, была не менее опасной силой.

То, что в начале нашего века духовенство Бухары и Хивы выступило инициатором инквизиционных методов управления и расправы с противниками режима и активно культивировало методы их физического уничтожения, говорило о многом – о растущей оппозиции к политике и карающей деятельности духовенства.

Одним из излюбленных приемов духовенства и эмирской верхушки, к которому они прибегали для разъединения сил возмущенных масс и отвода ударов от себя, была организация резни между различными религиозными сектами, в частности между сунитами и шиитами внутри ислама. Только во время одной такой резни в январе 1910 года в городе Бухаре погибло около 50 шиитов, не считая потерь сунитов.¹ Санктпетербургское телеграфное агенство из Бухары передавало: «12 января толпа снова приступила к резне... энергичных мер со стороны бухарского правительства нет».² Надворный советник Калмыков из Бухары сообщал: «Бухарские власти бездействуют: эмир не принимает участия в событиях, принимающих критический оборот».³

Другим распространенным методом борьбы духовенства с оппозиционными группами было натравливание на них слепо верующих фанатиков и организация физической расправы над ними.

Словом, исламское духовенство в Бухарском и Хивинском ханствах, особенно в первом, продолжало оставаться грозной реальной силой на пути прогресса любой формы, тем более идейно-политического. Его засилие в общественной жизни ханства было всеохватывающим.

---

¹ АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 295, л. 21.

² Там же.

³ Там же, л. 43.

3. Эмирско-ханская деспотия

Основной административной единицей в ханствах было бекство (вилайет), которых насчитывалось около 50. В свою очередь, каждое бекство делилось на туманы (наибы – в Хиве) – уезды. Важные должностные лица в них, в том числе хакимы в вилайетах, амлякдары в туманах, назначались и смещались по усмотрению центральной власти. В бекстве, как и в ханстве, особое внимание уделялось религиозной идеологии и ее учреждениям. При правителях бекств главными должностными лицами являлись казий, ведающий судами, основанными на шариате, раис – надзиратель за исполнением населением предписаний и правил религии и шариата, муфтий – знаток религиозных законов, толкователь норм шариата, и др. Само перечисление основных и должностных лиц, осуществлявших внутреннюю политику в бекствах, указывает на клерикальное и однобоко религиозное управление в них.

Набожность системы управления не играла никакой сдерживающей роли в хаосе жестокости и угнетения, не смягчала нравы и умозрения властвующей прослойки общества. Наоборот, она использовалась для углубления произвола, развития безудержной анархии, подавления и угнетения народных масс.

В литературе выражение «деспотия» прочно закрепилось за Бухарским и Хивинским ханствами. В исследованиях 20-30-х годов Бухарский эмират рассматривался как «деспотическое (абсолютистское) государство».¹ Данная формулировка была принята и в «Истории Узбекской ССР», в которой это ханство охарактеризовано как «феодально-деспотическое государство».² Хивинское ханство в работах последних лет названо «типичным азиатским феодальным деспотизмом».³ В специальных трудах политические системы в этих ханствах определены как «деспотические режимы». Однако во всех работах уделено мало внимания раскрытию черт и особенностей деспотии в этих странах.

Понятия «деспотическая власть», «феодальная деспотия» относятся главным образом к политическому режиму и политическим порядкам в стране.

¹ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 12-13.

² История Узбекской ССР. В 4-х т. Т. 2. Ташкент, 1968, с. 91.

³ Непесов Т., Абдуллаев М. и др. Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971, с. 13.

Деспотические режимы больше всего присущи раннефеодальным монархиям Востока, хотя в принципе они возможны и в условиях рабовладельческой тирании и абсолютизма позднего времени.

В Бухарском и Хивинском ханствах в структуре публичной власти важнейшими были три ведомства — финансовое, военно-полицейское и общественных работ (проведение ирригации, периодически массовая чистка каналов, распределение водных ресурсов и др.). Этими основными отраслями деятельности руководил монарх. Один из дореволюционных исследователей, хорошо знавший Бухару и лично самого эмира, указывает, что «среди мусульманских бухарских законовевдов распространено толкование, что эмиру по отношению всех его подданных присвоено по шариату право жизни и смерти, а равно и право на имущество всего населения».¹ Это право толковалось официальной идеологией настолько широко, что утвердилось мнение: «Как пастух может зарезать во всякое время любую овцу из своего стада, так и эмир имеет законное право пресечь жизнь любого из населения».² Эта характеристика передает суть деспотической власти феодального монарха.

По словам Ф. Ходжаева, Бухарское ханство на фоне даже остальных стран того времени представляло собой «странный и уродливый анахронизм».

Методам управления страной было свойственно тотальное насилие. Вот некоторые штрихи управления, сообщаемые близкими ко двору людьми. Поданные эмиру «жалобы на притеснения повлекли за собою лишь гонения на самих жалобщиков»;³ «в силу существующего в Бухаре обычая никто из высших сановников не имеет права докладывать о таких делах (о произволе местных правителей. — С.З.) эмиру, и того, кто осмелился бы нарушить этот обычай, неизбежно постигла бы опала, а может быть, и строгая кара»; «эмир управляет единовластно, все зависит от личного взгляда и настроения эмира. Глава государства руководит всеми по своему личному усмотрению и не только не имеет [при себе]

---

¹ Логофет Д. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. I. СПб., 1911, с. 232.

² Логофет Д. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909, с. 29.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, л. 48, л. 3.

даже подобия совета [дивана], который встречается в других мусульманских странах, но даже не терпит того, чтобы лица, близко к нему стоящие и, по-видимому, пользующиеся его расположением и доверием, высказывали ему свое мнение по делам, выходящим из их непосредственного круга действий»; эмир «не любит вникать в нужды населения, особенно если это может вовлечь его в расходы»;¹ «эмир все знает, но остается равнодушным к нуждам населения. Все его помыслы направлены лишь к тому, чтобы обогатить свою казну и скопить себе деньги. Вместе с тем эмир чрезвычайно недоверчив и мелочно подозрителен», неугодным ему чиновникам «подносились отравы в пище или их убивали иными способами».²

Таков был облик и политика хана (эмира) и его окружения. С них брали пример государственные чиновники в центре и на местах. В результате в ханствах образовался мощный аппарат насилия и произвола, который держал под страхом простой народ.

Эмир и его правительство во внутренних делах ханства не знали никаких ограничений, правили страной и творили политику, как прежде, по своему усмотрению, без какого-либо значительного вмешательства царского правительства, его чиновников и вооруженных сил, расквартированных в Бухаре. Это было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, эмиральская власть не ущемляла экономических и политических интересов России. В донесении Главному штабу Военного министерства от 14 марта 1898 г. туркестанский генерал-губернатор отмечал «полную и постоянную готовность эмира исполнить все требования... по всем вопросам».³ Для правительства и русской буржуазии гораздо выгоднее было оставаться в тени во внутренних делах и не нести никакой ответственности за недостатки и пороки управления. Этого не скрывали ответственные царские чиновники. Один из них указывал, что признаны «весьма значительными экономические выгоды для России в сохранении существующей независимости Бухары по внутреннему своему управлению. И в силу такого положения правительство обязано заботиться о поддержании необходимого авторитета эмира».⁴ Во-вторых, имели также значение стремление эмира, его правительства и всего духовенства

---

¹ Там же, л. 8.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 48, лл. 8-4.

³ Там же, д. 65, ч. 1, л. 3.

⁴ Там же, д. 7, л. 36.

сохранить внутреннюю независимость, а также международная обстановка, неблагоприятная для прямого подчинения, захвата и присоединения ханства к империи.

В Хивинском ханстве управление было несколько отличным. Однако и здесь деспотическая власть хана считалась основой государственной функции. С 1865 по 1910 г. Хивой правил хан Сеид-Мухамед-Рахим, о котором писали, что он «проводил много времени с муллами... в молодости хан от личался любознательностью, но в последнее время ненавидел новшества».¹ После его смерти главой ханства стал его сын Сеид-Асфендияр, который, по характеристике хорошо знавших его людей, был «человек болезненный, нервный, малообразованный».² Хан в отличие от эмира не имел регулярной армии, при нем находились небольшие отряды нукеров, сформированные в основном из людей, преданных ему родов и общин. При необходимости хан мог призвать до 20 тыс. ополченцев.

В правительстве хивинского хана после него первым лицом был нагиба – духовный глава страны, затем шли аталыки и махзер – советники, ведавшие внутренними делами ханства.

Вопросы внутреннего управления хан решал самостоятельно. Он узаконил непомерные налоги на крестьян и санкционировал освобождение от них должностных лиц. В стране действовал ряд старых обычаев, в том числе обычай заковывать в ошейники не только преступников, но и любое задержанное подозрительное лицо.³

В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве власть и управление страной были организованы по типу восточной деспотии в ее худшей форме. Царское правительство, учитывая ряд обстоятельств, оставило старую систему политической организации общества нетронутой.

Служилое сословие в ханствах было многочисленным, оно славилось злоупотреблениями и развратом. Не было предела ханжеству и грубости, вымогательству и наглости этих эмирских и бекских чиновников, наживавших, как правило, огромные состояния на бедствиях и лишениях народных масс. Суровый и деспотический нрав считался достоинством служителей власти.

¹ Там же, оп. 262/912, д. 62, л. 51.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 62, лл. 51.

³ Там же, л. 78.

Весьма меткую и обличительную характеристику политической системы в ханстве дал Ахмед Дониш, крупный общественный деятель и мыслитель Бухары второй половины XIX века. Он писал: «Эмир и вазир, отцы духовные и сановники – все они одна шайка, и рука руку моет. Ты, читатель, спрашиваешь, каков же сам эмир – повелитель правоверных, каков же сам султан? Посмотри, и ты увидишь: развратник и тиран, а верховный казий (судья) – обжора и ханжа; таковы и бессовестный раис (блюститель нравственности) и начальник полиции – вечно пьяный картежник, атаман всех воров и разбойников с большой дороги».¹

По некоторым сведениям, только в одном Бухарском ханстве было около 50 тыс. эмирских и бекских чиновников, не считая их многочисленных сарбазов.² Почти все они не получали от государства жалованья и кормились за счет народа. Будучи бесконтрольными и не опасаясь ответственности за свои действия, чиновники в бекствах облагали трудовое население различными налогами и производили различные поборы, как правило, выше норм и формально допустимых пределов, нередко превращая их в тотальную экзекуцию.

«Мы, сельские жители, – писали земледельцы Бухары в Политическое агентство в одном заявлении, – испытываем много зла и притеснений от амлякдаров, назначенных эмиром. Когда мы докладываем об этом эмиру в надежде на избавление, мы попадаем в новую беду». В 1910 году туркестанский генерал-губернатор в докладных записках отмечал, что в Бухарском ханстве «население всецело предоставлено произволу алчной администрации»; «подати в казну эмира и поборы его чиновников год от году непомерно увеличиваются: эмир окончательно устранился от своего народа».³

Царская администрация в Бухаре все это видела, но заботилась лишь об экономических и политических интересах русской буржуазии в ханстве и стремилась обеспечить взаимопонимание с эмиром и его правительством. Один из русских офицеров, служивших в ханстве, писал, что царская дипломатия в Бухаре была «покровительницей дикого произвола, полного бесправия, поставивших трехмиллионное население в степень несравненно худшую, чем положение крепостной зависимости».

¹ См.: История Узбекской ССР. Изд. 2. Т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956, с. 136.

² Там же, с. 315.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 2.

Эмир, в свою очередь, ценил эти качества ответственных чиновников политического агентства и щедро одаривал их. Что касается внутреннего положения эмирата, то это считалось областью, куда не может и не должна вмешиваться царская администрация. Однако обострение отношений между крестьянами и эмирскими чиновниками, которое ставило под угрозу существование самого господствующего строя, не могло оставить безразличными царских чиновников. Они пытались своими советами и рекомендациями склонить эмира и высокопоставленных вельмож к принятию срочных мер по ограничению крайностей жестокого гнета и произвола чиновников на местах.

На одной из встреч с эмиром Сеид-Абдул-Ахадом, состоявшейся в середине 1890 года, политический агент сообщил ему о жалобах крестьян на злоупотребления амлякдаров в бекствах, посоветовал их расследовать и выработать правила, которые бы сдерживали алчные аппетиты местных эмирских чиновников. На это эмир ответил: «Злоупотребления всегда существовали в Бухарском ханстве, но во всяком случае при мне их меньше, чем при моем отце... У нас есть шариат и помимо его я не вправе создавать никаких законов и правил».¹

Хивинский хан был менее могуществен и не столь заносчив, как бухарский эмир. Это объяснялось не только тем, что Бухара была более крупной страной и располагала более значительной экономической и военной силой, чем Хива, но и тем, что бухарский эмир имел сильную опору – мусульманское духовенство, многочисленное, организованное и одинаково консервативное в своих рядах. Хивинский хан подражал бухарскому эмиру, тянулся за ним, но равняться с ним во всем не мог.

Произвол чиновников в Хивинском ханстве проявился, пожалуй, с не меньшей силой, чем в Бухарском. Одна из газет в начале XX века писала: «В Хиве деспотизм местного властелина и его прислуг заставляет бледнеть перед собой произвол, царствующий в Бухаре... Здесь нет ни правовых норм, ни здоровой логики; произвол, взяточничество, разврат и интриги господствуют в колоссальных размерах; казни, телесные наказания, конфискация имущества процветают вширь и вглубь; невежеству и фанатизму не видно конца».

¹ АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, л. 538, лл. 147-148.

Различные слои населения, особенно трудовые, ненавидели эмира (хана) за тиранство и жажду к богатству, за распущенность и безразличие к интересам и нуждам народа. Его считали варваром и безнравственной личностью, попирающей нормы шариата. Его терпели потому, что боялись, боялись его жестокого нрава, его власти и агентов, боялись русского правительства и его войск, стоявших за эмира. В одной из групповых жалоб жителей Бухары, направленной в 1892 году в Петербург, сказано, что «натура эмира проникнута расположением к насилию и варварству... обычай и действия его не похожи на человеческие деяния: он не держится религиозно-нравственных основ и совершает много проступков против религии... Случается, выводят кого-либо внезапно и казнят, и никто не смеет сказать слова».¹

Периодические выезды эмира на места по бекствам являлись настоящим опустошением для дехкан. По традиции предков, эмира при его разъездах сопровождало официально четыре батальона войск – личная гвардия. Фактически к ним открыто и тайком присоединялось еще много других воинов с целью нажиться и «лучше провести время» под видом вооруженной свиты и охраны эмира. В результате эскорт эмира вырастал до нескольких тысяч человек. Глава государства, любивший подчеркивать свою силу и мощь, не препятствовал увеличению свиты, ему это даже импонировало. Зная тщеславный характер эмира, его вельможи и приближенные всячески старались обставить его разъезды более помпезно.

Эта армия эмирской толпы кормилась за счет населения тех районов, по территории которых она проходила. Для ее содержания были установлены особые налоги и приношения, именуемые «подножными подарками» эмиру. Беки и амлякдары – наместники центральной власти на местах – особо усердствовали, чтобы не вызвать гнева эмира. Они выказывали большое служебное рвение, поскольку под видом удовлетворения нужд эмирской свиты сами изрядно наживались. Кроме того, военные и гражданские лица, сопровождавшие эмира, никогда не отличались дисциплиной и благопристойностью. Они бесчинствовали по всей дороге, отбирали у населения вещи и продукты, устраивали оргии и насилия. В это время эмир и его высшие чиновники утопали в роскоши и веселье, были заняты своими гаремами. Они не обращали внимания на бесчинства своей свиты.

¹ АВРР. ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, л. 540, л. 124.

Любое сопротивление населения расценивалось как противодействие властям и неуважение к персоне эмира. Народ жил под страхом. Он не мог жаловаться, ему было запрещено возмущаться поступками эмирских людей, он должен был все это молчаливо терпеть, чтобы не стать объектом гнева деспота. Население часто писало анонимные жалобы в Политическое агентство России, полагая, что только оно может помочь. В одной из таких жалоб, датированной 1891 годом, указывалось, что сановники и войска, находившиеся при эмире, творят на местах бесчинства. «Люди (5-6 тыс. человек) с эмиром приходят без жен, и потому женщин и детей наших провинций совращают с надлежащего пути и, насилуя, бесчестят. Кроме того, сам эмир, посылая своих людей, насильно захватывает наших дочерей».¹ Эмирские агенты старались перешеголять друг друга в удовлетворении вкусов эмира в женщинах и таким способом заслужить от него похвалу, получить новый чин и другие выгоды. Увод девушек в гарем эмира они считали «благоденствием». Эмирские агенты «...отбирают у нас жен, дочерей и близких, – писала группа сельских жителей одного из бекств, – и делают с ними дела, недозволенные шариатом, которые не допускаются ни в одной стране».² Этот дикий нрав эмира был известен всем, в том числе царским чиновникам в Бухаре, а также соответствующим правительственным органам в центре. Политическое агентство в Бухаре в специальной записке об эмирате, составленной в 1895 году для Министерства иностранных дел, отрицательно охарактеризовало поведение эмира, подчеркнув, что «для своих прихотей эмир отнимал у своих подданных жен, дочерей и даже сыновей».³

«Мрачным царством» называли режимы, господствовавшие в Бухарском и Хивинском ханствах. Для правителей этих владений «народ» и «народные интересы» как проблемы не существовали. Жестокость и расправа были ведущими принципами организации и функции власти. Обезглавить своего противника, используя любой повод, организовать кровавую бойню, публичную порку или казнь на площади города считалось для деспотов таким же обычным делом, как содержание гаремов. Не случайно Бухара по форме власти и правления в одном из самых ранних советских

¹ Там же, д. 539, л. 191.

² АВГР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 538, л. 76.

³ Там же, д. 298, л. 49.

изданий названа «варварским религиозно-деспотическим государством».¹

Издание фирманов (указов), в которых узаконивались все новые формы насилия над трудовой массой, также считалось необходимым актом власти. В них никогда не говорилось о политических и демократических правах человека, тем более об ограждении прав и интересов народных масс. Попрание достоинства личности и атмосфера коленопреклонения и рабства были высшими принципами и задачами власти и управления в ханствах.

Управление было крайне бюрократизировано. Оно не знало не только представительства низов, но и представительных институтов вообще. В ханствах не пользовались почетом даже средневековые земские учреждения, не говоря о буржуазно-демократических формах управления. Местнические сословно-династические интересы, предрасположение и антипатия влиятельных вельмож были принципом формирования власти и управления как в центре, так и на местах, основой субординации и деятельности звеньев государственного аппарата. Говорить и упоминать о выборности и собраниях горожан, о занятии должностей и публичности ведения государственных дел было запрещено, требовать их считалось политическим преступлением.

Крупный знаток, исследователь истории Бухары А.А. Семенов, характеризуя политику последних государей и высшего духовенства Бухары, писал: «Все они превыше всего ставили себя и свою «священную Бухару», святости и могуществу которой, по их мнению, не было и нет равных в мире. В своем безмерном самомнении они считали, что «если во всем мире свет падает на землю сверху, то в Бухаре он исходит из ее земли» (в силу множества похороненных в ней «святых мужей» и ее величия). Несчастливая страна, ввергнутая в пучину тупоумия, невежества, корыстолюбия и разврата своих государей и феодальной знати, представляла весьма своеобразный, замкнутый в себе мир, куда не проникало никакое чуждое ему веяние, изолированный почти совершенно от всего остального «неверного» и «правоверного» мира».

Ни в одном другом регионе Средней Азии и Казахстана не было столь продуманной и узаконенной системы обложения населения, как в этих ханствах. Благодаря ей изымалось, согласно официальным данным, до 40% дохода трудового народа.

¹ Суздальцев А. Туркестан и сопредельные страны. Самара, 1919, с. 110.

Система налогов включала: от 1/5 до 2/5 части урожая; зякат – одна голова скота из 40 для мусульман и одна из 20 для немусульман; аминана – базарный сбор при продаже скота и товаров, джизья – подушная подать трех видов и др.¹ Однажды главный бухарский зякетчи Аста-Накуль-парваначи признался, что «амлякдары некоторых бухарских тюменей, чтобы угодить эмиру, стали взимать чрезмерные подати с населения, которое постепенно доводится до полного разорения».²

В Хиве существовало около 25 видов официальных обложений населения. Разумеется, в условиях господства произвола и принципа кормления в системе управления было много других видов обложений, введенных по инициативе беков, знатью на местах. По некоторым данным, в Хиве было почти в три раза больше фактических налогов, чем узаконенных.

«Всесилие» монархов в Бухаре и Хиве, деспотические политические режимы в них базировались на следующих факторах: а) на огромном влиянии на население идей ислама и почти непререкаемом авторитете мусульманского духовенства; б) на поддержке царского правительства ханской власти; в) на розни внутри народа – межнациональной, религиозной (между сунитами и шиитами), разноукладной (между кочевниками и земледельцами), группово-местнической и др.; г) на отсталости и темноте масс; д) на окраинном и колониальном положении страны. Все это было теми устоями, на которых до поры до времени держалась государственная власть в Бухаре и Хиве.

Бухарское ханство отличалось и большим количеством тюрем-зинданов, куда бросали всех тех, кто выражал недовольство и протест против действий и произвола администрации. Для более опасных бунтарей и оппозиционеров в Бухаре существовал специальный «минарет смерти» в виде башни, с которой сбрасывали виновного. «Бухарское ханство «славилось» на весь мир не только своими налогами, – указывают исследователи, – но и жуткими тюрьмами, представлявшими из себя отвратительно грязные, вырытые прямо в земле ямы... Люди заживо гнили в этих ямах, пожираемые кишашими в них паразитами».³ Жестокость, с которой

¹ АВПР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 298, лл. 56-57.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 48, л. 7.

³ Гафуров Б., Прохоров Н. Падение Бухарского эмирата. Сталинабад, 1940. с. 16.

обращались власти с обвиняемыми, не знала предела. «В базарные дни в городах производятся наказания палками преступников и в эти же дни на площадях казнят приговоренных к смерти, – свидетельствует один очевидец. – Осужденному перед повешением обязательно ножом перерезают горло, а затем уже вешают на виселице. Картина казни до невозможности страшная».¹

Усиление давления на массы ханских властей и установление ими режима «страшного суда» в обществе, казалось, говорило о их растущей мощи и авторитете. На самом деле это были попытки опереться на насилие в условиях усугубляющегося кризиса политического строя и надвигающегося внутреннего взрыва.

Под внешней покорностью и забитостью в народных массах зрело чувство ненависти и желание найти выход из этого мрачного, неизлечимо болезненного состояния общества, причиной которого была ханская власть.

Все это рано или поздно должно было привести к какой-то развязке. Решающий час приближался тем быстрее, чем свирепее становился правящий класс в ханствах. В атмосфере надвигающейся опасности, в той или иной мере нацеленной против интересов правителей, все явственнее проступали противоречивые идеи. Это было характерной чертой для Бухарского и Хивинского ханств начала XX века.

---

¹ Логофет Д. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909, с. 64.

4. Истоки и становление просветительских идей и характер движения за новометодные школы

В истории народов было немало фактов, когда конфликтная ситуация в обществе казалось бы должна привести к незамедлительному взрыву, однако она сохранялась надолго и даже создавалось ложное впечатление внешнего благополучия. Подобное положение сложилось в Бухарском и Хивинском ханствах в конце XIX – начале XX века.

Почти все слои населения, исключая правящие круги, были недовольны теми или иными сторонами режима в ханствах. Политика нетерпимости по отношению к любой оппозиции, проводимая ханскими властями, только усложняла общую обстановку и толкала даже самых осторожных либералов на более решительные действия, вопреки их первоначальному желанию.

В этих ханствах толчком к сдвигам в идейно-политической борьбе народов, кроме внутренних причин, явились революционные бури, вспыхнувшие в России, кульминацией которых была революция 1905 года, демократические преобразования, проведенные в близлежащих странах Востока – Турции, Персии и Индии, а также буржуазно-демократические течения, зародившиеся среди тюркских народов России, например среди татар, узбеков, казахов. Эхо этих событий докатилось не только до дворцов ханов и хакимов, но и до читающей публики и просвещенной оппозиции, а частично до очагов ремесленников и хижин дехкан.

Тлевшая в народе надежда на перемены под воздействием демократических и революционных лозунгов, доносившихся со стороны России и Востока, начала медленно возрождаться. Некоторые клубы, группы и общественные организации, стихийно возникшие на хозяйственной, культурно-просветительской основе, стали практиковать, хотя и тайно, с оглядкой, дискуссии и обсуждения на злободневные политические темы. Усилилась общая тяга к политике, особенно в среде студентов и молодых учителей медресе.

Русский офицер и исследователь Д. Логофет, находившийся в эти годы в Бухаре, писал: «Отзвуки волнений в Персии, а затем забастовки и беспорядки в России и в областях Средней Азии еще более взвинтили настроение, и среди отдельных лиц

стали слышаться такие разговоры, которых раньше и в помине не было».¹ По его словам, в Бухаре выявились две группы: одну представляли «старики и духовенство, подавленные этой вестью, другую – «молодежь и в особенности учащиеся медресе, а также некоторые муддарисы и муллы», доказывавшие «необходимость и для Бухарского ханства скорейшего обновления на новых началах».²

Либеральное и оппозиционное идейные движения в ханствах первоначально возникли как просветительские, направленные против устоявшихся схоластических методов обучения в мектебе и медресе. Они возникли как реакция на старомодность и консерватизм, господствовавшие веками в духовных учебных заведениях и ревностно охраняемые ортодоксальным духовенством и эмирско-ханской властью.

Просветительское движение при своем оформлении в начале XX века выдвинуло основным лозунгом переход к несколько измененным методам обучения в духовных учебных заведениях. Сторонники новшеств не связывали эту идею ни с политикой, ни с изменениями в системе власти и форм управления. Это движение внешне носило школьно-просветительский характер. При обновленном варианте обучения несколько преодолелся схоластизм, предусматривались занятия по естественным наукам. Это должно было привести к некоторому сокращению уроков, прежде используемых для заучивания религиозных догматов. При такой постановке обучения первые навыки письма и чтения учащиеся приобретали за 5-6 месяцев, тогда как по старому методу только через 5-8 лет дети могли самостоятельно читать и писать. «К десяти годам я окончил школу, – указывает С. Айни. – Однако грамотным я так и не стал. Хотя я и умел читать те книги, что читались в школе, прочесть что-нибудь новое, еще не читанное, я не мог».³

Школьно-просветительское движение имело и социальное содержание. За его внешней безобидностью скрывались интересы, в первую очередь, молодой национальной буржуазии, нуждавшейся в образованных людях, разбирающихся в экономических

---

¹ Логофет Д. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II. СПб., 1911, с. 264.

² Там же, с. 265.

³ Айни С. Коротко о моей жизни. Сталинабад. 1958, с. 7.

операциях, в технике, могущих общаться с другими лицами и выполнять порученное со знанием дела. Национальную буржуазию и деловую часть не устраивала как система безраздельного господства духовного образования, так и люди только с религиозным образованием. Такие же интересы были и у обуржуазившихся элементов, купцов и ростовщиков, которые, в связи с возрастанием торгово-экономических связей с Россией, нуждались в людях более разносторонней подготовки, чем выпускники старорежимных мектебов и медресе. Более того, они стали понимать, что в соперничестве с иноземными купцами и промышленниками за рынки сбыта непременно проиграют, если в ханстве не будет своих образованных и подготовленных кадров для службы в местных торгово-промышленных кругах. Некоторые правительственные чиновники, занимавшие видные посты в Бухаре, также уже приходили к выводу о необходимости изменений и частичной реформы системы и методов традиционного, старого духовного образования в интересах упрочения позиции официальной власти и господствующего строя.

Новометодные школы не были самоцелью для их сторонников. Они считали, что основная причина зла в обществе – это неграмотность самих мулл и населения, вследствие чего происходят расточительство богачей, ограбление населения и жестокость местных наместников, распространение «дурных обычаев» в массах, которые, в свою очередь, ведут к разорению и обнищанию. Поэтому они признавали необходимым введение новометодных школ.

Бухарское духовенство, отличавшееся крайними консервативными взглядами, встретило школьно-просветительские идеи в штыки. Оно развернуло бескомпромиссную борьбу против сторонников этого течения: квалифицировало их как еретиков, апеллировало к религиозным чувствам верующих и призывало осудить новые идеи и расправиться с их носителями. Весь авторитет духовенства обрушился на головы сторонников реформы школьного дела. Правительство закрыло кое-где функционировавшие новометодные школы, а их учителей и вдохновителей подвергло гонению и жестоким репрессиям, доходившим до физического уничтожения.

Попытки реформировать систему духовного обучения были и раньше. Подобные идеи в литературе приписываются

воспитаннику бухарского медресе Абунасер-Аль-Курсову, который был приговорен эмиром в 1813 году как «безбожник», «еретик» к смертной казни. Но его начинания не пропали даром. Во второй половине XIX века у него появились последователи. Самый видный из них был воспитанник бухарского медресе Ал-Морджани. Как указывает знаток истории общественной мысли Средней Азии А.М. Богоутдинов, он выступал «как сторонник светских наук и свободного истолкования Корана».¹

Во второй половине XIX века жил один из крупных идеологов и родоначальников просветительского движения нового времени Ахмад Дониш. По словам С. Айни, на его произведениях и идеях воспитывалось молодое поколение в Бухаре на рубеже XIX и XX веков. Его труды о пороках эмирской власти, злоупотреблениях чиновников, казиев и раисов, критика медресе, ее методов преподавания и того, что в ней преподавали, производили среди передовой части студентов медресе «настоящую духовную революцию».² «Воздействие на нас его книги было столь сильным, – отмечал С. Айни, – что наши взгляды на тогдашнюю жизнь, наше отношение к эмиру, визирам, муллам изменились почти совершенно».³

Ахмад Дониш обучался в Бухаре, служил муддарисом, вращался в кругу просвещенных умов и умер в медресе, в стенах и за стенами которого понятия «светская наука», «цивилизация», «демократия», «свобода» считались крамольными. Живя в среде мракобесия и деспотизма, он все же осмелился критиковать деспотизм управления, проповедовать наряду с религиозным и светское образование, выступил против религиозного фанатизма, настойчиво насаждаемого в Бухаре и в его учебных заведениях. Это был определенный этап в периоде становления передового идейного движения. «Ахмад Дониш остро критиковал загнивающий феодализм, – подчеркивает А. М. Богоутдинов, – доказывал невежество мусульманского духовенства, требовал проведения государственной реформы».⁴

---

¹ Богоутдинов А. М. Очерки по истории таджикской философии. Сталинабад, 1961, с. 261-262.

² Айни С. Коротко о моей жизни. Сталинабад, 1958, с. 62.

³ Айни С. Коротко о моей жизни, с. 63.

⁴ Богоутдинов А.М. Очерки по истории таджикской философии, с. 271.

В работах А. Дониша значительное место занимают вопросы обновления режима управления и переустройства структуры органов власти в ханстве. Он апеллировал к эмиру, советовал окружить себя способными личностями и справедливыми людьми, доказывал необходимость совершенствования системы управления путем введения в нее коллегиальных и представительных органов, в частности маджлиса – совета при эмире, призванного вместе с эмиром устанавливать «справедливые» порядки в стране. Эти идеи, имевшие целью изменить механизм управления в Бухаре путем привлечения в него новых, способных сил и замены жестокости и деспотизма терпимостью и гуманизмом, невежества – просвещением, несмотря на свой ограниченный характер, в тех исторических условиях оказались весьма смелыми и рискованными, но перспективными. Ахмад Дониш «выступил с пропагандой передовой русской культуры».¹

Идеи Ахмада Дониша повлияли на мировоззрение передовых деятелей Бухары той эпохи и вошли в идейный арсенал просветительского движения начала XX века. Не случайно С. Айни называл А. Дониша «выдающимся умом Бухары за последние три столетия», «утренней звездой на темном небосклоне Бухары».²

Поскольку просветительское движение в Бухаре и Хиве развивалось на базе проповедования нового стиля и перестройки обучения в духовных школах, то его и называли движением за «новометодные школы», а самих сторонников нового обучения – «новаторами», т. е. джадидами.³

В начале XX века школьно-просветительское «новометодное» движение охватывало узкий круг молодых интеллигентов, но уже тогда привлекло внимание официальных властей. 10 июля 1900 года туркестанский генерал-губернатор дал указание политическому агенту в Бухаре «установить самый тщательный надзор за направлением умов мусульманского населения в пределах Бухарского ханства»

После революции 1905 года в России движение за новометодные школы расширилось и приобрело политическую окраску. О характере и программе этого движения Айни пишет: «Оно тре-

---

¹ Хади-Заде Р. Ахмад Дониш и его творчество. – В кн.: Дониш А. Путешествие из Бухары в Петербург. Душанбе, 1960. с. 19.

² Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926, с. 26.

³ АВПР. ф. «Среднеазиатский стол». он. 485, д. 546, л. 73.

бовало лишь проведения некоторых реформ – реформы школ и медресе, реформы ряда древних установлений и порядков, а в области политической – реформы аппарата управления в эмирате, ликвидации своеволия эмирских чиновников и некоторого упорядочения налоговой системы. Наиболее значительной в движении за реформы была мысль о необходимости упорядочить взимание налога с земли – налога, платившегося дехканами».¹

К этому времени так называемые «новометодные школы» функционировали уже в ряде городов Туркестана. Их поддерживал генерал-губернатор и областные управления, хотя местное старое духовенство не скрывало своего недовольства по поводу нововведений. В Бухаре, как указывает С. Айни, такие школы были открыты в 1907 году татарами. По их примеру «домашние» новометодные школы стали создавать молодые местные интеллигенты. Одну из таких школ организовал и С. Айни в доме своего друга, единомышленника Мирзо Абдулвахида. Дети богатых должны были платить за обучение в ней три рубля в месяц, дети бедняков учились бесплатно. Однако нарушение вековой традиции обучения детей, а также сама постановка образования вызвали отрицательную реакцию духовенства. Оно вынесло решение, что такая школа делает детей вероотступниками и с помощью эмира добилось ее закрытия. Мирзо Абдулвахид и С. Айни едва избежали смерти.

После ряда акций Бухарского правительства сторонники новометодных школ перешли на нелегальное положение и стали организовывать тайные общества. Первое такое общество возникло в 1910 году, оно насчитывало около 30 человек.² При нем функционировала новая школа.

Организаторы общества так описывают установленные в нем порядки: «Принимали мы в члены общества с большой строгостью. Наше общество не очень-то можно было назвать политическим и уж совсем нельзя было считать революционным. Но эмирское правительство с его средневековыми порядками и деятели русского царизма, действовавшие в Бухаре средневековыми методами, даже работу в области науки и просвещения считали революционной, и поэтому члены такого общества, как наше, были в их глазах «государственными» преступниками».

¹ Айни С. Коротко о моей жизни, с. 72-73,

² Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970. с. 16.

По воспоминаниям современников, к началу первой мировой войны в Бухарском ханстве действовало всего 5-6 нелегальных новометодных школ.¹ По данным Ф. Ходжаева, в 1915 – 1916 годах функционировали уже до 10 тайных организаций джадидов, наиболее активными среди них были бухарское, керкинское и шахартаузское общества.²

Период становления и оформления организации хивинских джадидов исследователи относят к началу 900-х годов.³ По некоторым данным, первая новометодная школа была основана в Хиве в 1889 году Абдулганибай Хусайновым приехавшим из Оренбурга.⁴ В Хиве открытие новометодных школ («Жадидише мектеп») вызвало не такую острую и болезненную реакцию, как в Бухаре. Здесь реформаторское движение не имело своих идеологов и видных деятелей. Оно было тесно связано со школьно-просветительским движением в Бухаре, по сути дела, оно являлось его вариантом на местной почве. Датский путешественник О. Олуфсен, побывавший в Хиве в 1899 году, заметил, что среди некоторой образованной части населения бытуют «реформаторские склонности».⁵ Как указывает известный востоковед А. Самойлович, первые четыре новометодные школы открылись в Хиве в 1908 году, однако легально они просуществовали недолго.⁶

Одной из особенностей движения за новометодную школу в Хивинском ханстве было то, что оно было сугубо школьным и легализованным течением, его требования не выходили за рамки форм обучения в мектебах. Хан и духовенство, земельные собственники и наместники в первое время относились к нему терпимо. Не случайно среди сторонников новометодной школы были крупные и влиятельные сановники, такие, как Хусейн-бек и Ислам-ходжа. Последний был инициатором строительства новометодного медресе.⁷ Оба деятеля впоследствии пали жертвой придворных интриг. По мере того, как в это движение стали

---

¹ Там же, с. 75.

² Ходжаев Ф. Избранные труды, с. 91.

³ Великий Октябрь. М., 1958, с. 458.

⁴ «Иштракиюн», 1919, 19 июня.

⁵ Приводится по кн.: Самойлович А. Первое тайное общество младобухарцев. – «Восток», 1921, кн. 1, с. 98.

⁶ Там же.

⁷ «Иштракиюн», 1919, 19 июня.

проникать инакомыслящие, воспринявшие идеи просветительства буржуазной демократии, хивинский «джадидизм» приобрел идейно-политическую окраску и начал беспокоить правящие классы, в особенности духовенство. Пример и влияние Бухары оказались заразительными. Хивинское мусульманское духовенство, находясь в одной кастовой организации с бухарским, тесно связанное с ним орденскими и семейными узами, все сильнее стало преследовать джадидов как «богохульников». Однако в своем гонении новометодников оно не достигло той вершины жестокости, которой отличались бухарские богословы – черносотенцы.

В условиях Бухарского и Хивинского ханств движение за новометодные школы сравнительно быстро восприняло политические идеи, так как кто придерживался чисто образовательных целей, сразу же после эмирско-ханских преследований отошел от движения, напротив, наиболее смелые головы, пришедшие к убеждению, что вопрос о просвещении народа не может быть решен в рамках старых порядков, поэтому надо бороться за их изменение, остались в нем и постепенно закалялись идейно и политически.

Следует сказать, что движение за новометодные школы не было исключительно бухарским или хивинским явлением, оно зародилось среди татар центральной России, вовлеченных в активную сферу буржуазных отношений. Затем оно проникло и в казахскую степь, киргизские аилы, туркменские, узбекские кишлаки и саки горных таджиков. В разных местах движение встретилось с различными трудностями и препятствиями, по-разному было воспринято населением. Однако везде оно было движением против старых, отживших форм школьного образования. Это буржуазное по характеру движение все же пробуждало народные массы.

Туркестан и Казахстан находились в иных политических и экономико-географических условиях, чем Бухарский эмират и Хивинское ханство. Здесь высшая власть и высший контроль над общественной жизнью были в руках царских чиновников и генералов, в них духовенство не имело такой организации и силы, как в Бухаре и Хиве, и было под надзором колониальных органов. Кроме того, в этих краях более ощущалось влияние европейской культуры и передовой общественно-политической

мысли России. «Цивилизаторство» в определенных пределах поддерживалось царским правительством, если оно не ущемляло колониальные интересы, а также интересы союзников и ставленников на местах.

Движение за реформы старых методов и программ обучения в мектебах и медресе охватило и Туркестан, и Казахстан, но в разной степени. Общим было то, что повсюду ярые приверженцы ислама оказывали этому движению сильное сопротивление. Царское правительство занимало в этом вопросе неактивную позицию, оно не хотело лишиться поддержки деятелей культа и в то же время понимало, что обучение в старых религиозных школах не согласуется с задачами колониальной политики и что дети в них воспитываются с ориентацией на восточные центры ветхого ислама. Правительство поддерживало русско-туземные школы, которых, однако, было очень мало. Для широкого развития этой системы образования не было средств. Что касается идейного течения за преобразование старых мектебов и медресе, то в глазах официальных колониальных органов управления оно казалось весьма слабым. Посему ему уделялось мало внимания.

Демократическая интеллигенция, представлявшая интересы складывающейся младобуржуазии в Казахстане и Туркестане, продолжала доказывать и насаждать новометодные школы, так как связывала с этой системой обучения подготовку кадров, которые в дальнейшем смогли бы отстаивать общенациональные интересы в условиях господства колониальной политики. Но именно это стремление шло вразрез с целями царского правительства. Поэтому движение нередко встречало холодное отношение со стороны органов власти.

По некоторым данным, к 1917 году на территории Казахстана функционировало около 100 новометодных школ.

Сторонниками их организации были местные демократические деятели, сгруппировавшиеся вокруг журнала «Айкап», во главе с М. Сералиным и Ж. Сейдалиным.¹

В Закаспийской области, среди туркменского народа школьно-просветительное движение возникло после 1905 года и развивалось весьма слабо. К началу 1912 года здесь существовала

---

¹ Асфендиаров С.Д. История Казахстана. Т. 1. Алма-Ата – Москва, 1935, с. 225.

лишь одна новометодная школа. В то же время в области, по данным 1910 года, имелось 557 мектебов и 56 медресе.¹

Новометодные школы сравнительно быстро создавались в Туркестане. В одном Андижане их было 19. За лето 1910 года в Ташкенте открылось пять новометодных школ. Число их быстро росло, что стало беспокоить царское правительство. Если в 1906 году туркестанский генерал-губернатор писал, что «за этими школами, как будящими дремлющую мысль местного мусульманства, действительно необходим надзор»,² то по истечении нескольких лет уже отмечал, что они представляют определенную опасность для интересов царизма в Средней Азии. В результате в 1910 – 1911 годах по распоряжению губернатора в Туркестане было закрыто более сотни новометодных школ.³

Как видно из сказанного, положение в Бухарском и Хивинском ханствах во многом отличалось от условий в Туркестане, Казахстане и Закаспийской области.

Среди факторов, способствовавших идейному пробуждению в Бухаре и Хиве народных масс и патриотических элементов, кроме внутренненациональных условий, демократических и революционных выступлений в соседних государствах, немало важным было влияние русских рабочих и солдат, находившихся в ханствах, особенно тех, которые с симпатией относились к революционным выступлениям в России.

Гражданских лиц, состоявших в российском подданстве, в Хиве к концу XIX века было около 1000 человек, к 1917 году – 3000 человек, в Бухаре в начале века – около 12 тыс. человек и накануне революции 1917 года – 50 – 60 тыс. человек. Они имели свое управление, изъятое из ведения местных властей, и проживали обособленно, в большинстве случаев в районах железнодорожных станций и узлов речного сообщения, а также в местах сооружения хлопкоочистительных заводов. В результате возникли небольшие русские городские поселения. Например, в Бухарском ханстве это были города Чарджоу, Термез, Новая Бухара, в Хивинском – Уральск, Первоначальный и некоторые другие. Русских можно было встретить и в других городах: в Керках, в Старой Бухаре. Основную их

---

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 47, л. 10.

² История Туркменской ССР. Т. I. Ашхабад, 1955, с. 809.

³ История Узбекской ССР. В 4-х т. Т. II. Ташкент, 1968. с. 403-404.

массу составляли рабочие, ремесленники и мелкие служащие управлений заводов и торговых контор.

Характерно, что русские рабочие и солдаты, будучи свидетелями произвола, творимого эмирско-ханской властью, разделяли настроение представителей местного населения, которые выступали против официальных порядков в ханствах.

Русские кварталы и поселения, на которые не распространялась власть хана, часто служили местом сбора оппозиционных групп и убежищем для них в периоды жестокого преследования ханско-эмирских агентов и фанатичного духовенства.

Революционные и социал-демократические идеи и традиции русских рабочих и солдат оказывали весьма благотворное влияние на движение оппозиционных сил, на их деятелей.

Под влиянием внутренних и внешних факторов просветительское движение в ханствах, особенно в Бухаре, стало перерастать собственные рамки. Сначала оно выдвинуло программу частичных реформ в низовой администрации, а затем в ханском аппарате и управлении. Это говорило о том, что оно перерастало из школьно-просветительского в своеобразное революционное просветительское движение с формами и оттенками, порожденными специфическими историческими условиями Бухары и Хивы того времени. В нем получили распространение элементы критики эмирской власти и противоправительственной агитации. Один из видных членов этого движения в Бухаре Файзулла Ходжаев впоследствии писал: «Неоднократно собирались наши товарищи, собирали родителей, детей и начинали под тем или иным соусом, сначала весьма робко, а затем открыто агитацию против эмира лично и его правительства.

Главными аргументами, конечно, являлись порабощение Бухары царской Россией, отсталость, некультурность, невежество двора, произвол властей, тяжесть налогового бремени и многое другое. Так вокруг новометодных школ и тайных кружков медленно накапливались силы прогрессивной оппозиции».¹

Между выступлениями первых джадидов с проповедью изменения старой, отжившей системы духовного образования в конце XIX века и организацией тайных обществ вокруг новометодных школ в 10-х годах XX века прошло мало времени, но за этот период в самом движении произошло много перемен. Заметно

---

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 15.

изменились его структура и состав, причем в сторону демократизации и радикализации.

Постоянные преследования и физические расправы, обрушившиеся на сторонников движения за новометодные школы, вынуждали их либо перейти к борьбе против этих сил, либо отойти от движения. Такой процесс происходил на протяжении всего развития джадидизма. Он стал значительным явлением политической жизни Бухарского и Хивинского ханств, по отношению к нему определяли расстановку социальных группировок в обществе.

Штабс-капитан Фенин, знакомый с внутренним положением Бухары, после очередного посещения ее в 1910 году заметил, что консервативные силы, руководимые старым духовенством и состоящие главным образом из муддарисов, дамуллоу, мулл (настоятели, преподаватели и служители мечетей, медресе и мектебов) и мулла-бачей (пожилые слушатели медресе), успели создать свою организацию. По его мнению, это «была самая крупная и соорганизованная группа».¹ Члены ее не желали слушать о «Усуль-и-джадид» – о новом методе обучения, который предлагала младонациональная группа.

Просветительное движение в Бухаре и Хиве вплоть до 1910 года оставалось организационно неоформленным. По выражению Ф. Ходжаева, его сторонники представляли «просто кучку фрондирующих интеллигентов».² Однако она явилась тем зародышем, из которого развилось национально-прогрессивное движение, известное под именем джадидизма.

---

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 34.

² Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 78-79.

5. Оформление и развитие противоречивых идей

Противоречивые настроения стали возникать у части населения Бухары и Хивы в связи с обнажением антимассовой и антинародной сущности системы политической власти. Однако потребовалось немало времени для оформления противоречивых идей, т. е. чтобы едва сознаваемые противоречивые настроения, возникающие периодически, из области внутреннего переживания перешли вовне и вторглись в сферу самой жизни и тем самым обрели общественный характер и общественную форму.

В истории Бухары и Хивы было немало крестьянских волнений, недовольств ремесленников и выступлений бунтарей. Они возникали стихийно, без подготовки, не имели политической программы и организованного руководства и были направлены против некоторых законов властей и ее отдельных представителей и не ставили задачи модификации и реформ политического режима, тем более статуса ханства, если не считать разрозненных требований верующей массы вернуться к принципам справедливости и человеколюбия, провозглашенным якобы в священном писании.

Если подходить к понятию противоречивых идей как к идеям, осознанным и организационно оформленным, т. е. как к идеям, заявившим о себе в общественной системе, то их становление в Бухарском и Хивинском ханствах следует отнести на конец XIX – начало XX века.

Под влиянием революции 1905 года в политической жизни ханств произошли изменения: общество расколосось на два враждебных лагеря. Различные оппозиции, увлеченные буржуазно-демократическими нововведениями, в той или иной степени неудовлетворенные политикой и аппаратом управления, образовательной и судебно-административной деятельностью мусульманского духовенства, словом, все новое и здоровое на первом этапе находило общие платформы для связи. За прогрессивным лагерем закрепилось название «новоидейцев» – «новаторов» (джадидов), а за консервативным и ортодоксальным, объединявшим все старое и реакционное в лице эмира – хана, беков и амлякдаров, элиты мусульманского духовенства, их сторонников и единомышленников, – название «староидейцев» (кадимистов).

Джадидское движение происходило исключительно в городах. Вначале оно охватывало узкий круг молодой местной интеллигенции. В годы расширения и углубления его деятельности ряды организации пополнялись в основном также горожанами. Собрания и сходы обычно устраивались среди ремесленников и кустарей, чернорабочих и лавочников. Деятели движения не шли в кишлаки к дехканам, они считали их инертной силой. Это была одна из особенностей и одновременно слабой стороной движения.

Состав и силы движения довольно разнообразны. Среди его активистов можно встретить вчерашних «просветителей», учащихся медресе, молодых учителей-мударисов, конторщиков, отдельных торговых людей, мелких и средних лавочников, чиновников и даже представителей купечества. Всех их объединяла неприязнь к политике и аппарату эмирско-ханской власти, к консервативному духовенству. В этой пестрой массе людей разного социального происхождения и положения ядром были радикально мыслящие деятели, вдохновляемые позитивными идеями борьбы. Но их было мало. Большинство движения составляли люди, не имевшие ясного представления о его конечных целях. Были и такие, которые руководствовались мелкими личными желаниями и интересами. Но все же тон движению задавала молодая национальная интеллигенция, экзальтированная демократическими лозунгами. На роль организаторов и идейных руководителей движения в начале XX века претендовали Садриддин Айни (студент духовной школы, выходец из дехкан), Абдул-Вахид Бурханов (писарь), Фитрат (студент медресе, поэт, сын небогатого торговца) и др. «Большинство джадидов, – вспоминает Ф. Ходжаев, – принадлежало к материально средней и плохо обеспеченной интеллигенции или мелкой буржуазии: студенты духовных школ, мелкие лавочники, мелкие чиновники».¹ Он также пишет, что среди них были богатые купцы, которые поддерживали движение материально. Согласно некоторым сведениям, в рядах оппозиционного лагеря в Бухарском ханстве в 1910 году насчитывалось до 4 тыс. человек.²

За период с 1909 по 1915 г. идейные вдохновители джадидов опубликовали ряд статей, брошюр, книг, в которых наряду с

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 12.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 7.

критикой эмира и его власти говорилось об идейной платформе движения. В этом отношении интересны произведения Фитрата, которые, по словам Ф. Ходжаева, имели «выдающееся значение» в агитационной работе радикальной части джадидов.¹

Абдурауф Фитрат (1885 – 1947) родился и вырос в Бухаре. В юности он был предан исламу, но с возмужанием утратил веру в его догмы и стал высказывать очень смелые мысли.

В его сатирическом рассказе «Страшный суд» высмеяно религиозное учение об аде и рае, процедура очищения и допроса в загробном мире. В условиях тогдашней Бухары издание такого антирелигиозного произведения было равносильно бунту.

Героем рассказа является Рузикул, работник-слуга одного из богачей Бухары Ахмадбая. Симпатии автора на стороне Рузикула, красноречивого, остроумного и вместе с тем очень религиозного человека. Хозяин выбрасывает его на улицу, и он попадает в среду курильщиков опиума. В те времена ими были обездоленные и несчастные. Рассуждения этих людей пронизывает идея о том, что «бог больше заботится о тех, кто носит дорогие халаты».²

В рассказе подробно вписаны порядки потустороннего мира, куда попал Рузикул после скорой смерти. Его самообладание и остроумие ставят в тупик божьих следователей. Представители всевышнего «высокие, с громадными животами, с глазищами, налитыми кровью, так и полыхавшими свирепым огнем», занеся дубины над головой Рузикула, громовым голосом спросили его: «Кто твой бог?». Он невозмутимо ответил: «...Бог, оказывается, знает, когда я умер, где я умер и когда попал в могилу. Он даже знает, какой у меня саван. Но почему он не знает, верю я в него или нет? Только напрасно беспокоит вас и меня».³ Обескураженные божьи следователи вынуждены были удалиться за инструкциями к всевышнему и больше не вернулись.

Спустя некоторое время покойникам дали по книжке, в которой был описан жизненный путь каждого. В книжке все, что он вынес от своего хозяина – побои палкой и плетью, брань, исполнение нелепых хозяйских поручений, – было записано в графу богоугодных дел, а его несогласие с таким обращением

---

¹ Ходжаев Ф. Избранные труды, с. 92.

² Абдурауф. Страшный суд. Душанбе, 1964, с. 10.

³ Ходжаев Ф. Избранные труды, с. 14.

расценено как свершение великого греха. Рузикул заключает, что «и здесь почитают Ахмадбая!».¹

Это произведение переиздавалось и в советское время. В 1937 году оно вышло в авторизованном переводе на русском языке.² В новом переводе рассказ был опубликован в 1964 году в Душанбе.

Произведения Фитрата, одного из крупных идеологов джадидизма, пользовались в дореволюционной Бухаре и во всем Туркестане большой популярностью. К таким его сочинениям относятся и «Рассказы индийского путешественника».

В них автор делит население Бухары на три группы: ученые (улемы), правящие (эмиры) и жители. Он рассказывает о роли и месте этих групп в обществе и пишет, что в далеком прошлом Бухара дала миру «много знаменитых ученых», теперь же ученые занимаются «только чтением написанных на полях книг объяснений слов. Мало-помалу они дошли в этих бесполезных занятиях до того, что совершенно забыли о названиях полезных наук».³ Эти люди, «ныне не имеющие понятия об истинных науках», занимают «высокое и священное положение в Бухаре... Они совершают преступления, всякого рода притеснения и проступки и всегда готовы подвести под наказание несчастного простолюдина, назвав его за незначительную вину кафиром (неверным)».⁴ В разделе «Правящие» автор дает отрицательную характеристику эмиру и господствующей касте. «Эта возмутительная партия, исключительно благодаря помощи слепого счастья достигнув разных должностей правления, с полным усердием попирает ногами имущество, жизнь, достоинство, честь и покой несчастных жителей. Общий состав этих могущественных управителей пополняется из людей двух сословий, ни в кои времена не пользовавшихся ничьим доверием: первое – это необразованные сыновья правителей... второе – это лавочники и торговцы, признающие за единственное благо обоих миров наиплотнейшее наполнение своего желудка, а учение чему-либо считающие совершенно

---

¹ Там же, с. 18-19.

² Фитрат. Страшный суд (Кыямат). Ташкент, 1937 г.

³ Абдурауф. Рассказы индийского путешественника (Бухара как она есть). Самарканд, 1913, с. 2.

⁴ Там же, с. 3.

излишними обязанностями для людей».¹ Эти многочисленные агенты эмира, с благословения и по мандату которого они учиняют неслыханные грабежи на местах, остаются вне всякого контроля. Как сказано в «Рассказах», они «берут у несчастных жителей все, что захочет их душа».²

Под жителями Фитрат подразумевает трудовую массу поданных. Он относится с особым сочувствием к ее тяжелому положению.

Далее от лица впервые попавшего сюда путешественника описывается жизнь города, занятия эмирских чиновников, торговых людей и заводчиков. На основе увиденного и различных встреч перед ним возникает мрачная картина несправедливости и произвола, господствующих в ханстве.

Однако следует отметить, что Фитрат из критики ханского строя не сделал и не мог сделать перспективных радикальных выводов.

Свой протест против существующего режима он обосновывает, ссылаясь на авторитеты ученых-улемов древности, на высокое предназначение «подлинного шариата», заповеди которого поправны в эмирате.

Облачение оппозиционных идей в одну из традиционных форм характерно для формирования общественной мысли в отсталых восточных странах.

Радикальное крыло оппозиции отражало стихийное отчаяние трудовых масс, в основном крестьян-дехкан, по-своему, в рамках ограниченных буржуазно-демократических требований. Сам процесс усиления народного недовольства порядками в стране опережал его идейное оформление в общественных группах.

По мере нарастания освободительного движения в многолюдном лагере оппозиции все болсе выделялось ее радикальное крыло, которое стремилось привлечь на свою сторону других членов оппозиции. В связи с активизацией деятельности «радикалов» и революционизирования их идейных установок, с одной стороны, шло размежевание «новоидейцев» и отход попутчиков от движения, а с другой – рост численности более надежных сторонников крыла и углубление противоречивых идей.

---

¹ Там же.

² Там же, с. 4.

Трезвые деятели царской администрации, бывшие свидетелями роста насилия верхов и отчаяния низов, высказывали предположение о возможности народного выступления в ханстве, что было крайне нежелательно для интересов России. 26 мая 1890 года туркестанский генерал-губернатор сообщал в Министерство иностранных дел о том, что бухарский эмир неоднократно получал анонимные письма с угрозой смерти.¹ Переводчик, состоявший при эмире, Джаллеледдин, имевший связи в кругу двора, отмечал, что в ханстве «настоящее положение дел не может спокойно продолжаться, и если не вмешается Россия, то, вероятно, вспыхнет восстание или эмир будет убит».² В записке о бухарской армии, составленной царским политическим агентом Лессаром в 1891 году, также указывалось на возможность восстания в ханстве, которое могло повлиять и на часть солдат эмира.³

Более определенно об освободительном движении в Бухаре, об его опасности для эмирской власти и позиций русской буржуазии заговорили в официальных кругах после революции 1905 – 1907 годов в России. Азиатский отдел Главного штаба в записке правительству от 12 января 1907 года писал, что для окраинных азиатских владений империи начался период «так называемого «освободительного» движения».⁴ Ему вторит туркестанский генерал-губернатор, который в августе 1909 года доносил в центр о появлении в Бухаре людей, «пропагандирующих «освободительное движение» и находящихся приверженцев в среде молодежи».⁵ Через год губернатор вновь отмечает, что «доходят слухи из Бухары из разнообразных источников о весьма серьезном брожении, направленном как против эмира, так и против русских, поддерживающих его в ущерб благосостоянию народному».⁶ Далее он добавляет, что в Бухаре «идет и скрытая, искусно ведущаяся пропаганда извне в пользу проведения в ханстве коренных реформ в духе модных конституционных начал».⁷

---

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 261/911, д. 48, л. 8.

² Там же, лл. 3-4.

³ Там же, д. 136, л. 4.

⁴ Там же, оп. 262/912, д. 21, л. 1.

⁵ Там же, д. 47, л. 45.

⁶ Там же, д. 133, л. 2.

⁷ Там же, л. 3.

В 1910 году туркестанским генерал-губернатором в Бухару был специально командирован штабс-капитан Фенин. Он, пользуясь сведениями из различных источников, в том числе полученных от приближенных эмира и демократических элементов в русских поселениях, хорошо изучил на месте обстановку и составил записку «О состоянии умов в ханстве». Она начинается с указания о том, что «освободительное движение у нас в России, Турции и Персии имело большое влияние и на бухарцев: в народе начались брожения. Но этот толчок мысли на разных партиях разное отозвался».¹

Автор называет три основных политических группировки: «1. Клерикалы, или консерваторы. 2. Младобухарцы, или либералы. 3. Русская партия, или прогрессисты»² и характеризует каждую из них. Он указывает, что «младобухарцы – это недавно народившаяся партия. Она состоит пока из очень небольшого числа наиболее развитых мулла-бачей (студентов медресе. – С.З.)... Они желают европейских знаний... Для постановки школьного дела они посылают своих агентов в Россию, Турцию и Египет. Современным состоянием Бухары недовольны, эмира не любят за то, что он довел ханство до такого положения и за отсутствие заботы о народном образовании. В образовании народном они видят способ бороться с ужасным современным режимом. К русским относятся они с симпатией».³

В докладной записке говорится и о «русской партии», под которой автор понимает группы прорусской ориентации. По его словам, в нее входили «самый крупный класс землевладельцев – плантаторов и класс торговцев», которые «страдали» от засилья эмирской администрации и обложения их налогами, поэтому хотели, чтобы русские ввели в ханстве «беспристрастный суд», «справедливое обложение» и отменили «взимание зякета в каждом бекстве, через которые проходят их товары».⁴

Толчком к более четкому оформлению противоречивых идей в Бухарском ханстве послужили события 1910 года. Можно сказать, они явились рубежом, с которого начался новый этап освободительного движения в ханстве.

---

¹ Там же, л. 34.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 34.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 36.

В январе 1910 года в столице эмирата Бухаре произошло выступление населения, недовольного политикой местной администрации. Эмир и его окружение пытались придать ему религиозную окраску и свести к борьбе между сектами. Они ловко использовали тот факт, что кушбеги (второе лицо в эмирате после хана) и некоторые другие чиновники были из шиитов и произвол управления выдали за последствие их засилия над сунитами, к которым принадлежало большинство городского населения. В результате выступление приняло форму резни между религиозными сектами.

В то же время радикальные элементы из лагеря джадидов пытались направить недовольство масс против всей высшей администрации. Эти «крупные беспорядки», во время которых было убито и ранено до 500 человек, были подавлены русскими войсками. Эмир отстранил от должности кушбеги, а сам срочно выехал в Петербург для разработки совместных мер, ограждающих власти от подобных выступлений населения.

События января 1910 года внешне выглядели как резня между религиозными сектами. Однако многие понимали, что главные причины беспорядков лежат внутри самого общества. Это подтверждалось дальнейшим ходом политической жизни в ханстве. Надо отдать должное наблюдательности начальника Туркестанского охранного отделения, который в декабре 1910 года доносил, что «после январской резни с. г. политическое настроение умов в Бухаре не только не успокоилось, но приняло некоторую напряженную форму».¹ По его словам, население находится под давлением двух групп – «во-первых, партии молодых бухарцев, агитирующих за низвержение эмирского правительства и устройство автономной Бухары под покровительством одного из соседних государств – России или Афганистана, и, во-вторых, могучего панисламистского движения как со стороны Турции, так и со стороны Афганистана».²

Январские события открыли глаза народным массам и явились уроком для либерально-демократических групп, носившихся с планами преобразований в рамках эмирской власти.

Политическая обстановка после происшедших событий развивалась в ханстве не в пользу существующего режима. Настроение населения довольно хорошо охарактеризовано в докладной

---

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 65.

² Там же.

управляющего русской таможней в Бухаре от 24 апреля 1910 года. «Как быстро меняется настроение толпы, – говорится в ней, – можно судить по тому, что еще полгода тому назад и даже во время январских смут персона эмира считалась еще для бухарцев священной, и если кто критиковал его действия, то делалось это втихомолку, с большою опаскою. Теперь стоит собраться небольшой группе сартов на базаре или где-нибудь в доме, как начинается открытая ругань непечатными словами эмира».¹

События 1910 года внесли смятение в жизнь эмирского двора и породили недовольство в Петербурге. Эмиру, вызванному в столицу, было указано на необходимость частичных реформ финансового дела и управления.

После января 1910 года движение за реформы управления в Бухарском ханстве, несмотря на преследования, приняло открытый массовый характер. Оно имело позитивные и негативные стороны: с ростом движения возникла опасность большей стихийности и организационной неразберихи, а также преобладания сторонников мелких и частичных реформ, которые могли поднять под себя небольшие радикальные группы, требовавшие существенных преобразований в стране.

Ко времени возвращения эмира из Петербурга в Бухару (март 1910 г.) в ней собралась огромная толпа, которой пытались руководить горячие головы из «новоидейцев». По свидетельству очевидцев, на митинге для составления проекта реформы в ханстве «было выбрано несколько человек наиболее прогрессивных и развитых бухарцев».² Но первоначальный проект вызвал протест мулл и мулла-бачей консервативного направления, которым он показался не соответствующим шариату. Проект реформы, пересоставленный с учетом требований мелких и средних слоев духовенства, был вручен возвратившемуся эмиру «с просьбой введения реформы в шестимесячный срок».³

На требования масс эмир и его окружение, заручившись поддержкой царского правительства, ответили репрессиями и преследованиями наиболее активных сторонников движения оппозиции.

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 133, л. 21.

² Логофет Д. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II. СПб., 1911, с. 284.

³ Там же.

Радикальные группы джадидов выдвинули довольно обширные требования, начиная от пресечения злоупотреблений налоговых агентов на местах и установления новой налоговой системы и кончая введением представительства в государственном аппарате и при ханских учреждениях. В литературе имеются сведения о том, что своими важными требованиями они считали: «1) открыть глаза народу на притеснения и произвол правительства и разгул эмира и его чиновников за счет угнетаемого и обираемого народа; 2) уничтожить рознь и вражду между племенами, объединить их; 3) создать в Бухаре правительство на демократических началах».¹

О действиях оппозиции как о значительном движении заговорили начиная с 1910 года. Документы, составленные в официальных органах, позволяют получить об этом представление. 25 июля 1911 года надворный советник, агент Решетов сообщал из Бухары, что «немногочисленная либеральная, так сказать, партия желала бы возведенных эмиром при вступлении в управление широких реформ, не выполняемых как вследствие слабости эмира, так и от противодействия руководимой Алямом² части духовенства».³ Через несколько дней он же доносил, что либеральное течение в Бухаре хотя и делится на две группы, однако все «относится с нескрываемым презрением к косному духовенству и главе его – Аляму, считая их первыми противниками всякого прогресса».⁴

В 1912 году эмир жаловался царскому правительству, что «у него множество врагов», которые требуют реформ.⁵ В свою очередь председатель Совета Министров в записке от 11 января того же года признал необходимость «противодействия... деятельности возбуждающих упомянутый (бухарский. – С.З.) народ агитаторов».⁶ Еще откровеннее писал туркестанский генерал-губернатор. В докладной от 2 мая 1913 года он уведомил Министерство иностранных дел о том, что, кроме купечества, шиитов и евреев, выражающих общее недовольство политикой эмира, «недовольство существует еще и среди партий, преследующих вполне

¹ Соловейчик Л. Басмачество в Бухаре. М., 1923, с. 11.

² Алям-Гиясутдин-садр – воинствующий религиозный руководитель черносотенной группы консервативного духовенства.

³ АВГР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 307, л. 56.

⁴ Там же, л. 74.

⁵ Там же, д. 302, л. 3.

⁶ АВГР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 302, л. 5.

определенные цели и сознающих неудовлетворительность, каждая со своей точки зрения, нынешнего положения».¹ Далее губернатор предостерегал об опасности революции. «Все революции и народные движения, — продолжал он, — совершались всегда незначительною сравнительно группою лиц, которые в чисто эгоистических целях направляли народные массы, пользуясь среди последних фанатизмом, невежеством и затаенным недовольством против властей... Поэтому-то я и являюсь сторонником проведения в Бухаре широких реформ, которые облегчили бы положение народных масс, улучшили бы их благосостояние и сделали бы их менее восприимчивыми к агитации борющихся в ханстве партий».²

Движение за реформу внутреннего управления росло и в Хивинском ханстве. Правда, оно не было таким глубоким и острым, как в Бухаре. Стихийные выступления масс против системы обложения и принудительных работ, призывы либерально-оппозиционных групп и элементов к необходимости введения реформы привлекли внимание хана и органов царского правительства. В сентябре 1910 года туркестанский генерал-губернатор созвал в Ташкенте специальное совещание для выработки предложений хивинскому хану по реформе управления в ханстве.³ Вскоре Сеид-Асфендияр в связи с вступлением на престол обнародовал «Обращение хана хивинского к своему народу», в котором обещал «быть всегда справедливым судьей, упразднить издревле существующие тяжелые и обременительные для нашего народа порядки и принять меры к тому, чтобы в народе воцарилось благоденствие».⁴

Среди «новшеств», которые собрался ввести хан при поддержке царских чиновников, было упразднение системы «кормления» и установление жалования от казны местным чиновникам, а также обложение податью земель членов ханской семьи, духовенства и чиновников.⁵ Эти скромные планы вызвали протест ближайших сановников хана. Хан, по совету русского посольства, был вынужден отстранить от высших должностей нескольких лиц (Сеибназара, Назарбая, Амангельды-сардара

---

¹ Там же, д. 308, л. 9.

² Там же, л. 10.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 62, лл. 78-79.

⁴ Там же, лл. 92-93.

⁵ Там же, лл. 123-125.

и др.).¹ Практически эти меры были внешними, рассчитанными на ослабление возмущения масс. Как доносил командующий Туркестанским военным округом, хан хивинский, «не решаясь ввести реформу на землях, занятых узбеками, собирается начать нововведения именно с земель туркменских», но поскольку и туркменская духовная и служивая знать недовольна этим, «хан не особенно усердствует в своей реформе».²

30 марта 1915 года начальник Амударьинского отдела полковник Колосовский писал в Петербург, что «при современном правителе Хивы и составе ближайших помощников рассчитывать на какие-либо серьезные реформы в ханстве и улучшение положения главной массы хивинского населения нет решительно никаких оснований».³

В официальных донесениях русских чиновников и специальных агентов, относящихся к этому периоду, часто говорится о различных формах выступлений в Хивинском ханстве. Начальник Амударьинского отдела в 1912 году писал: «Хивинский народ недоволен нынешним порядком... растет озлобление против правителя».⁴ В другом его донесении он отмечает, что «Хива 1913 года не есть Хива 1873 года... Немало появилось в ханстве людей, открывающих глаза хивинскому народу на его неприглядное положение. В Хиву теперь зачастили наши полуинтеллигенты татары, появились русские рабочие, с будущего года имеют там работать землемеры, наконец, сами хивинцы, посещая теперь Россию, привозят с собою стремления к лучшим порядкам, мечты о другой жизни».⁵

Таким образом, политическое пробуждение населения Бухары и Хивы, происшедшее под влиянием революционных событий 1905 – 1907 годов в России, стало оформляться в движение, направленное против существующей власти и управления, на их либерализацию и демократизацию.

---

¹ Там же, л. 132.

² Там же, л. 144.

³ Там же, оп. 263/916, д. 36, л. 31.

⁴ Там же, оп. 262/912, д. 62, л. 158.

⁵ ЦГВИА, ф. 400, оп. 262/912, д. 62, л. 173.

6. Носители освободительных идей

Нет народа, который бы не хотел стать свободным, не лелеял бы мечты о свободе и не стремился бы к ней. Любой народ, на какой бы стадии развития и в каком бы тяжелом положении он ни находился, в его сознании всегда живет дух свободы. Ее объем, содержание, форма и характер в каждом случае зависят от конкретных исторических условий и уровня самосознания социальных групп, от того, какой класс ее требует и какие цели преследуются.

Идею свободы последовательно и глубоко могут выражать только трудящиеся классы, наиболее зрелые их отряды. Их экономическое положение и место, занимаемое в системе социальных и политических отношений, обуславливают возможность перехода идей свободомыслия в революционно-освободительные идеи. Однако это не означает, что данные классы всегда в состоянии правильно отразить в своем сознании свое общественное положение и способны логически переосмыслить и обобщить отраженное, оформить в стройные идеи. Это зависит от многих факторов. Может быть и так, что положение трудящихся масс отражается и аккумулируется в сознании и идеях других социальных групп, близко стоящих к ним или органически связанных с ними. Они по ряду причин в данный момент могут располагать более широкими возможностями для позитивного, порой правильного отражения в своих идеях разрозненных и стихийных чаяний и дум народа, в том числе трудящихся масс. Эти идеи часто бывают ограниченными и потому не имеют длительной перспективы. Но даже при этом, если они, воздействуя на сознание трудящихся масс, могут разбудить в них самосознание и чувство достоинства больше, чем какая-либо другая идея на данном историческом этапе, то их следует признать передовыми, независимо от того, какой класс их выдвигает. Скорее всего, носители этих идей, отражая свои взгляды, охватывают часть взглядов и трудящихся масс. Обычно в роли носителей выступают зарождающиеся классы и социальные прослойки, для которых проблема «жизненного пространства в занятом мире» очень острая. Но, не борясь против старых сил, не потеснив их, они не могут рассчитывать на удовлетворение своих требований. Как правило, на этом этапе ближайшие интересы и пути трудящихся

масс и новых классов, более передовых по сравнению со старыми, в определенных областях совпадают.

Самым многочисленным и абсолютно преобладающим классом – 9/10 населения – в Бухарском и Хивинском ханствах были крестьяне-дехкане, наиболее бесправная, угнетенная и подавленная часть общества. Около 25 процентов из них не имели земли, остальные владели небольшими участками. В положении тех и других дехкан не было существенного различия: одни большую часть урожая отдавали феодальной знати, на землях которых сидели, другие выплачивали налог ханским агентам. Взимания с дехкан носили тотальный характер.

Особенно тяжелым было положение бухарских дехкан. Прямые и побочные налоги, разбухавшие с каждым годом, пожирали более половины и без того низкого дохода крестьянских хозяйств¹ и держали их постоянно на грани разорения. Крестьяне вынуждены были прибегать к дополнительным промыслам по месту жительства или уходить в другие районы. По некоторым данным, в Хивинском ханстве на чистке государственных оросительных систем было занято до 33 тыс. человек, нуждавшихся в дополнительном заработке,² в Туркестане ежегодно насчитывалось до 20 тыс. отходников из ханств.

Основной фигурой дехканства были чайрикеры – издольщики. Чайрикерство – распространенный вид кабального труда в земледелии, регулируемое системой норм, частью выработанных властями, а частью ставших обычно-правовыми. Безземельные дехкане предлагали свой труд, малоземельные – труд и рабочий скот, иногда инвентарь – все это вкладывалось в землю собственников, взамен издольщики пользовались оговоренной долей урожая.

В сохранении и росте чайрикерства были заинтересованы баи, купцы и другие представители господствующего сословия, так как, вкладывая свои капиталы, орудия и рабочий скот в землю под проценты или под определенную долю урожая, они получали громадные прибыли, до 300 – 400 процентов и больше. Между тем крестьяне-чайрикеры, которые возделывали поля, оказывались опутанными сетью долговых и кабальных отношений и попадали в еще большую зависимость от богачей.

¹ См.: «Новый Восток», 1923, № 4, с. 73.

² Саматова Х. Победа народной революции в Хиве. – «Ученые записки юрфака САГУ», 1957. вып. 3. с. 120.

Дехканская масса была разрознена. Каждый дехканин жил своими интересами. От зари до темна он трудился в поте лица и для размышлений у него не было ни времени, ни возможностей. К тому же ислам так глубоко проник в его сознание, что иного порядка и иных отношений он себе не представлял. Дехкане почти сплошь были неграмотны. И ислам, и патриархальщина держали их крепко в своих объятиях.

Простолюдин куда бы ни шел, где бы ни находился, всюду натыкался на служителей культа: на площадях и рынках, в угрюмых и мрачных кельях медресе, в тихих закоулках дома. Такая обстановка одурманивания и низведения человека до положения простого орудия – объекта – наложила отпечаток на все стороны его жизни. Исламская религия так опутала население, что, казалось, оно смирилось со своей долей.

Угнетенные и униженные люди, способные порой на смелые поступки против угнетателей, часто не сознавали своего положения и еще меньше понимали его причины. Между фактическим положением тружеников и формой его отражения в сознании людей существует разница, которая во многом зависит от того, насколько человек подготовлен для аналитического и критического восприятия реального, среды и ситуации. Отрыв между фактическими условиями жизни и сознанием у бухарских и хивинских дехкан был значительным.

Крестьянство нуждалось в силах, способных его пробудить, просветить и посвятить в политику, в силах, могущих воспитать и внести в его сознание передовые идеи, а также вести за собой по пути освобождения. Таким руководителем мог стать пролетариат, но он еще не созрел для этой роли.

Промышленного пролетариата в этих районах как такового почти не было. Накануне первой мировой войны в Бухарском ханстве на предприятиях насчитывалось около 3,5 тыс. рабочих, в Хивинском ханстве – не более 400 – 500 человек.¹ Заводы в основном были небольшими – с 5 – 12-ю рабочими. Многие из них работали сезонно, большую часть времени отдавая сельскому хозяйству и потому сохраняя прочную связь с земледелием. Рабочие из местного населения трудились там, где требовалось выполнение простейших, но тяжелых операций. Их не обучали ни грамоте, ни какой-либо специальности, это считалось

---

¹ История Узбекской ССР. В 4-х т. Т. II. Ташкент, 1968, с. 379, 394.

ненужным. Такой рабочий мало чем отличался по своему уровню зрелости сознания от других слоев трудящихся. Немаловажно и то обстоятельство, что многие предприятия возникли в конце XIX – начале XX века, и местные рабочие еще не прониклись профессиональным промышленным духом.

В Бухарском эмирате особенно было развито мелкое ремесленное производство. По данным исследований О.А. Сухаревой, в конце XIX – начале XX века в нем насчитывалось не менее 10 – 15 тыс. ремесленников, которые вместе с семьями составляли около 25 процентов городского населения.¹

Возрастающее влияние русской промышленности в городах и на селе все значительнее отражалось на традиционном местном производстве, подрывало его основы. В результате чего усилилось недовольство среди ремесленников. Эта многочисленная трудовая прослойка городского населения по-своему, с позиций работника, занятого в сфере индивидуального или семейного мелкого производства, в числе первых социальных групп реагировала на колебания, происходившие в соседних странах и во внутренней политике страны.

В то же время ремесленники не меньше, чем другие трудовые слои населения ханства, были опутаны религиозным дурманом.

Как правильно указывает один из советских исследователей истории среднеазиатских ханств, «поголовная неграмотность, политическая отсталость населения и огромное влияние мусульманской религии были серьезной помехой в развитии классового самосознания и классовой борьбы трудящихся».²

Довольно многочисленной и разношерстной была группа, вовлеченная в орбиту рыночных отношений. В ней находилось немало дехкан и ремесленников, сбывавших свою продукцию, а иногда и товары других производителей. Это было для них дополнительным промыслом к основным занятиям и хозяйству. Но не они определяли статус рыночных отношений.

В категорию людей, сделавших торговлю основной формой деятельности, следует отнести тех, кто имел самостоятельный торговый капитал или вел самостоятельно торговые операции.

Весьма значимую и немалую группу торговых людей в ханствах составляли лица, которые скупали для перепродажи товары

¹ Сухарева О.А. Бухара XIX – начала XX в. М., 1966, с. 189 – 190.

² Материалы по истории компартии Таджикистана. Душанбе, 1963, с. 18.

местных производителей – ремесленников, кустарей, крестьян. Они были также связаны с русскими, индийскими и афганскими купцами и их агентами, привозившими промышленные товары, скупали их оптом, иногда брали на комиссию и расплачивались после их реализации. Эта группа занимала ведущее положение на внутреннем рынке. Ее представители со временем сколачивали капитал и нередко вкладывали его в ремесленно-кустарное производство, открывали свои мастерские, некоторые из них становились купцами-ростовщиками.

Другая группа торговых людей – купцов – занималась вывозом сельскохозяйственного сырья в Россию. Многие из них одновременно являлись крупными землевладельцами, а также хозяевами предприятий по первичной обработке сырья. Эти крупные купцы-промышленники вступали в конкурентную борьбу с русскими и татарскими купцами-промышленниками, стремившимися их подчинить себе. Данная категория торговых людей росла и развивалась с проникновением капиталистических отношений в ханство. Именно в этой группе формируется национальная компрадорская буржуазия.

Национальная буржуазия складывалась, с одной стороны, на узкой, ограниченной основе – на базе предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, отчасти ремесленных цехов, с другой – на базе перерастания торгового капитала в промышленный при активной поддержке русских предпринимателей и промышленников, стремившихся превратить их в надежную опору на местах для проведения политики интенсивной колониальной эксплуатации, причем главным образом хлопкосеющих районов.

Национальная буржуазия формировалась в период и в процессе усиленного проникновения в страну русских купцов и промышленников, когда под воздействием приложения внешнего капитала стал меняться облик и темпы местного сельскохозяйственного производства. Восемь отделений государственного банка и семь отделений частных банков России держали под контролем основные отрасли экономики страны.¹ Только за 10 лет поставка хлопка из Бухары в Россию увеличилась более чем в 2 раза и составила к 1915 году 2624 тыс. пудов. В Хивинском ханстве за 20 лет (1896 – 1916 гг.) посевы хлопка выросли почти

¹ История таджикского народа. с. 234. Т. II, кн. 2. М., 1964.

в 2 раза, а вывоз его в Россию – более чем в 4 раза.¹ По данным А. Ишанова, перед первой мировой войной в Бухарском ханстве функционировали 50 коммерческих предприятий и 10 посреднических контор, четыре транспортных общества, обслуживавших торговые связи России с Бухарой.² Именно вывоз хлопка, порожденный потребностями в нем промышленности России, ускорил формирование национальной буржуазии. Она появилась, можно сказать, на задворках капиталистической промышленности России и, в первую очередь, для обслуживания ее интересов.

Зависимое положение национальной буржуазии видно из того факта, что из 60 предприятий капиталистического типа, находившихся на территории Бухарского ханства, только семь принадлежали эмиру и местным владельцам, в Хивинском ханстве из 63 предприятий только 5-7 были собственностью местных богатеев.³ Остальные, т. е. около 9/10 заводов, фабрик и крупных мастерских, находились в руках русских промышленников. При таком соотношении сил соперничества между русскими и местными заводчиками фактически не существовало.

Характерно, что местные владельцы предприятий буржуазного типа в прошлом были купцы, многие из них продолжали успешно сочетать промышленное производство с торговлей и ростовщичеством. Поскольку они работали под эгидой торгово-промышленных домов и объединений России и выполняли их заказы, то как предприниматели они были сильно зависимы от них, в то же время на внутренних рынках они были более свободны и самостоятельны. Буржуазные отношения в Бухаре и Хиве затронули не все сферы экономической жизни этих районов. Они почти не коснулись отношений труда в сельском хозяйстве, в цехах ремесленников, политической и социальной организации общества в целом. Такое положение еще больше усиливало контрастность в системе общественных отношений и осложняло структуру социального конфликта.

Буржуазные отношения легли новым пластом на феодальные отношения в ханствах. Вместе с ними сюда проникли буржуазные просветительские, социально-нравственные, мировоззренческие, политические принципы, которые как передовые стали

---

¹ История Узбекской ССР. Т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956, с. 323.

² Ишаков А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 79.

³ История Узбекской ССР, с. 310, 325.

завоевывать сторонников, и в первую очередь среди оппозиционеров старой власти, а также патриотических слоев общества. На этой основе как в Бухаре, так и в Хиве возникли новые условия внутренней конфликтной ситуации в дополнение к старой.

Для национальной буржуазии эмирская и ханская власть была отсталой и крайне консервативной, так как не обеспечивала интересов буржуазных и обуржуазивающихся элементов, более того, она упорно отстаивала старое, средневековое. Между тем национальная буржуазия, в той или иной степени знакомая с порядками в России и в других преуспевающих соседних странах, хотела иметь больше свободы действия на рынках, гарантии своего имущества и личности, выгодную таможенную и пошлинную политику, возможность подготовки кадров для промышленности и связанных с ней отраслей хозяйства и т. д. Хорошо зная нравы власти, она желала несколько ограничить ее произвол и деспотизм, ввести в правительство своих людей или людей, сочувствующих ей, даже российских мусульман. Но местные торгово-промышленные круги сами не располагали сколько-нибудь серьезной силой, способной оказать давление на эмирскую и ханскую власть, чтобы удовлетворить свои интересы. Им был нужен союзник.

В то же время местная буржуазия не отвергала эмирскую и ханскую власть. Ей импонировали: а) решительность, с какой эта власть подавляла недовольство и бунты народных масс; б) политика, ведущая к массовому разорению дехкан, в результате которой создавался резерв свободных рабочих рук; в) невмешательство в дела местных торгово-промышленных кругов, что способствовало установлению своих порядков в области профессиональной деятельности; г) вековой опыт и престиж власти, обеспечивающие безопасность и новой привилегированной группе, и, наконец, д) поощрительная политика по отношению к русским купцам и промышленникам, которая была выгодна и местной буржуазии.

Таким образом, интересы предпринимателей и торгово-промышленных кругов не выходили за пределы существующих политических и социальных режимов и могли удовлетворяться в их рамках. В этом отразилась слабость, несамостоятельность, «средневековость» и компромиссная природа местной буржуазии в целом.

Однако это не означает, что в рядах национальной буржуазии

не было более решительных элементов, при удобных и благоприятных случаях могущих выступить с требованиями осуществления в ханстве буржуазно-демократических преобразований. Но эти элементы, в основном молодые просвещенные и патристические слои населения, в начале XX века были весьма малочисленны и слабы.

Местная интеллигенция как в Бухарском, так и в Хивинском ханствах формировалась: а) главным образом в мусульманских духовных школах; б) в атмосфере строгой цензуры над поведением и мыслями как внутри учебных заведений, так и за их стенами; в) изолированно от передовой европейской общественно-политической мысли и движения; г) в условиях официальной целенаправленной ориентации на отсталое восточное средневековье, на его теократические формы управления, мышления и взглядов; д) в основном из детей знати и служилых людей. Эти обстоятельства, условия и среда существенно влияли на умы, сознание и деятельность национальной интеллигенции.

В начале XX века в угрюмые кельи учащихся медресе – мулла-бачей, в контору мелкого молодого чиновника стали проникать идеи новой эпохи – эпохи торжества цивилизации, успехов науки и знания. К ним стали доходить отголоски народных революционных бурь, разбушевавшихся в соседних районах, в частности в России. Они пробудили надежду, зажгли искорки борьбы у трезво мыслящих, оппозиционно настроенных молодых людей. Их звало к общественной деятельности брожение среди национальной буржуазии, тяжелый, но еще глухой стон народа, деспотизм правителей, засилие ортодоксального духовенства, крайняя схоластика, господствовавшая в системе просвещения и обучения.

Почти все советские исследователи единодушны в оценке того, что джадидизм в начале XX века был движением национальной буржуазии. Так, известный исследователь истории общественной и философской мысли узбекского народа И. Муминов считает, что джадиды были идеологами «формировавшейся местной буржуазии».¹ Академик Б.Г. Гафуров полагает, что джадидизм как течение складывался после революции 1905 – 1907 годов и был «движением национальной буржуазии

---

¹ Муминов И. Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане. Ташкент, 1957, с. 4.

в Средней Азии». ¹ Такого же мнения придерживается авторитетный исследователь истории Бухары А. Ишанов. Он указывает, что «джадиды – идеологи национальной буржуазии». ² Аналогична позиция Х. Турсунова. В идейной платформе партии джадидов, как он отмечает, выражена «политическая линия национальной буржуазии». ³

Складывающаяся национальная буржуазия как носитель буржуазных производственных отношений в экономике, буржуазно-демократических идей в идеологии и политике противостоит консервативным силам, утверждающим средневековые порядки и институты. Это общее правило проявляется в каждой стране по-разному и облекается в различные формы в зависимости от конкретно-исторических условий и ситуации, в которых происходит формирование буржуазии. На пути своего возвышения она нуждается в союзниках, в поддержке части народных масс. Без этого ей не одолеть старых господствующих классов. Буржуазия становится «сторонником» народа, старается вовлечь его в борьбу за свое признание, за свое равенство, за свою свободу действий и, наконец, в борьбу за власть. Все это лишь методы достижения буржуазией своих классовых целей, и они отнюдь не отменяют социальной природы буржуазии и ее общественно-го назначения.

Буржуазия, борясь против средневековых порядков и традиций, провозглашая демократические лозунги, пусть даже самые ограниченные, объективно способствует созданию новой атмосферы, появлению перспективных общественных сил. В.И. Ленин указывал на необходимость видеть революционную сторону этого нового уклада жизни. ⁴

Национальная буржуазия в Бухарском ханстве, еще более в Хивинском, находилась на стадии формирования, и, являясь еще слабой и малочисленной, она выглядела еще более беспомощной на фоне хорошо организованной деспотической власти эмира и хана, разветвленных и могущественных учреждений много-

---

¹ Гафуров Б. Г. История гаджикского народа. В кратком изложении. Изд. 3. Т. 1. М., 1955, с. 475.

² Ишанов А. Создание Бухарской Советской республики. Ташкент, 1955, с. 43.

³ Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962, с. 145.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 252.

тысячного отряда мусульманского духовенства. Вследствие единства и мощи этих сил, обладавших властью и политическим аппаратом, армией и религиозными легионами, средствами и влиянием, опытом и связями, национальной буржуазии приходилось довольствоваться будничными задачами и малыми планами. Она не порвала связи с деспотической властью эмира и хана, с мусульманским духовенством, в глубине души она продолжала сохранять верноподданические и религиозные чувства.

Все это и другие факторы предопределили природу и поведение национальной буржуазии в ханствах. Выражением ее слабости и отражением специфических исторических условий, которые ее породили, явилось школьно-просветительское движение, возникшее в конце XIX – начале XX века. Первоначально это движение стояло в стороне от политики, придерживаясь позиции невмешательства в политику и в деспотический и анархический режим. Но затем архаичная эмирская власть, не желающая считаться с веяниями времени, и злобствующий консерватизм духовенства вынудили местную буржуазию перейти к другим формам борьбы, к требованию частичных изменений и реформ в системе управления.

Узок и ограничен круг деятелей национальной буржуазии. Они еще далеки от народа и отдают предпочтение индивидуальным, редко митинговым, формам деятельности. Над ними довлеет страх перед старыми классами, в удобных случаях они не прочь пойти на компромиссы. Только наглость и беспощадность эмира, феодалов и духовенства заставляют этих деятелей искать другого пути – пути борьбы.

Все это составляет особенности национальной буржуазии, которые, однако, не опровергают главного, что как в Бухарском, так и в Хивинском ханстве она была новой социальной прослойкой, несущей с собой такие идеи и планы, которые на фоне средневекового мракобесия, деспотизма и разгула исламского духовенства оказались шагом вперед.

Следует различать два аспекта вопроса. Когда речь идет о слабостях, об узости и ограниченности, словом, об особенностях национальной буржуазии, то имеется в виду ее внутренняя характеристика, ее отношение к своей активности, но когда речь идет о национальной буржуазии как о новой социальной прослойке и об ее позитивной роли в общественном развитии в

период становления и возвышения, то имеется в виду ее отношение к старым классам, олицетворяющим прошлое. «Ленинские принципы конкретно-исторического и партийно-классового подхода к анализу идеологических явлений исключают как недооценку революционных возможностей национальной буржуазии экономически слабо развитых стран, отрицание прогрессивных элементов в ее идеологии, так и противоположную крайность – чрезмерное преувеличение значения этих прогрессивных элементов, забвение двойственного, противоречивого характера буржуазной идеологии»,¹ – пишет один из исследователей данной проблемы.

Национальная буржуазия могла потерять свою революционность, если бы на общественно-политическую арену страны выступила более передовая общественная сила, чем она, если бы буржуазия блокировалась со старыми классами для борьбы с этой более передовой общественной силой и если бы, исчерпав свои классовые задачи, она занялась упрочением завоеванных позиций. Однако ничего подобного в Бухарском и Хивинском ханствах пока не было.

В целом национальная буржуазия в ханствах по времени формирования была молодой и находилась на стадии подъема как социальная прослойка. Однако по своей структуре она была довольно пестрой, разнонаправленной и противоречивой.

Местная буржуазия формировалась в основном в области рыночных отношений и очень незначительно в области промышленного производства. Она не имела самостоятельности и, в общем-то, плелась в обозе русской буржуазии и купцов. Она в слабой степени сознавала себя как самостоятельную силу, ее вполне устраивало существовавшее положение. Эти группы национальной буржуазии, будучи «молодыми» по возрасту, оставались «старыми» по мыслям и поведению.

Крестьяне-дехане, больше работавшие на рынок и производившие для него товар, опутанные отношениями капитала, вложенного под их производство, разумеется, постепенно превращались в мелкобуржуазные элементы и затем пополняли ряды национальной буржуазии. Однако основы их хозяйства, уклад и образ жизни оставались прежними, т. е. средневековы-

---

¹ Литман А. Д. В. И. Ленин и проблемы идеологии Востока. – В кн.: Ленин и Восток. М., 1960, с. 72.

ми, страх и глубокая вера в шарнат господствовали среди них по-прежнему.

Эти группы обуржуазившихся крестьян придерживались «старых» взглядов и образа мыслей.

Движение за «новометодную школу» – джадидизм – сформировалось не в деловой части национальной буржуазии Бухары и Хивы, а в ее молодых просвещенных кругах, отражавших потенциальные интересы нового класса и пытавшихся воплотить их в своих действиях. Именно поэтому движение называется младонациональным – младобухарским и младохивинским. Джадидизм есть движение не национальной буржуазии или «формирующейся» национальной буржуазии вообще, а ее наиболее активных и просвещенных молодых мелкобуржуазных слоев, по-своему осознавших интересы периода буржуазно-демократических преобразований.

Можно ли считать, что в начале XX века в Бухаре и Хиве на этапе общедемократической борьбы масс была другая, более организованная социальная прослойка, выступавшая с более радикальными требованиями, чем младонациональная буржуазия? На этот вопрос ответ может быть только один – отрицательный. Крестьяне-дехкане в идейно-политическом отношении были забитыми и инертными. Они неоднократно совершали бунты, временами имели решительных вожаков, но никогда не имели идеологов, программы и политической организации. «Вследствие крайней социально-экономической отсталости Бухары и Хивы дехканство было забитым и политически неразвитым. Среди подавляющей части народных масс сильным влиянием пользовались реакционное духовенство и родо-племенная знать».¹

Часть крестьянства, пробудившаяся к политической борьбе, как правило, на этапе национально-освободительного движения шла за национальной буржуазией и являлась основной социальной силой, которую она вовлекала в свою борьбу. В.И. Ленин не раз указывал, что в условиях, когда буржуазия Запада под мощным воздействием революционных событий в России начала XX века превратилась в контрреволюционную силу, «в Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение.

---

¹ Алимов И. Аграрные преобразования в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1970. с. 19.

Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни, миллионы людей», и «главный представитель или главная социальная опора этой, способной еще на исторически прогрессивное дело азиатской буржуазии – крестьянин».¹

Рабочий класс как в Бухаре, так и в Хиве только складывался, был малочисленным, раздробленным, в большинстве сезонным, полукрестьянским. Промышленного пролетариата, можно сказать, почти не было, тем более его организации или идеологов.

Между тем в литературе бытует мнение о зрелости и организованности рабочего класса и рабочего движения в этих районах Средней Азии. Некоторые исследователи заверяют, что революционное и национально-освободительное движение в Средней Азии, в том числе в Бухаре и Хиве, в конце XIX – начале XX века совпало с развитием рабочего движения в крае. Из этого утверждения делается вывод о том, что любое другое общественно-политическое течение в этих краях, не являющееся пролетарским или не выступающее под его лозунгами и идеями, не может быть прогрессивным. При этом ссылаются на характеристику В.И. Ленина ситуации, сложившейся в 1905 – 1907 гг., в которой говорится, что «в тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением...».² Это указание В.И. Ленина некоторые исследователи распространяют на Бухару и Хиву. С таким толкованием согласиться нельзя.

Данное ленинское замечание можно интерпретировать двояко: а) оно относится к России в целом и к таким ее развитым окраинам, как Грузия, Армения, Украина, Прибалтика и др., где господствовали буржуазные отношения и в интересующий нас период имелось рабочее движение. В этих землях национально-освободительное движение развивалось в связи с внутренним рабочим движением;

б) оно приемлемо, если полагать, что национально-освободительное движение угнетенных народов России поднималось в связи с русским рабочим движением в метрополии и под его воздействием. Именно это и происходило в Бухаре и Хиве.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 402.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 323.

Заверение в том, что в ханствах выступление младонациональной буржуазии включало и рабочее движение как самостоятельное движение, по меньшей мере умозрительное. Во многом субъективно и другое утверждение, что здесь в освободительном движении ведущей силой был рабочий класс и что именно он руководил этим движением.

В младонациональном по характеру буржуазно-демократическом движении принимали участие наряду со студентами медресе, мелкими и средними конторскими служащими и содержателями лавок и некоторые купцы, мелкое и среднее духовенство.

В этом нет ничего необычного. В любом демократическом и революционном движении, кроме основных движущих сил, имеются сопутствующие – это выходцы из других социальных слоев, в том числе из тех, которые занимают в обществе привилегированное положение. Отдельные представители этих классов примыкают к демократическому и революционному движению по разным причинам: одни хотят воспользоваться движением, чтобы добиться улучшения своей экономической и политической позиции, другие хотят изменить отдельные стороны существующего строя, третьи порывают со своей средой и включаются в движение, чтобы бороться с господствующим режимом. Следует учесть, что купцы в Бухаре, все больше втягиваясь в сферу капиталистических отношений, сильнее выражали свое недовольство старым, средневеково-клерикальным режимом. Вследствие этого часть из них могла участвовать в демократическом и революционном движении как временные попутчики, которые оставят его, как только оно перешагнет рамки их групповых интересов. Далее, в Бухарском и Хивинском ханствах не было светского образования. Национальная интеллигенция была воспитана в духовных учебных заведениях, поэтому участие передовой группы духовенства и даже его преобладание в отдельных районах младобухарского и младохивинского движения только подчеркивает особенность и узорность его социальных основ. А. Валиев правильно замечает, что «в первые годы возникновения этого течения большинство интеллигенции стало считать себя джадидами, так как слово «джадид» (в переводе «новое») в их представлении ассоциировалось с новым, прогрессивным в политической и общественной жизни».

Джадидское движение не было однослойным, классово очерченным. Оно стремилось объединить все силы, которые могли в той или иной степени помочь его укреплению. Иногда в вербовке в его ряды играли роль и интересы материальной поддержки движения.

На фоне господствующей средневековой отсталости и косности, крайне религиозного консерватизма и схоластики, проникших во все поры общественного организма, на фоне нетерпимости феодальной теократической власти ко всякому проявлению свободомыслия идеи младонациональной буржуазии, пусть даже узкие и примитивные, явились фактором, способствующим разрушению застойности и пробуждению демократических слоев населения.

Известно, что сторонники младобухарского и младохивинского движений пользовались поддержкой и симпатией русского населения Новой Бухары и русских солдат, расквартированных в ханстве. В дни гонений и репрессий со стороны эмира, духовенства и религиозно-фанатически настроенной части местных жителей они находили убежище в русских поселениях, пользовавшихся согласно договору с Россией правом экстерриториальности. Джадидисты-младобухарцы высказывались за введение в новых школах преподавания как естественных наук, так и русского языка. Они старались убедить местных чиновников в правоте своих идей и планов, пытались склонить их на свою сторону и через них убедить эмира в необходимости некоторых реформ. Все это говорит о наличии прорусской ориентации и среди джадидистов-младобухарцев. Разумеется, они преследовали цели молодой национальной буржуазии, но сама по себе такая ориентация в период господства исламского мракобесия и отчуждения от другой религиозной веры объективно в перспективе имела положительное значение.

В условиях тяжелого кризиса, охватившего систему внутреннего режима в ханствах, пробуждения масс и вовлечения их в общедемократическое движение в обществе постепенно образовалось два лагеря, объединявшие старые и новые силы. Внутри новой ориентации выдвигались и задавали тон радикальные элементы патриотической части населения, которые в борьбе с правым крылом приобретали опыт и закалку революционного действия.

По мере роста национально-освободительного движения противоречия между его правым и левым крылом углублялись: правые превращались в консервативную силу, а левые, все более освобождаясь от старых представлений и временных попутчиков, становились решительнее и настойчивее.

ГЛАВА II

РАЗВИТИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ В БУХАРЕ И ХИВЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ В 1917 ГОДУ

1. Подъем и революционизирование освободительных идей в Бухаре (февраль – октябрь 1917 года)

Февральская буржуазно-демократическая революция в России, сместившая царскую монархию и приведшая к власти Временное правительство, в далеком Бухарском ханстве была воспринята в разных слоях и группах населения по-разному. При всем разнообразии настроений народа нельзя было не видеть, что падение царизма явилось мощным импульсом к пробуждению народных масс и росту их политической активности.

Эмирский двор был в замешательстве, он переживал противоречивые чувства подданнической преданности новому правительству и страха за свое будущее.

Положение, которое занимало Бухарское ханство в политике царского правительства, вполне устраивало как эмира, так и его сановников. В критические моменты, в которых эмир и его двор часто оказывались в последнее десятилетие, им всегда приходили на выручку царские войска. Такое рвение политического представителя России, войсковых начальников, несших службу в этом районе, должным образом оценивалось эмиром, не скупившимся на пышные приемы и дорогие подарки своим покровителям и союзникам. Царизм выступал здесь как жандарм всякой борьбы за свободу и как пособник и соучастник умопомрачающих злодеяний эмирского двора и его агентов. До 1917 года сколько-нибудь серьезных разногласий между эмирским и царским правительством не отмечалось. Эмир был послушен, а царские чиновники выполняли в основном обязательства, взятые по ряду соглашений. Эмира устраивало то, что царское правительство не вмешивалось во внутренние дела ханства, по сути, оно санкционировало старый внутренний режим, который был выгоден и за который так упорно держался эмир. Более того, оно охраняло этот строй, потому что пользовалось полной

свободой экономического проникновения в страну. Оно было довольно и тем, что эмир и его двор не поддерживали связей с английскими и афганскими группами, пытавшимися распространить свое влияние на Бухару. Эмирский двор не стремился к отходу от русской политики, что весьма ценилось царским правительством.

В эмирском окружении, среди ярких приверженцев ислама – крупного духовенства, влияние которого на политику эмира и его сановников было огромно, господствовало другое умонастроение – идея о независимом от России управлении страной, политической и идеологической ориентации на центры ислама на Востоке. Но это идейное течение внешне ничем себя не проявляло, оставалось внутренне скрытым.

При всем этом одно бесспорно: в глазах эмира и его окружения царская Россия выглядела державой-твердыней, хорошими взаимоотношениями с которой следовало дорожить. В этих условиях весть о Февральской буржуазно-демократической революции и свержении царя была громом среди ясного неба. Беспокойство по поводу изменений, боязнь провозглашения Временным правительством «демократических» свобод, в то же время надежда на возможность использовать «право автономного развития наций и народов» в эгоистических целях – все это смешалось и составило далеко не ясное и не определенное представление эмирского двора о настоящем положении дела.

Бухарский эмир и его вельможи связались с Российским агентством и по его совету направили Временному правительству несколько приветственных телеграмм с выражением верноподданнических чувств, с пожеланием удачи в политике и победоносного завершения войны. Эмирское правительство думало остаться в стороне от бурных революционных событий в России, но вскоре столкнулось с новым революционным выступлением масс, которое охватило все народы, входившие прежде в состав России. Пламя освободительной борьбы, зажженное революцией в империи, быстро распространялось и среди населения эмирата. Однако правящие круги ханства не собирались сдавать своих позиций и идти на какие-либо уступки, диктуемые новым веянием.

Не на шутку встревоженное эмирское правительство поспешило заверить российского резидента в соблюдении им существующих ныне договорных отношений и вступлении на путь широких реформ. Это была формальная дань времени.

Временное правительство преобразовало Политическое агентство России в Бухаре в Российское резидентство. Агент-резидент Миллер и его служащие продолжали осуществлять старую политику в ханстве. Правда, под давлением внутренних революционных и прогрессивных сил они приступили вместе с вельможами эмира к разработке плана-проекта возможных реформ в ханстве. Эта работа, по сути, являлась продолжением той, которая была начата в Управлении Туркестанского генерал-губернаторства и в Министерстве иностранных дел царской России. Разумеется, никто не собирался в скором будущем проводить какие-либо демократические преобразования в стране. Такая политика резидента скоро пришла в противоречие с той обстановкой, которая сложилась в ханстве под воздействием революционных событий в России.

В городах и поселках, заселенных преимущественно русскими, Февральская буржуазно-демократическая революция была встречена очень бурно.

Сходки и митинги, на которых открыто обсуждались злободневные политические проблемы, стали правилом. В них принимали участие почти все группы русского населения – от рабочих и солдат до торговцев и офицеров. Падение царской монархии и провозглашение демократических свобод были восприняты с горячим одобрением, особенно в рабочей и солдатской среде. Слабые голоса кучки монархистов и их подчеркнутая сдержанность потонули в лавине ликующего движения революционных масс.

К середине марта 1917 года в Новой Бухаре, Чарджоу, Термезе, Керках и в других поселениях по примеру центра России были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов и их исполнительные комитеты.¹ Вокруг этих органов стали собираться передовые, демократические и революционные силы как русского, так и местного населения.

Правда, во главе Советов, возникших как органы революционных масс, и их исполнительных комитетов в ряде мест оказались соглашательские, нерешительные элементы, которые нередко шли на поводу резидента, проводившего политику Временного правительства. Наиболее передовой революционной силой были рабочие и те их организации, которыми руководили большевики.

---

¹ Ишанов А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 100.

Революционный энтузиазм русских рабочих оказал значительное влияние на те демократические группы местного населения, которые общались или были связаны с ними. Один из современников этих событий, хорошо знавший внутреннюю жизнь Бухары, отмечал, что известие об упразднении самодержавия, манифестации в русских поселках, образование там Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, речи о равноправии народов вызвали заметную активизацию прогрессивных групп «среди мусульман».

Русские рабочие Новой Бухары, Чарджоу, Керки и других населенных пунктов установили контакт с передовыми деятелями младонационального движения – младобухарцами и нередко выступали с общими требованиями против политики местных агентов Временного правительства. 10 апреля 1917 года резидент в своей секретной телеграмме военному министру писал: «Несмотря на полное единение резидентства с новобухарским исполкомом и находящимися здесь при прибывшей из Самарканда роте членами самаркандского комитета, среди рабочих и младомусульман идет основанная на провокационных слухах агитация о замене нас новыми людьми. Считая несение ответственной работы при таких условиях совершенно непосильным, я и Шульга ходатайствуем об отозвании нас из Бухары».¹ Они чувствовали, что революционная волна может смести их вместе с эмиром. 16 апреля резидент Миллер «за потворство старому режиму был арестован местными органами революционной власти».² С этого времени официальное представительство в Бухаре перешло в руки временного управляющего резидентством.

С известием о Февральской революции в ханстве началось брожение еще более широкое и активное, чем прежде. Студенты – мулла-бачи и молодые преподаватели – муддарисы проводили много времени в спорах и диспутах на политические темы. Не менее оживленно было в кварталах ремесленников, торговцев и чиновников. Повсюду стихийно возникали сходки и собрания, даже перед мечетью в молитвенные дни и возле шумных восточных базаров.

Медленно пробуждалось и дехканское население. Неуплата налогов, избиение или изгнание эмирских агентов, протесты и волнения стали частым явлением в бухарских кишлаках.

---

¹ ЦГВИА, ф. 400. оп. 263 / 916, д. 35. л. 41.

² Там же, л. 60.

Довольно быстро происходил процесс поляризации взглядов и установления социально-политической ориентации, в особенности среди местного населения столицы эмирата – Бухары. Силы демократического движения составили один лагерь.

Оно было пестрым и разноклассовым. На начальном этапе его сторонников объединяло недовольство эмирской властью и порядками в стране. Под знаменем другого лагеря, выступившего за сохранение и консервацию старого режима вообще, за полновластие шариата и его догм в частности, собрались клерикалы и твердолобые эмирские вельможи и фанатики.

Это был лагерь реакционных сил во главе с ортодоксально-консервативным мусульманским духовенством.

Разноликий демократический лагерь, хотя рос и быстро, был еще слаб, эфемерен и не имел сплачивающего начала. Его сторонники действовали группами и стихийно примыкали к возникавшим сходкам, собраниям и манифестациям, на которых обсуждались вопросы экономической и политической жизни в ханстве. Среди оппозиции была одна более или менее организационно оформленная группа – группа младобухарцев. Их преимуществом было то, что они имели некоторый опыт организации и борьбы в дореволюционную эпоху. Младобухарцы пытались влиять на демократическое и революционное движение в целом и даже стать во главе его.

Крушение царской монархии и первые акты Временного правительства, в которых провозглашались равенство народов империи, отдельные демократические принципы организации власти и переустройства общества, были восприняты оппозицией, в особенности младонациональными лидерами – младобухарцами, как обновление эпохи и наступление этапа открытых и смелых действий за свои идеалы, в том числе за реформацию системы управления в Бухаре. В смене царской монархии буржуазным правительством они видели подтверждение туманно представлявшихся им ранее, в то же время заманчивых идеалов о необходимости перехода от феодализма и клерикализма к демократии. Смятение в царском резидентстве при эмире, брожение среди расквартированных в городе царских войск, дипломатические шаги и послания эмира Временному правительству о признании последнего, но особенно митинги и шествия с красными знаменами и речи о свободе в рабочих кварталах

Новой Бухары, Чарджоу и Керках – все это явилось благоприятным моментом как для легализации деятельности разрозненных демократических и революционных групп, так и для активизации их действий. Младобухарцы, прежде увлеченные просветительскими идеями и лозунгами о реформе отдельных сторон политической системы в стране, теперь целиком переключились на решение политических проблем. В их программе требование установления конституционно-парламентских форм управления страной вместо теократической и феодальной тирании выдвигается на первый план. Для осуществления поставленной задачи «они развернули широкую агитацию среди населения, призывая русских поселенцев и солдат помочь им в этом».¹

После февраля 1917 года деятельность младобухарцев приобретает оттенки партийной работы, создается Центральный комитет партии.² Как сообщал российский резидент в Бухаре, этот комитет состоял из 14 человек, причем двое из них были русскими подданными.³

У младобухарцев растут сторонники и сочувствующие, к ним примыкают временные попутчики, даже элементы неопределенной ориентации, увлеченные их новизной и популярностью. Под знаменем младобухарского движения на начальном этапе объединились многие патриотически настроенные националистические элементы, среди которых кроме представителей молодой национальной буржуазии были и трезво мыслящие люди, в основном молодое поколение мусульманского духовенства, понявшее губительность для страны системы управления, поддерживаемой эмиром и консервативно-ортодоксальной прослойкой духовенства. В движение влилось и немало торговых людей, недовольных теми или иными сторонами политики правительства эмира. Каждая из групп преследовала свои цели и руководствовалась своими интересами. Они по разным причинам находились в оппозиции к официальной власти и, следовательно, по-разному были «революционны». В свою очередь, руководящее ядро младобухарцев надеялось использовать их

---

¹ Макашов А. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1957, с. 33.

² Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 19.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 53.

хотя бы на этапе становления и легальной деятельности партии в борьбе за буржуазно-демократические преобразования. На местах сторонники партии младобухарцев создают ее новые группы и ячейки, число которых увеличивается весьма быстро. В марте – апреле 1917 года только в одной Бухаре насчитывалось около 50 групп и ячеек младобухарской ориентации. Подобные кружки возникали и в других городах ханства.¹ По данным резиденции, к середине апреля 1917 года в рядах партии младобухарцев было около 200 членов.²

Растущее сочувствие части городского населения и приток новых сил в организации младобухарцев окрыляли их и придавали им больше уверенности. Они были одержимы необходимостью изменения структуры управления путем усиления влияния в ней средних классов и просвещенной интеллигенции, установления их контроля над высшей властью, над администрацией. Требования умеренного крыла младобухарцев в этот период сводились к следующему: а) учредить представительный орган «от народа» с наделением его правами контроля над администрацией; б) провозгласить свободу школ и печати; в) отменить налоги, за исключением установленных шариатом; г) сменить некоторых фанатичных и реакционных сановников из окружения эмира.³

Эти преобразования не затрагивали основ существующего строя и не выходили за рамки самой феодальной демократии. Младобухарцы понимали, что эмир и его окружение вряд ли пойдут на эти ограничения по своей инициативе, без давления извне. В то же время младобухарцы сознавали, что у них мало сил для давления на эмира. Тем более они не помышляли о решительных самостоятельных действиях с целью осуществления своих планов. Исследователи единодушны во мнении, что между младобухарской организацией и предреволюционным джадидизмом имеется органическая преемственная связь и в то же время различия, обусловленные ступенями развития одного общего процесса. В свое время О. Головацкий заметил, что «под влиянием революции 1917 года, под влиянием тех событий, которые произошли в Бухаре, на базе джадидизма выросла новая организация – младобухарская партия», но не-

---

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре, с. 19.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 53.

³ Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 100.

верно говорить «о простом перерастании джадидов в младобухарцев».¹

В послефевральский период внутри младобухарской организации наметились две группы: правая и левая. Одна требовала более решительных действий, чтобы вынудить эмира пойти на реформы и установить конституционную буржуазную монархию или даже республику. Она настаивала на сочетании легальных методов работы с нелегальной деятельностью партии. Эту группу именовали «молодыми джадидами», в нее входили преимущественно студенты, молодые поэты и писатели, учителя, конторщики. Другая часть выступала за легальные умеренные действия в форме ходатайств и апелляции к эмиру и некоторым высокопоставленным чиновникам, которые, по их мнению, сами пойдут на уступки. Сторонников этой группы называли «старыми джадидами». Однако разногласия между группами были в то время не столь острыми, чтобы привести к расколу.²

В тактике действий младобухарцев, которой они придерживались в первые месяцы после Февральской революции в России, выделяются три момента.

1. Установление более тесной связи с революционными русскими рабочими и солдатами и их организациями в Новой Бухаре, использование их как поддержки, а в дни гонения — как защиты. По мере развития революционного процесса в стране эта связь все более укреплялась. Левые группы младобухарцев нередко принимали участие в собраниях и манифестациях, устраиваемых русскими рабочими и солдатами, поддерживали с ними личные контакты и координировали некоторые свои действия. Младобухарцы и рабочие комитеты в Новой Бухаре выступили с общим требованием о смещении с поста резидента Миллера, поддерживавшего эмира. Об этом неоднократно доносили с мест в Азиатский отдел Главного штаба в Петербурге.³ О связи между демократической и революционной частью русского населения и младобухарцами говорит в секретном донесении в Петербург от 21 апреля 1917 года⁴ и временный управляющий резидентством. Эмирское правительство было очень встревожено этим

¹ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 17.

² См.: Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. I. Ташкент, 1970, с. 96.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 41.

⁴ Там же, л. 63.

обстоятельством и пыталось изолировать младобухарцев от русских рабочих и солдат.¹

2. Обращение младобухарцев в центральные органы Временного правительства с изложением своего отношения к революционным событиям в России и взглядов о необходимости проведения реформ в Бухарском ханстве. В этом плане интересна телеграмма от 15 марта 1917 года, направленная деятелями младобухарцев председателю Государственной думы, министру юстиции Керенскому и др. «Мы, бухарцы, – начиналась она, – находящиеся всегда под покровительством великой свободной, нераздельной России, от души радуясь, приветствуем и искренне приносим новой возобновленной России свои дружеские поздравления. Великая Россия в лице своих преданных сыновей свалила безвозвратно старый, деспотический режим, основала на месте его свободное демократическое правление. Покорно просим у нового русского правительства в непродолжительном будущем указать нашему правительству [изменить] образ правления на основе свободы и равенства, чтобы могли мы гордиться, что находимся под покровом великой свободной России».² В телеграмме важны те места, в которых дана характеристика режима эмира и изложен политический идеал, к которому стремились младобухарцы. Он определен как «образ правления на основе свободы и равенства».

Имеются сведения о том, что партия младобухарцев с подобными просьбами обращалась и к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

3. Встречи лидеров младобухарцев с чиновниками бухарского резидентства Временного правительства. С их помощью они хотели убедить эмира и его сановников в необходимости осуществления реформ сверху.

Эмир, которому были известны требования младобухарцев и части присоединившихся к ним торговых людей, не собирался идти на уступки, он намеревался отстаивать старую систему любыми средствами.

Временное правительство и его органы, занимавшиеся вопросами восточных окраин, в том числе Бухары и Хивы, а именно Азиатский отдел Министерства иностранных дел и Азиатская часть

---

¹ Там же, л. 67.

² Там же, лл. 10-11.

Главного штаба Военного министерства в своей политике исходили из основной предпосылки – поддерживать эмира и сохранить его власть, не вводить каких-либо кардинальных изменений в управление, по крайней мере до окончания мировой войны. В то же время эти органы сознавали, что в данной ситуации трудно обойти требование демократизации управления в ханстве, тем более не реагировать на них. Надо было ослабить напор масс, и с этой целью в высших правительственных кругах решили пойти на формальные реформы управления, не изменяя существующее статус-кво в ханстве. Резидент, получив указание из Петербурга, «убедил» эмира и высших должностных лиц при дворе в необходимости выступить ему с публичным заявлением о желании упорядочить налоговую систему и бороться со злоупотреблениями в стране.

Заручившись согласием эмира, резидент принял за составление проекта реформы, который затем в основных пунктах был одобрен в Петербурге. Как сказано в одной из записей того времени, составленных в Азиатском отделе Министерства иностранных дел, правительство «сочло необходимым вступить на путь широких реформ», но полагало нецелесообразным вводить их немедленно «ввиду отсутствия в Бухаре лиц не только с европейским образованием, но хотя бы с общей практической подготовкой... отсутствия в Бухаре сколько-нибудь значительных демократических групп».¹

В Министерстве иностранных дел было известно о младобухарцах, выступавших с требованиями нововведений в ханстве. Однако даже их скромные программы и лозунги показались Временному правительству и его органам слишком радикальными.

Мотивируя тем, что младобухарцы малочисленны, не пользуются среди населения таким влиянием, как, скажем, духовенство, они не видели в них «созидательной силы», на которую можно опереться в проведении намеченной в ханстве реформы. В Петербурге считали, что «небольшая группа так называемых «джадидов» (сторонников реформ) состоит, согласно имеющимся сообщениям членов бывшего Туркестанского комитета и донесениям управляющего резидентством, из людей, не пользующихся влиянием и по своему уровню почти не пригодных к созидательной работе».²

---

¹ АПВР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 308, л. 17.

² Там же.

Временное правительство и бухарское резидентство в скромных, на первый взгляд, требованиях младобухарцев видели угрозу устоям эмирской власти. Движение младобухарцев им представлялось более опасным, чем другие течения в ханстве, в плане его воздействия на сознание отсталых народных масс. Временное правительство было не прочь привлечь их на свою сторону. Внешне оно делало вид, что хочет поддержать их требования и лозунги, а само втайне обещало эмиру помощь в его борьбе с младобухарцами. Через своего резидента и других чиновников, находившихся в Бухаре, оно делало все, чтобы изолировать от масс активных членов младобухарской партии и даже расправиться с некоторыми из них. Резидент Миллер, приняв накануне мартовского манифеста представителей младобухарцев, заявил, что требования их он считает «слишком большими и утопичными».¹ Его первый секретарь Шульга в секретном письме кази-калян у отмечал, что движение младобухарцев все больше распространяется в ханстве и собирает все больше сторонников. Эмиру следует беспощадно расправиться с ними. В этом деле русское резидентство обещало ему полную поддержку.²

Работа по выработке проекта реформы не заняла много времени потому, что, во-первых, в нем рассматривались только те положения, которые были уже согласованы в органах эмирской и центральной власти, и, во-вторых, намерение эмира предполагалось огласить сначала публично в виде краткого манифеста. Советы и предложения российского резидента по реформе нашли одобрение при дворе эмира. Он обсудил детали и практические стороны рекомендаций в кругу своего правительства. Было решено привлечь на свою сторону часть правого крыла младобухарского движения и, опираясь на нее, изолировать радикальных членов партии, чтобы ослабить их позиции и «вредное влияние» на общественно-политическую жизнь страны. Намечалось собрать влиятельную часть местного купечества, поговорить с ним, включить его представителей в комиссии, которые будут созданы как органы по выработке рекомендаций по «оздоровлению» управления, хозяйства и просвещения. По мнению резидента и эмирского двора, следовало создать шесть комиссий: судебную,

---

¹ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 20.

² Там же, с. 26.

административную, по городскому самоуправлению, налогам, торгово-промышленную и народного образования. 20 марта 1917 года в секретной телеграмме российский резидент сообщал в Петербург: «Сегодня его высочество пригласил меня в Арк,¹ подробно обсуждал предстоящие реформы и текст манифеста к народу, имея в виду в этом манифесте в общих чертах наметить предложенные коренные реформы.

Его высочество находит необходимым для начала создать из видных представителей купечества и, главным образом, сторонников либеральных течений шесть комиссий».²

Как показал дальнейший ход событий, намерение организовать комиссии, которые занялись бы вопросами изменения внутренней административно-судебной и экономической структуры ханства, не было реализовано. Комиссии так и не были сформированы, хотя Временное правительство неоднократно обращало на это внимание эмира, кушбеги и других высших сановников Бухары. Надо полагать, все это было показной мерой.

7 апреля 1917 года эмир обнародовал манифест. На церемонии в тронном зале присутствовало до 2000 человек: муллы, казии, чиновники, кустари, ремесленники, резидент, а также представители Ново-Бухарского и Самаркандского Советов рабочих и солдатских депутатов.³ В этот же день эмир телеграфировал Временному правительству о том, что «сегодня мною особым манифестом в Старой Бухаре возведено народу о твердом решении моем произвести коренные реформы всех частей правления ханством, в согласии с вековыми верованиями и обычаями Бухары».

В манифесте подчеркивалось, что «единственной основой всех улучшений и полезных изменений может быть лишь священный шариат». Эмир заверял, что «будут положены незыблемые основания в ханстве промышленности и торговли, в особенности с могуществом справедливого отправления правосудия и взимания хераджа, зякета и других налогов. Чиновничеству и всем служащим лицам, над которыми будет установлен контроль.

---

¹ Арк – резиденция эмира.

² АВГР, ф. «Среднеазиатский стол», оп. 485, д. 308, л. 15.

³ Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 89; Макашов А. Утверждение Советской власти в Центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1957, с. 34.

будет определено содержание с воспрещением каких-либо вознаграждений за служебные действия. Нами будут затем приняты все меры к развитию и поощрению в стране полезных знаний науки, в точном согласии с повелениями шариата».¹ В области реорганизации управления манифест содержал указания: «Избрать совет достойных, уважаемых народом людей, каковые и озаботятся об оздоровлении и благоустройстве столицы Нашего ханства».²

В манифесте говорилось об определенных нововведениях, которые при реализации могли бы оздоровить систему внутреннего управления, в то же время указывалось на необходимость проводить эти планы в строгих рамках законов шариата, что практически исключало возможность их осуществления. Далее, обещанные изменения были совершенно неконкретными. Манифест не называл ни срока, ни форм их введения. Он не отвечал и на вопрос, каким образом будут выполняться эти обещания.

Манифест не был дарованным актом народу со стороны эмирской власти. Он был вырван длительной борьбой народных масс и их передовых представителей против господствующего режима. Сам факт публичного выступления эмира с обещаниями добиться «широкого улучшения всех отраслей нашего управления» был известной победой сил оппозиции. Нельзя не вспомнить, что накануне Февральской революции всякая мысль о частичном изменении структуры и режима управления в ханстве встречала при дворе ожесточенный отпор, теперь же эмир и его вельможи молчаливо приняли манифест, в котором имелось немало неприятных для них понятий. Такое поведение обуславливалось растущими требованиями масс и желанием ослабить их, не дать разрастись революционным выступлениям в ханстве.

Манифест даже в таком виде был лживым потому, что никто из ответственных ханских чиновников, которые одобряли его, и сам эмир не думали о реализации содержащихся в нем обещаний, он был рассчитан на выигрыш времени, на разжигание междоусобной борьбы в народе между его религиозно-фанатичной частью и либерально-демократическими слоями.

---

¹ Приводится по кн.: Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 101.

² Там же, с. 101-102.

Весть о манифесте, как только его зачитали во дворце, в мечетях, на площадях и рынках, с быстротой молнии облетела все кварталы Бухары. Под свежим впечатлением в городе стихийно возникла манифестация. Младобухарцы, обещавшие резиденту не участвовать в ней, несмотря на это, пытались стать во главе демократической массы, направлявшейся к дворцу эмира. Агенты в свою очередь стремились завладеть толпой.

Разные мысли и разные настроения обуревали демонстрантов. Они по-разному расценивали последствия манифеста, по-разному относились к эмиру. Среди одной группы преобладали оптимизм и удовлетворенность манифестом как чуть ли не последним словом свободы, в другой полагали, что манифест только начало, далее последует конституция и всеханский народный парламент (меджлис). Многие демонстранты верили в эмира, в его возможность перестроить управление в ханстве на демократических началах. Такие надежды смешивались с чувством боязни перед эмиром, перед его злым гением.

Трудовое население Бухары, которое веками терпело насилие и угнетение и в среде которого зародилось и накапливалось возмущение против эмирской деспотии, восприняло манифест как ожидаемое и желанное. Такое настроение понятно. Трудовые массы долго терпели неограниченный произвол много тысячной армии агентов-чиновников и безбрежную анархию, насаждаемые и поддерживаемые властью. На этом фоне манифест казался чем-то необычным, новым и обещающим что-то лучшее. Младобухарцы и их сторонники по примеру русских рабочих и Совдепов в русских поселениях устраивали уличные шествия и манифестации, организовывали летучие митинги. Разноголосие идейных убеждений и социальных чувств участников отразилось в их лозунгах и выступлениях. В них смешалось новое и старое: наряду с демократическими и патристическими призывами можно было встретить выражения приверженности к эмиру и шариау. В этом проявилась одна из особенностей идейного движения в Бухаре того периода.

В противовес ликующей толпе, вышедшей на улицу, в эти же часы лихорадочную деятельность развили те, кто противился любой реформе и кто встретил эмирский манифест с нескрываемым раздражением, квалифицируя его как «нарушение предписаний шариау», «отступление от священной веры», как

разрушение традиционного и векового, даже как святотатство. В этом лагере реакции ведущую роль играло мусульманское духовенство с крайне консервативными взглядами на жизнь и общественно-политические отношения. Оно тонко сыграло на сознании верующих и направило их в первую очередь против «заядлых оппозиционеров» – младобухарцев и их активистов. Духовенство быстро и решительно готовило войну против демократии, против сил, которые вынудили эмира пойти на принятие манифеста, используя для этого фанатично преданные ему слои населения. По указке духовенства многотысячная разъяренная толпа с ножами, дубинами и железными прутьями бросилась на мирных демонстрантов и учинила жестокую физическую расправу над ними.

Так, в первые же часы провозглашения эмирского манифеста произошло резкое размежевание народа на два лагеря: лагерь демократических сил, жаждавших общественного обновления и встретивших манифест как положительное явление (в нем видную роль играла партия младобухарцев), и лагерь реакционных и религиозно-фанатичных сил, ожесточенно державшихся за старые порядки и ревностно защищавших незыблемость шариата.

Эти два лагеря встретились лицом к лицу сразу же после выхода манифеста. Но силы были неравные. Лагерь оппозиции и демократии был слабо организован и подвержен стихийности. Он складывался на преходящем энтузиазме населения, на туманной надежде на лучшее. Младобухарцы, претендовавшие на роль «лидеров» движения, сами не были единодушны и не имели разработанных планов действия и установок. У них не было опыта руководства массовым движением, так как оно никогда не выходило за рамки узкой позиции младобуржуазных либералов и революционеров, сложившихся в условиях отсталого мусульманского средневековья.

В среде младобухарцев и их сочувствующих высказывались и за примирение с эмиром после выхода манифеста. Это настроение притупляло и ослабляло силу демократии и оппозиции. Были среди них и сторонники решительных действий, правильно оценивавшие происходящие события. Именно они, выступая на митинге в день демонстрации городского населения, заявляли об эмирском манифесте, что в нем много обещаний, но мало га-

рантии их выполнения и еще меньше надежды на то, что эмир и его окружение скоро их осуществят.

Манифестанты и младобухарцы не выдержали натиска реакционеров и стали спасаться от преследователей кто как мог. Немало из них поплатилось жизнью за неорганизованность и беспечность, за веру в эмира и «спасительную» миссию мусульманского духовенства.

Кровавая расправа с младобухарцами началась на следующий день после обнаружения манифеста. Самолюбивый эмир-палач, его надменные вельможи и высшее духовенство, кичившиеся своим святым родословием и влиянием во всей мусульманской Азии, были уязвлены сборами и митингами городского населения, на которых произносились речи о реформе и свободе, а не о доблестных предках эмира и не о коране. По законам шарията митинги и собрания, не связанные с днями религиозных и иных официальных праздников, считались запрещенными мероприятиями. Более того, обсуждение вопросов управления, политики руководства и поведения чиновников были прерогативой эмира и его правительства. Манифестация масс, хотя в целом она ничего серьезного не замышляла против режима эмира и духовенства, была встречена официальными властями с явным неудовольствием. При виде красных знамен, под которыми шли младобухарцы и их сторонники, а затем под влиянием долетавших до них голосов недовольства эмирской волей – его манифестом – мужи-правители, потеряв терпение и рассудок, дали сигнал реакции для расправы с оппозицией, главным образом с младобухарцами. Служители культа и их легионеры, религиозно-фанатичное население тотчас начали бесчеловечную физическую расправу со своими идейно-политическими противниками.

В манифестации участвовало от 5 до 7 тыс. человек, по некоторым сведениям – от 3 до 5 тыс. человек. Духовенство собрало около 10 тыс. своих сторонников.¹ В рядах реакции находились также эмирские воины-сарбазы, активно участвовавшие в разгоне манифестантов,² в аресте младобухарцев. Столкновение двух лагерей обнаружило явную слабость первого и неспособность его оказать сопротивление. К этому демонстранты были не готовы и не готовились. Разъяренная фанатичная толпа, ведомая

---

¹ Ю. Бухара. – «Жизнь национальностей», 1919, № 13.

² История Узбекской ССР. Изд. 2. Т. 1, кн. 2. Ташкент. 1956, с. 414.

не менее фанатичным духовенством, избивала манифестантов, приводила в духовный суд, сажала в тюрьмы.

Крупный исследователь истории Бухары А.И. Ишанов писал об апрельских событиях следующее: «Духовенство, получив поддержку эмира и его правительства, приступило к поголовному истреблению руководителей и видных участников демонстрации 8 апреля 1917 г. Был составлен список, в который были занесены имена всех «подозрительных» и «ненадежных» лиц. Большую помощь духовенству оказали миршабы и их джигиты, рансы, казии во главе с кази-каляном».¹ Основной удар реакции был нанесен по младобухарцам. Их обвинили во всех грехах, представили в глазах народных масс разрушителями веры и привычного уклада жизни, нарушителями спокойствия и потому отверженными шариатом, чтобы вызвать у населения ненависть к ним и подогреть фанатизм верующих. Один из осведомленных лиц писал об этих днях в Бухаре, что реакционные муллы, подстрекаемые высшим духовенством, распространяли призыв: «Умрем за шариат, казним вероотступников – джадидов-младобухарцев».²

Уцелевшие младобухарцы, преследуемые эмирской властью и религиозными фанатиками, нашли убежище и активную поддержку в Новой Бухаре и у «левой социалистической части Каганского Совета рабочих и солдатских депутатов»,³ а также у членов «Клуба российских мусульман-рабочих», который был образован после февраля 1917 года.⁴ Манифест и последовавшая за ним кровавая расправа над мирными демонстрантами вообще, над активистами младобухарского движения в частности, усилили и ускорили развитие антагонизма между лагерем реакции и демократии. Эти события развеяли иллюзии, которые были у представителей оппозиции. У передовой массы и либеральных слоев общества на многое открылись глаза. Все происшедшее как нельзя лучше способствовало углублению революционного процесса в ханстве. Социально-политическую обстановку этого периода в Бухаре можно назвать обстановкой ускоренного революционирования освободительных и демократических движений, развития общественных отношений в целом влево.

¹ История Узбекской ССР, с. 415.

² ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 56.

³ Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 25.

⁴ Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 109.

«Несмотря на мое категорическое запрещение каких-либо манифестаций в Старой Бухаре, – доносил резидент в Петербург об этих днях, – таковая была устроена 8 апреля утром и вызвала восстание городского и пригородного населения... С утра до половины седьмого вечера я был в Старой Бухаре в Арке, помогая кушбеги в его переговорах с исступленной толпой, требовавшей казни сторонников реформ – вероотступников».¹

Резидентство и его руководитель Миллер были на стороне эмира и реакционных групп, хотя внешне пытались казаться лояльными и даже поборниками демократических преобразований в ханстве. Резидент, пользуясь связями в Новой Бухаре, в исполнительном комитете, с помощью своих агентов составил список активных членов младобухарской партии и в дни кровавой расправы представил его к услугам эмирского правительства. Вследствие этих обстоятельств движение против эмира и махровой реакции, возникшее после кровавой расправы с мирными демонстрантами, как ответ на их акцию, явилось одновременно движением против резидентства и самого Миллера. Его возглавили революционные группы из Новой Бухары, в основном русские революционно настроенные солдаты. К ним присоединились местные рабочие, объединенные вокруг «Клуба российских мусульман-рабочих». Все вместе они организованно выступили в защиту младобухарцев, поддержали их требования и развернули активную деятельность по предотвращению казни арестованных активистов партии. Помощник резидента Шульга за связь с эмирским двором для борьбы с младобухарцами по решению исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов был подвергнут домашнему аресту.

Гражданский комитет по управлению Туркестанским краем, который нес ответственность за дела в Бухаре и деятельность резидента, под нажимом местной общественности был вынужден предпринять некоторые шаги, направленные на ограничение кровавой политики эмира и духовенства в ханстве. В телеграмме из Ташкента от 9 апреля 1917 года, посланной в Петербург, говорилось, что «в Бухаре возможно движение против эмира. Объявленный манифест не удовлетворяет народные требования. Резидент Миллер поддерживает реакционеров. Арестованы

---

¹ Бухара в 1917 году. – «Красный архив», т. 1(20). М., 1927, с. 91.

руководители младосартов, которым угрожает казнь».¹ В эти же дни комитет послал телеграмму также бухарскому эмиру и резиденту Миллеру. В ней содержались требования: «Обсудить положение в Бухаре. Предлагаем немедленно освободить всех арестованных младосартов, прекратить дальнейшие аресты и не допускать казней, сместить представителей администрации, вызвавших беспорядки, принять самые решительные меры к устранению возможности дальнейших насилий».²

Выполняя предписания Туркестанского гражданского комитета, Миллер 9 апреля встретился с эмиром, а затем с кушбеги, с которыми обсуждал сложившуюся обстановку и советовал немедленно освободить арестованных младобухарцев. Эмир и его правительство с большим неудовольствием, подавляя страстное желание расправиться с деятелями революционно-демократического лагеря, было вынуждено исполнить требования своих хозяев-покровителей. Часть лиц, находившихся под арестом, перенесла жестокие побои и после освобождения была определена на лечение в больницу в русской части города, в Новой Бухаре.

Резидент Временного правительства настолько запятнал себя пособничеством реакционным силам, что его «содействие» освобождению из эмирского застенка арестованных младобухарцев, многие из которых были там избиты, не могло ослабить возмущения антиэмирских групп его поведением. На следующий день он сообщал в столицу о том, что среди рабочих и младомусульман идет агитация о замене состава резидентства новыми людьми.³ Миллер не дождался отзыва, 16 апреля его арестовали революционно настроенные солдаты и жители Новой Бухары.

На апрельские события бурно реагировало население Новой Бухары, Чарджоу и других русских поселений. В мастерских и солдатских казармах, в торговых конторах и учреждениях, в Совете рабочих и солдатских депутатов и областном исполнительном комитете, созданном для управления делами русского населения, произносились страстные речи, клеймившие эмира и его политику, в поддержку требований народных масс и младобухарцев. Раздавались и другие голоса – успокоительные, которые старались доказать пользу невмешательства в дела Бухары.

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 40.

² Там же, л. 41.

³ Там же.

Однако их было меньшинство, и они не оказали серьезного влияния на мнение общественности.

Апрельские события в Бухаре стали известны и в Ташкенте – в Туркестанском комитете, – и в Петербурге – в Азиатских отделах Военного министерства и Министерства иностранных дел. «Бухарский вопрос» встал на повестке дня этих органов.

Временное правительство и его органы на местах ратовали за установление спокойствия в ханстве, выступали за примиренные оппозиции, в том числе и младобухарцев с эмиром. Согласно их взглядам, основой сохранения «мира» в ханстве могла быть частичная реформа системы налогов и аппарата управления.¹ Такой подход к «бухарскому вопросу» устраивал и эмира. Для выяснения положения дел в Бухару были отправлены уполномоченные эмиссары из Ташкента.²

Бухарский резидент не терял времени даром, он приложил много усилий к тому, чтобы свести влиятельных членов правого крыла младобухарской партии сначала с первым сановником двора – кушбеги, а затем с кази-каляном и тем самым подготовил почву для взаимопрошения. В свою очередь он уговаривал эмира и его правительство пойти на примирение и подтвердить свою «решимость» проводить в жизнь изменения, обещанные в манифесте. В то же время резидент убеждал часть младобухарцев в том, что эмир «искренне» желает осуществить реформы в стране, что он сожалеет о погромах, учиненных якобы без его воли. Резидент обещал младобухарцам безопасность и легальность работы в Старой Бухаре, просил возвратиться туда. Свое «миротворчество» он дополнил угрозами «лишения» поддержки младобухарцев в случае новых погромов, их ареста и преследований. 15 апреля резидент сообщил в Петербург, что «согласно соглашению с Бухарским правительством вчера, 14 апреля, 12 младобухарцев, составляющих их комитет, должны были вернуться в Бухару, представиться кушбеги и разъехаться по своим домам. Посетив вновь назначенного раиса и кази-каляна, я вместе с первым секретарем Шульгой прибыл на Старобухарский вокзал, где вместе с Низамуддин-ходжой диван-беги встретил упомянутый младосартовский комитет».³

¹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 40.

² «Улы Туркестан» (Ташкент), 1917, 25 апреля.

³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 263/916, д. 35, л. 55.

В то же время левое крыло младобухарцев обратилось за помощью к русским рабочим. На областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Бухары, состоявшемся в конце апреля 1917 года, бухарской секцией была предложена резолюция, требующая от Уполномоченного Туркестанского комитета, прибывшего в Бухару, принятия срочных мер для освобождения томящихся в эмирской тюрьме младобухарцев и обеспечения им свободы действия. Съезд высказался за установление со стороны областного Совета рабочих и солдатских депутатов контроля над резидентом Временного правительства. Такая поддержка, оказанная революционно настроенной частью русских рабочих и солдат, «подняла дух местных либералов».¹

Для политической обстановки в Бухаре после апрельских событий характерны ускоренное развитие идейной ориентации передовых представителей трудящихся масс; рост среди них антиэмирских настроений, утрата надежд на желание эмирской власти демократизировать управление – словом, здесь шел глубокий революционный процесс.

13 апреля на похоронах Мирзы Насруллы – «первой жертвы Бухарской революции», одного из членов младобухарской партии, скончавшегося в русской больнице в Новой Бухаре после перенесенных истязаний в эмирских застенках (получил по голой спине 150 палочных ударов), собралась многотысячная толпа – узбеки, таджики, евреи, русские рабочие и солдаты.

Они шли под красными знаменами. Это траурное шествие оказало огромное воздействие на трудовое население Бухары.

Как писала местная газета, «представители различных партий и союзов выразили свое сочувствие младобухарцам, призывая их к единению и борьбе с тиранами и палачами, обещая поддержку на пути к свободе».²

Мирза Насрулла оставил такое завещание: «Я умираю, счастливый, что наконец-то Бухара получила хоть какую-то свободу. Меня били не как разбойника, а как борца за свободу бухарского народа. Я прощаю всех. Целую руки бивших меня, помогавших этим мне умереть за бухарский народ. Посылаю привет всем моим братьям-мусульманам, солдатам, рабочим, русскому

---

¹ Там же, л. 62-63.

² «Туркестанские ведомости», 1917. 15 апреля.

Временному правительству».¹ В этой записке довольно четко проступают сильные и слабые стороны радикальных элементов младобухарского движения.²

Преследуемые эмирской властью и духовенством оппозиционные группы пытаются объединить в своей организации борцов за обновление страны. С этой целью в Новой Бухаре, куда не распространялась власть эмира, создается «Общественный мусульманский комитет». В его состав вошли некоторые видные деятели и члены младобухарской партии. По газетным данным, этот комитет пропагандировал «начало нового строя, план объединения бухарского населения», собрал вокруг себя много приерженцев, число которых достигло 20 тыс. человек.

С углублением и дальнейшим развитием революционного процесса усилилось расслоение в оппозиции, в том числе и в рядах младобухарцев.

Некоторые полугучики, пристроившиеся на время, начали отходить от борьбы и даже частью перешли в лагерь реакции. Стали возникать существенные разногласия и в руководстве партии, одни из них придерживались курса решительных действий против эмира, реакционного духовенства, активной пропаганды среди солдат, в том числе и среди отрядов личной охраны эмира, и ремесленно-торговых слоев населения идеи свержения эмира путем восстания и создания революционно-демократического правительства, другие стояли за умеренные действия, ограниченные митингами, собраниями и вербовкой союзников, третьи ратовали за поиски поддержки среди более или менее трезвых, лояльных и либеральных высших сановников, через которых можно было добиваться разрешения эмира на открытие новометодных школ, просветительных клубов, а также частичного изменения систем обложения налогами сельского населения и т. п.

Как указывает авторитетный исследователь политической истории Бухары А. Макашов, «левые младобухарцы» активизировали работу среди населения, предпринимая попытку поднять народное восстание».³ С этой целью они послали своих

---

¹ Бухара в 1917 году. – «Красный архив», т. 1 (20). М., 1927, с. 94.

² «Туркестанские ведомости», 1917, 27 апреля.

³ Макашов А. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад. 1957, с. 36.

агитаторов в кишлаки и города, «но их призывы не находили благоприятной среды, дехканам были непонятны их демократические требования».¹ Часть младобухарцев, испугавшись таких требований, отошла от движения. Обстановка, сложившаяся внутри младобухарской организации, хорошо передана в одной из телеграмм, посланной представителем Временного правительства в Петербург. «В день свидания с младобухарцами, – говорилось в ней, – я принял одного из их единомышленников, богатого коммерсанта Мансурова, отклонившегося от партии ввиду проводимой Фатхуллы-ходжой пропаганды вооруженного восстания. Мансуров подтвердил сведения о сборе партией денег на эту цель».² Это сообщение в свою очередь испугало и самого резидента, который обратился к руководителям младобухарцев с просьбой об освобождении их движения от лиц – сторонников вооруженного восстания.³

Это подтверждает Ф. Ходжаев. Он пишет, что после прихода к руководству Центральным комитетом младобухарцев Мухитдина Мансурова (после разгрома партии в апрельские дни) на первом его заседании предлагались два пути дальнейшей работы: «1) добиться у эмира через Временное правительство амнистии, прекращения преследований, вообще условий для спокойной и легальной работы; 2) наряду с использованием легальных давлений на эмирское правительство подготавливать вооруженное восстание путем тайного вооружения и организации партизанских выступлений в вилайетах».⁴ Однако присутствующим большинством второе предложение было отвергнуто.

Именно левое крыло младобухарцев искало поддержки своего плана у русских рабочих и солдат, расквартированных в Новой Бухаре. «Младобухарцы, – писал резидент в Бухаре в одном из своих донесений, – предпринимают усилия, как и прежде, втянуть наших солдат в борьбу со старобухарцами».⁵ Эта деятельность младобухарцев находила активную поддержку у многих рабочих и солдат.

¹ Там же.

² Там же, с. 36-37.

³ Там же, с. 37.

⁴ Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. 1. Ташкент, 1970, с. 113-114.

⁵ Макашов А. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1957, с. 36.

Разногласия существовали и в вопросах о форме деятельности младобухарской партии. Одни предлагали перенести центр руководства движением за пределы Бухары, оставить в ханстве на полулегальном положении лишь небольшую оперативную группу, другие высказывали мнение об ограничении членства в партии и усилении индивидуальных действий, третьи стояли за широкий союз с различными демократическими, патриотически настроенными организациями, группами и объединениями всех оппозиционных сил в борьбе против эмира.

Было много оттенков позиций, представлений и мнений у младобухарцев о цели, установках, задачах и формах их деятельности. Однако это не привело их к расколу партии. Перед лицом активной деятельности реакции их одолевала мысль о собирании сил против эмира. Как писала местная газета, «темные реакционные силы – ... купечество, духовенство и чиновничество Бухары – объединились на ультранациональной программе, выдвинувшей лозунг восстановления былого величия Бухары».¹

Более решительное левое крыло младобухарцев усилило революционную агитацию среди сочувствующих преобразованиям элементов и в армии. В контакте с русскими революционерами оно проводило работу среди русских солдат, желая склонить их на сторону революционно-демократического движения. Как вспоминает Ф. Ходжаев, эмир ответил на это казнями младобухарских агитаторов. Так, были убиты Хусейн Ходжаев – организатор революционной группы в Терском казачьем полку и в личной охране эмира, Халилбек Абдуджалиев – один из активистов партии среди солдат, и многие другие.² Весьма интересен «Проект реформ в Бухаре», составленный младобухарской партией в сентябре – октябре 1917 года. С помощью этого документа младобухарцы хотели познакомить общественность с ближайшими задачами организации. В нем в отличие от прежних партийных актов много места отводилось земельному вопросу. О земельных отношениях в проекте говорилось следующее: а) из фонда необрабатываемых земель выделить безземельному населению участки, чтобы они могли их освоить, учредить беспроцентную ссуду казны; б) освободить дехкан от кабалы ростовщиков, для этого открыть в центре и на местах земельные банки, которые

¹ «Туркестанский курьер», 1917, 19 июня.

² Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент. 1926, с. 34.

должны отпускать им ссуды под небольшой процент; в) обложить налогом в зоне орошаемого земледелия необрабатываемые земли крупных и средних землевладельцев; г) доходы от вакуфных земель (земли духовных учреждений) использовать по прямому назначению, для развития просвещения.

В области политической организации общества проект предусматривал создание министерств. При каждом министерстве должны быть образованные советники-мусульмане, специалисты и компетентные лица по определенному вопросу. Министры составляют Совет министров. Все дела решают с согласия всех министров на заседании, на котором выносятся постановления. Если министр не согласен с Советом, то он должен уйти в отставку. Над министрами и Советом министров устанавливается двойкий контроль: специальный и общий. Специальный высший контрольный орган насчитывает 20 человек, он состоит из юристов и лиц, приглашенных из России. Смета расходов по министерствам, одобренная Советом министров, рассматривается специальной контрольной комиссией, а затем представляется на подпись эмиру. Общий контрольный орган – «это народ, печать и газеты», – говорится в проекте младобухарцев. Эффективность этого контроля достигается путем предоставления свободы каждому, если он желает, издавать газеты и книги. «В газетах и книгах имеют право писать о деятельности правительства и критиковать отдельных министров, писать о их хороших и правильных действиях, злоупотреблениях и ошибках, дабы весь народ и контрольная комиссия могли бы знать о деятельности министров».¹

Этот довольно развернутый проект реформы в Бухаре, как видно из его содержания, охватывал важнейшие области экономики и управления. Однако его авторы, ратуя за необходимость обеспечения земель безземельных крестьян, в принципе не выступали против феодального землепользования. Правда, как указывает один из составителей документа Ф. Ходжаев, когда было поручено Фитрату подготовить проект реформ, то хотели, чтобы требования в нем были «минимальными, только такими, которые разделяла вся организация».²

Более смелыми были требования в области управления. В этой

---

¹ Революция и национальный вопрос, т. IV. М., 1930, с. 353-360.

² Ходжаев Ф. Избранные труды. В 3-х т. Т. I. Ташкент, 1970, с. 123.

части проект предусматривал серьезную ломку структурной организации власти и управления. По сути дела, младобухарский проект содержал такие пункты, которые были неприемлемы для эмира и высшего духовенства.

По своей социально-экономической и политической направленности проект не выходил за рамки ограниченных буржуазно-демократических требований. В нем мимоходом говорилось о таких буржуазно-демократических принципах, как законность, равенство всех перед законом, свобода личности, отмена привилегий старых классов и т. д. Вместе с тем нельзя не признать, что проект, несмотря на свою ограниченность, в тех исторических условиях, в которых находилась Бухара, имел определенное революционизирующее значение. Требования проекта были доступны и понятны забитому и отсталому крестьянскому населению. Они в какой-то степени отражали их повседневные и непосредственные надежды и мечтания, а главное - содействовали разоблачению эмирской власти, не способной пойти и на эти реформы.

Освободительная мысль в Бухарском эмирате между двумя революциями 1917 года развивалась при весьма слабой связи с рабочим движением. С. Айни – революционер Бухары того времени – в своих воспоминаниях писал, что ему, как и другим руководителям передовой мысли в ханстве, до Октября 1917 года не было известно революционное учение пролетариата.

Освободительная мысль в Бухаре должна была пережить муку поисков ориентиров и разочарований. Должна была встретить еще много преград на пути становления и оформления. Она являлась выражением во многом непосредственных и неотложных потребностей общества и народа. В то же время она освещалась заревом революции в России, вдохновлялась революционным энтузиазмом русского народа, направленным против царя и его сторонников. Освободительное движение и освободительная мысль в Бухаре, намного ускорив свое развитие под действием революционных бурь в России в феврале 1917 года, подготавливали основу для борьбы за революционное преобразование эмирского режима и всего средневеково-теократического строя в Бухаре.

2. Эволюция освободительного движения в Хивинском ханстве. Переход от идей реформы управления к идее свержения ханской власти

Младохивинское движение накануне Февральской революции было слабым. Его участники находились на нелегальном положении и под строгим надзором не только ханского правительства и его агентов, но и под неослабным наблюдением начальника Амударьинского отдела, представлявшего интересы царского правительства. Царские генералы и чиновники открыто враждебно относились к освободительному движению в Хиве.

Хотя сами по себе идейные установки младохивинцев вызывали беспокойство и раздражали правящие круги, однако само движение было весьма незначительным и считалось малоопасным для ханского престола и политики царского правительства. Младохивинцы, разрозненные и почти не связанные с движениями в передовых странах, предоставленные самим себе, а также раздираемые внутренней несогласованностью, не надеялись в скором времени объединиться и стать значительной общественной силой. Февральская буржуазно-демократическая революция в России вернула им надежды на возможность борьбы за свои идеалы. Они воспряли духом, начали устраивать тайные сходы, взялись за разработку программы.

На оживление местной политической жизни в городах ханства, в частности в Хиве, Новом Ургенче, которые в дальнейшем превратились в центры тяготения оппозиционных и демократических национальных сил, оказали значительное влияние русские рабочие и солдаты.¹

Раздоры, усилившиеся среди феодальных групп за преобладание в политике и делах страны, несколько отвлекли внимание господствующих сословий от формирующегося освободительного движения, еще слабого, но уже набиравшего силы.

Вооруженная междоусобица между властвующей узбекской верхушкой и туркменскими владельцами охватывала значительные территории. Феодальные группы, ведшие взаимную борьбу за преобладание и привилегии, использовали в своих узкокастовых интересах тот факт, что высшая власть в ханстве принадле-

---

¹ Мухаммедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме. Ашхабад, 1959, с. 53.

жала узбекским владельцам, а туркменские находились в положении их подданных. Между узбекским населением с оседлым, земледельческим укладом жизни и туркменскими племенами, постоянно оттесняемыми в менее плодородные районы, с полукочевым образом жизни, существовала укоренившаяся вражда, которая не раз являлась причиной серьезных, нередко кровопролитных конфликтов.

Ханская власть в Хиве и раньше не отличалась силой и организованностью. Она, можно сказать, покорно следовала за политикой царского правительства, его уполномоченных чиновников, была малоактивна и в то же время консервативна. Духовенство, на которое она опиралась, не было столь внушительной и влиятельной силой, как в Бухаре, хотя оно оставалось довольно многочисленным и хорошо организованным сословием. Влияние феодальной прослойки и ее верхушки серьезно подтачивалось растущим недовольством и участвовавшими бунтами крестьян.

Революционные события в России и их влияние на настроение русских солдат и русского населения, находившихся на территории Хивы, организация первых Советов ошеломили правящую верхушку, погрязшую во внутренних междоусобицах. Создалась благоприятная обстановка для организации и сплочения рядов демократических, патриотических и революционных сил народа. К апрелю 1917 года оформляется группа младохивинцев, которая являлась «в этот момент единственной организованной политической партией в ханстве».¹ Она ставила перед собой цель общедемократических преобразований в системе власти и управления.

Младобуржуазная национальная группа играла видную роль в складывающемся освободительном движении и пыталась навязать ему свои взгляды и программу. Младохивинцы, как и младобухарцы, войдя в тесную связь с революционно настроенными русскими солдатами и рабочими и опираясь на их поддержку, начали разрабатывать план агитации среди населения и ультиматум хану и его правительству. Вскоре они организовали грандиозную мирную демонстрацию «с красными флагами и революционными песнями».² В ней участвовали как переживавшие

---

¹ Там же.

² Ибрагимов Ю. Красный Туркестан. Хива. — «Жизнь национальностей», 1919. № 14.

невзгоды и насилие городские низы, так и недовольные ханской политикой представители имущих слоев населения и разночинная интеллигенция, выступившие за проведение реформ. Речи об обновлении власти и режима, которые произносились на митинге, имели значительный резонанс в массах, нашли в них сочувствие.

Первое столкновение манифестантов с правительством, страх последнего перед требованиями масс, успех организации выступления заметно усилили позицию младохивинцев. Они, пользуясь поддержкой революционных русских рабочих и солдат,¹ Советов рабочих и солдатских депутатов в русских поселениях ханства, а также заручившись поддержкой военного гарнизона г. Хивы, перешли к решительным действиям.

В начале апреля они направили своих представителей к хану для вручения ему требований, почти ультиматума. В их послании говорилось: «От имени бедняков и по примеру России мы требуем свободы, манифеста об отречении, созыва меджлиса и ареста чиновников-притеснителей».²

Правительственные круги не успели прийти в себя от падения царизма, начавшегося разложения в войсках и притязаний туркменского Джунай-д-хана, как перед ними возникла новая угроза. Хан был вынужден принять условия младохивинцев и подписать манифест.

Для правильного понимания манифеста необходимо сказать несколько слов о ситуации, сложившейся к моменту его обнародования, и о тех факторах, которые определили «либеральный уклон» ханского правительства.

Положение трудящегося населения Хивы всегда было тяжелым и даже более тяжелым, чем в Бухаре. Процесс обнищания здесь охватывал широкие слои трудящихся. Разоренные дехкане, ремесленники и кустари массами пополняли ряды дешевой рабочей силы и сезонников, ищущих промысла. Мировая война усугубила этот процесс. Дополнительные обложения населения, сборы в пользу фронта, насильственное изъятие имущества, скота и зерна колониальными и местными властями, рост зло-

---

¹ Революционные русские рабочие и солдаты предложили младохивинцам организовать совместное восстание за свержение ханской власти, но к принятию такого предложения младохивинцы были не готовы.

² История Узбекской ССР. Изд. 2. Т.1, кн.2. Ташкент, 1956, с. 416.

употреблений чиновников, сокращение производства и вывоза хлопка-сырца в центральные области России – все это создало настроение отчаяния у основной массы населения.

В этих условиях агитация оппозиционных групп младохивинцев нашла благоприятную почву, особенно среди городских трудовых слоев населения, студентов медресе и патриотической молодежи. Было еще и другое немаловажное обстоятельство, объясняющее успех младохивинцев после свершения Февральской революции в России. Весть о революции в Петрограде и приходе к власти Временного правительства, провозгласившего буржуазно-демократические свободы, вызвала брожение и переориентацию солдат, прежде служивших хану. Хан и его правительство не могли теперь рассчитывать на их верность.

Слабостью и одновременно недостатком младохивинской группы было то, что она не проводила работу среди масс. Она скорее всего чуждалась их. Вследствие этого младохивинцы были слабо связаны с населением и не пользовались его поддержкой, хотя их лозунги и требования вызвали сочувствие трудового народа. Если во время апрельской демонстрации им удалось составить «единение» с городской оппозицией и стать во главе ее, то во многом это объяснялось стихийным развитием социальных конфликтов.

Один из видных советских исследователей истории Хивинской революции Х. Саматова отмечает, что в данный период группа младохивинцев боролась под лозунгом «Равенство по шариату», имелось в виду равенство молодой национальной буржуазии со старыми привилегированными сословиями в сферах политики и право ее прихода к власти. Младохивинцы выступали «за проведение реформ, которые ослабили бы засилие феодальной аристократии и повысили бы роль буржуазии».¹

5 апреля 1917 года хан подписал манифест младохивинцев. В порядке реализации его положений был создан меджлис (парламент), в который вошли представители младохивинцев, знатных кругов и туркменского племени номудов. Согласно обещанию, хан арестовал ряд правых министров и вместо них назначил младохивинцев. Председателями ханского правительства и меджлиса стали младохивинцы. Таким образом они пришли к власти.

---

¹ Саматова Х. Победа народной революции в Хиве. – «Ученые записки юрфака САГУ», 1957, вып. III. Ташкент, с. 131.

Теперь ханская власть оказалась ограниченной меджлисом, который мог решать важнейшие вопросы и осуществлять частичный контроль над правительственными органами. Все должности стали выборными и оплачиваемыми из казны государства.

Порядок, при котором многочисленное чиновничество «кормилось» за счет народа, жило формально доходами от определенных статей, а фактически обирало население и наживало огромные состояния, манифестом был отменен. Провозглашались свобода объединений и союзов, равенство перед законом.

По социально-политической природе нововведения, объявленные манифестом, были буржуазно-демократическими. Средневековая власть и управление, существовавшие в самых отсталых и религиозно-деспотических формах, начали перестраиваться на буржуазный лад. Это был крупный исторический шаг в политическом развитии страны, который стал возможен лишь в условиях нарастания революционного движения масс и их усиливающегося давления на ханскую власть.

Если учесть особую приверженность господствовавших классов к старой клерикально-деспотической системе управления страной, их ревностный традиционализм в этом вопросе и крайний консерватизм в политических взглядах, то на таком фоне нововведения были значительной уступкой правящего сословия оппозиционным силам, свидетельством того, что хан и его правительство не могут управлять страной старыми методами. В то же время манифест отразил интересы пробуждающихся от вековой спячки масс, поднявшихся на борьбу за демократические принципы и свободу. На этом историческом этапе их требования не выходили за рамки ограниченных демократических лозунгов, потому во многом они следовали за младобуржуазными группами.

В специальной литературе этот манифест нередко оценивается весьма примитивно, больше говорится о его недостатках, иногда даже пытаются свести на нет его значение. Однако нельзя подходить к оценке манифеста с требованиями, предъявляемыми к подобным политическим актам страны с мощным рабочим революционным движением, борющимся за социалистические перспективы. Положение Хивинского ханства было иным, иными были и непосредственные задачи, цели революционной борьбы и ее движущие силы.

Что нового дал манифест, что собой представляют его положения с точки зрения поступательного хода исторического развития, как они влияют на пробуждение политического сознания трудящихся масс, способствуют или мешают его росту – вот, на наш взгляд, основные критерии оценки манифеста. Если подходить к данному политическому акту с этих позиций, то он является исторически значимым документом, отразившим определенный необходимо-промежуточный этап развития отсталой и окраинно-захолустной страны по пути демократии.

Манифест имел важные идейно-политические последствия. Забитые и одурманенные религией народные массы, привыкшие видеть в лице хана и высшего духовенства какие-то непререкаемые полубожественные авторитеты, в замешательстве, в поспешном подписании манифеста не могли не заметить их испуга. Такое поведение породило в среде «подданнического» населения сомнение о прочности и святости престола. Теперь не так уж грешными и богохульными казались отсталой части населения критика светских и духовных правителей, а также требования, предъявляемые официальным органам власти. Словом, манифест сыграл положительную роль в пробуждении общественного мнения.

Выступление масс с лозунгами о реформе и предоставлении свободы, а затем издание ханом манифеста воодушевляюще подействовали не только на участников шествия и младохивинцев. Эти события сильно повлияли и на стихийно выступавшие за улучшение своего экономического положения трудящиеся массы. Первый успех, который для многих слоев населения был неожиданным, придал уверенность патриотическим силам и трудовому народу, расшевелил их сознание собственного достоинства.

Ханский манифест породил разные толки. Народ не мог остаться безразличным к нему не только потому, что такие «милости» хана были редчайшим событием в вековой истории страны, но и потому, что в нем шла речь об изменении структуры управления, его переустройстве, а вопросы управления, ликвидации лихоимства и злоупотреблений чиновничества были одним из самых злободневных и острых в общественной жизни.

Хивинский хан был вынужден не только подписать манифест о реформе в управлении, но и приступить к реализации предусмотренных нововведений. Вскоре был организован меджлис.

8 апреля состоялось первое заседание, на нем его председателем был избран Баба-ахун, а председателем Совета назиров – Хусейнбек Матмурабов. Оба являлись руководителями партии младохивинцев.¹ Они гордились своими успехами, заявляли о ближайшем «оздоровлении» страны в рамках ограниченной буржуазной формы правления при хане и сохранении законов шариата. Правое крыло младохивинцев готовилось торжествовать победу. Однако обстоятельства сложились так, что процесс взрывания более радикальных и более революционных элементов как в народе, так и в среде младохивинского движения намного ускорился.

Когда в руководстве младохивинцев, образно говоря, начали складывать чемоданы, в лагере высшего и среднего духовенства, купечества, ханских агентов-наместников и другого люда с закостенелой политической и идеологической ориентацией, наоборот, стали готовиться к выступлению против манифеста и тех, кто поддерживал его, особенно против младохивинцев – идейных приверженцев буржуазно-демократических реформ. Реакция, не осмелившаяся открыто выступить против нововведений в момент их обнародования и против меджлиса в период его организации, приступила к собиранию сил для решительной и бескомпромиссной схватки со сторонниками манифеста, меджлиса и младохивинцев. При этом она пользовалась полной негласной поддержкой хана и его окружения.

23 мая реакция организовала демонстрацию своих сил в Хиве. Она выступила с угрозой открытой расправы с противниками староханского режима, потребовала отмены манифеста и ликвидации всех нововведений. Как всегда в таких случаях, реакция использовала влияние ислама в народе, она призывала население стать на защиту шариата, старого уклада, а младохивинцев объявила чужими людьми, которые якобы хотели растоптать «все родное» в угоду своим «сумасбродным идеалам».

Силы реакции, выступавшие при поддержке Временного правительства, скоро взяли верх. Опираясь на них, хан в июне 1917 года вывел младохивинцев из состава правительства и меджлиса, арестовал их руководителей. С этого момента в Хиве воцарилась реакция, защищавшая старую деспотическую систему власти и

---

¹ Саматова Х. Победа народной революции в Хиве. - «Ученые записки юрфака САГУ», 1957, вып. III. Ташкент, с. 139.

управления. Такой поворот событий имеет несколько причин. Во-первых, реакция воспользовалась свободой собиранья своих сил, на ее стороне был хан, его люди. Во-вторых, младохивинцы, придя к власти, не предприняли никаких мер по закреплению и развитию первых, хотя и ограниченных, успехов революции, не сделали почти ничего важного для завоевания симпатии масс. Они занялись мелкими дискуссиями и мелочным покровительством отраслей управления. Все это снизило интерес населения к младохивинцам, оттолкнуло от них его определенную часть. В-третьих, младохивинские деятели вследствие ограниченности и идейной слабости вели соглашательскую политику с другими группами, в том числе и с теми, которые не поддерживали манифеста. Они не заметили приготовлений реакции и не предприняли никаких контрмер. В-четвертых, русские войска, на которые опирались младохивинцы, к этому времени в основном были выведены из Хивы, что отрицательно повлияло на оппозиционные демократические группы.

Опираясь на реакцию, на своих сарбазов и войдя в союз с туркменским владельцем Джунайд-ханом, хай разогнал меджлис и предал казни большинство его членов. Наступил период террора и черносотенной реакции. Революционно-демократические силы, понеся тяжелый урон, ушли в подполье. Начался новый этап революционной борьбы, в которой видную роль должно было сыграть более зрелое ядро местных революционеров.

Уцелевшие руководители младохивинского движения частью переехали в Ташкент и образовали в эмиграции «Младохивинский революционный комитет», который определил своей задачей не реформы в ханстве, а подготовку условий и проведение агитации по свержению ханской власти.

После упразднения меджлиса страна вернулась к старой форме правления, еще более мрачной, чем прежде. Однако нововведения не прошли бесследно. Организация меджлиса и его первые мероприятия, хотя и робкие, ограниченные и незавершенные, показали, что идеи реформы центрального управления при определенных условиях могут быть реализованы, в частности, если организовать трудящихся и выступить более решительно. Один из очевидцев этих событий, несколько позже назначенный уполномоченным РСФСР по хивинскому вопросу (ноябрь 1920 г.) с широкими правами руководства действиями

советских войск на месте,¹ по свежей памяти писал, что «меджлис, даже столь кратковременный, если и не мог стать центром движения, однако показал забитому, обнищавшему, поголовно безграмотному и невежественному дехканству возможность каких-то иных, кроме абсолютистских, форм власти; он нанес самим фактом существования удар престижу тысячелетней незыблемости ханского деспотизма».² Нельзя не отметить, что младохивинцы, хотя и медлили с проведением мероприятий и показали теоретическую и практическую неподготовленность к решению многих вопросов, однако, несмотря на эти недостатки, они ставили на обсуждение и важные вопросы. Так, меджлис высказался за конфискацию ханских и бекских земель, за отмену бесплатных принудительных повинностей, подтвердил требования общедемократической свободы.³

Хотя идеи меджлиса остались почти нереализованными и встретили сопротивление реакции, тем не менее они успели зажечь искорки надежды среди трудовых масс и патриотически настроенной разночинной молодой интеллигенции, мелких и средних торговцев и части либерально мыслящего мелкого духовенства. Туркестанский комитет Временного правительства в хивинском вопросе занял такую же позицию, как и в бухарском. Он сознавал, что старый режим архаичен и не может долго продержаться, что нужно обновить управление, но он хотел сохранить за собой право решения данного вопроса. Это давало возможность проводить «оздоровление» управления и экономической политики в формах, соответствующих интересам буржуазного правительства, смотревшего на окраинные восточные территории как на свои колонии и полуколонии. Такой план в известной мере устраивал и хана.

После того как «народные реформисты» типа младохивинцев были разгромлены и пришли к выводу о необходимости свержения хана и перестройки управления на демократической основе, за легализацию лозунга реформы взялись чиновники вчерашнего царя, перешедшие теперь на службу к Временному правительс-

---

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 465.

² Скалов Г. Хивинская революция 1920 г. – «Новый Восток», 1923, № 3, с. 245.

³ Там же.

ту. Вопросы реформы в ханстве начали обсуждаться не только в Туркестанском комитете, но и в Петрограде.

Реформа управления была крайне нужна в Хивинском ханстве. Дальновидные чиновники, работавшие в Туркестане, сознавали, что если не пойти на какие-либо изменения сверху, то демократические группы и партии проявят свою инициативу в формах, нежелательных для господствующих классов. Не случайно в официальных органах приступили к разработке различных проектов реформы управления в ханстве. Одним из таких проектов была схема, предложенная Туркестанскому комитету Сырдарьинским областным комиссаром Б. Тризной. По этому проекту Хива оставалась под покровительством России, все договора и соглашения, заключенные царским правительством и Хивой, сохранялись в силе. Верховная власть в ханстве должна была делиться между ханом и меджлисом, состоящим из представителей от различных слоев населения. Законы принимались парламентом – меджлисом – и утверждались ханом. Хан мог не одобрить принятые меджлисом законы, тогда они выносились на повторное обсуждение парламента. И если меджлис вторично оставался при своем мнении, то тогда по указу хана объявлялись дополнительные выборы от бекств в меджлис в количестве, равном числу наличных депутатов. Этот новый состав парламента должен был рассматривать законы, вызвавшие разногласия. Последнее, третье, решение имело законную силу. Хан утверждал премьер-министра и кабинет министров. Меджлис наделялся правом утверждения бюджета бекств и ханства, в том числе определял средства на содержание хана и его двора, устанавливая должностные оклады, занимался и разрабатывал меры «по более правильному, справедливому и равномерному обложению государственными и местными повинностями всех групп населения без различия племен и родов» и т. д.¹

Этот и другие проекты так и не были приняты.

Временное правительство из-за медлительности осуществления планов, изложенных в его первых декретах, а по сути дела из-за продолжения политики свергнутого царского правительства, теряло уважение народных масс, местных демократических и революционных деятелей Хивы. Генерал-губернатор Туркестана Куропаткин в первые месяцы продолжал направлять казацкие отряды «для разгрома революционного движения в Хиве».

---

¹ «Туркестанский курьер». 1917. 29 августа.

Туркестанский комитет ничего не предпринял во время разгула реакции в Хиве, своим бездействием он фактически его поддерживал.

Вместо свободы, которую население жаждало десятилетиями и надеялось получить, оно оказалось еще в более худших условиях не без участия органов Временного правительства. Надежда на лучшее будущее, реформы и обновление обернулась гонениями активистов местного революционно-демократического движения.

Даже в такой далекой окраине, как Хивинское ханство, чувствовалось разочарование Временным правительством, его политикой в национальном вопросе и деятельностью местных органов, продолжавших проводить старую политику, подновленную громкими фразами.

Народ Хивы, разбуженный революционными событиями в России, вкусивший первые плоды своей борьбы и испытавший первое жестокое поражение, не собирался мириться со старым. Его отчаяние росло, росла и уверенность в своих возможностях. Над Хивой сгустились тучи народной революции.

3. Рост социалистических идей в освободительных движениях Бухары и Хивы после Октябрьской революции

В национальном вопросе большевистская партия в период от февраля до октября 1917 года проводила активную политику, нацеленную на превращение региональных национально-освободительных движений в резерв подготавливаемой пролетарской революции в России. Эта работа осуществлялась в каждом национальном районе различными методами в зависимости от конкретно-исторических условий развития национально-освободительного движения. При этом важнейшее значение имели следующие факторы: а) социально-экономическая и политическая стадия развития народа, идейная зрелость трудящихся классов, степень обостренности социальных противоречий и конфликтов; б) наличие сознательно организованного национального рабочего класса; в) наличие социал-демократических, пролетарских и других политических организаций, групп и союзов, способных внести в рабочее движение социалистическую революционную сознательность и сплотить вокруг себя крестьянскую массу на основе идей социализма и пролетарской революции; г) роль, значение и место национальной буржуазии в общественно-политической жизни страны, ее ориентация и характер борьбы на данном историческом этапе, степень идейного расщепления в ее среде; д) организованность и сопротивляемость старых классов.

Становление и рост национально-освободительных идей и движений в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве происходили в условиях, когда имущие классы, ориентирующиеся на средневеково-клерикальный режим, на его архаичные и деспотические формы, продолжали удерживать в своих руках ключевые позиции в экономике, политике и идейной жизни общества, а демократические и революционные силы делали лишь первые шаги и в своих идейно-политических требованиях еще не поднимались выше ограниченных, мелкобуржуазных реформистских лозунгов.

Бухара и Хива были расположены далеко от центров революционных событий в России. На идейных связях отрицательно сказывалось и то, что эти земли отделяли от России их статусы протектората. Передовая общественная мысль, на которой

тяжелым грузом лежали оковы и отпечатки отсталого, средневеково-ханского режима, зрела и развивалась не столь интенсивно, как в соседнем, этнически родственном Туркестане.

Деятельность социал-демократических ячеек и революционеров, знакомых с идеями научного социализма, в основном коснулась жителей русских селений. Они поддерживали некоторую связь с местным освободительным движением, оказывали поддержку его отдельным деятелям, но более значительного контакта и союза между ними вплоть до Октября 1917 года не было.

Голос Ленина и пламенные призывы большевиков к рабочему классу России и всему трудовому населению, в которых разоблачалось Временное правительство, его антинародная и контрреволюционная природа, а также их активная организаторская деятельность в революционных массах по подготовке перехода власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства доходили и до Бухары и Хивы, но часто в искаженном виде как по злоумыслию, так и по непониманию и узости миропредставления тех, кто доносил это до местного населения. В своем революционном росте общедемократическое, национально-освободительное движение не поспевало за развитием ситуации в центре России. В Бухаре и Хиве еще не была совершена буржуазно-демократическая революция, еще не были реализованы идеалы младобуржуазных прогрессистов, следовательно, в этих странах еще не были выполнены задачи, связанные с переходом от средневековья к буржуазной демократии, еще не было проверено восприятие революционных лозунгов большинством масс.

Развитие освободительной мысли и революционного движения в Бухаре и Хиве накануне Октябрьской революции уже вышло из-под влияния политики Временного правительства, но еще не перешагнуло рамок буржуазно-демократических лозунгов и форм. Яркое проявлялось недовольство национальной политикой буржуазной революции в России, но в то же время еще не было понимания необходимости перехода к социалистическим идеям и соединения с пролетарским движением в России.

В этот исторически переломный период в Бухаре и Хиве даже среди передовых деятелей была мало людей, разбиравшихся в сложной политической обстановке в России, видевших назревание революционной ситуации. Бешеная травля большевиков,

проводимая на страницах буржуазных и пробуржуазных газет, а также агентами Временного правительства, их демагогические лозунги вроде «Революция и свободное Отечество в опасности», «Равенство всем народам» были рассчитаны на дезинформацию неискушенных в классовой борьбе масс. Общественность, которая могла бы разоблачить эти маневры русской буржуазии и ее сторонников, в Бухаре и Хиве была очень слаба.

С Октябрьской революции в истории человечества началась новая эра – эра краха капитализма и торжества пролетарской революции. Эта главная особенность эпохи с наибольшей силой отразилась в районах и странах, политически и экономически тяготеющих к Центральной России и вследствие этого находившихся под идейным и революционным влиянием русского рабочего класса.

На политическую обстановку в Бухаре и Хиве громадное влияние оказали два фактора: во-первых, декреты Советской власти, которые не в пример Временному правительству отразили вековые думы и стремления трудящихся масс и угнетенных национальностей; во-вторых, опыт социалистического развития Туркестана, а именно: установление Советской власти в нем, быстрый рост авторитета коммунистической партии среди местного населения и его демократических и революционных организаций и, наконец, провозглашение в начале 1918 года Туркестанской Советской автономии. Эти события оказали ошеломляющее воздействие на умонастроение большинства трудового населения Бухары и Хивы.

В написанном В.И. Лениным и принятом в первый же день революции обращении II Всероссийского съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам» было твердо заявлено, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».¹ Национальная политика нового революционного правительства более развернуто была изложена неделю спустя в «Декларации прав народов России». Весьма значительно звучали слова декларации о том, что «все живое и жизнеспособное раскрепощается от ненавистных оков».² В ней говорилось, что Временное буржуазное правительство в национальном вопросе проводило старую политику неприкрытого натравливания одних народов на другие, заменило ее лишь

---

¹ История Советской Конституции. Сборник документов. М., 1957, с. 7.

² Там же. с. 19.

политикой трусливого недоверия к народам России, политикой придинок и провокаций, словесными заявлениями о «свободе» и «равенстве». В противовес этому Совет Народных Комиссаров положил в основу своей деятельности в вопросе о национальностях России новые, а главное, практически немедленно реализуемые начала:

«1. Равенство и суверенность народов.

2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».¹

Последовавшее затем Обращение СНК от 3 декабря 1917 года «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», составленное с глубоким пониманием вопроса и стремлением его правильно решить, тронуло души миллионов угнетенных народов восточных окраин. «Мусульмане России, – говорилось в Обращении, – татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».²

Обращение заканчивалось словами, адресованными всем угнетенным народам Востока, о том, что на путях обновления мира, начатого Октябрьской революцией, «мы ждем от вас сочувствия и поддержки».³

Дальнейшая организаторская деятельность Коммунисти-

---

¹ Там же, с. 19-20.

² История Советской Конституции, с. 25-26.

³ Там же, с. 26.

ческой партии и Советского правительства по быстрейшему претворению в жизнь провозглашенных принципов и идеалов в вопросе устройства жизни национальностей еще больше подняла авторитет Октябрьской социалистической революции в глазах отсталых угнетенных народов окраин, воспитанных в течение веков в недоверии ко всему тому, что исходит из официальных кругов России. Объявление Российской республики свободным союзом свободных наций, федерацией советских национальных республик, подготовка и созыв учредительных съездов для провозглашения национальной советской автономии в Татарии, Башкирии, в Средней Азии и Казахстане усилили притягательную силу Советской власти, явились убедительной и сильной наглядной агитацией за идеи Октябрьской социалистической революции.

Туркестанская Автономная Советская республика – первая республика в азиатской части Советской России – стала маяком революции на Востоке. Своим существованием и первыми значительными успехами она дала утвердительные ответы на вопросы: могут ли отсталые и неразвитые народы Востока, находившиеся в прошлом, на главные условия развития по этому пути? Опыт установления национальной государственности в Туркестане показал, что народы Бухары, Хивы и других стран также могут пойти по социалистическому пути развития, минуя буржуазный этап, если им будет оказана поддержка и помощь, в первую очередь, со стороны победившего пролетариата и его правительства. В послеоктябрьский период и без того тяжелое экономическое положение трудовых масс населения, характерное для Бухарского ханства, еще более ухудшилось. В годы первой мировой войны общий экономический спад усугубила засуха и голод 1917 и 1918 годов. В результате продукты питания и товары с 1914 по 1919 год повысились в цене: мука подорожала в 20 раз, сахар – в 125, пачка спичек – в 350, полотняная ткань – в 100 раз. С 1919 по 1920 год цены на многие продукты и товары возросли еще в 14 раз.¹ Нищета и голод усилили миграцию населения из деревни в город. Только 30 ноября 1917 года в Старую Бухару из кишлаков прибыло 700 чел.²

¹ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 21.

² Шек Л.К. Победа народной советской революции в Бухаре. Ташкент, 1956, с. 13.

районе станции Каган на территории Бухарского эмирата. Эти и другие подобные действия Бухарского правительства убедили в том, что оно стало на путь поощрения антисоветских вылазок реакции, которая готова была пойти на любую авантюру против Советской России. Данное обстоятельство не могло не учитываться при проведении политики пролетарского государства по отношению к Бухарскому эмирату. Как писала газета «Правда», бухарский эмир «сделал все от него зависящее, чтобы начать воювать с Советской республикой. Улема, ученики духовных школ и высшие духовные лица ханства по всем мечетям прославляли священную войну. Была произведена беспорядочная мобилизация всего населения на этот случай. Наконец, в Бухару собрали аристократическое дворянско-церковное ополчение».¹

В то же время положение самого эмира становилось критическим – ни репрессии, ни казни не могли приглушить нарастающий народный гнев, готовый смести ненавистный трон. В первых числах марта 1920 года был раскрыт заговор против эмира. Его участники были повешены, одновременно только в Старой Бухаре по подозрению в сочувствии революционному движению было арестовано до 500 человек. При дворе произведена замена и чистка.

Кровавые репрессии лишь усилили ненависть народа к эмиру и его агентам. В народе все больше утверждалось сознание о «предательской деятельности эмира перед шариатом» и необходимости его свержения. Один из очевидцев бухарских событий очень выразительно охарактеризовал положение населения эмирата накануне революции. «Никакие ужасы, – писал он, – не могут сравниться с теми, которые царили до сих пор в Бухаре.

И Старая Бухара, где находился дворец эмира, этот город, который по древнесанскритскому означает «Божья благодать», давно стал не только ничего не имеющим с божьей благодатью, наоборот, он превзошел все ужасы ада.

Нигде во всем мире, во все времена нельзя отыскать такого бесправия, какое царило в Бухаре. Нигде во всем мире трудящиеся массы не были так принижены, как именно в этом городе».²

В дальнейшем революционизировании местного освободи-

¹ «Правда», 1920, 7 октября.

² Бойкий. Вековая деспотия пала. – «Известия» (орган ТурЦИКа и Крайкома КП Туркестана), 1920, 4 сентября.

тельного движения и во внесении в него социалистических идей значительную роль сыграли русские рабочие и солдаты, их выступления в Новой Бухаре, Чарджоу и в некоторых других городах и на железнодорожных станциях. Они не только открыто поддержали Октябрьскую революцию и Советское правительство, но и развернули здесь в этом направлении интенсивную деятельность. Именно они разоблачали на местах всю фальшь пропаганды контрреволюции о большевиках. Как только пришло сюда сообщение о свержении Временного буржуазного правительства и переходе власти в Петрограде в руки большевиков, в Новой Бухаре, а затем в Чарджоу образовались временные революционные комитеты из представителей местных большевистских групп в составе Советов рабочих и солдатских депутатов. На первом же заседании Чарджоуского революционного комитета было решено поддержать правительство Ленина и всеми мерами содействовать распространению идей социалистической революции на местах, а также отправить в помощь восставшим рабочим и солдатам Ташкента кушкинский гарнизон. 21 ноября 1917 года из Чарджоу сообщали: «Рабочие и солдаты в большинстве стали на сторону революционного движения. Провокаторским сообщениям и телеграммам о подавлении большевиков в Петрограде не верили».¹

В конце ноября чарджоуская группа РСДРП писала в ЦК партии большевиков, что «26 ноября состоялось общее собрание нашей группы и единогласно при одном воздержавшемся постановило: перейти с меньшевистской платформы на большевистскую».²

В 1918 – 1919 годах происходила консолидация местных национальных сил, выступавших за социальное обновление, демократию и революционное преобразование. В Ташкенте при содействии Советской власти собирали силы демократические и революционные группы Бухары, покинувшие ее в период террора. Они создали «Центральное бюро революционных младобухарцев». В конце 1918 г. организуется и Бухарская Коммунистическая группа, ядром которой стала отколовшаяся часть левых младобухарцев. В воззвании к народу от 20 октября 1918 года

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1-А, д. 346, л. 5; Фомченко А.П. Русские поселения в Бухарском эмирате. Ташкент, 1958, с. 53.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1-А, д. 346, л. 9.

ЦК Бухарской компартии писал: «Мы не одни. Советская Россия нам помогает, она с нами». Несмотря на различия в политических программах, эти две бухарские революционные партии на начальном этапе деятельности были единодушны в необходимости свержения эмирской власти в Бухаре.

Коммунистическая партия Бухары (официально до конца 1919 г. именовалась «Партией младобухарцев коммунистов-большевиков») по идейной платформе и преследуемым целям была партией революционных социалистов-интернационалистов, в основном придерживавшейся идеи Октября и Советской власти. В то же время она, по утверждению исследователей ее истории, «принципиально отличалась от Российской Коммунистической партии (большевиков), как по теоретическому и политическому уровню развития, так и по организационному принципу строения и по качественному своему составу. Она не была пролетарской и состояла главным образом из полупролетарских и мелкобуржуазных слоев города и кишлака. В организационном и идейном отношении она была крайне слаба».¹ Несмотря на эти недостатки, появление на политической арене местной компартии, ее деятельность, способствовавшая росту и идейной закалке партии, явились значительным революционным событием в стране.

Младобухарская революционная партия была партией мелкобуржуазных социалистов-реформистов, сложившейся в условиях отсталой страны со всеми вытекающими из этого недостатками ее политической программы и деятельности.

Особенности и различия двух бухарских политических партий иногда серьезно давали о себе знать, однако в то время они не могли служить препятствием для объединения усилий в выполнении ближайшей задачи свержения эмира и уничтожения старых порядков в Бухаре.

Следует отметить, что младобухарцы, подвергаясь жестоким гонениям и рассланываясь в своей среде, все более левели и заметно революционизировались после Октябрьской революции, под непосредственным воздействием ее идей и под влиянием местных революционных русских рабочих и солдат. Некоторые из

---

¹ Макашов А.В. Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918 – 1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971, с. 149 – 150. (Фонд научной библиотеки АН КазССР).

них перешли в компартию Бухары. Левое крыло младобухарцев выступало за контакт с Советской властью, с Красной Армией, за тесный союз и слияние Бухары с Советским Туркестаном на основе политики большевиков.

Борьба внутри партии младобухарцев выразилась в том, что при формальном ее единстве одна из групп стояла за решительные действия и радикальные преобразования в обществе, другая группа придерживалась умеренных требований и умеренных действий.¹ Их объединяла общая ненависть к эмиру и его окружению.

Наиболее решительные представители из младобухарской партии, пытаясь ускорить падение эмирской власти и сознавая, что эту задачу они не могут осуществить собственными силами, в декабре 1917 года обратились в Туркестанский Совнарком, в частности к его председателю Ф. Колесову, за военной помощью для поддержки, как они заявляли, восстания в эмирате, которое начнется по их сигналу. В начале 1918 года революционный комитет младобухарцев, согласовав план действия с Туркестанским Совнаркомом, предъявил эмиру ультиматум с планом изменения политической структуры эмирата. Непринятие эмиром этих требований должно было послужить сигналом для восстания на местах и выступления из Туркестана военной силы с целью свержения эмирской власти. Представляют большой интерес политические требования младобухарцев, составленные при участии Колесова и предъявленные эмиру. В случае принятия эмиром требований за ним сохранялась должность главы государства, а намеченные реформы проводились бы через него и от его имени.

Предполагалось распустить правительство и создать вместо него исполнительный комитет из младобухарцев, который обладал бы широкими полномочиями власти и управления в масштабе страны. Все назначения в состав правительства должны были осуществляться с ведома исполкома и эмира. Предусматривался роспуск старой армии.

---

¹ Умеренным крылом в январе 1918 г. был составлен проект программных действий партии на ближайшее будущее. Он предусматривал «введение в Бухаре правовой государственности, замену средневекового восточного деспотизма просвещенной монархией европейского образца и экономическое, политическое и военное укрепление Бухары на базе увеличения благосостояния и культурности трудовых масс бухарского народа». (Ходжаев Ф. К истории революции в Бухаре. Ташкент, 1926, с. 35).

Главным в требованиях младобухарцев была идея завладения властью, они не хотели делить ее с представителями других группировок и сохраняли эмира лишь как традиционную личность, в котором население в течение веков видело светского и духовного главу. Как следовало ожидать, эмир отклонил эти требования и сумел нанести поражение объединенному отряду Колесова и младобухарцев, выступление которых было неподготовленным и преждевременным.

Во время массовой резни, проведенной в марте 1918 года после неудачного колесовского похода, по одним сведениям, эмиром было казнено 1500 младобухарцев, по другим, в частности по сообщению ЦК партии младобухарцев, – до 3000 членов.¹ Тогда же было убито около 1600 русских, евреев, армян и других лиц различной национальности.²

Как вспоминает участник Бухарской народной революции К. Камиллов, в эти дни «тысячи молодых патриотов были умерщвлены, в каждую ночь в Бухарской крепости убивали людей сочувствующих революции. На рассвете их тела увозили за ворота (Дарвази-углан) и там закапывали».³ В одном из исследований по этому вопросу сказано: «Бухарское духовенство на основании корана объявило всех джадидов изменниками веры ислама... Черносотенные толпы, подстрекаемые и руководимые фанатичными муллами, врываются в дома джадидов, учиняли погромы, грабя и поголовно уничтожая их семьи».⁴

Новая эмиграция революционеров Бухары в Туркестан превратила Ташкент в центр партии младобухарцев. Здесь разрабатывались планы дальнейших действий, отсюда в стан эмира, в города и кишлаки рассылались партийные агитаторы и «лазутчики». По мере углубления революционных задач партии, по мере усложнения условий, в которых ей приходилось работать, некоторая часть младобухарцев начала отходить от борьбы, стали обнаруживаться разногласия и противоречия между ее членами,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 72, л. 77.

² Дыбенко П. Ликвидация Бухарского эмирата. – В кн.: Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций. Ташкент, 1930, с. 64.

³ За Советский Туркестан. Ташкент, 1963, с. 444.

⁴ Макашов А.В. Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918-1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971, с. 111-112. (Фонд научной библиотеки АН КазССР).

в ее руководстве, которые явились следствием разночинного социального положения лиц, вошедших в состав младобухарцев.

В партии, в ее центральном комитете и после размежевания с временными попутчиками оставались заметны два течения, которые позже переросли в два направления. Одна группа придерживалась старых позиций дооктябрьского периода. Ее приверженцы считали, что достаточно свалить эмира и заменить его правительство интеллигентными людьми новой ориентации, развить «народное просвещение», перестроить налоговую систему на «справедливой основе», предоставить купцам и промышленникам свободу предпринимательства, а ремесленникам и кустарям – льготы на рынках для реализации и обмена продуктов своего производства, как вопрос «обновления» общества будет решен. Эта группа не отрицала необходимость помощи Советской власти в Туркестане и в то же время старалась обойтись без нее. Она исходила из возможности самостоятельного существования Бухары, вне Туркестана. Ей представлялось «обновленное» Бухарское государство как Старая Бухара, но без эмира и эмирской деспотии. Эта группа младобухарцев составляла их правое крыло и отличалась явным консерватизмом во взглядах.

Другая группа младобухарцев испытала революционное веяние Октября. Она не замкнулась в рамках ограниченных буржуазно-демократических лозунгов, ей импонировали социалистические идеи. Она находилась в контакте с туркестанскими коммунистами и считала их поддержку, помощь основным условием победы в Бухаре революционных сил. Эта группа имела сравнительно конкретные представления о преобразованиях, которые должны были произойти в Бухаре после прихода к власти младобухарцев. Она являлась их левым крылом в ЦК.

Из левого крыла партии младобухарцев весной 1918 года выделилась группа, признавшая программные положения и платформу Российской Коммунистической партии. Их стали именовать младобухарцы-коммунисты, в дальнейшем они составили ядро Бухарской партии коммунистов, организационно оформившейся как самостоятельная политическая организация в сентябре 1918 года.

Партия младобухарцев с образованием Бухарской компартии не распалась. Правда, лишившись наиболее революционных членов, в первое время она несколько поддалась правому уклону, но

такое положение длилось весьма недолго. Быстрое вызревание революционной ситуации, в ходе которой неустойчивые, неуверенные элементы отсеивались, оказало революционизирующее влияние в целом на курс партии.

Левое крыло младобухарцев при поддержке правительства Советского Туркестана, часто в контакте с Бухарской компартией, вело работу, способствовавшую классовому пробуждению народных масс Бухары. Оно организовало отделение партии в Москве (1918 – 1920 гг.), печатало там брошюры, листовки, воззвания на таджикском и узбекском языках и распространяло их в Бухаре.¹ Эти революционеры сделали немало и для подготовки восстания масс против эмира.

Перед переворотом 1920 года младобухарские революционеры обратились к населению Бухары с воззванием, которое было озаглавлено: «Не бойтесь, право и сила на вашей стороне». В нем они писали: «Как в прежние времена, сейчас нет Николая; соратники эмира, которые могли бы взять сторону эмира и послать против вас русские войска, давно выброшены из России. Сейчас есть только Рабоче-Крестьянская Красная Армия, которая всецело стоит на вашей стороне. Она всегда готова прийти на помощь к вам...

Да здравствует союз свободолюбивых русских красноармейцев с бухарским революционным войском».²

В послеоктябрьский период во главе младобухарских революционеров встал Файзулла Ходжаев, образованный, энергичный молодой деятель, имевший опыт подпольной революционной работы, широкий политический кругозор. Он сумел завоевать авторитет не только у передовых борцов Бухары, но и у широких масс населения. Его приход к руководству партии во многом предопределил ее выбор социалистической ориентации.

Само выделение из партии младобухарцев группы левых деятелей и создание ими ядра Бухарской компартии говорило о глубоком революционизировании и внесении в национально-освободительное движение идей социализма. Организаци-

---

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 447.

² Дыбенко П. Ликвидация Бухарского эмирата. – В кн.: Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций. Ташкент, 1930, с. 66 – 67.

онное оформление коммунистической партии Бухары было крупным политическим событием, обусловившим перспективу революционного развития страны. Появление на арене политической борьбы, пусть на первых порах малочисленной, со многими идейными и профессиональными недостатками, компартии не могло не внести новой революционной струи в содержание освободительных идей и в освободительное движение Бухары.

Еще в те дни, когда компартия Бухары только создавалась и делала первые шаги, она заявила о полном признании программы РКП(б) и одобрении деятельности Советского правительства. На съезде коммунистов в сентябре 1918 года было решено: «Немедленно приступить к работе на местах для распространения идеалов коммунизма и социализма, а также принципов советского государственного строительства среди угнетенных бухарских масс».¹ В декабре того же года в Чарджоу, Керки, Термез и Бухару были направлены представители партии «для нелегальной работы среди солдат бухарской армии, кустарных рабочих и дехкан».²

В конце декабря 1918 года ЦК партии коммунистов Бухары принял Временную программу партии, в которой были определены ее политические задачи на данном этапе борьбы и которая стала руководством в действии. Она предусматривала в области общественно-политической «уничтожить феодально-деспотический строй и установить демократическую республику на советских началах; в области аграрной – конфисковать земли эмира и беков и раздать их безземельным и малоземельным дехканам, выдать последним безвозвратные ссуды, сельхозинвентарь и рабочий скот; в области судопроизводства – ликвидировать прежние казийские суды и учредить народные суды на выборных началах; в области демократических свобод – обеспечить равноправие всех наций, всех трудящихся, мужчин и женщин, а также свободу слова, печати, совести и т. п.; в области культуры и просвещения – ввести всеобщее обязательное бесплатное начальное обучение и т. д.».³

¹ ЦПА НМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 51, л. 2.

² Там же.

³ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 449.

Путь Бухарской компартии был сложным и трудным. Отсутствие в ее составе профессиональных революционеров и теоретиков и то, что партия формировалась из людей, выросших в отсталом крае с клерикально-деспотической системой управления, долго давали себя знать, особенно в периоды подготовки революции. Несмотря на эти трудности, Бухарская компартия мужала и крепла, приобретала авторитет среди трудящихся масс.

Не были ровными и отношения между ЦК Бухарской компартии и ЦК партии младобухарских революционеров, которые находились в эмиграции, в Ташкенте.

Обе партии сходились во мнении о необходимости свержения эмира, установления демократического строя и сознавали важность объединения усилий на этом этапе революции, однако разобщенность между их руководящими центрами была значительной. Трения и конфликты между ними возникали не только из-за различия идейно-политических установок и целей, но и из-за неприязненных отношений между отдельными руководителями партий, как говорили в то время, из-за «эмигрантской склоки».

Между тем в самой Бухаре разобщенность между ячейками обеих партий почти не чувствовалась. На местах группы и активисты Бухарской компартии и партии младобухарских революционеров действовали в тесном контакте. Подготовка народного восстания против эмирской власти проходила под знаком сплочения во имя революции всех патриотических и революционных сил. Однако это не означало совпадения программных задач обеих партий, хотя вопрос о их слиянии в одну – в коммунистическую – неоднократно ставился в некоторых областных партийных организациях. Политкомиссар поезда «Красный Восток», снаряженного ВЦИКом и ЦК РКП(б) в 1920 году, с широкими полномочиями, в своей докладной сообщал в ЦК РКП(б) о том, что группы той или другой партии на местах, в Бухаре действуют согласованно, в руководстве их разногласия не замечаются, они работают «нередко в полном контакте между собой».¹

Влияние коммунистов сначала распространилось на рабочие районы, а затем на город и кишлаки. Поддержка советского правительства Туркестана младобухарцев в глазах многих, олицетворявших передовую революционную группу на местах, только

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 659, л. 84.

способствовала росту влияния компартии Бухары, ее политических лозунгов и программы.

Передовые люди Бухары возлагали большие надежды на коммунистов и Советскую Россию, видели в них подлинных избавителей от тирании и угнетения. В этом отношении интересно нелегальное обращение революционно настроенного населения Бухары в середине июля 1920 года к ЦК партии бухарских коммунистов. Под ним стояло около 1500 подписей. В начале обращения говорилось: «Мы, бухарские граждане, собравшиеся на нелегальных собраниях с крайним трудом и опасностью, протестуем против того, что проделывает эмир со своими беззащитными гражданами. При сборании налогов заставляют бедняков продавать даже дочерей, чтобы расплатиться со сборщиками податей и пошлин. Эмир до того доводит население, что бедняки стали относиться совершенно апатично к своей жизни».¹

Авторы письма обнаруживают идейную зрелость, по ряду политических вопросов они высказывают трезвые суждения. «Переворот в России, – писали они, – открыл перед нами новый горизонт. Мы увидели возможность борьбы с кровавым деспотизмом. Мы были рады видеть, как российский пролетариат взял власть в свои руки. Если угнетатели нашего народа сумели крепко объединиться для нашего порабощения, то и угнетенные должны сплотиться в одну, дружную семью вокруг российского пролетариата для борьбы с деспотизмом».²

Некоторые слухи, в нежелательном свете толковавшие действия органов Советской власти во взаимоотношениях с бухарским правительством, слухи, искажающие политику Советов в бухарском вопросе, тревожили передовых революционеров Бухары. Так, посылку эмиром делегации в Красную Москву авторы письма считали прикрытием своих истинных намерений. «Мы, возмущенные такой двойственной игрой эмира, постановляем, – писали они, – сообщить верховным органам Советской России, Компартии и всему миру, что делегация эмира не имеет ничего общего с бухарским народом и не может никогда говорить от его имени, – она является исключительным предприятием эмира и высших правящих классов».

---

¹ «Известия» (орган ТурЦИКа и Крайкома КП Туркестана), 1920, 27 июля.

² Там же.

Советская власть в Туркестане сделала очень много для оказания помощи революционным силам Бухары и освобождения ее народов из-под власти тирании. Имеющиеся документальные материалы свидетельствуют о том, что если бы пролетариат России не оказал через органы Советской власти в Туркестане помощи, то едва ли была возможна скорая победа народной революции в Бухаре, которая обеспечила в 1920 году установление Советской республики.

Туркестанское Советское правительство активно поддерживало патриотические и революционные силы Бухары, боровшиеся против средневековой деспотии. С одной стороны, превращение бухарского эмирата в гнездо контрреволюции, с другой – необходимость интернациональной помощи бухарским революционерам в их борьбе за свержение антинародного, клерикально-средневекового режима в эмирате сделали актуальной разработку правильной политики в бухарских делах. Турккомиссия ЦК РКП(б) с этой задачей успешно справилась.

В.В. Куйбышев, член Турккомиссии, 30 ноября 1919 года писал из Бухары в ЦК партии: «Дорогие друзья! Первое, что мне бросилось в глаза в Н. Бухаре, – в этом ближайшем аванпосте нашей международной работы, – это отсутствие ясного представления наших ближайших задач у непосредственных проводников нашей политики». Он признает, что «конкретизирование политики, в частности в Бухаре, вещь не легкая. Здесь более чем где-нибудь нужно семь раз отмерить и раз отрезать. Но во всяком случае приступить к этой работе нужно немедленно...».¹ Следует сказать, что до приезда Турккомиссии ЦК РКП(б) в политике Туркестанского советского правительства в бухарских и хивинских делах, особенно в первые годы после Октября, было немало недостатков, порой отрицательно влиявших на развитие революционных связей народов Бухары и Туркестана. Эти ошибки явились результатом искривления и недопонимания национальной политики Коммунистической партии и Советского государства некоторыми лицами, ответственными за бухарско-советские отношения и связи.

В тот период было немало временных попутчиков, а также лиц, примазавшихся к революции, к Советской власти в Туркестане или просто служащих из прежних чиновников со старыми

---

¹ Куйбышев В.В. Биография. М., 1966, с. 129.

взглядами и привычками. При крайней малочисленности кадров они имели возможность попасть на ответственные посты и, внешне соблюдая лояльность и даже выражая «преданность» Советской власти, «по-своему» быть деятельными. Так, деятельность миссии, учрежденной в Бухаре Туркестанским советским правительством, в первые годы революции была далеко не безупречной. Ответственный политработник военно-революционного совета армии Туркестанского фронта В. Соколовский в октябре 1918 года сообщал в ЦК РКП(б) о том, что местное население Туркестана сочувственно относится к Советской власти и ее представителям. Остановившись на положении в Бухаре, он отмечал, что там поведение некоторых влиятельных руководителей из русских «просто возмутительно». В миссии власть находилась «в руках авантюристов, преследовавших свои личные цели».¹ Такие деятели были и в Туркестане. В одной из телеграмм, подписанной членами Турккомиссии и направленной 17 декабря 1919 г. на имя секретаря ЦК партии Е. Стасовой, говорилось, что определенные лица, состоявшие на официальной службе, известны «самыми свирепыми гонениями на мусульман».²

ЦК Бухарской коммунистической партии 10 августа 1920 г. в своей докладной записке о деятельности партии, направленной в центр, приводил факты о том, что некоторые работники представительства Туркестанской республики в Бухаре получали от эмира ценные подарки в виде золотых часов, украшений и бриллиантов. В частности, представитель Эсман получил от эмира бриллиантовое кольцо, которое впоследствии продал в Ташкенте бухарскому консулу за 1 400 000 рублей.³

ЦК Компартии и Советское правительство принимали решительные меры по очищению органов и аппарата Советов в Туркестане от проходимцев и врагов революции, искажавших политику партии на национальных окраинах. В результате проделанной работы авторитет Советской власти среди местного населения Туркестана, Бухары и Хивы еще больше возрос.

Разобраться в сложной политической ситуации в Бухаре, в задачах и взаимоотношениях политических группировок и выработать оптимальный план политических действий было крайне

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 4, д. 83, л. 8.

² Там же, оп. 65, д. 72, л. 93.

³ Там же, оп. 2, д. 51, л. 3.

трудно. Нередко допускались ошибки как в оценке революционной обстановки в Бухаре, расстановки демократических и революционных сил и их реальных возможностей, так и в тактике действия во взаимоотношениях с ними. Идеино-политические условия Бухары и развитие в ней революционного процесса были мало похожи на известные стандарты и не имели аналога в соседних странах. Сквозь «азиатскую» средневековую и религиозную схоластику пробивали себе путь передовые убеждения. В этом заключалась трудность выработки правильной оценки обстановки в стране.

Отдельные ошибки и недостатки, имевшиеся в действиях рожденного в революции правительства Советского Туркестана, которые в основном были обусловлены неопытностью, отчасти «большой революционностью» отдельных руководящих деятелей, не могли бросить тень на его значительную и плодотворную работу по оказанию помощи Бухарской революции.

Передовые и революционные силы и партии Бухары нуждались в идейном руководителе, возможно, больше, чем другие политические группы. Недостаточность опыта революционной борьбы, слабое знакомство с революционной теорией все острее сказывались в планах и действиях Бухарской компартии по мере созревания революционной ситуации в Бухаре, по мере расширения подготовки к вооруженному восстанию трудящихся масс против правительства эмира. Руку интернациональной помощи бухарским революционерам подала партия В.И. Ленина. Она по-товарищески, по-братски делилась с ними своим богатым опытом революционной борьбы, учила их определению и выбору средств борьбы, подсказывала, когда и куда направить главный удар революционных сил, чтобы выполнить миссию по освобождению угнетенных из-под власти эксплуататоров.

Приезд ряда выдающихся деятелей партии большевиков в составе Турккомиссии ЦК РКП(б) в Ташкент весьма положительно отразился на политической обстановке в Туркестане и на освободительном движении в Бухаре и Хиве.

При прямой поддержке и помощи Центрального Комитета большевистской партии и его Комиссии по делам Туркестана произошло сплочение всех передовых, патриотических и революционных сил Бухары при руководящей роли компартии Буха-

ры в период, предшествовавший революционному перевороту и созданию Бухарской советской республики.

При Турккомиссии ЦК РКП(б) в конце 1919 года был создан «Совет интернациональной пропаганды на Востоке (СИПВ)». Он должен был объединить все революционные организации, действовавшие как на территории Туркестана, так и за его пределами; способствовать образованию революционных ячеек, где их не было; наладить партийную революционную работу.¹ В его состав вошли видные члены партии края, хорошо знавшие политическую ситуацию в соседних с Туркестаном землях, особенно в Бухаре и Хиве. Совет подробно изучал ход развития революционной борьбы в обоих ханствах, поддерживал постоянные контакты с руководящими органами и лидерами их революционных организаций, рассматривал их нужды и запросы, ставил перед Турккомиссией ЦК РКП(б) вопросы об оказании им помощи и поддержки.

Одним из сложных вопросов, решением которого много занималась как Турккомиссия ЦК РКП(б), так и СИПВ, был вопрос об объединении всех революционных сил Бухары и в этой связи вопрос об отношениях между Бухарской компартией и партией младобухарских революционеров на этапе подготовки демократического переворота.

С самого начала Турккомиссия ЦК РКП(б) и ее органы проводили политику, направленную на сплочение всех оппозиционных, патриотических и революционных сил Бухары и Хивы на этапе подготовки к свержению власти ханов в этих странах, так как временами между Бухарской компартией и руководством младобухарских революционеров возникали острые конфликты. Эти разногласия партий были следствием различия, во-первых, перспективных программных требований, во-вторых, социального состава. Вокруг партии бухарских коммунистов наряду с мелкой и средней местной интеллигенцией собиралась и беднота, а вокруг младобухарцев – «низшее, отчасти и среднее духовенство и часть оппозиционной буржуазии».² Но не только эти принципиальные моменты порождали разногласия. На взаимоотношения бухарских революционеров сказывались групповщина, местничество, склоки, порой не имевшие принципиального значения в

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 661, л. 22.

² Там же.

их политической борьбе. Преобладание в тех или иных организациях выходцев из определенных этнических групп, представителей разных оттенков верований (суниты и шииты) также вело к конфликтам. Бывало и так, что руководители группировок, используя личные и партийные связи, пытались оказаться ближе к компартии и правительству Советского Туркестана. Законная симпатия последних к Бухарской компартии воспринималась отдельными группами младобухарских революционеров отрицательно. Все это создавало несколько натянутые отношения между организациями бухарских революционеров.

ЦК Бухарской компартии дважды констатировал, что «младобухарская революционная партия объединяет в себе буржуазные и националистические силы, ведет систематическую травлю партии бухарских коммунистов, что является серьезным тормозом в деле освобождения Бухары и установления в ней советского строя». ¹ ЦК Бухарской компартии считал недопустимым существование партии младобухарских революционеров и требовал от советских органов Туркестана ее роспуска.

При обсуждении этого вопроса мнения в Турккомиссии ЦК РКП(б) разделились. Совет интернациональной пропаганды на Востоке почти в полном составе заявил, что требования ЦК Бухарской компартии опрометчивы, и высказался за объединение усилий бухарских революционеров для осуществления общей задачи – совершения революционного переворота в Бухаре. Члены СИПВ, обосновывая свое мнение, писали: «Изучение вопроса во всем объеме показывает, что партия младобухарцев ярко революционная, проникнутая ненавистью к деспотическому режиму эмира, с определенной ориентацией советской. Она имела несомненное влияние среди оппозиционной части низшего и среднего духовенства... имела известное влияние среди городской и деревенской бедноты и, что особенно важно, и в армии, ... и по всей стране имела недурно налаженный аппарат...». ² Напротив, Отдел внешних сношений (краевой орган Народного Комиссариата иностранных дел) поддерживал требование ЦК Бухарской компартии. Первые заседания Турккомиссии ЦК РКП(б) по этому вопросу проходили не в полном составе. На одном из них было принято решение «порвать всякую связь с

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 12, д. 661, л. 24.

² Там же. л. 25.

младобухарскими революционными организациями, отказав им как в материальной, так и в моральной поддержке».¹ С этим решением был не согласен один член Турккомиссии – В. Куйбышев.² Вскоре Турккомиссия пересмотрела свое решение и нашла необходимым сплотиться всем революционным силам страны на этом этапе развития освободительного движения в Бухаре. Данная рекомендация оказалась жизненной и имела важное значение для победы народной революции в Бухаре. То же самое в это время советовал ЦК Бухарской компартии М.В. Фрунзе.³

29 июля 1920 года по поручению В.И. Ленина Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос о младобухарских революционерах и признало «необходимым оказать этой организации всяческое содействие в ее революционной борьбе против деспотической власти эмира».⁴ Несколько дней спустя Турккомиссия ЦК РКП(б) заявила, что «полагает возможным оказывать младобухарской революционной организации поддержку».⁵

Решения IV съезда компартии Бухары, в работе которого участвовала и группа младобухарских революционеров, о совместных действиях и организации единого фронта бухарских революционеров, создание накануне вооруженного восстания Военно-революционного бюро – органа по руководству восстанием, в состав которого вошли руководители компартии и младобухарские революционеры, участие в проектируемом революционном правительстве представителей как Бухарской компартии, так и партии младобухарцев и, наконец, совместные действия партий в период революционного переворота в стране – все это стало возможным благодаря помощи победившего пролетариата России, его партии – партии Ленина. В этом отразилось могучее, благотворное, революционизирующее и преобразующее влияние Октября, его идей на судьбы ранее отсталых окраинных народов России.

В подготовке вооруженных выступлений в разных местах ханства против эмирского правительства, в его свержении и установлении режима народной власти в Бухаре активное участие

¹ Там же, д. 657, л. 20.

² Там же, л. 50.

³ Алиев А. Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары. Ташкент, 1958, с. 43.

⁴ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 484.

⁵ Там же.

принимали как Бухарская компартия, так и партия младобухарских революционеров. На этом этапе они действовали единым фронтом. В данный период произошло быстрое полевение взглядов многих руководящих деятелей младобухарцев и сближение с коммунистами. «Накануне Бухарской революции, – говорится в одном из исследований, – часть младобухарцев фактически перешла на позиции коммунистов, а другая часть ограничилась заключением блока с коммунистами против эмира».¹

Политическая обстановка в Хивинском ханстве сложилась почти такая же, как и в Бухарском эмирате. Октябрьская социалистическая революция в России вызвала подъем национально-освободительного движения, которое в силу объективных внутренних условий было здесь более глубоким, чем в Бухаре. В этом сказались, во-первых, относительная слабость как хана, так и хивинского духовенства, всегда являвшегося социально-политической опорой ханского правительства; во-вторых, страна находилась в более активной зоне влияния России, чем Бухара; в-третьих, положение трудящихся масс, в особенности крестьянства, было тяжелым, процесс обнищания трудового населения был более глубоким, чем в Бухаре; в-четвертых, Хивинское ханство было раздираемо не только социальными конфликтами, но и внутринациональными противоречиями; в-пятых, буржуазные отношения слабо проникли в общественные отношения ханства. Все это облегчало рост самосознания народа и развитие революционного движения в крае.

В 1918 – 1919 годах на землях Хивы царил террор, усилилась борьба против хана и его режима, а также против туркменского авантюриста Джунайд-хана, пытавшегося установить свою диктатуру в ханстве. Грабеж и убийства, опустошения целых кишлаков и аулов ханскими отрядами и агентами стали массовым явлением. Это было свидетельством агонии власти. Один из организаторов коммунистической партии Хивы А.К. Акчурин, в 1919 году побывавший между Чимбаем и Заиром (150 верст по берегу Аральского моря), описывает представшую перед ним такую картину: «Сожженные и разрушенные дома, разбросанные повсюду трупы, растасканное имущество, полуистлевшие деревья, валявшиеся у домов детские люльки, торжествующий

---

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 484.

вой шакалов и наполнявшее воздух зловоние производили потрясающее впечатление».¹ Казахи, жившие многочисленными аулами в районе Торткуль-Чимбая, за несочувственное отношение к Джунайд-хану и его приверженцам были почти полностью разгромлены и уничтожены.

В дальнейшем революционизировании народных масс в Хиве огромную роль сыграл Советский район, возникший вскоре после Октябрьской революции в юго-восточной части Хорезмского оазиса, который прежде находился под юрисдикцией России. Города Советского района – Торткуль, Нукус и Чимбай стали местом сбора сил хивинских патриотов и революционеров. К середине 1919 г. в них было около 20 тыс. хивинских беженцев.² Они под влиянием большевистских групп и революционных русских рабочих и солдат закалялись идейно и укреплялись организационно.

Идеи Октября для многих хивинцев являлись факелом свободы и призыва к борьбе против местной тирании и старого режима. В Советской власти и в красноармейцах они видели освободителей от всего тяжелого и мрачного, что было в их жизни. В Хиве «...стоило только появиться на улице человеку в красноармейской фуражке, гимнастерке, – свидетельствует один из очевидцев, – как навстречу к нему выходили обрадованные жители. Они целовали его руки, ноги, обнимали полы шинели, вытирая ими иссохшие от слез глаза, робко дотрагивались до его винтовки. Приглашали к себе, угощали всем, чем могли. Даже женщины открывали перед ним свои лица, ласкали его».³

Часть младохивинских революционеров, эмигрировавшая после Октября в Ташкент, вскоре создала свои отделения в Торткуле, Чарджоу, Асхабаде и Мерве. В самой Хиве не было организации, там находился уполномоченный от младохивинцев.

Политическая обстановка в Хиве все более обострялась. Недовольство народных масс режимом Джунайд-хана и его ставленников быстро росло. В этих условиях внесение радикально-революционных идей в среду бунтующих масс, овладение их умами в

---

¹ Акчурин А.К. Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и в Бухаре. – В кн.: Сборник статей к десятилетию Бухарской и Хорезмской революций. Ташкент, 1930, с. 23.

² История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1936 гг. М., 1968, с. 280.

³ Акчурин А.К. Воспоминания о двадцатом годе в Хиве и в Бухаре, с. 23.

интересах подлинно народной революции были первостепенной задачей революционных организаций. Эту задачу в тот период выполняли младохивинские революционеры и коммунисты, организационно оформившиеся в партию несколько позже.

Революционная борьба народов Хивы была предметом внимания Советской власти в Туркестане. Она постоянно оказывала различную помощь революционным группам и организациям Хивы в мобилизации и сплочении национально-патриотических и революционных сил в ханстве, в борьбе за освобождение страны из-под власти феодальной черносотенной реакции и социальное обновление. 21 ноября 1919 года из Ташкента в ЦК РКП(б) была отправлена телеграмма следующего содержания: «Прибывший в Ташкент представитель Петроалександровского младохивинского комитета Бекчурин передает о разрастающемся революционном движении в Хиве. Угнетенный хивинский народ, задыхающийся под игом ханов, видит свое раскрепощение и избавление от Джунайда в присоединении Хивы к Советскому Туркестану. Цвиллин».¹

Младохивинские революционеры в организационном отношении и по своей активности были несколько слабее, чем партия младобухарцев. В младохивинском движении не было руководителей, за плечами которых был бы опыт борьбы с ханским правительством. Но в своих идейных взглядах и требованиях младохивинцы ушли несколько дальше, чем младобухарцы. Они неоднократно обращались в правительство Туркестана как за помощью, так и с просьбой присоединить Хиву к Советскому Туркестану. Такое письмо хивинские революционеры составили в конце 1918 года. В нем содержалась просьба присоединить Хиву к Туркестанской республике, «установив там советское правление, чтобы спасти население от ханских... терроров».²

В процессе подготовки вооруженного восстания младохивинские революционеры действовали совместно с хивинскими коммунистами. Они сумели привлечь на свою сторону некоторых племенных вождей туркмен, постоянно враждовавших с правителями Хивы. «В Хиве коммунисты и младохивинцы провели большую работу среди населения, организовали вооруженные

¹ ИМЛ, ф. 17, оп. 65, д. 72, л. 38.

² История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 461.

дружины, сыгравшие огромную роль в революции».¹ Хивинские революционеры, опираясь на поддержку Красной Армии и органов Советского Туркестана, в конце 1919 года сумели поднять в ряде мест ханства восстания крестьян и вступили в открытую вооруженную борьбу с хивинским ханом. 2 февраля 1920 года революционные отряды свергли хана и передали власть временному органу – Революционному комитету.

---

¹ История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1936 гг. М., 1968, с. 280.

ГЛАВА III

ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БУХАРЕ И ХИВЕ

1. Провозглашение Советской Республики в Бухаре

Отчаянные и рискованные меры, к которым прибегало эмирское правительство во внутренней и внешней политике в послеоктябрьский период, чтобы спасти свое положение, не дали и не могли дать желаемого результата. Они только ускорили крушение политической системы в стране. Так, кровавая расправа с инакомыслящими и оппозиционерами, рассчитанная на поголовное физическое истребление противников режима,¹ привела к противоположному результату – к резкому росту чувства ненависти у широких масс населения. Попытка укрепить армию путем набора наемников и закупки оружия у англичан и в Афганистане на средства, полученные от дополнительного обложения населения,² не превратила эмирское правительство в «большую мощь» в глазах народа, наоборот, она обнажила его старые и новые пороки. От этого не укрепилась и эмирская армия – среди солдат усилились брожение, недовольство и дезертирство.³ Открытая антисоветская политика с целью ухудшения и обострения отношений с Советской Россией и превращения страны в убежище для контрреволюционных элементов и групп, выбитых из России, еще больше обнажила реакционную природу эмирской власти.

---

¹ «Репрессии и белый террор в Бухаре очень сильный», – отмечала Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР, характеризуя обстановку в стране накануне революции (ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 208).

² Налог с крестьянских посевов достигал 75 проц. размера урожая (Ишанов А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 165).

³ В одном партийном донесении, поступившем в ЦК РКП(б) в конце июля 1920 г., говорилось, что «бухарская армия сильно разложена. Мобилизация не вызывает сочувствия населения и только разоряет его и озлобляет его... Дезертирство из бухарской армии продолжается. Ежедневно перебегают на русскую территорию 10-20 человек с оружием и лошадьми» (ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 207).

В условиях роста банкротства системы эмирата чаша весов в политической жизни общества явно перевесила в пользу демократических и революционных сил и организаций. Появилась благоприятная возможность для объединения их сил, для развертывания агитационной деятельности против существующего режима, для создания опорных ячеек и групп во многих городах и важных населенных пунктах, для вооружения своих сторонников и организации отрядов с целью свержения ненавистного эмирского строя.

К началу второй половины 1920 года возникла ситуация, которую можно назвать революционной. Prestиж и сила эмирской власти катастрофически падали, и у правительства практически не было шансов на их восстановление. В то же время недовольство масс режимом достигло высшей критической точки, оно должно было перерасти в восстание народа.

Член Турккомиссии ЦИКа и СНК РСФСР В.В. Куйбышев в середине августа 1920 года писал в ЦК РКП(б): «Как мы, так и революционные организации Бухары убеждены в быстроте и безболезненности ликвидации деспотического правительства в случае проявления инициативы нами».¹

В этой обстановке внесение организованности в движение масс и руководство ими стали первостепенными вопросами для политических групп и партий, находившихся в оппозиции к официальной власти. Наступил ответственный момент принятия решений.

16 августа 1920 года в Чарджоу начал свою работу IV съезд Бухарской компартии. На нем присутствовало 110 делегатов.

Съезд показал, что наряду с увеличением численности членов и сторонников партии значительно возросло влияние коммунистов среди широких масс внутри эмирата.

К этому времени коммунистические организации уже существовали почти во всех крупных населенных пунктах, и вокруг них собирались значительные силы, они формировали тайно вооруженные отряды на случай восстания городских низов и дехкан против эмирской власти.

Съезд вынес решение о подготовке и организации вооруженного восстания с целью свержения эмирской власти, о едином блоке коммунистов и младобухарских революционеров на этом этапе развития революции в Бухаре.

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 161, л. 22.

Как сказано в одном из партийных документов, младобухарские революционеры к этому времени организационно окрепли, «приобрели более революционную идеологию»,¹ частично преодолели внутренние разногласия, хотя разнотой в идейно-политической ориентации остался. Они имели большой опыт работы среди городского населения. Среди широких слоев населения младобухарцы были известны как «мученики» эмирской власти, как «джадиды», которых постоянно преследовали эмир и реакционное духовенство за их просветительскую и реформистскую деятельность.

Образование единого блока революционных сил в ответственный момент народного выступления за ликвидацию старого феодального строя в интересах демократии явилось важнейшим событием в политической жизни Бухары. Вооруженные отряды, создаваемые до сих пор при организациях обеих партий врознь, теперь комплектовались по единому плану.

Для руководства восстанием 25 августа 1920 г. был создан партийно-политический центр из представителей Турккомиссии и Туркбюро ЦК РКП(б), Бухарской компартии и Центрального бюро младобухарских революционеров. Они определили Чарджоуское бекство местом начала вооруженного восстания в Бухарском эмирате. И не случайно. Как отмечает А. Макашов, в бекстве функционировали восемь подпольных партийных организаций коммунистов, не считая младобухарских ячеек. Всего в этой местности насчитывалось свыше 350 членов компартии. В Чарджоу были сформированы революционный кавалерийский отряд (520 сабель) и коммунистическая дружина (500 штыков).² Местное городское трудовое население и дехканство не раз выступали и прежде против эмирской администрации. Немаловажным положительным фактором было и то, что в русских районах Чарджоу власть принадлежала Совдепам, здесь же были дислоцированы части Красной Армии.

Восстание началось в районе Чарджоу в ночь на 23 августа 1920 года, 28 августа восставшие овладели крепостью Старый

¹ История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 486.

² Макашов А.В. Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918 – 1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971, с. 245 – 246. (Фонд научной библиотеки АН КазССР).

Чарджоу. Победа чарджоуских революционеров послужила толчком для вооруженных выступлений во многих бекствах ханства. Временный революционный комитет, созданный в ходе восстания, 29 августа обратился с воззванием к народу Бухары, которое начиналось так: «Братья! Наступил час расплаты. Многострадальный бухарский народ, так долго страдавший под гнетом эмира, беков и их приспешников, наконец восстал».¹ Перед восставшей народной массой стоял опытный и жестокий враг. Верхи духовенства рассчитывали не только повести против революции свои многочисленные легионы, но и направить против восставших фанатичную часть населения. А бухарские революционеры не имели опыта руководства революционными военными действиями и не были столь решительны, чтобы поверить собственным возможностям.

Советское правительство, выражая волю рабочего класса России, верное интернациональному долгу, решило оказать военную помощь восставшему народу Бухары. В приказе командующего Туркестанским фронтом было сказано: «В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудящихся масс Бухары с кровавым правительством эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки рабоче-крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю: всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь борющемуся народу в этот час решения».²

Объединенными силами восставших, а также местных революционных отрядов и частей Красной Армии в течение 29 августа – 2 сентября войска эмира повсеместно были разгромлены, эмирская резиденция в Старой Бухаре пала.

День 2 сентября 1920 года стал днем победы Бухарской революции. Власть почти во всех бекствах и городах перешла к местным революционным комитетам, а в центре – к Всебухарскому революционному комитету. В одном из первых декретов Бухарский ревком объявил Новую Бухару Народной Советской республикой. Это было подтверждено и законодательно оформлено на Первом курултае народных представителей, состоявшемся в начале октября 1920 года.

¹ Там же, с. 247 – 248.

² Фрунзе М.В. На фронтах гражданской войны. М., 1941. 329.

Бухарский эмир пал. Вместе с ним пал и его феодально-клерикальный режим – режим деспотии. Восторжествовало дело революционного народа Бухары, прошедшего через тяжелое испытание вековой борьбы. Установилась революционно-демократическая государственность рабочих и крестьян, всего трудового народа Бухары в форме Народной Советской республики.

Бухарская революция с переходом власти в руки революционного народа вступила в новую фазу своего развития. Победоносно завершился этап вооруженного восстания и свержения эмирской власти, начался этап углубления и развития революции в условиях революционно-демократической власти и дальнейшего развития по пути к социализму.

К концу 1921 – началу 1922 года, несмотря на большие трудности и ожесточенное сопротивление сторонников старого режима, были достигнуты серьезные успехи в развитии революционно-демократической власти, определено главное политическое направление развития Бухарской Советской Народной республики. Выбор политического курса страны, можно сказать, завершился. Началось его осуществление. В этот период происходит перерастание революционно-демократической государственности рабочих и крестьян Бухары в социалистическую государственность. Советская Народная республика Бухары становится республикой «советского типа» – советской государственностью.

Общественно-политическая ситуация накануне Бухарской революции, расстановка и соотношение сил и групп, участвовавших в ней, а также обстановка в процессе ее развития во многом были необычны.

В.В. Куйбышев, хорошо знавший бухарскую действительность, писал в 1920 году, что «Бухарская революция является явлением необычайным в деятельности Коммунистического Интернационала... условия, осуществившие Бухарскую революцию, не изучены, они не имеют прообраза в истории, а поэтому являются весьма интересными не только для нас, работающих здесь, в Бухаре, но и для всех работников Интернационала...».¹

Вследствие специфичности условий, при которых совершилась Бухарская революция – наличие Советского района в центре феодально-монархической страны, образование комму-

---

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 192, л. 1.

нистических организаций и рост их влияния в отсталой крестьянской среде, более глубокий революционный радикализм мелкобуржуазных групп, создание вооруженных антирежимных революционных отрядов внутри страны и на границе, помощь частей Красной Армии восставшему народу, — она не вменяется в известные формулы и схемы, вернее, она своим опытом обогатила теорию о народно-демократических революциях вообще, теорию о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в особенности.

В.И. Ленин не раз указывал на необходимость «изучения своеобразия новой, живой действительности» вместо повторения бессмысленно заученной формулы.¹ Он говорил, что «марксизм требует от нас самого точного учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента».² Такой динамичный и творческий подход, безусловно, необходим при изучении и оценке Бухарской революции, природы власти, установленной в результате ее победы, а также этапов ее развития.

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133.

² Там же, с. 132.

2. Революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в Бухаре

В результате победы революции в Бухаре установилась республика. Она была провозглашена Советской. Исследователи почти единодушны в том, что Бухарская республика по своему классовому назначению и характеру не была социалистической. Таковой она стала несколько позже, в результате мирного перерастания одной формы революции в другую.

Прежде чем говорить об этапах и характере развития Бухарской революции после провозглашения республики, следует уяснить то, что собой представляла та власть, та диктатура, которая закрепила победу Бухарской революции. В этом вопросе еще не все изучено. Концепция, получившая распространение, как нам кажется, нуждается в существенном дополнении и частичном пересмотре.

Еще в конце 20-х – начале 30-х годов первые исследователи Бухарской революции писали, что «она победила под лозунгами аграрной реформы, облегчения налогов, уничтожения феодальной системы управления. Задачи, стоявшие перед победителями, были задачами революции буржуазно-демократической, крестьянской».¹

В дальнейшем этот тезис дополнялся, но от этого суть его почти не менялась. Одни, не указывая на буржуазно-демократическое содержание Бухарской революции, называли ее крестьянской, другие определяли ее как народно-демократическую. Характеризуя содержание революции и ту власть, которая была установлена в ходе ее победы, некоторые авторы нередко приводят логически не связанные и даже противоречивые формулировки.

«Переворот в Бухаре, – писал один из них, – по своей природе, задачам и движущим силам носил народно-демократический или революционно-демократический характер и передал власть в руки трудящихся дехкан, объединенных в Советы народных депутатов».² Далее он уточняет, что «Бухарская революция была

¹ Головацкий О. Революция побеждает. Ташкент, 1930, с. 31.

² Макарова Р.П. Борьба Бухарской коммунистической партии за установление Советской власти в Бухаре. – В кн.: Великий Октябрь. М., 1958, с. 509.

народной революцией, ибо в ней участвовало большинство населения ханства. Основной движущей силой революции было дехканство».¹ Из этого замечания следует, что двигателем революции было крестьянство, оно получило власть, поэтому сама революция не могла не быть крестьянской или народно-демократической.

«Общекрестьянский» характер Бухарской революции отмечают и другие. «Революции в Хиве и Бухаре, – указывает И.А. Алимов, – были общекрестьянскими, народными революциями».² Эта точка зрения высказана и в крупных обобщающих исследованиях. Так, в «Истории национально-государственного строительства в СССР» о целях и задачах Бухарской и Хивинской революций сказано, что «они в первую очередь были направлены против крупного землевладения, крепостничества и деспотического режима хана и эмира... Следовательно, они носили антифеодальный, революционный, демократический характер... Они были народными революциями, так как их движущей силой являлось большинство народа. Основную массу составляли крестьяне, то есть «низы» народа».³ Эта же мысль почти дословно воспроизводится и во втором издании труда.⁴

Из изложенного вытекает, что Бухарская революция была «крестьянской», «общекрестьянской», «буржуазно-демократической революцией» и ее задачи не выходили за рамки данной революции. Такой взгляд является господствующим. Надо отметить, что исследователи, которые в своих суждениях исходят из известного положения о том, что общекрестьянская революция есть еще революция буржуазная, признают Бухарскую революцию таковой по сущности.⁵ Много и плодотворно трудившийся

---

¹ Макарова Р. П. Борьба Бухарской коммунистической партии за установление Советской власти в Бухаре, с. 510.

² Алимов И.А. Аграрные преобразования в народных советских республиках Хорезма и Бухары (1920 – 1924 гг.). Ташкент, 1970, с. 4.

³ Инояттов Х.Ш., Чугаев А.Ф. Победа советских народных революций и создание народных советских республик в Хорезме и Бухаре. – В кн.: История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1936 гг. М., 1968, с. 287.

⁴ История национально-государственного строительства в СССР. В 2-х т. Т. I. М., 1972, с. 298.

⁵ Там же, с. 298.

по истории компартии Бухары А. Макашов пишет, что «революция в Бухаре по своим экономическим и социально-политическим результатам имела специфический буржуазно-демократический характер».¹

Бухарская революция в момент ее проведения и победы, а также на этапе углубления и развития была своеобразна по общественно-социальной структуре и имела черты, характеризующие ее как оригинальное явление в рамках общих закономерностей.

Для познания и понимания особенностей развития Бухарской революции представляют значительный интерес материалы объединенного заседания – дискуссии с участием ЦК БКП, ревкома и Совета народных назиров, организованного в Бухаре 26 ноября 1920 года.² В тезисах В.В. Куйбышева, под руководством которого проходила дискуссия, розданных ее участникам, говорилось о необычности Бухарской революции. «Как характер самой революции, так и содержание деятельности существующей власти, несмотря на преимущественное участие в органах государственной власти коммунистов, носит буржуазно-демократический характер»,³ – указывалось в тезисах.

Докладчик, уполномоченный РСФСР и Реввоенсовета Туркфронта в Хиве, Г.Б. Скалов, отвечая на вопрос, к какому типу государства относится Бухарская Народная Советская республика, сказал, что «Бухарская республика, создав власть по форме Советской республики, приняла внешне те формы, которые выявил пролетариат, но в то же время Бухарская революция не может быть названа в данный момент в полном смысле слова пролетарской революцией..., но которую также нельзя отнести к революциям буржуазно-демократическим, к каким она не может быть отнесена уже потому, что она имеет тенденцию развития в пролетарскую революцию, затем еще потому, что во главе ее стоит Коммунистическая партия».⁴ В выводах оратор все же признал, что Бухарская революция «с некоторой натяжкой может быть отнесена к типу буржуазно-демократических революций».

---

¹ Макашов А. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1957, с. 65.

² ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 192, лл. 6-20.

³ Там же, л. 7.

⁴ Там же, л. 6.

Один из участников обсуждения доклада отметил: «Определение, что Бухарская революция является буржуазно-демократической, по-моему, не совсем правильно, потому что Бухарское правительство национализировало все заводы, монополизировала всю хлопковую, шерстяную промышленность. Затем Бухарское правительство сейчас опирается на беднейшее население, на дехкан и на ничтожное количество мелких торговцев, затем оно борется с духовенством и подготавливает почву для борьбы с буржуазией... На Первом курултае было высказано, что во всех органах в правительство будет выдвигаться трудовое население..., что избирательным правом пользуется все трудовое население, чего буржуазное правительство никогда не предоставило бы».¹ Из этого он сделал вывод, что такую власть и такое правительство нельзя назвать буржуазно-демократическим.

Другой участник дискуссии, выражая несогласие с определением Бухарской революции как буржуазно-демократической, заявил: «Я абсолютно не могу себе представить этого [положения] там, где господствует Коммунистическая партия... Все заводы, какие были в пределах Бухары, национализированы, все предметы производства, которые имеют более или менее крупное значение, взяты на учет».²

Выступивший в конце дискуссии председатель Совета назиров Файзулла Ходжаев заключил, что «настоящая форма государственного управления в Бухаре ничуть не похожа на буржуазно-демократическую, ибо там, где имеется буржуазно-демократическая форма управления, там все вопросы государственной и экономической жизни страны не могут проходить под лозунгами Коммунистической партии. Здесь было сказано, что тут не имеется диктатуры пролетариата, но если мы тут не видим определенного количества организованного пролетариата, но зато мы здесь видим организованную Коммунистическую партию, а раз Компартия диктует свою волю, которую правительство выполняет, то... мы не можем сказать, что Бухарская революция носит буржуазно-демократический характер».³

Дискуссия примечательна тем, что на ней впервые была высказана мысль о необычной структуре революционного процесса

---

¹ Там же, л. 18.

² Там же.

³ Там же, л. 19.

в Бухаре, о невозможности вместить его в рамки буржуазно-демократической революции. Правда, каких-либо общих выводов не было сделано, организаторы обсуждения не ставили такую задачу.

Определение Бухарской революции 1920 года как «крестьянской», «буржуазно-демократической» – неполное, ограниченное. Судя по имеющимся данным и фактам, буржуазно-демократическая революция была лишь одним из основных аспектов Бухарской революции.

Нельзя согласиться и с мнением о том, что Бухарская Народная Советская республика была крестьянской республикой, что равносильно признанию ее буржуазно-демократической республикой. Так, известный исследователь истории Бухары А. Ишанов, характеризуя Бухарскую народную республику, пишет: «Государственная власть впервые в мировой истории перешла в руки крестьян, составляющих основную массу населения страны. Образовалась крестьянская республика на советских началах, олицетворяющая власть революционного народа».¹ Из дальнейшего изложения видно, что, хотя она была построена на «советских началах», суть ее осталась крестьянской. Такая трактовка увязывается с определением Бухарской революции чисто крестьянской, как это сказано в Конституции БНСР в редакции 1921 и 1922 годов.²

Нельзя смешивать крестьянскую республику с крестьянско-советской республикой, о которой говорил В.И. Ленин в своем докладе на VIII Всероссийском съезде Советов.³ Понятие «крестьянско-советская республика» применимо ко всем Советским социалистическим республикам первых лет, не прошедшим капиталистической стадии развития, оно включает в себя власть крестьянских Советов под руководством рабочего класса в рамках его основных идейных установок.

Сам аргумент, считающий дехканство единственной и основной движущей силой Бухарской революции, нуждается в корректировке. Видимо, он возник потому, что страна была крестьянской и крестьяне составляли в ней около 3/4 населе-

---

¹ Ишанов А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 197.

² Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. Т. II. М., 1960, с. 67, 591.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

ния. В истории классовой борьбы, причем преимущественно в крестьянской стране, не всегда, не везде крестьяне выступают и выступали решающей силой в революционных переворотах. В данном конкретном случае – в Бухарской революции 1920 года – крестьяне-дехкане не занимали того положения, которое приписывают им некоторые исследователи.

Действительная роль дехкан в Бухарской революции состояла в том, что они являлись одной из основных общественных групп, участвовавших в ней и обеспечивших ее победу. Наряду с ними в Бухарской революции участвовали городские «низы» – рабочие, ремесленники, кустари, городская беднота, а также бывшие солдаты эмирской армии, перешедшие на сторону оппозиции.

Известно, что к началу Бухарской революции революционные партии ханства располагали сравнительно хорошо вооруженными революционными полками и подразделениями, коммунистическими дружинами в Самарканде, Чарджоу, Катта-Кургане, Керках и в других городах и населенных пунктах, общей численностью не менее 5 тыс. человек. Эти вооруженные отряды в основном состояли из представителей городской и кишлачной бедноты – пролетарских и полупролетарских масс, а также оппозиционной молодежи и интеллигенции. В них служили и бывшие солдаты эмирской армии, борющиеся теперь против самодержавия эмира.

Хотя восстание, послужившее сигналом для Бухарской революции, начали в одном из бекств дехкане и революционные отряды, оно стало набирать силу и развертываться по мере того, как городское трудовое население – рабочие заводов и мастерских, чернорабочие, ремесленники и молодежь из рабочих и полупролетарских кварталов – стало принимать активное участие в выступлениях против эмирской власти и ее местной администрации. Не случайно и то, что среди первых местных революционных комитетов, созданных в ходе восстания, преобладали городские ревкомы, одновременно взявшие власть в бекствах. На это указывалось в отдельных работах. В Бухарской революции, писалось в одной из них, «основной движущей силой революции были дехканство, рабочие хлопкоочистительных и других заводов, городская беднота, солдаты, бежавшие из эмирской армии, ремесленники, мелкие торговцы

и часть буржуазии». ¹ А. Макашов тоже признает, что «основной движущей силой революции в Бухарском феодальном ханстве были пролетарские и полупролетарские слои населения города и кишлака...».²

Победе Бухарской революции способствовал и русский рабочий класс, русские солдаты, а также Советы рабочих и солдатских депутатов, находившиеся в русских поселениях Бухары и, по существу, являвшиеся Советскими районами в самом центре эмирата. Они не только поддерживали революцию и помогали в ее подготовке, но и активно участвовали в ней в качестве одной из определяющих сил.

Какое же положение занимала коммунистическая партия Бухары в период Бухарской революции, партия, которая, несмотря на слабости и недостатки, была выразителем интересов и идейных требований рабочего класса. К середине 1920 года она была серьезной революционной силой. По данным представителя Турккомиссии ВЦИК и ЦК РКП(б), побывавшего в Бухаре за два месяца до начала революции, только в районе Старой Бухары функционировала 21 первичная коммунистическая организация с 1500 членами, большинство из которых было вооружено, в Чарджоу было 5 организаций, причем одна значительная. Коммунистам активно сочувствовало до 20 тыс. человек.³ По другим сведениям, к августу 1920 г. компартия Бухары в своих 42 низовых организациях насчитывала 5000 членов партии.⁴

По единодушному мнению исследователей компартия Бухары не только принимала участие в революции, но и руководила ею. Молодость, неопытность, недостаточная теоретическая зрелость, относительная малочисленность в ее составе рабочей прослойки в известной степени восполнялись поддержкой и помощью Советской республики и Компартии России, их авторитетом. Компартия Бухары завоевала новые позиции в стране и упрочивала их не столько лозунгами, сколько непосредственной

---

¹ Богоутдинов А., Вишневецкий А. Роль русского рабочего класса в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1967, с. 58.

² Макашов А. Утверждение Советской власти в центральном и южном Таджикистане. Сталинабад, 1957, с. 65-66.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 122, оп. 1, д. 29, л. 214.

⁴ Воскобойников Э., Зевелев А. Турккомиссия ВЦИК и Совнаркома РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. Ташкент, 1951, с. 150.

деятельностью на местах. Она пользовалась полной поддержкой Советского района Бухары и левых, наиболее революционных групп в младобухарском движении.

Все это обусловило руководство компартии Бухары революционным переворотом в ханстве. На IV съезде Бухарской компартии, состоявшемся в середине августа 1920 г., было заявлено, что «после свержения деспотической власти в Бухаре должна быть организована власть рабочих и дехкан, другими словами, власть, основанная на началах Советов – Советская республика, которая должна организоваться под руководством Коммунистической партии».¹

Таким образом, в общественные группы, являющиеся участниками и основными движущими силами Бухарской революции, следует включить рабочих (местных и русских), крестьян-дехкан, солдат (эмирской армии, вооруженных революционных отрядов, частей Красной Армии) и младонациональную интеллигенцию с демократическо-республиканской ориентацией. Руководство революцией, а следовательно, и руководство этими общественными группами в ней взяла на себя Бухарская коммунистическая партия.

Бухарская революция была совершена трудящимися Бухары в союзе с русским рабочим классом и во главе с Коммунистической партией. Бухарская революция по своим результатам не была революцией, удовлетворяющей требования всех классов буржуазного общества, т. е. общенародной. По социальному содержанию она не была обычной буржуазно-демократической революцией, вернее, не была только буржуазно-демократической. В Бухарской революции в силу благоприятных для развития революционной борьбы условий совмещались две революции – буржуазно-демократическая и революционно-демократическая.

Марксизм-ленинизм различает три главные силы революции применительно к XIX - началу XX века и соответственно им три основные стадии (ступени) ее развития. Как указывает В.И. Ленин, «первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая – завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т. е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья – социалистический переворот, который

---

¹ Ишанов А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 183.

один только способен удовлетворить пролетариат».¹ Это, однако, не означает, что развитие революции обязательно должно «взбираться» по этим ступеням – сначала проходит одну, потом вторую и затем третью. Решение этого вопроса зависит от условий развития борьбы революционных классов и соотношения общественных сил, участвующих в революции. «Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней, – писал В.И. Ленин, – будем понимать так, что до всякого подъема надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, «составлять себе план деятельности в революционную эпоху», то мы будем виртуозами филистерства».²

В условиях особенно удачно организованного и проведенного восстания не только возможен, но и вероятен прыжок «на две ступени сразу».³ Именно такая картина наблюдалась в Бухарской революции: борьба с абсолютной властью эмира срослась с борьбой за демократическую республику. В этом заключается одна из особенностей Бухарской революции, а также ее сложность по структуре.

Если проанализировать многочисленные факты и сведения, содержащиеся в литературе по Бухарской революции, то мы обнаружим следующее:

а) рабочий класс не только принимал участие в революции как одна из ее движущих сил, не только не был ее придатком, но и руководил ею;

б) рабочий класс и его политический авангард – компартия Бухары – участвовали в революции не для того, чтобы, обеспечив ее победу, отойти от нее и ждать социалистического переворота, а для того чтобы наряду с мелкобуржуазными революционерами участвовать и войти в революционно-демократическое правительство;

в) рабочий класс и его авангард – компартия Бухары – вошли в состав революционно-демократического правительства не для того, чтобы привести политическую организацию общества в соответствие с результатами революции, а главным образом для того чтобы обеспечить социалистическую ориен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 231-232.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 232.

³ Там же, 233.

тацию власти и подготовить почву для перехода к социализму, точнее, использовать ее для осуществления социалистического переворота.

Именно эти характерные черты Бухарской революции и выделяют ее из рамок обычной буржуазно-демократической революции, хотя она не могла миновать ее, перескочить ее основные требования. Бухарская революция, будучи буржуазно-демократической по ближайшей задаче, в то же время отличалась от нее тем, что с самого начала была сориентирована на преобразования, лежащие за пределами специфически буржуазно-демократических преобразований.

Поэтому неверно ограничивать цели Бухарской революции задачами буржуазной демократии и упускать задачи народно-революционной демократии, для которой первые являются непременной и обязательной ступенькой для осуществления основных перспективных задач, точнее – буржуазно-демократические задачи входят как составные части в более глубокие и зрелые революционно-демократические задачи, удовлетворяющие интересы главным образом пролетариата и крестьянства.

Власть, установленная в результате Бухарской революции в сентябре 1920 года, была ничем иным, как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства с ясно выраженной социалистической ориентацией. Она не была диктатурой буржуазии и даже буржуазных революционеров, способных на осуществление средне- и мелкобуржуазных лозунгов. Это и отразилось в актах революционной власти. «Бухара, – говорилось в постановлении Первого Всебухарского курултая народных представителей, состоявшегося в начале октября 1920 года, – провозглашается Народной Советской республикой, где власть принадлежит рабочим и крестьянам, составляющим большинство населения страны, и управляется посредством местных и центральных Советов, избираемых путем открытого голосования.¹

Особенностью революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Бухаре было то, что в ней преобладали силы, ориентирующиеся на социалистический путь развития, на социализм. Таким образом, острейший классовый вопрос о направлениях и путях развития страны, который должен

¹ Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. Т. II. М., 1960. с. 560.

был встать в первый же день функционирования этой диктатуры, был определенно решен в пользу социализма в самом начале победы революции. Мелкобуржуазная – крестьянская стихия и мелкобуржуазный – крестьянский – путь развития оказались «управляемыми» и «подчиненными» идеям пролетариата.

Бухарская революция началась как буржуазно-демократическая, но развивалась и победоносно завершилась на этапе крушения и смены старой власти своеобразно – с тенденцией к углублению революционного процесса по пути к социализму.

Социально-политическая сориентированность новой системы власти отчетливо выражена в первых важнейших документах Бухарской народной республики. Так, 6 сентября 1920 г. революционный комитет Бухары обратился к Хорезмской, Азербайджанской, Туркестанской, Татарской, Башкирской, Казахской республикам и во ВЦИК с заявлением «о единстве их задач и целей и готовности Бухарской Республики бороться вместе с ними против международного империализма».¹ Первый Всебухарский курултай народных представителей (5-8 октября 1920 г.) подчеркнул, что «Бухарская Сентябрьская Революция двадцатого года была неизбежным и логическим последствием Российской Октябрьской революции семнадцатого года».² В инструкции правительства Бухарской народной республики, данной 22 октября 1920 года чрезвычайной делегации, направляемой к правительству РСФСР, сказано: «1. Интересы обеих республик должны быть связаны между собой на обоюдных стремлениях проведения и укрепления социальной революции во всем мире на основах III Коммунистического Интернационала. 2. БНСР в военном, экономическом и финансовом отношениях будет следовать по одному пути с РСФСР на пользу обеих республик...».³ Во временном соглашении, заключенном между РСФСР и БНСР в конце октября 1920 г., говорилось о том, что «между БНСР и РСФСР существует полнейшее единогласие в политике обеих республик».⁴ Эти и другие подобные заявления правительства БНСР имели глубокую почву в социально-политической системе страны.

¹ Гордненко А.А. Создание народно-советского государства и права и их революционно-преобразующая роль в Хорезме и Бухаре. Ташкент, 1959, с. 40-41.

² Съезды Советов в документах. 1917 – 1936 гг. Т. II. М., 1960, с. 567.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 79, оп. 1, д. 177, лл. 1-2.

⁴ Там же. д. 175, л. 1.

Разработка теории революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства применительно к социально-экономическим условиям России начала XX века принадлежит В.И. Ленину. Критикуя меньшевиков, отрицавших возможность такой власти, В.И. Ленин показал их ошибки, заключавшиеся «в смешении демократического и социалистического переворота, в забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелкобуржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», «полухозяйки»)»¹ и того факта, что в сложившейся в России обстановке громадное крестьянское и мелкобуржуазное население «демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту не способно».²

При революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства речь не идет о «завоевании власти» пролетариатом. На этой стадии он участвует во взятии власти и в правительстве как одна из ведущих общественных сил наряду с мелкобуржуазными слоями общества. «В самом деле, – указывал В.И. Ленин в 1905 году, – «завоевание власти» социал-демократией есть именно социалистический переворот и не может быть ничем иным, если употреблять эти слова в их прямом и обычном значении».³ Между тем революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть один из этапов демократического, а не социалистического переворота.

Демократический переворот мог произойти и в форме, выгодной для крупной буржуазии и ее союзников, и в форме, «выгодной для крестьянина и для рабочего».⁴ Именно второй вариант демократического переворота произошел в Бухаре в сентябре 1920 года.

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, по выражению В.И. Ленина, есть решительная победа революции над царизмом.⁵ Это вытекает из того, что на решительную борьбу с самодержавием царя или эмира способен только революционный народ – пролетариат и крестьянство.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 12.

² Там же, с. 10.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 19.

⁴ Там же, с. 36.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44.

Данная власть тем и отличается от буржуазной диктатуры, что опирается на большинство населения и пользуется его поддержкой в дальнейшем углублении революционной борьбы, т. е. при переходе от народно-демократического переворота к социалистическому.

С этим связан «промежуточный», «временный» характер революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, которую сознательный рабочий класс использует лишь как гарантию «свободы для широкой борьбы за социализм»,¹ как условие для дальнейшего революционизирования масс и подготовки социалистической революции. «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства есть, безусловно, лишь преходящая, временная задача социалистов»,² – писал В.И. Ленин в известном труде «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Теперь с позиций ленинских положений о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства рассмотрим Бухарскую революцию.

За две недели до народного восстания состоялся IV съезд компартии Бухары. Его работой по поручению ЦК РКП(б) руководил М. В. Фрунзе. Съезд нацелил партию и все революционные группы на вооруженное восстание против самодержавия эмира. Вскоре был образован партийный центр по руководству восстанием, в состав которого вошли М.В. Фрунзе, Ф. Ходжаев и др.

В дальнейшем во время восстания дехкан, рабочих и полупролетарских масс был создан Временный революционный комитет, объявивший себя органом власти народа, преобразованный затем во Всебухарский революционный комитет, к которому перешла вся власть в стране.

В связи с созданием системы местных революционных комитетов в бекствах и туменах во главе с Всебухарским ревкомом³ Бухарская компартия выступила с заявлением, что она, «сохраня чистоту в своих рядах, не будет ничего иметь против вхож-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 129.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 75.

³ К середине сентября 1920 года в составе Бухревкома было 9 коммунистов. Макашов А. Борьба Бухарской коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918 – 1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971, с. 269. (Фонд научной библиотеки АН КазССР).

дения в правительство и тех классов населения, кто не является пролетариями и дехканами».¹

В ревком и Совет назиров Бухары, подконтрольный ревкому, были включены наряду с мелкобуржуазными элементами и представители национальной буржуазии. Это было закономерным явлением. В.И. Ленин не раз отмечал, что особенность социальной базы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства отразится «на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии».² Он также предвидел, что в таком правительстве представители партии рабочего класса будут участвовать «вместе с революционной буржуазией и мелкобуржуазной демократией».³

В августе 1921 года зав. орготделом Бухарской компартии послал в ЦК РКП(б) доклад, в котором указывалось, что в результате победы Бухарской революции в стране установилась «свободная Советская власть» и «во главе ее, по постановлению IV съезда, принялись за работу партийные товарищи в составе 11 человек».⁴ Однако в дальнейшем, как сказано в докладе, пятеро из них оказались «буржуазными соглашателями» и не стали поддерживать требования «левых» коммунистов о немедленной передаче земли «только пролетариату». На этом основании «левые» коммунисты потребовали смещения их с постов и замены другими. Некоторые советские исследователи, полагаясь на аналогичные документы, считают, что правительство Бухарской народной республики было пробуржуазным или мелкобуржуазным по составу, а следовательно, и власть в ней была буржуазно-демократической.

Односторонность такого взгляда вытекает из ложного предположения о том, что «буржуазные ответственные элементы» в правительстве имели достаточные полномочия для влияния на государственную политику. На самом деле это было не так. Во-первых, «буржуазные элементы» вовсе не захватывали власть в БНСР, как утверждают некоторые исследователи. Включение их в состав правительственных органов было предусмотрено

---

¹ Там же, с. 264.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 18.

³ Там же, с. 382.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 73, л. 4.

решением Бухарской компартии и Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и имело тактическое значение. Во-вторых, они находились под контролем правительства и других революционных организаций в стране. В-третьих, они оставались на ответственных постах в правительстве не потому, что их влияние и удельный вес в политике классов, которых они представляли, были сильны, а потому, что их пребывание у власти диктовалось интересами развития революции. В разъяснении ЦК РКП(б) на письмо «левого» крыла Бухарской компартии сказано, что «председатель Бухревкома Мухитдинов и председатель Совета назиров Файзулла Ходжаев являются не представителями класса, а лицами, пользующимися наибольшим доверием значительной части населения, наиболее подходящими лицами, которые могут стоять во главе теперешнего бухарского правительства». ¹ В-четвертых, политика, проводимая в то время группой «центра» во главе с Ф. Ходжаевым, оказалась наиболее осмотрительной и соответствующей тогдашней обстановке, по оценке современных советских исследователей.

Временные революционные органы в лице революционного комитета и Совета назиров Бухары с начала организации находились под контролем Коммунистической партии страны, решения которой имели определяющее значение для правительства, служили ему директивой. Именно в этом плане следует рассматривать акты и функции правительства, направленные на осуществление революционно-демократических преобразований, темпы и формы которых диктовались конкретными условиями жизни общества. Неправильно расценивать ту или иную практическую деятельность правительства в рамках только самой деятельности без учета обстановки, в которой она происходила.

Революционно-демократическая власть с первого же дня провозглашения выступила за слом старого государственного аппарата сообразно условиям и уровню подготовленности большинства населения страны. Причем вместо старого, средневеково-клерикального аппарата создавались органы управления не буржуазные, а трудящегося населения, преимущественно рабочих и крестьян при главенствующем положении Коммунистической партии. Так, вслед за организацией Всебухарского ревкома и Совета народных назиров с одиннадцатью назиратами во всех

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 11, д. 73, л. 2.

бекствах были учреждены местные ревкомы и другие важнейшие органы и институты новой революционной власти. Например, народная милиция, Всебухарская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, Бухарская Красная Армия, Центральная комиссия по учету и охране государственного имущества, новые судебные учреждения – народные и советские, Верховный революционный трибунал. Благодаря таким мерам старый феодально-клерикальный государственный аппарат в основных звеньях был сломан, и на его месте возникла новая, революционно-демократическая система с ориентацией не на буржуазные учреждения, а на учреждения Советской России. Причем это был не формальный момент или подражание опыту первого в мире социалистического государства, в данном факте проявилась политическая ориентация Бухарской республики – ориентация на социалистический путь развития.

Итак, Бухарская Народная Советская республика по своей социально-политической сущности была разновидностью революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с ясно выраженной социалистической ориентацией. Она была промежуточной системой власти между общедемократической и социалистической, с преобладающей внутренней тенденцией к социалистическому развитию.

«Я должен также отметить, товарищи, – говорил В.И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г., – что на Востоке наша политика за этот год одержала крупные успехи. Мы должны приветствовать образование и упрочение Советских республик – Бухарской, Азербайджанской и Армянской, восстановивших не только свою полную независимость, но и взявших власть в руки рабочих и крестьян».¹

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 132.

3. Бухарская Народная Советская республика на пути социалистического развития

В исследованиях по истории Бухарской Народной Советской республики, а также Хорезмской Народной Советской республики вопрос о том, когда они стали на социалистический путь развития, т. е. когда переросли в социалистические республики, специальному разбору не подвергался. Сами собой стали аксиоматичны положения о том, что Бухарская народная республика была Советской, но не социалистической и что Бухарская Народная Советская республика стала социалистической и провозгласила себя таковой только накануне национально-государственного размежевания в Средней Азии, осенью 1924 года.

Хотя эта точка зрения высказывается во всех работах по Бухаре, однако материалы, приводимые для ее подтверждения, и сами суждения авторов по данному вопросу нередко противоречивы. К сожалению, эти расхождения остаются как бы незамеченными и не объясняются. Так, В.А. Козачковский считает, что Бухарская Народная Советская республика «была несоциалистической и в ней сохранялась частная собственность на орудия и средства производства».¹ В то же время он утверждает, что в этой несоциалистической стране вполне возможно «решить задачи построения социализма» и что «с победой Советской власти в Бухаре перед Бухарской компартией встал ряд задач, связанных с подготовкой к социалистическим преобразованиям».²

Из сказанного можно сделать вывод, что Бухарская Народная Советская республика не была социалистической, но в ней было возможно строительство социализма; руководящая в обществе организация – компартия Бухары – в этой несоциалистической республике подготавливала страну к социалистическим преобразованиям. В этих положениях явно логическое противоречие. Можно ли говорить о построении социализма в несоциалистической стране, если в ее политической сфере не была совершена социалистическая революция? Очевидно, нельзя.

И.А. Алимов, автор в целом содержательной работы, пос-

---

¹ Козачковский В.А. Коммунистическая партия Таджикистана – боевой отряд КПСС. – В кн.: Материалы по истории Компартии Таджикистана. Душанбе, 1963, с. 21.

² Там же. с. 18.

вященной аграрной политике и земельным преобразованиям в Бухарской и Хорезмской Народных Советских республиках, считает, что «революции в Хиве и Бухаре нельзя было назвать ни социалистическими и ни буржуазно-демократическими... в результате победы революции образовались не буржуазные республики, а республики советского типа».¹ Наиболее важная область политики правительства этих республик – аграрная политика – получила в работе такую характеристику: «Основным содержанием аграрной политики компартий Хорезма и Бухары явилось завершение задач буржуазно-демократической революции и постепенный переход к социалистическим преобразованиям. Этот процесс, начатый в БНСР и ХНСР, завершился после национально-государственного размежевания уже в советских республиках Средней Азии».²

Из сказанного вытекает, что, во-первых, Бухарская революция была не буржуазно-демократической, не социалистической, а какой-то другой, третьей; во-вторых, Бухарская народная республика с переходной социальной основой являлась республикой советского типа; в-третьих, переход к социалистическим преобразованиям в области аграрной политики начался в несоциалистической Бухарской Народной Советской республике, но не был завершен. Во всех суждениях очевидны недомолвки и противоречия, не говоря о том, что остался открытым вопрос о природе Бухарской революции и социалистических преобразований в «несоциалистической» стране.

Такой авторитетный исследователь, как А. Богоутдинов, и другие также не последовательны в оценке характера и этапов развития Бухарской Народной Советской республики. Не возражая против взглядов большинства, согласно которым Бухарская республика считалась несоциалистической страной до конца 1924 г., т. е. до вхождения в состав СССР, в то же время они как бы мимоходом, между строк проводят мысль о социалистическом характере Бухарской революции с момента ее победы. Они пишут: «Под воздействием Октября в конце 1917 – начале 1918 года социалистическая революция победила в Туркестанском крае..., а также в русских городах и поселениях

---

¹ Алимов И. А. Аграрные преобразования в народных советских республиках Хорезма и Бухары (1920 – 1924 гг.). Ташкент, 1970, с. 4.

² Алимов И. А. Аграрные преобразования..., с. 4.

Бухарского эмирата».¹ С этим положением с некоторыми коррективами можно согласиться. Далее авторы уточняют: «...социалистическая революция в различных районах Средней Азии совершалась неодновременно: в Туркестанском крае это конец 1917 – начало 1918 года, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве – в 1920 году».² Как видно из этого, победа социалистической революции в Бухаре относится к периоду создания Бухарской Народной Советской республики, т. е. к 1920 году.

Чем же объяснить, что понятия и определения, которыми оперируют многие авторы при анализе Бухарской народной республики, противоречивы и нередко логически несовместимы? Нам представляется, что это происходит не из-за поверхностного подхода исследователей, а из-за того, что каждый из них исходит из имеющейся схемы периодизации Бухарской народной республики и старается втиснуть в ее рамки факты, которые не укладываются в нее. Под их напором авторы приходят к выводам, которые выходят за рамки традиционного взгляда, но, несмотря на это, выдаются ими как подтверждение старой концепции. В результате этого возникают разнохарактерные, порой взаимно противоречащие утверждения внутри одного и того же концептуального положения.

Распространенная до настоящего времени схема природы и этапов развития Бухарской Народной Советской республики нуждается в существенном пересмотре. Мы уже сказали, что власть, которая утвердилась в результате победы Бухарской революции, не была буржуазно-демократической диктатурой и недостаточно признать ее только переходной властью. По своей социально-политической сущности она была революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства с ярко выраженной социалистической ориентацией – переходной формой власти к социализму.

Бухарская народная республика стала на социалистический путь развития до национально-государственного размежевания в Средней Азии, а именно в конце 1921 – начале 1922 года. В этот период происходит перерастание революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в социалистическую

---

¹ Богоутдинов А., Вишневецкий А. Роль русского рабочего класса в исторических судьбах таджикского народа. Душанбе, 1967, с. 54.

² Там же, с. 56.

систему власти. С этого момента можно сказать, что демократические преобразования в стране осуществляются с позиций социалистических преобразований и вопросы подготовки и проведения их становятся главными в общественно-экономической жизни страны.

Прежде чем обосновать выдвинутое положение, необходимо рассмотреть вопрос о форме революционно-демократической государственности в Бухаре.

Первый Всебухарский курултай народных представителей (октябрь 1920 г.) провозгласил Бухару Народной Советской Республикой. Власть как в центре, так и на местах перешла к Советам трудящихся города и кишлака, в которых участвовали и представители других патриотических групп, в том числе буржуазные элементы. Это были Советы рабочих и красноармейских депутатов в большинстве городов и Советы дехкан, земледельцев, арычных аксакалов и трудящихся в кишлаках, как они именовались на местах в первое время. В общей массе Советов преобладали Советы крестьянских масс – дехкан. Однако в общегосударственном масштабе они объединились во власть трудящихся – рабочих и крестьян и не имели своего крестьянского центра и центральной крестьянской власти. Почти везде Советы дехкан работали под контролем и руководством Советов рабочих и дехканских депутатов или революционных комитетов, в которых доминировало влияние левореволюционных организаций и особенно Коммунистической партии. Таким образом, политическую основу государства Бухарской народной республики составляли Советы трудящихся – рабочих и крестьян, выступавших в блоке с левобуржуазными и патриотическими элементами, поддерживавшими революционно-демократические преобразования. Так обстояло дело до вступления республики на путь социалистического развития. Мнение о том, что «политическую основу образовавшихся республик (БНСР и ХНСР. – С.3.) составляли Советы народных крестьянских депутатов»,¹ – не совсем верно. В этом определении учтен один факт, что страна была преимущественно крестьянской, и упущен другой, что система политической власти была не только крестьянской, но и демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Итак,

---

¹ История национально-государственного строительства в СССР. 1917 – 1936 гг. М., 1968, с. 288.

формой революционно-демократической государственности в Бухаре была Советская республика.

Согласно марксистско-ленинской теории государства, Советская республика есть форма социалистического государства. В действительности Советская республика в условиях Бухары до ее перехода на социалистический путь развития была формой несоциалистического государства. Возможно ли это? Какое содержание в данном случае имеет советская форма республики?

Опыт развития Бухарской народной республики своеобразен и оригинален. Он обогащает наше представление о демократической революции, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о Советах как об органах государственной власти и о путях некапиталистического развития отсталых народов и страны к социализму вообще.

Опыт Бухарской народной республики показывает, что при исторически конкретных, благоприятных условиях Советская республика может быть формой несоциалистической революционно-демократической государственности, когда система политической власти сориентирована на социализм и находится в активном движении по пути, ведущему к социалистической государственности.

В крестьянских Советах, вернее в Советах отсталой крестьянской страны, миновавшей капитализм, на досоциалистическом этапе ее развития всегда есть большая опасность завладения руководством в этих Советах представителями нетрудовых слоев населения – помещиками, кулаками, сельскими богатеями вообще. Такая угроза существовала и в Бухарской Народной Советской республике. Однако в масштабе страны она не превратилась в реальность из-за перевеса влияния трудящихся и их общественных и властно-политических организаций, хотя в отдельных местностях и регионах такое случалось. Это говорит о том, что советская организация власти в городах и в кишлаках, в центре и на местах, среди рабочих и дехкан не была искусственной. Она имела объективную почву и отвечала интересам развития и углубления революционного процесса, начатого Бухарской революцией в сентябре 1920 года.

Организация Советов по всей стране означала, с одной стороны, разрушение старой системы органов и замену их новой, а с другой – взятие курса на переход от одного этапа революци-

онной борьбы к другому – от революционно-демократической государственности к социалистической.

Бухарская революционно-демократическая государственность имела форму народной советской республики, однако она не была республикой советского типа до тех пор, пока не стала социалистической. Между тем в литературе встречается такое смешение. Так, в одном из исследований сказано, что Бухарская народная республика и Хорезмская народная республика «были государствами не буржуазного, а советского типа», в результате победы революции в Бухаре и Хиве «образовались небуржуазные республики, а республики советского типа».

Понятие «советский тип» относится к сущности и характеру государства, а не к его форме. Под советским типом государства (республики) подразумевается его социалистическая природа или политическая форма, что одно и то же. Мы считаем, что Бухарская Народная Советская республика вступила на социалистический путь развития и стала социалистической в конце 1921 – начале 1922 года. С этого времени к ней применимо понятие «республика советского типа».

Характерно, что почти во всех исследованиях система власти в Бухаре, сложившаяся к началу 1922 года, именуется Советской властью и борьба врагов БНСР определяется как борьба против Советской власти в Бухаре. Тем самым авторы на деле признают социалистический характер власти в БНСР независимо от того, хотели они этого или нет.

«Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве»,¹ – указывает В.И. Ленин. На начальном этапе победы Бухарской революции социальный состав органов новой власти был разнообразен. Наряду с рабочими и дехканами в них находились буржуазные элементы, представители интеллигенции, молодежи и духовенства, в большинстве своем прошедшие через горнило революционной борьбы. Это было закономерно: демократический переворот, особенно на его буржуазном этапе, привел в движение разные слои населения, так или иначе недовольного феодально-монархическим, деспотическим режимом в эмирате. В период, когда трудящиеся массы вышли на улицу, а затем взялись за оружие, число их сторонников или просто благожелателей резко увеличилось. Появилось немало

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 145.

людей, пытавшихся пробраться в новые органы в своих личных или групповых интересах. Все это предопределило «всенародный» состав органов власти.

В партийно-политическом отношении кадры государственного аппарата делились на коммунистов, бывших младобухарцев, их активистов и сочувствующих из дехкан и ремесленников, а также из числа демократической интеллигенции и молодежи, на группу лояльной буржуазии и буржуазных специалистов, на беспартийных аксакалов, временно используемых по традиции в низовых органах власти и управления. Однако решающие рычаги и важнейшие командные посты в органах государственного аппарата находились в руках коммунистов и младобухарских революционеров, после победы революции признавших политическую платформу коммунистов и организационно слившихся с ними, а также революционных слоев дехканства.

Положение органов государственной власти изменилось к концу 1921 года. В первую очередь имеются в виду такие качественные процессы, как социалистическая ориентация деятельности органов власти, усиление влияния рабочего класса, его партии – коммунистов – на все основные звенья государственного аппарата, определенная пролетаризация идейных установок органов, очищение аппарата от враждебных к народной советской республике элементов. Все это привело к укреплению блока и союза рабочего класса, его партии – коммунистов – с дехканством, с его сознательной и беднейшей частью.

Всебухарский ревком и Совет народных назиров в основном состояли из бывших младобухарцев, вышедших из рядов средней буржуазии, но в большинстве активно участвовавших в освободительном движении на его буржуазно-демократическом этапе. Известно, что между «левым» крылом в Бухарской компартии и правительством не раз возникали споры. Однако они не доходили до конфликтов между Бухарской компартией в целом и правительством по принципиально политическим вопросам курса и направления развития революции. Существенные расхождения во мнениях были по вопросам о методе и темпах углубления революционного процесса. По словам В.В. Куйбышева, к ноябрю 1920 года во Всебухарском ревкоме работали почти одни коммунисты, в Совете народных назиров они также были в большинстве.¹

¹ «Известия ТурЦИКа», 1920, 4 ноября.

На Втором Всебухарском курултае, состоявшемся в сентябре 1921 года, при конструировании центральных органов одержала победу наиболее последовательная группа коммунистов и их сторонников. В состав Всебухарского ЦИК – высшего органа власти в стране между сессиями курултая, избранного из 85 человек, – вошло большинство сторонников Файзуллы Ходжаева. Из семи членов Президиума ЦИК четверо были от этой же группы. Они преобладали и в Совете народных назиров, председателем которого был избран Файзулла Ходжаев. Из девяти назиров, образовавших правительство, шесть были его сторонниками в компартии.¹ Такое качественное изменение в составе центральных органов государства отразилось на деятельности местных органов, в которых еще чувствовалось засилие старых чиновников и представителей местных богатеев.

По мере успехов революционно-демократической власти и ее ориентации на коренные социально-экономические преобразования, на социализм консервативные элементы буржуазии и крестьянства усилили сопротивление курсу и политике компартии и правительства, часть отошла от политической жизни, а часть подалась в лагерь контрреволюции.

К осени 1921 года сформировались басмаческие группы, тон в которых задавали наряду со сторонниками монархии и реакционного духовенства представители буржуазии, заключившие союз с ними.

Революционно-демократическая власть трудящихся в Бухаре, осуществляя демократические преобразования, выступала как антибуржуазная политическая система,² готовая сотрудничать с буржуазными элементами постольку, поскольку они были способны идти дальше узкобуржуазных интересов и

---

¹ Макашов А. Борьба Бухарской коммунистической партии за победу народно-демократической революции и упрочение Советской власти в Бухаре (1918 – 1923 гг.). Рукопись докторской диссертации. Душанбе, 1971, с. 399 – 400. (Фонд научной библиотеки АН КазССР).

² В союзном договоре, заключенном между РСФСР и БНСР 4 марта 1921 г., было зафиксировано, что «для защиты независимости обеих Советских республик от непрерывных покушений на самое их существование со стороны мировой буржуазии и ее агентов обе договаривающиеся республики обязываются оказывать друг другу взаимную поддержку» (Союзный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Бухарской Советской Республикой. Официальный текст. М., 1921, с. 5).

стать в перспективе на путь социализма. Если эта черта новой революционной власти в первое время проявлялась не так ярко в практической деятельности и в политических лозунгах, то со временем она превратилась в основное направление политики. Таким образом, в революционно-демократической власти, в ее деятельности антибуржуазная направленность становится перспективно определяющей и важнейшей областью, с учетом которой всегда проводились все демократические преобразования. Как только антибуржуазная политика революционно-демократической власти организационно и политически оформилась и приобрела общественную силу, она стала и по характеру и по сущности социалистической.

Формирование антибуржуазной сущности революционно-демократической власти, руководимой коммунистами, ускорило басмаческое движение, явившееся последней яростной попыткой всех реакционных сил, включая контрреволюционную буржуазию, помешать новой власти встать на путь социалистического развития.

Эта значительная перемена в социально-политическом содержании революционно-демократической власти и ее деятельности проявилась в следующем: государственный сектор хозяйства, образовавшийся на базе национализированных предприятий, в 1922 году уже занимал ведущее положение среди экономических укладов и вместе с кооперативными объединениями дехкан и ремесленников «стал основой социалистического хозяйства».¹ На V съезде Бухарской компартии (февраль 1921 г.) было сказано, что компартия Бухары «является политическим руководителем и хозяином в Бухарской Народной Советской Республике. Значит, все политические и экономические вопросы республики должны проводиться в жизнь только по утверждению Бухкомпартии».²

Вскоре Бухарская компартия вошла в Коммунистический Интернационал (апрель 1921 года). Ее программа, составленная на основе программы РКП(б), была принята на VI съезде. В феврале 1922 г. компартия Бухары вошла в состав РКП(б). С 18 по 23 сентября 1921 г. проходил Второй бухарский курултай, который

---

¹ Непесов Г. Великий Октябрь и народные революции 1920 года в северном и восточном Туркменистане. Ашхабад, 1958, с. 113.

² Макашов А. Борьба Бухарской Коммунистической партии за победу народно-демократической революции... с. 312.

явился крупным политическим событием, В ходе его подготовки проводилась чистка органов местного аппарата. Решения курултая нанесли сокрушительный удар по правым элементам. Курултай постановил, что «благосостояние и успехи революции бухарского народа будут постоянно возрастать, если Бухара и Россия, тесно связанные друг с другом, будут действовать во всем рука об руку», и далее записано, что следует «принять все меры к тому, чтобы и в будущем Бухарская Народная Советская Республика устанавливала еще более близкие экономические отношения с Советской Россией».¹

ЦК Бухарской компартии объявил 5 февраля 1921 г. днем рождения Бухарской Красной Армии – в дальнейшем этот день стал всенародным праздником. На 20-тысячном митинге, состоявшемся по случаю трехлетней годовщины Октября, день победы социалистической революции в России – 7 ноября – был провозглашен национальным праздником и бухарского народа.²

К началу 1922 г. уже имелись условия для более глубокого сближения – постепенного объединения и федерирования Бухары с Советским Туркестаном. В своем письме к одному из руководителей Туркбюро ЦК РКП(б) Гусеву И.В. Сталин писал: «Нужно ввести в Туркбюро по представителю от БухЦЕКА и ХорезмЦЕКА. Нужно также провести экономическое сближение трех республик Закаспия – это первый шаг к федерированию этих республик на манер закавказцев».³

1 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о целесообразности организации Среднеазиатского экономического объединения Бухарской, Хорезмской и Туркестанской республик.

Во исполнение этого постановления 4 февраля 1922 г. Туркбюро ЦК РКП(б) создало две комиссии: одну по хозяйственному строительству, другую – по культурному строительству в среднеазиатских республиках.⁴

¹ История национально-государственного строительства в СССР. В 2-х т. Т. 1. М., 1972, с. 309.

² Шек Л.К. Победа Народной Советской революции в Бухаре. Ташкент, 1966, с. 74.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, д. 2245, л. 1.

⁴ Ишанов А. Бухарская Народная Советская республика. Ташкент, 1969, с. 319.

Некоторые исследователи часто смешивают понятия «социалистическая государственность» и «социалистическое преобразование», считают их синхронными понятиями. Исходя из того, что в экономике Бухарской республики в 1922 – 1923 годах социалистические преобразования еще не проводились, они отказывают ей в социалистическом содержании государственности. Эти авторы забывают, что социалистическая государственность при конкретных исторических условиях, учитывая интересы социалистической революции, может оттянуть проведение основных социалистических преобразований в стране, предпочитая вначале осуществить общедемократические преобразования. Это относится прежде всего к социалистической государственности в преимущественно крестьянской стране, не прошедшей буржуазной стадии развития.

Демократические перевороты бывают различные. В.И. Ленин не раз говорил «о буржуазном характере демократического переворота».¹ При этом он отмечал, что такой «демократический переворот не выйдет непосредственно из рамок буржуазных общественно-экономических отношений»,² что он не затронет «основ капитализма»,³ «не может не выражать нужды всего буржуазного общества».⁴ Вместе с тем он указывал, что у демократического переворота есть прошлое и будущее. Буржуазный характер носит его прошлое, а его «будущее – борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм».⁵ Прошлое революционно-демократической диктатуры лежит на пути «от самодержавия к республике», а будущее лежит на пути «от мелкобуржуазной демократической республики к социализму».⁶

Прошлое и будущее демократического переворота в конкретных условиях могут переплетаться, частные элементы будущего могут проявляться в его прошлом. Но когда будущее или элементы будущего в демократическом перевороте преобладают над его прошлым, то говорить о буржуазном характере такой стадии развития революционно-демократического переворо-

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 27.

² Там же, с. 46.

³ Там же, с. 44.

⁴ Там же, с. 282.

⁵ Там же, с. 74.

⁶ Там же.

та не правомерно. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства с ориентацией на социализм уже выходит за рамки собственно демократического переворота (в буржуазно-демократическом смысле).

В демократическом перевороте буржуазного характера еще нет той острой борьбы между буржуазией и пролетариатом, которая присуща этапу перехода к социалистическому перевороту. В Бухарской Народной Советской республике в первый же день победы революции началась отчаянная и острейшая классовая борьба между буржуазией (в том числе консервативной части мелкобуржуазной группы) и пролетариатом, что свидетельствовало о преодолении узко буржуазного этапа демократического переворота и переходе на ступень, ведущую к социалистическому перевороту, т. е. эта борьба стала борьбой за социалистическое устройство общества.

Мысль о том, что революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства при конкретных условиях может оказаться кануном или даже предначальной ступенью социалистической революции, была высказана В.И. Лениным в «Письмах издалека». В них он, нацеливая на необходимость перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, указывал, что вторая революция «должна передать государственную власть из рук правительства помещиков и капиталистов (Гучковых, Львовых, Милюковых, Керенских) в руки правительства рабочих и беднейших крестьян»¹ и что такое новое правительство, созданное по своему классовому составу, может в известной степени походить на революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.² Характеризуя период двоевластия в России, В.И. Ленин писал, что «двоевластие выражает лишь переходный момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства».³

То, что центральные органы власти Бухарской народной республики не приступали к осуществлению социалистических преобразований, не говорило об отказе от них. Наоборот, перспективные интересы социалистических преобразований были

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 55.

² Там же.

³ Там же, с. 155.

определяющими в текущих «несоциалистических» изменениях. Они не вводились в общественную структуру страны, так как пока не было условий для их проведения.

«Левые» коммунисты Бухарской народной республики с первого дня победы революции в стране не раз поднимали вопрос о «социализации земли», о немедленном изъятии всех угодий у крупных земельных собственников и скотовладельцев, об уничтожении частной собственности на землю. 24 августа 1921 г. ЦК РКП(б) передал эти требования на заключение хорошо знавшему Восток партийному деятелю Рудзутаку, мнение которого по данному вопросу, одобренное ЦК партии, было таким:

«1. В Бухаре нет общественного слоя, способного (или даже сочувствующего) провести земельные и др. реформы в духе левых бухарских коммунистов. Объявление земли национализированной или социализированной вызвало бы протест 99% дехканства (крестьянства).

2. Ликвидацию хозяйств крупных землевладельцев (баев) невозможно произвести сверху. Туркестанский опыт показал, что бедняки, которым была передана земля баев, скрывая от Советской власти, передавали бывшим хозяевам установленный шариатом (религиозным законом) процент продуктов. Для проведения реформы необходимо проделать огромную агитационно-организационную работу по расслоению деревни».¹

Формы и методы, объем и этапы проведения демократических преобразований зависели от конкретно-исторической обстановки в стране и относились к области тактики революционной власти, определяемой стратегией подготовки необходимых и реальных условий для осуществления социалистических преобразований. Игнорирование особенностей ситуации конкретной действительности при определении политики могло привести к авантюризму. Именно на такой путь стали «левые» коммунисты.

Правомерен вопрос, разве все задачи буржуазно-демократических преобразований в БНСР были выполнены к 1922 году, чтобы можно было говорить об ее переходе на социалистический путь развития? Разумеется, нет. Общедемократические задачи были далеко не завершены. Однако это не могло служить принципиальным препятствием для ее перехода на социалисти-

¹ ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 11, д. 73, л. 2.

ческий путь развития, в рамках которого еще более интенсивно и еще более полно могли быть осуществлены эти задачи.

В условиях России социалистической революции пришлось одновременно решать задачи и демократической революции, поскольку они не были решены глубоко, до конца буржуазными революциями 1905 – 1907 годов и февраля 1917 года.

В статье, посвященной четырехлетней годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин писал «о буржуазно-демократическом содержании нашей революции»¹ и что ее непосредственной и ближайшей задачей «была задача буржуазно-демократическая: свергнуть остатки средневековья, снести их до конца, очистить Россию от этого варварства, от этого позора, от этого величайшего тормоза всякой культуры и всякого прогресса в нашей стране.

И мы вправе гордиться тем, что проделали эту чистку гораздо решительнее, быстрее, смелее, успешнее, шире и глубже с точки зрения воздействия на массы народа, на толщу его, чем Великая Французская революция свыше 125 лет тому назад».²

Эти задачи, однако, не были абсолютными или конечными задачами социалистической революции. Их выполнение было необходимо для расчистки дороги социалистическим преобразованиям. «Мы решали вопросы буржуазно-демократической революции походя, мимоходом, – писал В.И. Ленин, – как «побочный продукт» нашей главной и настоящей, пролетарски-революционной, социалистической работы».³

Действительность Бухарской народной республики была весьма своеобразна и сложна, и перерастание демократического переворота в социалистический происходило не с уровня буржуазно-демократической революции, а с революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства с ориентацией на социализм. Именно это обстоятельство облегчило становление республики на социалистический путь развития, сделало его менее «трудным» и менее «острым».

При постановке и решении вопроса о переходе революционно-демократической государственности в Бухаре в социалистическую мы должны исходить из того, что при переходе к

---

¹ В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 145.

² Там же, с. 144.

³ Там же, с. 147.

социалистическому перевороту первостепенную роль играют, во-первых, степень подготовленности пролетариата, во-вторых, степень объединения его с деревенской беднотой.¹

Рабочий класс Бухары, несмотря на свою малочисленность, за время существования народной советской республики неизмеримо вырос в идейно-политическом и организационно-практическом отношении. Так, в начале 1921 года имелось восемь профсоюзов рабочих и полупролетарских масс городов, которые насчитывали 30 тыс. членов.² К началу 1922 года значительно усилилось руководство основными сферами жизни страны рабочим классом Бухары – национальным и русским. Этому способствовало, во-первых, объединение русских и национальных рабочих в один союз, в одну классовую организацию; во-вторых, слияние коммунистических организаций в русских городах и селениях Бухары с Бухарской компартией, с одной стороны, и младобухарских революционеров с Бухарской компартией – с другой; в-третьих, всесторонняя и своевременная помощь Бухарской Народной Советской республике со стороны ЦК РКП(б) и русского рабочего класса Советской России, делившегося опытом строительства новой народной власти и нового социалистического общества; в-четвертых, опыт компартии Бухары, накопленный за год работы в условиях революционного переворота по укреплению связей со всеми слоями рабочего класса, по сплочению его рядов и мобилизации на выполнение задач демократической и социалистической революции; в-пятых, пролетаризация органов революционной власти в центре и на местах.

Все это позволяет сказать, что рабочий класс Бухары во главе с партией коммунистов, опираясь на постоянную и широкую помощь победившего пролетариата России, достиг той степени зрелости, когда стал в состоянии решать вопросы перехода на социалистический путь развития страны, в которой сложились объективные условия для такого революционного процесса.

Что касается объединения рабочего класса с крестьянством, с его революционной частью, то и в этой области произошли положительные изменения. Благодаря совместному участию в органах власти и управления, в особенности на местах, а также демок-

---

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 312.

² Непесов Г. Великий Октябрь и народные революции 1920 года в северном и восточном Туркменистане. Ашхабад, 1958. с. 101.

ратическим преобразованиям, особенно аграрным, в результате которых крестьяне получили землю и другие выгоды, рабочий класс и его авангард – компартия Бухары – завоевали доверие и симпатию большинства крестьянских масс, их беднейшей части. Рабочему классу удалось преодолеть мелкобуржуазную стихию в среде крестьянства, изолировать его неустойчивую в революции часть, установить тесный контакт и революционный блок с его основной массой.

Некоторые авторы в том факте, что Бухарская Советская республика не вошла в состав СССР в 1922 году, видят доказательство того, что она не была еще социалистической. Но они не обращают внимания на следующие обстоятельства: во-первых, согласно союзному договору между РСФСР и БНСР последняя была независимой республикой; во-вторых, к моменту образования СССР она официально не выразила желания войти в его состав на правах союзной республики; в-третьих, в основе образования союзных республик, вошедших в СССР, лежал принцип самоопределения народа – национальный принцип, а Бухарская республика по организации политической власти отличалась от них. В ее основе лежал территориальный принцип; в-четвертых, все основные народности, населявшие Бухарскую Народную Советскую республику, уже обрели социалистическую государственность в составе Советской России. Именно эти факторы обусловили то, что БНСР могла войти в СССР не иначе как на основе свободного волеизъявления ее трудового населения и проведения национально-государственного размежевания в Средней Азии.

Распространенное мнение о том, что Бухарская Народная Советская республика стала социалистической со времени официального провозглашения ее таковой на V Всебухарском курултае в сентябре 1924 года, базируется, во-первых, на формальном моменте, а не на анализе содержания и основных направлений политики новой власти. Во-вторых, такое мнение находится в противоречии с деятельностью и политикой Бухарской компартии и центральных органов власти Бухары, направленных на союз и объединение Бухарской республики с социалистической Россией. В-третьих, оно не учитывает специфические, конкретно-исторические условия победы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в Бухаре и своеобразие, оригинальность форм ее перерастания в социалистическую государственность.

4. Победа советской государственности в Хиве

Путь Хивинской революции в основных чертах был аналогичен развитию Бухарской революции. К моменту ее победы на территории ханства, как и в Бухаре, существовал Советский район, включавший города Турткуль, Нукус и Чимбай. Власть в районе принадлежала Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В начале 1919 г. здесь был создан областной комитет партии большевиков. Под ее руководством на этой территории из бежавших из-под власти ханской администрации бедняков, батраков, рабочих, а также из местного населения были сформированы добровольческие отряды для борьбы с ханским режимом. Младохивинская партия, являвшаяся до образования компартии Хивы единственной политической организацией в стране, после неудачного компромисса с ханом в апреле 1917 года (подписание манифеста ханом) и наступления реакции, под влиянием ускоренного вызревания революционной ситуации стала намного революционнее, она постепенно освобождалась от соглашательских идей с ханской монархией, от реформистских иллюзий и пришла к выводу о необходимости свержения ханской власти и радикальных изменений в обществе в рамках буржуазно-демократических идей. Для реализации этой задачи она вступила в блок с коммунистами Хивы.¹ Правда, революционность у младохивинцев была менее глубокая, чем у младобухарцев. Коммунистическая организация Хивы, включавшая и коммунистические группы Советского района (Амударьинского отдела), при активной помощи и поддержке Турккомиссии ВЦИК, СНК РСФСР и ЦК РКП(б) быстро набирала силу и смогла организационно и идейно-политически укрепиться настолько, что в начале 1920 года возглавила революционное движение масс, переросшее в восстание. Победе Хивинской революции, как и в Бухаре, содействовала помощь частей Красной Армии в разгроме ханских и белоказачьих контрреволюционных сил.

Хивинская революция отличалась от Бухарской тем, что проходила в условиях, менее «жестких», менее «трудных» для

---

¹ «На первом этапе революционной борьбы младохивинцы поддерживали тактическую линию коммунистов, признали ее единственно правильной линией и боролись за ее осуществление» (Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971, с. 98).

ее победы и закрепления успехов. Диктатура Джунайд-хана, установленная почти на всей территории ханства и полностью парализовавшая власть наследного хана Сеид Абдуллы-хана, с одной стороны, усилила недовольство трудовых масс режимом и довела возмущение до открытого взрыва, а с другой – расколола господствующий класс на две враждующие национальные группы – узбекскую и туркменскую знать, каждая из которых пыталась захватить власть в своих узконационально-кастовых интересах. В свою очередь, среди племен, из которых вышел Джунайд-хан, выросло соперничество за власть, дошедшее до вооруженной борьбы между ними. Хивинские революционеры, готовившие восстание масс против ханского строя, использовали эти противоречия и перетянули на свою сторону некоторых представителей из этих групп.

Хивинская революция отличалась от Бухарской еще и тем, что в стране ханская власть не имела такой мощной социальной опоры, как в Бухаре, в лице хорошо организованного и влиятельного мусульманского духовенства. Хивинский хан и его правительство не располагали серьезной военной силой, а также достаточным авторитетом и капиталом для создания такой силы.

Хивинская революция, начавшаяся в начале ноября 1919 года восстанием в туркменских районах против отрядов и ставленников Джунайд-хана, быстро распространилась на другие районы страны и завершилась 1 февраля 1920 года взятием столицы ханства – Хивы. Власть перешла к чрезвычайному революционному органу – Революционному комитету Хивы.

Хивинская революция была более массовая, чем Бухарская. В ней участвовали различные слои населения: дехкане и рабочие, полупролетарские массы города и кишлака, торговые люди и родовые вожди туркмен, бывшие в оппозиции к власти хана, представители мелкой и средней буржуазии, демократическая национальная интеллигенция и молодежь. Они находились под влиянием двух политических партий – коммунистической и младохивинской, заключавших между собой блок в период демократической революции с признанием руководящей роли коммунистов.

Хивинская революция началась как региональная народно-крестьянская революция с узкоместными задачами, но по мере ее разрастания и вовлечения в нее новых слоев населения она переросла в буржуазно-демократическую революцию с требованием

республиканского строя и завершилась свержением ханской власти и установлением революционно-демократической власти рабочих и крестьян, выступивших в блоке с демократическими и революционными силами общества, в форме народной советской республики социалистической ориентации.

На Первом курултае народных представителей, собравшемся 26 – 30 апреля 1920 года, Хива была провозглашена Хорезмской Народной Советской республикой. «Государственным строем Хорезмского государства, – говорится в Конституции республики, принятой на этом курултае, – является республика, построенная в форме Советов, и весь народ Хорезма управляет страной через посредство своих представителей».¹

Временное революционное правительство Хорезма в лице революционного комитета и созданного в апреле 1920 года высшего партийно-советского органа республики – комитета партии – Совета народных назиров – с начала победы революции взяли твердый курс на коренное улучшение отношений с РСФСР, с Советским Туркестаном и на постепенное сближение с ними. Уже в первых обращениях ревкома Хорезма к правительству РСФСР сказано: «В настоящее время восставшие рабочие и крестьяне Хивы заняли столицу Хивы. Они надеются, что крестьяне и рабочие России окажут им помощь для окончательной очистки хивинских владений от английских агентов и для установления рабоче-крестьянской диктатуры»² и далее: «Мы уверены, что Советская власть, всегда стоявшая на стороне пролетарского права и справедливости, не отвернется от протянутой за помощью руки трудящихся масс Хивы и поможет им в деле осуществления задач новой народной власти».³

Первый Всехорезмский курултай возвел в конституционное положение тезис о том, что «Хивинское государство блюдет интересы бедняков, образующих большинство, а также признает своей целью служение свободному существованию мусульманских и немусульманских всех мелких наций, угнетающихся поныне европейским капитализмом. Так как осуществление

---

¹ Съезды Советов в документах. 1917–1936 гг. Т. II. М., 1960, с. 504.

² Приводится по кн.: Мухаммедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме. Ашхабад, 1959, с. 143.

³ Там же.

этих целей связано исключительно с объединенным действием пролетариев всего мира, Хивинское государство будет всеми путями помогать делу объединения своих трудящихся и делу организации мирового пролетариата».¹

В оценке Хивинской революции допускаются те же ошибки, какие и при определении характера Бухарской революции. В специальной литературе Хивинскую революцию на этапе свержения ханской власти нередко называют «Советской революцией», «Народной Советской революцией», революцией «советского характера» и в то же время оценивают ее как несоциалистическую революцию.² Очевидно, это не только терминологическая неточность. Название «Советская революция» обычно ассоциируется с социалистической революцией в России, хотя, строго говоря, понятие «Советы» относится к форме власти, а не к ее сущности и характеру. Поэтому наименование «Советы» для определения содержания революции не правомерно.

Поскольку Хивинскую революцию исследователи вполне уместно признают несоциалистической революцией, ее нельзя характеризовать как «продолжение Великой Октябрьской социалистической революции»,³ что делают некоторые авторы. Вольность и неточности допускаются и при освещении политической системы и содержания власти в Хорезмской Народной Советской республике. Понятие «Советская власть» часто употребляется применительно к государственной власти вообще в республике. О Хорезмской Народной Советской республике иногда говорят, что она, сохранив «некоторые характерные особенности буржуазно-демократических республик...», вместе с тем выполняла основные функции советских социалистических республик». Такое определение подходит к социалистической республике Хорезма.

В начале 1920 года Хивинская революция одержала победу над самодержавием хана, но еще не завершилась. После этого она прошла этап углубления и развития в рамках революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства при участии демократических и патриотических сил и под растущим

---

¹ Съезды Советов в документах. 1917 - 1936 гг., с. 504.

² Мухаммедбердыев К. Коммунистическая партия в борьбе за победу народной советской революции в Хорезме, с. 141-142, 165.

³ Непесов Г., Абдуллаев М., Тохтаханов У., Якубов Р. Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент. 1971. с. 116.

влиянием и руководящей ролью Коммунистической партии, а затем с середины 1922 года по своему политическому курсу она стала перерастать в социалистическую революцию.

Исследований по истории Хивинской революции и Хорезмской Народной Советской республики до сих пор еще очень мало. В них, как правило, переход ХНССР на социалистический путь развития связывается с решением IV Всехорезмского курултая Советов (октябрь 1923 г.), объявившим Хорезмскую Народную Советскую республику социалистической.¹ Исключение составляет работа К. Мухаммедбердыева, который считает, что «революция в Хорезме прошла два основных этапа – народно-советский (ноябрь 1919 – май 1921 года) и социалистический (июнь 1921 – октябрь 1923 года)».²

Как видно из этого, переход Хорезмской народной республики на социалистический путь развития, как и Бухарской, всецело связывается с законодательным его оформлением, т. е. сводится к законодательству. Сам по себе такой метод не может считаться правильным. В истории развития социалистических государств было немало случаев, когда законодательное оформление социалистического характера политической системы по тем или иным обстоятельствам не совпадало с объективным процессом и «запаздывало».

IV Всехорезмский курултай, провозгласивший страну социалистической республикой, законодательно отразил и оформил тот объективный процесс, который твердо заявил о себе с середины 1922 года.

К весне 1922 года в Хорезмской Народной Советской республике стала складываться такая структура власти, которая свидетельствовала не только об ее социалистической ориентации, но и приверженности к социализму. Власть трудящихся переросла в Советскую власть, в революционно-демократической диктатуре рабочих и крестьян с направленной социалистической ориентацией начало преобладать социалистическое содержание. Именно с этого периода можно говорить о новом этапе Хивинской революции и развитии Хорезмской республики, ознаменовавшемся вступлением ее на социалистический путь. Выскажем по этому поводу некоторые соображения.

---

¹ Непесов Г., Абдуллаев М., Тохтаханов У., Якубов Р. Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971, с. 187, 212.

² Мухаммедбердыев К. Коммунистическая партия..., с. 250.

1. Второй Всехорезмский курултай Советов, собравшийся 15 – 23 мая 1921 года, принял директивное решение о том, что «вновь избранному на этом курултае исполнительному комитету осуществлять свою деятельность по управлению государством в соответствии с принципами Советской власти, выражающими интересы всего народа»,¹ и определил, что основной задачей органов новой власти является совместная с Советской Россией борьба «против экономического и национального гнета».²

Второй Всехорезмский курултай провозгласил классовый принцип конструирования Советов сверху донизу и записал в Конституцию республики, что участвовать в выборах и быть избранными имеют право граждане, достигшие 18-летнего возраста, «живущие как трудовой народ и не являющиеся эксплуататорами чужого труда...».³ В важнейшей области экономической политики – аграрной – новая власть признала необходимым «объявить по всей стране специальным декретом, что отныне лишь те имеют право на землю, кто на ней работает, а сдающие свои земли в аренду и живущие чужим трудом лишаются своих прав на обладание землею».⁴

Эти положения законодательно оформили политику и основные направления деятельности органов революционно-демократической власти в Хорезмской республике. Однако потребовалось некоторое время, чтобы декларированные принципы стали определять социально-политическое развитие общества, говоря иначе, нужно было время, чтобы перестроить систему и структуру власти в соответствии с этими принципами и в итоге сделать их реальными.

К середине 1922 года создание и перестройка системы новых органов революционной власти, способных вести политику перспективного социалистического развития страны, завершилась. Третий Всехорезмский курултай, состоявшийся 15 – 23 июля 1922 года, узаконил более стройную и деятельную конструкцию власти в республике, основные задачи которой связывались с социалистической перспективой. На этом курултае довольно

---

¹ Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. В 3-х т. Т. II. М., 1960, с. 511.

² Там же, с. 516.

³ Там же, с. 519.

⁴ Там же, с. 513.

четко была выражена общность и слитность интересов РСФСР, советских социалистических республик и Хорезмской Народной Советской республики. В своей правительственной телеграмме В.И. Ленину делегаты писали: «Народы Востока знают одного вождя – товарища Ленина – и только с ним нам по пути».¹ На курултае было заявлено, что «хорезмский народ твердо осознал путь неразрывной связи всех советских республик с РСФСР во главе»² и интересы народа республики зовут «к еще более тесному, более монолитному сплочению всех Советских республик, всех трудящихся и всех честных граждан вокруг Советской власти, единственно обеспечивающей всестороннее национальное развитие всех освобожденных стран».³ В телеграммах, адресованных ЦИКамам Азербайджанской, Туркестанской Советских социалистических республик, делегаты курултая сформулировали лозунг «Да здравствует братский союз всех Советских республик!».

Такой курс и такая политика не могли стать содержанием ни одной другой власти, кроме власти, твердо избравшей социалистический путь развития.

2. Качественные изменения произошли в правительстве и других центральных органах республики.

В первый состав революционного комитета Хивы, сформированного в ходе революции, вошли лица, «известные» в народе борьбой против Джунайд-хана, а именно: глава Турткульского комитета младохивинцев Султанмурадов, председатель младохивинского меджлиса Бабаахун Салимов, вожди туркменских родов и боевых отрядов Гочмамед-хан и Моллаораз Ходжамамедов, известное духовное лицо – Джалал-ахун.⁴ Такой состав ревкома отвечал задачам начального периода Хивинской революции. Не правы те исследователи, которые заявляют, что в ревкоме «руководящее положение захватили представители эксплуататорских классов».⁵ Они не «захватили» власть в ревкоме, они были туда введены с санкции и одобрения коммунистической организации Хивы, Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР

---

¹ Там же, с. 544.

² Там же.

³ Там же, с. 522.

⁴ Мухаммедбердыев К. Коммунистическая партия..., с. 138 – 139.

⁵ Там же, с. 143.

и Политотдела хивинской группы войск Красной Армии и находились под их контролем. Хотя члены ревкома по социальному происхождению не являлись выходцами из трудовой среды, но поставленные в определенные рамки они должны были проводить и проводили политику революционного народа. Однако это не исключало возможности саботажа отдельных его членов и отхода от революции по мере ее развития и углубления.

В течение первых трех месяцев после победы Хивинской революции во всех освобожденных районах были созданы местные ревкомы и подчиненные им кишлачные, аульные Советы трудящихся во главе с аксакалами и родовыми вождями, лояльными к революции. Именно в низовых звеньях управления ощущалось засилие представителей зажиточных слоев населения и духовенства, которые, однако, находились под растущим контролем организаций трудящихся – компартии Хорезма и ревкомов.

Новый этап в укреплении государственной власти и аппарата начался в апреле 1920 г., когда был создан высший единый партийно-советский орган республики в лице Комитета коммунистов, взявший на себя и функцию Совета народных назиров до созыва Первого Всехорезмского курултая.

Процесс революционизирования основных социально-политических сфер жизни общества в плане углубления ориентации на социализм происходил ускоренно, несмотря на усиление сопротивления проханских групп, мятежников, шаек Джунайдахана и русской контрреволюции. В такой сложной обстановке не все звенья органов государства успевали перестраиваться в соответствии с изменяющимися условиями в стране. В известной степени в этом сказались и теоретическая слабость, организационная неопытность хорезмских коммунистов, наличие в руководстве компартии лиц с консервативными взглядами, нехватка революционных кадров, рост басмаческого движения и осложнение внутренней обстановки в Бухарской республике.

Так, Совет народных назиров Хорезмской республики, избранный на Первом курултае народных представителей, допускал в своей деятельности грубейшие ошибки, фактически дискредитировал политику революционно-демократической власти в стране. Поток движения масс снес с дороги революционного процесса Совет народных назиров. На многотысячном митинге рабочих, дежкан, ремесленников, патристически настроенного

населения Хивы, состоявшемся в марте 1921 г., было заявлено о низложении Совета народных назиров и учреждении революционного комитета, в состав которого вошли видные и авторитетные представители трудового населения. Это был еще один, очередной этап по пути «социализации» функциональной деятельности и политического курса центральных органов Хорезмской республики.

Исследователи отмечают, что в результате существенной перестройки и укрепления низовых Советов к началу 1922 года «по всей республике уже были созданы органы Советской власти, в основном расчищенные от примазавшихся феодально-клерикальных элементов. Народы Хорезма еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и ревкома».¹

3. Значительным событием в политической жизни страны явилось организационное оформление в мае 1920 года коммунистической партии Хорезма – единственной политической партии в стране.²

Исследователи единодушны в том, что главной задачей Хорезмской коммунистической партии, несмотря на «левый» и «правый» уклоны в ней, было осуществление перехода «в прошлом отсталой колониальной страны к социализму по некапиталистическому пути развития».³

Влияние и руководящая в обществе роль коммунистической партии все более углублялись. Так, в комитетах бедняков союза «Кошчи», организованных в начале 1921 года в 12 крупных административных районах, «работали коммунисты-агитаторы».⁴ К середине 1922 года такие союзы функционировали в 28 административных районах. В центральной избирательной комиссии по подготовке к созыву Второго Всехорезмского курултая большинство членов были коммунисты.⁵ Влияние коммунистов еще более возросло в период выборной кампании к III Всехорезмскому курултаю Советов трудящихся.

---

¹ Непесов Г., Абдуллаев А., Тохтаханов У., Якубов Р. Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971, с. 148.

² Младохивинская партия в апреле 1920 года объявила о самороспуске и вхождении в коммунистическую организацию Хорезма.

³ Великий Октябрь и победа народной революции в Хорезме. Ташкент, 1971, с. 121.

⁴ Там же, с. 144.

⁵ Там же, с. 245.

В июне 1920 года организационно оформилась Хорезмская коммунистическая организация молодежи. Другой массовой организацией, на которую в своей деятельности опиралась компартия, были профессиональные союзы рабочих и полупролетарских масс городов. В начале 1922 года в них насчитывалось около 10 тыс. членов, объединенных в Центральный совет профсоюзов республики.¹

Событием исторического значения было вступление Хорезмской компартии в состав Коммунистической партии Советской России, подтвержденное решением Политбюро ЦК РКП(б) от 2 февраля 1922 года. Это было признанием социалистического содержания курса политики компартии Хорезма.

4. Такие демократические общественно-экономические и политические преобразования в Хорезмской республике, как конфискация имущества ханов, ханских чиновников и крупных землевладельцев, национализация фабрик и заводов, объявление контрреволюционерами тех, кто «является сторонником какого бы то ни было национального угнетения», провозглашение «освобождения от всякого ига и эксплуатации человека человеком», «полное и бесплатное образование трудящихся», создание Красной Армии и народной милиции и другие² были нацелены на социалистическую перспективу и содержали значительные социалистические элементы.

Итак, революционно-демократическая власть в Хорезмской республике, рожденная в начале 1920 года в результате победы революции, пройдя этап углубления социалистической ориентации и сближения с РСФСР, к середине 1922 года переросла в социалистическую власть. С этого времени можно говорить о победе в Хорезмской республике советской государственности.

---

¹ Там же, с. 158.

² Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. В 3-х т. Т. II. М., 1960, с. 523, 524, 528, 530.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Становление освободительных идей в Бухарском и Хивинском ханствах тесно связано с двумя факторами социально-экономической и политической жизни общества: а) с появлением буржуазных отношений и обуржуазившихся элементов в среде молодой местной интеллигенции; б) с кризисом политической системы, когда монархистско-клерикальная власть с ее традиционными методами управления утратила общественную «эффективность» и не смогла функционировать иначе, как в форме придатка и послушного аппарата внутренней реакции и марионетки внешних сил.

2. На уровне и формах, структуре и характере, трансформации и эволюции освободительных идей и движения лежала печать своеобразных условий Бухары и Хивы: а) экономика, в основе своей отсталая средневековая, частично подверглась влиянию капиталистических отношений; б) срастание светских и духовных землевладельцев – беков, «ханских людей» – с мусульманским духовенством в сфере политики и власти; в) монопольное положение духовенства в областях идеологии, образования, права и суда; г) забитость, задавленность и приниженность крестьянских масс – дехкан, составляющих большинство населения и основную производительную силу общества; д) крайняя малочисленность национального рабочего класса; ж) наличие сильного союзника эмирско-ханской власти в лице правительства царской России; з) окраинное положение стран и их отдаленность от центров революционной и демократической мысли, а также полуизоляционистская политика их деспотов.

На формировании освободительных идей Бухары и Хивы сказались и такие факты, как а) наличие общей границы с Россией; б) проживание русских рабочих на железнодорожных узлах и в районах промышленной переработки хлопка; в) дислокация воинских частей России внутри и в южной пограничной полосе ханств.

3. Несмотря на отсталость и архаичность экономики, общественного строя и нравственно-бытовых условий населения и консервативность социально-политического статуса общества, освободительные идеи и движения в Бухарском и Хивинском ханствах прогрессировали и революционизировались в уско-

ренном темпе. Этому способствовали следующие обстоятельства: а) революции 1905 – 1907 годов и февраля 1917 года в России, которые пробудили массы к политической жизни, оказали воздействие на патриотические и демократические силы и вдохновили их на более решительные действия против эмирско-ханского режима; б) буржуазно-демократические перевороты и изменения в соседних мусульманских странах – в Турции, Персии и Афганистане, с которыми Бухара и Хива исторически и традиционно были связаны; в) рост революционных, социал-демократических и большевистских настроений и групп среди русских рабочих и русских солдат в российских поселениях Бухары и Хивы; г) тотальная налоговая политика по отношению к трудовому населению и полный произвол администрации и ее агентов; д) периодически повторяющиеся кровавые репрессии и террористические акты эмирско-ханской власти, направленные против младобухарских и младохивинских оппозиционеров и демократов, всех тех, кто выступал и сочувствовал революционным изменениям. Этими мерами она разоблачала себя и содействовала преодолению реформистских иллюзий, соглашательских тенденций в среде радикальной части революционеров.

4. Освободительные идеи и движения в Бухаре и Хиве формировались и развивались в дореволюционный период как младобуржуазные: вначале под узкопросветительскими лозунгами, затем под ограниченно-реформистскими с частичным охватом сферы политики и власти и в зрелый период под революционно-демократическими с требованием республиканского строя.

5. Великая Октябрьская социалистическая революция и интернациональная помощь победившего пролетариата России играли решающую роль как в дальнейшем развитии и углублении революционного процесса в Бухаре и Хиве, так и в победе в них революционно-демократического строя социалистической ориентации.

6. Опыт Бухарской и Хивинской революций доказывает, что освободительные идеи и освободительные движения в отсталых и полуколониальных странах при растущем влиянии на них коммунистов и социалистической идеологии, а также при общей и внутренней ускоренно развивающейся революционной обстановке могут достичь зрелого уровня политической борьбы.

7. Опыт революций в Бухаре и Хиве и победа в них советской государственности свидетельствуют о том, что и в отсталой крестьянской стране с незначительным промышленным потенциалом может быть создана политическая партия с коммунистической идеологией, которая, развиваясь, может стать руководящей силой в демократической революции и направить ее развитие по социалистическому пути, если она не изолируется от коммунистического движения в других странах и будет тесно связана с одним из ведущих и опытных его отрядов.

8. История развития Бухарской и Хивинской революций подтверждает жизненность ленинской мысли о применимости Советов как организации власти и в крестьянских странах и вместе с тем обогащает теорию конкретным опытом строительства Советов трудящихся в своеобразных условиях революционно-демократической власти с социалистической ориентацией и перехода ее в социалистическую государственность.

9. В результате победы революций в Бухаре и Хиве в 1920 году в них установилась демократическая диктатура рабочих и крестьян с направленной социалистической ориентацией, выступивших в блоке с патриотическими и демократическими слоями общества. Ее перерастание в структуру власти с социалистическим содержанием происходило при руководящей и организующей роли компартий этих стран и завершилось в Бухарской народной республике в конце 1921 – начале 1922 года, в Хорезмской народной республике – к середине 1922 года.

10. Бухарская и Хивинская революции одержали победу над эмирско-ханской монархией сравнительно «легко», однако процесс закрепления революционных завоеваний народа и качественного развития и углубления их по пути к социализму натолкнулся на отчаянное и объединенное сопротивление реакции и контрреволюции и оказался более трудным и длительным.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В соответствии с решением Координационного научного совета «Закономерности и развитие государства, права и управления» при Отделении философии и права Академии наук Союза ССР в конце мая 1974 г. в г. Алма-Ате состоялось зональное совещание с участием ученых г. Москвы, республик Средней Азии и Казахстана. На совещании был заслушан доклад академика АН КазССР С.З. Зиманова, посвященный методологическим вопросам изучения национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане. В обсуждении доклада приняли участие ученые-юристы, философы, работники государственных органов. В выступлениях наряду с методологическими и теоретическими вопросами советского национально-государственного развития затрагивались и вопросы истории государства и права республик Средней Азии и Казахстана.

На совещании не ставилась задача выработать какие-то практические рекомендации относительно дальнейших путей научной разработки проблем национально-государственного строительства в среднеазиатских республиках. Важно было попытаться подвести некоторые итоги исследовательской работы в этой области и рассмотреть отдельные методологические и теоретические аспекты проблемы.

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Задачи повышения теоретического уровня исследовательских работ по национально-государственному строительству

Представляется, что настало время охватить, обобщить и оценить то, что разработано и познано в области национально-государственного строительства в союзных республиках и по стране в целом, подвести главные итоги и сделать соответствующие выводы с тем, чтобы с большей эффективностью использовать накопленные знания в этой области для обеспечения нового подъема теоретической мысли в разработке проблем национально-государственного строительства как органической части социалистического строительства.

Одновременно необходимо проанализировать арсенал средств и методов, которыми мы пользовались до сих пор в своих исследованиях, разобраться в организации и движении самой науки о национально-государственном строительстве с целью совершенствования средств познания и их обогащения.

Такая постановка особенно уместна и своевременна для региональной зоны, куда входят республики Средней Азии и Казахстан. Дело не только в том, что историческая судьба и культура, прошлое и настоящее народов этой зоны имеют много общего в их социально-политическом развитии. Объективным основанием для такой постановки служат обширные накопленные знания, основанные на материалах по каждой из этих республик, и настоятельная необходимость перехода к выработке более широких и общих теорий, выражающих основы и мотивы развития, форм и закономерностей, а также перспектив национально-государственного строительства в этом регионе и в целом по стране. Сама жизнь диктует необходимость научной разработки и освещения на новом, более высоком уровне исторических и социологических опытов успешного социалистического развития советских народов, миновавших капитализм, интерес к которым все больше возрастает на международной арене.

О том, что в республиках Средней Азии и Казахстане к настоящему времени собран, систематизирован и обобщен значительный материал по национально-государственному строительству, говорят такие факты, как выход в свет «Истории государства и права Советского Казахстана», изданной в трех томах (1961 – 1965), «Истории государства и права Узбекистана» в трех томах (1960 – 1968), ряда крупных монографических исследований: «В.И. Ленин и национальная советская государственность» С.А. Раджабова (1970), «Бухарская Народная Советская Республика» А.И. Ишанова (1969), «Образование и развитие Узбекской ССР» А.А. Агзамходжаева (1971), «В.И. Ленин и строительство советской государственности в Туркестане» Ш.З. Уразаева (1967), «В.И. Ленин и советская национальная государственность в Казахстане» С.З. Зиманова (1970), «Развитие национальной советской государственности в Узбекистане» М.Х. Хакимова (1965), «Становление и развитие суверенного государства киргизского народа» Р. Тургунбекова (1969).

В каждой республике сложилась солидная по квалификации и составу творческая группа ученых, занимающихся исследованием проблем национально-государственного строительства. Только в одной Казахской республике в этой области знания успешно работают член-корреспондент АН КазССР А.Е. Еренов, доктора юридических наук С.С. Сартаев, С.Н. Досымбеков, Г.С. Сапаргалиев, М.А. Биндер, доктора исторических наук С.М. Кенжебаев, Л.С. Елагин, К.Н. Нурпеисов и др. То же самое можно сказать и о других республиках Средней Азии.

Следует отметить, что историко-правовая наука, в частности история национальной советской государственности, пользуется в республиках Средней Азии и Казахстане большой популярностью и заслужила широкое общественное признание. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. Академики и члены-корреспонденты академий наук этих союзных республик, избранные из числа правоведов (а их в настоящее время 6), все без исключения занимаются исследованием проблем национально-государственного строительства. Примечательно и то, что в Узбекской и Таджикской республиках первые правовые исследования, отмеченные государственными премиями этих республик, были по национально-государственному строительству.

Серьезные успехи историко-правовой науки в разработке проблем национально-государственного развития в условиях социализма служат значительным основанием для подъема уровня научных исследований в этой области на новую ступень.

Историко-правовая наука в республиках Средней Азии и Казахстане является составной частью советской правовой мысли вообще и историко-правового знания в частности. Она развивается в тесном контакте с научной мыслью страны и в ее системе. Ее успехи являются успехами правовой науки в целом.

Отдавая дань успехам в научной разработке проблем национально-государственного строительства, в то же время нельзя не сознавать, что не все еще достигнуто. Если подойти к результатам исследований в этой области с точки зрения требований сегодняшнего дня и сравнить их с быстрым развитием научной мысли вообще, то это отставание особенно заметно. Оно относится главным образом к научному уровню исследовательских работ.

Все больше повышается роль науки в общественном развитии, и соответственно с этим возрастают требования к самой исследовательской работе, к самой науке. Наши знания, которые удовлетворяли нас вчера, сегодня в ряде случаев уже нуждаются в развитии, расширении и углублении. Этот общий закономерный процесс познания в условиях социализма функционирует в самых благоприятных объективных условиях и приобретает особую актуальность. Это относится и к разработке проблем национально-государственного строительства в союзных республиках. «Партия должна будет уделять еще большее внимание развитию теории, – говорилось в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду, – поднимать уровень работы научных учреждений, добиваться тесной связи общественных наук с практикой партийной и государственной работы, с решением конкретных задач коммунистического строительства».¹

Успехи в научной разработке проблем национально-государственного строительства не должны заслонять недостатки и проблемы в этой области. Наоборот, подлинные творческие успехи еще яснее очерчивают не охваченные познанием участки и массивы, способствуют формированию более конкретных пред-

---

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1972. с. 103.

ставлений о новых проблемах, вооружают познающего субъекта новыми возможностями проникновения в изучаемые явления. Следовательно, когда мы говорим об усложнении задач науки, то имеется в виду не решение каких-то нереальных, непосильных задач, а необходимость решения таких новых задач, для которых созданы реальные предпосылки и для которых созрели условия такой постановки.

Одной из таких актуальных задач, встающих перед исследовательскими работами в области национально-государственного строительства, является повышение их теоретической и практической ценности. Это означает, что центр целевой установки исследования следует перенести с воссоздания конкретного хода истории национально-государственного развития на более полное и адекватное раскрытие внутренних двигательных мотивов этого развития, на установление ведущих факторов, элементов в системе сложных связей и отношений национально-государственного строительства, например в союзных республиках, с тем, чтобы наши новые знания вооружили советских людей и органы Советского государства теорией этого процесса, опытом практического воздействия на него и управления им в интересах строительства социалистического и коммунистического общества.

Одним из важнейших условий углубления и развития исследовательской деятельности, ее плодотворности является освоение методологических принципов познания действительности и построения теоретических знаний, разработанных в материалистической диалектике. Без научной методологии и не опираясь на нее, трудно и невозможно широко теоретически осмыслить изучаемую предметную область, причем всегда существует опасность скатиться на путь односторонних и узких выводов, отражающих только некоторые, часто не главные стороны объекта исследования.

Вести научно-исследовательскую работу на современном уровне с использованием современных методов – это значит в первую очередь усвоить научную методологию познания, разработанную диалектическим материализмом. В известном Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» подчеркивается, что «первостепенное внимание

в научных исследованиях следует уделять марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям».¹

В настоящем докладе в порядке постановки рассматриваются лишь отдельные вопросы методологии изучения проблем национально-государственного строительства. Основная задача доклада состоит в том, чтобы обратить внимание исследователей на чрезвычайную важность постоянного обращения и освоения марксистско-ленинской методологии научного познания.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9. Изд. 8-е. М., 1972, с. 31.

Факты и их основания

Национально-государственное строительство как процесс создания и развития обладает большой наглядностью. Его можно видеть и ощущать, можно воссоздать его картину по конкретным фактам. Оно есть внешне проявляющееся развитие. Исследователь проблем национально-государственного строительства имеет дело с многочисленными фактами, относящимися к различным сторонам развития этого процесса; вернее, исследователь начинает свою работу со сбора массы эмпирических фактов, воссоздающих это строительство.

Таким образом, вопросы о том, как обращаться с разнообразной массой эмпирических фактов, как владеть ими, каким путем использовать их для теории, являются жизненными вопросами для исследователя. В этом отношении каждый из нас идет своим путем: полагается на опыт, на усвоенные методы и знания, руководствуется методологией марксистской диалектики в такой мере, в какой она усвоена.

Тот этап, который на сегодня достигнут в области исследования проблем национально-государственного строительства в Средней Азии и Казахстане, может быть охарактеризован в большей степени как этап накопления массы фактического материала и его обобщения на уровне воссоздания событийной картины. В результате наблюдения и описания с различных сторон самого процесса и интенсивных поисковых работ в архивохранилищах областей, республик и Союза, в текущих фондах государственных органов, которые ведутся особенно активно и широко в течение последних 20 лет, собрано и накоплено много ценных и оригинальных эмпирических фактов по национально-государственному строительству в республиках Средней Азии и Казахстане. Можно сказать, что по ряду проблем основные документы и факты стали уже достоянием научной общественности.

Накопление фактического материала по многим разделам проблемы достигло такого размера и масштабов, что теперь находить принципиально новые фактические данные становится все труднее. Трудно, например, предполагать, что где-то могут быть не тронутые исследователями значительные «залежи» принципиально новых документов и фактов по истории Бухарской Советской Республики, по государственному строительству в

Туркестанской АССР и Казахской АССР, по национально-государственному размежеванию в Средней Азии и Казахстане и по некоторым другим проблемам, хотя это совсем не исключается. Разумеется, не может быть речи об исчерпании эмпирического исторического материала. Бесконечен и процесс поиска новых данных и фактов. Для нас важно отметить ту мысль, что исследователи проблем национально-государственного строительства не могут более жаловаться на недостаток материалов и фактов.

Отсюда мы вовсе не делаем вывода о желательности сужения или ограничения объема и темпов собирательских и поисковых работ по накоплению новых фактов как по ранее исследованным, так и тем более по неисследованным и мало исследованным проблемам. Процессы и явления национально-государственного строительства периода коммунистического строительства должны быть тщательнейшим образом изучены как в плане собирания фактов о них, так и в плане формирования знания о современных его проблемах. Немало еще научных проблем национально-государственного строительства, которые остаются не рассмотренными и не разработанными в науке. К тому же всякое знание имеет относительное значение, оно нуждается в совершенствовании и развитии, и с этих точек зрения поиски и сбор эмпирического материала никак не могут быть ослаблены.

Казалось бы, по мере накопления новых фактов, более полно освещающих стороны, моменты и процессы национально-государственного строительства, должно соответственно этому развиваться и научное знание о нем. А между тем заметно бросается в глаза отставание теоретического знания от сбора и первичной обработки фактов. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на некоторые примеры. Первое монографическое исследование о национально-государственном строительстве в Казахстане увидело свет в 1948 г. (М. Сапаргалиев. Возникновение Казахской советской государственности. Алма-Ата, 1948). На протяжении последующих лет в основном на эту тему было написано и опубликовано более десяти диссертационных и монографических работ. Они, безусловно, чем-то, особенно обширностью привлекаемого фактического материала, полнотой освещения тех или иных вопросов, а также уровнем обобщения и анализа, отличались друг от друга. В этом отношении знание прогрессировало. Но если подойти к этим работам с точки зрения новых принци-

пиальных обобщений, то они отличались друг от друга. Точнее говоря, за это время написано явно недостаточно новых крупных исследовательских работ по этой проблеме. Я бы сказал, что такое положение характерно не только для Казахстана. Исследование С.А. Раджабова «Создание узбекского социалистического государства» было издано в 1950 г. С тех пор опубликован ряд интересных, более полных и ценных исследований по этой же проблеме. Однако нелегко ответить на вопрос о том, какие же принципиальные теоретические установки и построения на протяжении этого последующего периода были обновлены или вновь сформулированы в данной проблеме.

Повторяю, что прогресс в исследовательской работе в области национально-государственного строительства несомненен. Было бы несправедливо не видеть и не признавать этого. Моя мысль относится к другому аспекту вопроса, а именно – к серьезному отставанию теории от темпа и объема накопления эмпирического материала. А если говорить прямо: над исследовательскими работами явно, порою чересчур, довлеет описательность в ущерб и во вред теории. Это – настораживающее и неоправданное явление.

Вопрос теперь стоит о мерах и путях преодоления отставания теории от фактов; вернее, как сделать, чтобы накопленные факты стали достоянием и подспорьем теории, и тем самым обеспечить более ускоренное развитие теоретического знания? Если и здесь быть откровенным, то слабость наша – в основном методологическая слабость.

На данном этапе, когда собрано и систематизировано огромное количество эмпирического материала, которое будет увеличиваться с каждым днем, исследователю нужно отойти от увлеченности фактами и умерить чувство любования ими, как бы они сами по себе ни были интересными. Необходимо от разрозненных фактов эмпирического рассмотрения перейти к их сущности, к анализу субстанциональных определений предмета. Ведь задача науки состоит в том, чтобы познать сущность изучаемого явления, а эмпирический материал должен быть ступенью к познанию сущности в известной мере и указателем, ведущим к ней. Собственно говоря, науки еще нет, пока мы находимся на стадии эмпирии. Наука начинает проявляться только при переходе к познанию существа.

Научное исследование проблем национально-государственного строительства предполагает выяснение и постижение социальных его функций и системных условий, а также внутренних законов движения этого процесса. А эти внутренние законы, непосредственно управляющие движением и развитием, лежат в глубине процесса, выражают самое существенное в этом явлении, которое, в свою очередь, объясняется и определяется в конечном счете социально-экономической жизнью общества. К. Маркс указывал: «...Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя».¹

Таким образом, процесс формирования научного знания, теории есть процесс проникновения в глубину, в тайны фактов и явлений, есть в некотором роде процесс преодоления явлений в пользу их сущности.

Научное познание – сложная деятельность. Упрощать ее невозможно. Исследователь сталкивается с трудностями и при сведении многообразия фактов к единству, к их сущности (эмпирический уровень). Еще более сложной ступенью познания является выведение многообразия из единства – субстанции (теоретический уровень). Порою кажется, что более или менее сносно представляешь всеобщие методы познания, разработанные в материалистической диалектике. Как только попытаешься применить их к анализу реальной ситуации, к определенному жизненному явлению, так возникают трудности и новые вопросы. Это закономерно. Но закономерно и другое: чем глубже овладеваешь марксистско-ленинской методологией познания действительности, тем больше имеешь шансов на успех, на постижение сущности явления, на то, чтобы научное знание было более истинным.

Как бы ни было трудно исследовать национально-государственное строительство в его существенном и необходимом содержании и в моментах, как бы ни потребовало много усилий сведение явления к его сущности и выведение из нее многообразия форм проявления, наука без этого не может иметь существенного успеха и развития. «...Задача науки, – указывает К. Маркс, – заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению».²

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 384.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 343.

Резюмируя, следует сказать, что факты должны быть сведены к их основанию, т. е. к господствующим в них самих внутренним законам, импульсам. Только таким путем можно преодолеть логический разрыв, противоречие между фактами (явлением) и их сущностью, только таким путем можно обеспечить развитие научного знания, теории.

Роль принципа противоречия в изучении национально-государственного строительства

Время, когда довлело мнение об отсутствии противоречий в социалистическом обществе, о бесконфликтности развития социалистических начал и явлений, ушло в прошлое. В последнее десятилетие советские философы немало сделали для восстановления в полных правах и для научной разработки универсального закона диалектики – закона единства и борьбы противоположностей. Теперь не стоит вопрос о том, противоречиво ли движение и развитие социалистического общества. Актуальным и проблемным остается вопрос о том, как проявляется противоречие в конкретных областях жизни и в обществе в целом. В этом направлении в отдельных отраслях науки предпринимаются серьезные попытки использования принципа противоречия как метода и как средства познания конкретной предметной области этой науки, проводятся широкие обсуждения. Только недавно закончилась дискуссия, организованная редакцией журнала «Проблемы мира и социализма», по вопросу о противоречиях при социализме, которая велась в течение 1972 – 1973 гг.¹

И в правовой науке за последние годы наблюдается заметный поворот к проблеме противоречия. Уже появился ряд работ, в том числе и специальная монография, посвященных природе и формам противоречия в правовой надстройке социализма. Серьезное начало положено. Предстоит теперь и исследователям проблем национально-государственного строительства вооружиться этим методом и принципом познания с тем, чтобы с его помощью раскрыть, постичь и понять модификации противоречия в конкретной изучаемой реальности.

Овладение принципом противоречия как методом проникновения в изучаемое явление и как всеобщей истиной, развертывающейся и обнаруживающей себя в многообразных конкретных формах противоречий, повышает творческую активность и результативность деятельности познающего субъекта, составляет еще одно из основных условий постижения истины и истинности нашего знания.

Наши исследования по истории и современным проблемам национально-государственного развития республик Средней

¹ См.: «Проблемы мира и социализма», 1972, №3, 1; 1973, № 2, 3, 4.

Азии и Казахстана, как правило, содержат качественные сведения, много доказательного материала и научных обобщений по обоснованности и жизненности политики, мероприятий и организаторских усилий коммунистических партий и Советского правительства в развитии национальных отношений и государственности в этих республиках, по их конкретным формам и громадным достижениям в этих областях. Однако не всегда можно получить удовлетворительные ответы на вопросы о том, как внутренне сложен и противоречив этот путь национально-государственного развития, в чем заключались и как развивались взаимно предполагающие и взаимно отрицающие стороны в единстве связей как условие и источник развития. Вместо выделения и показа сущности процесса развития и ее проявления в области социалистического государства, взятого в единстве с его социально-экономическими основами вообще, а в области национально-государственного развития советских республик в частности, мы часто сосредоточиваем свое внимание всецело на внешних признаках этого развития, на явлениях, лежащих на поверхности процесса, на результатах движения и развития, каковые, безусловно, нужны и важны. Однако они не могут заменить содержательного, синтетического анализа изучаемого явления. Описывая и обобщая полученные эффекты и результаты национально-государственного строительства и развития, мы не всегда задаемся целью взглянуть во внутрь самого этого процесса и на социально-экономические его первопричины и мотивы, на сложный и противоречивый путь внутреннего развития, приведшего к этим результатам, на причинные их связи, с необходимостью породившие их и облекавшие это развитие в данную форму.

При таком традиционном подходе к изучению явлений национально-государственного строительства описательность так или иначе остается основной формой воспроизведения их мышлением. Наши труды, будучи подчиненными и силе описательности изучаемых явлений, не могут играть большей роли, чем реконструкции событий и воссоздание картины явлений, чем удовлетворение жажды познания себя и своей истории, чем накопление систематизированного и обобщенного на уровне явлений материалов.

Нередко над исследователями довлеет хорошее желание описать, показать и обобщить все хорошее, все положительное, что

радует советских людей в национально-государственном строительстве советских республик, что может иметь притягательную силу для угнетенных народностей и наций мира. Это похвально и необходимо. Но это – результаты развития. Процесс выведения всего этого, путь вынашивания больших преобразований и значительных результатов, изучение и раскрытие которых входят в собственную задачу научного познания, остаются часто в стороне, в тени.

Если говорить открыто, мы не освободились от ощущения робости перед рассмотрением национально-государственного развития во всей внутренней его сложной связи и противоречии сторон. Мнение о том, что закон единства и борьбы противоположностей присущ только досоциалистическим общественно-экономическим формациям и что социализм свободен от действия этого закона, мнение, которое до недавнего времени было распространено среди ряда представителей гуманитарных наук, отразилось и на изучении проблем национально-государственного строительства в союзных республиках.

Развитие любого явления и общества в целом совершается по законам диалектики. Это означает, что коренным внутренним мотивом всякого изменения и движения является противоречие. Противоречие – это то, что имманентно присуще каждому явлению и обеспечивает его движение и самодвижение. В.И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, выделил и подчеркнул то место, где говорилось: «Противоречие же есть корень движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью», и указал, что противоречие есть «принцип всякого самодвижения».¹

Разумеется, что советская национальная государственность не составляет исключения из общего закона развития. Ее движение и развитие, как и любого другого процесса, основным своим источником имеет противоречие, проявляющееся в виде единства и борьбы противоположных моментов и сторон, заключенных в свойстве самого явления.

Если вообще «развитие есть «борьба» противоположностей»,² то национально-государственное развитие должно быть

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 125.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

рассмотрено и изучено в первую очередь в плане раскрытия его противоречий, свойственных для него и объективно существующих в нем.

Постичь и познать национально-государственное строительство означает познание его в развитии, «самодвижении».

Главная задача теоретического мышления – выявление и познание сущности изучаемого события, поскольку только в ней кроются мотивы и причины самодвижения и развития. А эта сущность есть воплощение того, что мы называем единством и борьбой противоположностей. Значит, познать характер, основное содержание и сущность национально-государственного строительства вне принципа противоречия диалектико-материалистической логики невозможно.

Противоречие – не выдумка и не изобретение познающего субъекта. Оно реально существует в любом развивающемся и органическом явлении, в том числе и в национально-государственном развитии. Задача науки заключается не только в том, чтобы установить, есть ли противоречие в изучаемом явлении, или констатировать его наличие, а в том, чтобы установление, раскрытие и анализ противоречия конкретного целого сочетались с его разрешением, так как разрешение противоречия является главным в материалистической диалектике.

Приходится констатировать, что в большинстве исследовательских трудов национально-государственное строительство в той или иной союзной республике описывается почти исключительно в «победных» тонах, излагается в одностороннем подборе только положительных фактов и развивающихся сторон явления. Безусловно, что это – весьма важный аспект, связанный с конечным результатом движения и развития. Однако научная мысль, если она действительно претендует быть научной, должна вскрывать механизм процесса развития в основных элементах, логически воспроизводить весь сложный путь борьбы различных мотивов и тенденций реально развивающегося общественного процесса.

Действительно, какое бы явление из области национально-государственного строительства мы ни взяли и в прошедшее и в настоящее время, в нем всегда есть противоречие старого и нового, консервативного и прогрессивного. Их соотношение и взаимодействие менялись и становились разными на различных

этапах развития социалистического общества. Познание частей и сторон противоречия в «самодвижении» и развитии национально-государственных явлений делает наши знания более полными, более истинными, а следовательно, теоретически и практически значимыми. При таком подходе можно овладеть «искусством» (теорией) ускорения наступления и развития событий, нужных и полезных обществу, предугадать и предупредить возможные отрицательные последствия движения явлений, вовремя «снять», преодолеть нежелательные и вредные приращения, противоречия (несовместимые противоположности), которые непременно и всегда будут возникать в ходе движения и развития явления и превратятся в тормоз поступательного движения, если их вовремя не разрешить.

Социализм создает максимум благоприятных условий для познания противоречия, его структуры и отношений взаимодействия в ней. Только в социалистическом обществе можно своевременно разрабатывать и принимать самые эффективные меры по преодолению выявленных противоречий и коллизий.

Накануне Октябрьской социалистической революции противоречие в национальном вопросе было доведено до накала. В нем действовали несовместимые противоположности, столкновение, причем единство отрицалось как устаревшее, отжившее. Стремление угнетенных народов к свободе и самостоятельному политическому развитию, с одной стороны, лозунги «неделимой России», с другой, представляли две силы, две тенденции, две противоположности, разрушавшие единство – «единое Отечество». Национальный вопрос во всем таком объеме, во всей своей сложности был унаследован Советской властью. Ленинское учение о самоопределении наций и народов, его немедленное осуществление на базе Советов было направлено на преодоление этого сгустка противоречий в национальном вопросе.

Преодоление главного противоречия в национальном вопросе (в системном вопросе) создало объективные условия и реальные предпосылки для разрешения неглавных противоречий в явлениях национального вопроса (подсистемных явлениях). Коммунистической партии и Советскому правительству приходилось порою проводить и осуществлять крупные специальные политические мероприятия, чтобы преодолеть противоречия, тормозившие процесс социалистического развития ранее угне-

тенных народов, особенно народов Советского Востока. Так, национально-государственное размежевание, осуществленное в Средней Азии и Казахстане в середине 20-х годов на уровне важнейшей партийно-государственной политики, было направлено на разрешение и преодоление противоречия, проявляющегося в несоответствии между политикой автономно-государственного развития национальностей и исторически сложившейся здесь системы административно-территориального их устройства без учета интересов развития и самоопределения этих национальностей. Такое противоречие могло быть преодолено и было преодолено только при Советской власти, социально-экономический и политический режим которой создает объективные предпосылки и реальные условия для активного вмешательства в процесс развития национальной жизни.

Национально-государственному развитию как предметной целостности присущи внутренние противоречия, а для явлений (частей) этого процесса, в свою очередь, характерны особенные противоречия, связанные с противоречиями предметного целого, но в то же время не тождественные им. Задача исследователей состоит в том, чтобы рассматривать конкретные явления национально-государственного строительства и в плане их собственных внутренних импульсов движения и через них раскрывать свойства целого.

Изучение и анализ процессов и явлений национально-государственного строительства и его социально-экономических основ как в историческом, так и в современном плане могут быть более плодотворными и успешными, если исследование довести до раскрытия двигательных мотивов, заложенных в них. Иначе говоря, более глубокие знания о национально-государственном строительстве можно получить, если применять категории противоречия в его познании, если все время выявлять и раскрывать диалектические противоречия, присущие этим отношениям.

О системном анализе национально-государственного строительства

В последнее время часто говорят о системном анализе явления, о плодотворности его применения наряду с другими методами в процессе познавательной деятельности. В данном случае речь идет не о какой-то новой категории диалектики. Системность, целостность, несомненно, относятся к фундаментальным категориям материалистической диалектики.

То, что национальная советская государственность представляет собой качественную определенность, не вызывает сомнения. Однако констатация только этого факта для науки ничего нового не дает. Размышляя над проблемой целостности, можно заранее утверждать, что она есть не оболочка и не картина явления. Целостность – это качество, объективно присущее предмету, она выражает единство и специфику частей и связей внутри предмета. Следовательно, задача научного осмысления процесса развития национальной советской государственности состоит в том, чтобы понять и выразить его как единство многочисленных определений, т. е. как что-то конкретное.

Системный подход к изучению национально-государственного строительства в союзных республиках предполагает рассмотрение его не только как конкретной целостности с характерной и присущей этому явлению внутренней организацией. В самом начале станут вопросы об уровне этой организации как некоей целостности и о ее месте в массе и отношениях однопорядковых или однотипных больших и малых систем. Национальная советская государственность, являясь системной целостностью, в то же время входит в другую систему более высокого уровня, в социалистическую государственность и по отношению к последней выступает как момент, аспект этого широкого целого. В свою очередь, национальная советская государственность включает в себя системные подразделения, являющиеся ее частями и структурными элементами, каждое из которых может выступать как система меньшего и частного уровня организации и олицетворять ее.

Обычно мы считаем, что это лишь еще раз доказывает необходимость рассмотрения национально-государственного развития союзной республики во всеобщей связи с развитием социалис-

тического государства в целом, с одной стороны, с теми «местными», региональными факторами, влияющими на это развитие, с другой. За признанием всеобщей истинности диалектических законов и категорий следует сложный аналитический труд исследователя, направленный на воплощение, превращение этой универсальной истины в конкретную истину. От исследователя требуются раскрытие и анализ конкретных условий всеобщего взаимодействия явлений вообще, диалектики целого, системности в частности. Вот тут-то и возникает немало трудных проблем. И системный анализ в комплексе с другими методами познания облегчает преодоление этих трудностей на путях познания и постижения истины в изучаемой области.

Главное методологическое требование состоит в том, что национально-государственное строительство в союзных республиках во всей своей конкретности может быть изучено и познано только в тесной связи с развитием социалистического государства, в рамках его закономерностей и политики. Не овладев и не руководствуясь ими, нельзя понять и осмыслить внутренние процессы национально-государственного строительства.

В то же время национально-государственное строительство независимо от того, изучается ли оно как явление в масштабе страны в целом или в рамках ее отдельных конкретных регионов, при всей органической его связи с другими социально-политическими системами и факторами обладает относительной самостоятельностью и внутренними импульсами движения и развития. Это вытекает также из признания его как системной целостности определенного уровня. Отсюда национально-государственному строительству как относительно целостному процессу присуща своя внутренняя организация, в которой определенным образом связаны его части и элементы, составляющие эту целостность, присущ специфический только для этой системы вид взаимодействий между этими частями и элементами, с одной стороны, и между системным целым, с другой.

Чтобы понять внутренние мотивы, двигательные факторы и закономерности национально-государственного строительства, нужно тщательнейшим образом разобраться в его социально-экономических и политических условиях бытия и развития, а также в его органической структуре. Необходимо разобраться в его внутренних определениях, выявить выполняемые каждым из

них специфические функции в системе целого, установить прямые и обратные связи между ними и в силу объема влияния одной части на другие и на систему в целом, отыскать внутреннее единство в этих многообразных связях и отношениях, которые содержат в себе основную характеристику целостного явления. Только тогда и таким путем удастся различить и отделить основные связи от неосновных, ведущих структурных частей и явлений от неведущих и установить качественные закономерности движения и развития изучаемого явления.

Системный метод в познании предполагает сознание того, что изучаемое явление – внутренне отрегулированная, специфическим образом настроенная целостная организация. Суть изучения и постижения этого явления заключается в правильном отражении взаимодействия структурных его частей и элементов, форм движения и развертывания этих взаимодействий, которые и обуславливают ориентированную внутреннюю организацию явления. Национально-государственное строительство не представляет какое-то исключение из этого общего правила. Осмысленный и понятый системный метод выступает как инструментальный анализ реально данной, конкретной системной определенности, уменьшает риск блужданий на путях ее познания и имеет целенаправляющее значение.

Вопросы о том, какова структурная организация национально-государственного строительства, иначе говоря, какие структурные части и элементы оно имеет и каковы уровень и вид взаимодействий между ними, суть вопросы, которые до сих пор не ставились конкретно и специально в научной юридической литературе. Именно это обстоятельство является одной из причин недостаточного уровня и, просто говоря, слабого теоретического воспроизведения национально-государственной реальности.

В настоящем докладе не ставится задача сформулировать ответы на указанные вопросы. Основная наша цель заключается в том, чтобы обратить внимание исследователей истории и теории национально-государственного строительства на необходимость философского осмысления предметов и явлений изучаемой области как основное условие обеспечения истинности наших знаний, а следовательно, и научной ценности обобщений и теоретических выводов.

К структуре национально-государственного строительства

можно подходить с точки зрения содержательной функциональности (т. е. направления деятельности) и с точки зрения функциональной предметности (т. е. опредмеченных функций). В первом случае национально-государственное строительство рассматривается и изучается в плане его назначения и цели, а во втором – в плане его институтов и учреждений, реализующих функции государства. Исследование структурной организации национальной государственности должно идти по этим двум линиям, с тем чтобы, подытожив их, можно было получить целостный результат.

Отметим, что во многих наших исследованиях, посвященных национально-государственному строительству в республиках Средней Азии и Казахстане, отдельные структурные его компоненты изучаются и освещаются каждый в отдельности, без достаточной видимой связи между частями и целым, без целенаправленной попытки определения форм и видов их взаимодействия, а также без раскрытия функциональной роли каждой структурной части в системе целого. В результате такого подхода целое изучается само по себе или как суммарное выражение некоторых его частей и элементов.

Структура предмета, в данном случае национально-государственного строительства, не столько выражает число частей, сколько его строение, представленное многообразием сложно взаимодействующих частей и их единством. При всем этом, однако, структура предмета не должна заслонять целое. К тому же целое как система обладает целостными свойствами и закономерностями, которые могут и не быть, и не обнаруживаться в составляющих его компонентах.

Необходимость коллективных обсуждений теоретических вопросов

Область национально-государственного строительства относительно бедна теоретическими построениями. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что у нас не ставятся и не поднимаются спорные, дискуссионные вопросы теории, т. е. вопросы о формах и видах теоретического анализа и теоретического осмысления явлений национально-государственной деятельности. Это, однако, не говорит о том, что данная предметная область познания проста и односложна по составу и структуре и что логическое и теоретическое ее отражение всегда выступает в ясной, недвусмысленной форме, не допускающей толкования и споров. Скорее всего можно утверждать другое: национально-государственное строительство – процесс комплексный, что это – сложная конкретность, органически и сложно связанная с многими ведущими сторонами общественной жизни. Более того, оно есть целостная социально-политическая проблема, изучение и постижение которой сложны и противоречивы.

В чем тогда причина такого положения, что при наличии, можно сказать, обилия исследовательских работ по национально-государственному строительству явно недостаточны глубокие теоретические обобщения и построения. Нам представляется, что это объясняется рядом причин, среди которых немаловажное значение имеют следующие: наши исследования являются преимущественно историко-описательными; мы привыкли мыслить во многих случаях стандартно, явно недостаточно пользуясь арсеналом средств познания, разработанных материалистической диалектикой; раздробленность сил ученых не дает возможности взяться за крупные проблемы национально-государственного строительства, а на основе изучения его частных и регионально суженных вопросов трудно добраться до важных, тем более больших теорий.

Противоречие в теории возникает только тогда, когда познание явления от эмпирических методов переходит к анализу его сущности, свойств субстанции. Следовательно, противоречие в теории есть признак ее движения к установлению объективной истины. До тех пор, пока изучение национально-государствен-

ного строительства будет находиться преимущественно на стадии описательности и изложения, противоречие в теории будет обнаруживаться в самой слабой степени.

Мы порой считаем, что отсутствие разногласия в суждениях и в теоретическом осмыслении явлений национально-государственного строительства – это признак единодушия и сплоченности ученых, работающих в этой области. Разумеется, это – заблуждение. Единодушие во мнениях, в теоретическом воспроизведении надо «заработать», достичь посредством сопоставления и сравнительной оценки различных суждений и теоретических схем, отражающих отдельные моменты исследуемого объекта, путем синтеза их и отбора из них наиболее близких к истине или обладающих большей истинностью с тем, чтобы на основе этого уровня познания двигаться вперед к новым вершинам знания. Отсюда единодушие и единое мнение на всех этапах познания – есть не что иное, как слабость познания.

За последнее десятилетие, например, теория социалистического права сделала серьезный шаг вперед, хотя достижения в этой области по сравнению с некоторыми отраслями общественных наук оцениваются весьма скромно. Появилось немало исследовательских работ, осуществленных на уровне монографий, в которых авторы на основе более глубокого и конкретного изучения тех или иных правовых явлений аргументированно выдвигают интересные теоретические суждения и схемы, отражающие логику движения этих изучаемых явлений. Они часто расходятся между собою, но столкновение и сравнение их, научные дискуссии вокруг них способствуют и служат интересам истинного знания, а следовательно, и интересам самой теории, подлинной теории. Теоретические дискуссии происходят и по отдельным проблемам Советского государства. Именно этого нельзя сказать относительно проблем национально-государственного развития.

Любое явление внутренне едино и в то же время противоречиво. Научное познание, во-первых, не может не отражать эту имманентно присущую явлению противоречивость, а, во-вторых, оно каждый раз отражает не все явления во всей их внутренней сложной связи, а только его отдельные стороны и моменты движения, отсюда и закономерность существования ряда теорий по одному и тому же типу движения.

Принципиальная классово-партийная позиция и единство методологического и теоретического фундамента не нивелируют творческое мышление ученых. Наоборот, они способствуют постижению объективной истины через противоречия в суждениях и теоретических построениях.

Принцип партийности в науке предполагает постижение истинности и раскрытие объективной закономерности развития того или иного явления, а также использование познанных законов в интересах социалистического общества и народных масс. Постоянное единодушие и поддакивание друг другу по изучаемым и спорным научным проблемам и вопросам не имеют ничего общего с партийностью в научном познании. Дискуссионность в познании – естественное и необходимое явление. Догматическое мышление только вредит познанию и подлинной науке.

Национально-государственное строительство – одна из важнейших областей социально-политической жизни и отношений социалистического общества. Оно в то же время представляет одну из важнейших сторон функций Советского государства и основной компонент и органическое свойство государственного строительства в нашей стране. Следовательно, изучение явлений и аспектов национально-государственного строительства должно осуществляться в рамках строгой научности и партийно-политического принципа, т. е. их научный анализ и познание должны осуществляться конкретно и в строгом соответствии с практикой, а их выводы и обобщения должны служить задачам практики социалистического и коммунистического строительства.

Именно интересы практики требуют того, чтобы исследования в области национально-государственного строительства были глубокими и жизненными. А этого более успешно можно достичь путем координации, объединения усилий ученых и разработки более весомых и актуальных проблем, а также путем систематических коллективных обсуждений спорных теоретических вопросов.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСТУПНОЙ САМОНАДЕЯНОСТИ

Развитие науки и техники, внедрение их достижений в производство сопровождается ростом числа и мощностей источников повышенной опасности. Этот процесс включает в себе и конструктивные, и негативные стороны, что делает проблему профилактики и борьбы с проявлениями преступной самонадеянности, в том числе и мерами уголовно-правового характера, особенно актуальной.

Между тем в науке советского уголовного права до сих пор существуют различные мнения и принципиальные споры по некоторым аспектам преступной самонадеянности. Повод к дискуссиям, на наш взгляд, дает несовершенство законодательного определения понятия неосторожности: ст. 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (далее – Основы) не содержит указания на сознание или возможность сознания общественно опасного характера деяния как признака неосторожности и конструирована применительно к «материальным» составам преступлений при наличии в уголовных кодексах и «формальных» составов неосторожных преступлений (например, статьи 126, ч.2, 207, ч.1 и 3, 208, ч. 1 и 3 УК КазССР).

Представляется, что для решения всех неясных, спорных вопросов преступной самонадеянности необходимо выяснить, в каких сферах материально-предметной деятельности она проявляется и какую степень ясности и конкретности носит при этом у субъекта «предвидение возможности наступления общественно опасных последствий». Разумеется, здесь следует учитывать существенные изменения в научно-техническом, социально-экономическом, образовательно-культурном уровнях жизни, в степени распространенности информации и специализации человеческой деятельности в современную эпоху, их преломления в сознании и психике конкретных индивидов.

Установлено, что преступная самонадеянность в подавляющем большинстве случаев совершается «...с сознательным

нарушением каких-либо правил, установленных в интересах предупреждения возможности наступления вредных последствий».¹ Поэтому считаем, что данный вид преступления, как правило, связан с управлением техническими средствами и другими источниками повышенной опасности, выполнением профессиональных либо должностных (управленческих) функций.² Так, преступления, предусмотренные статьями 71, 126, 153, 206, 207, ч. 2 и 4, 208, ч. 2 и 4, 217, 218 УК КазССР, могут быть связаны с сознательными нарушениями установленных правил и при наличии расчета на предотвращение последствий признаются совершенными по самонадеянности.

Важно отметить, что в большинстве случаев опасная ситуация, чреватая вредными последствиями, не возникает сразу же за нарушением требований правил, а сами нарушения не предполагают обязательной скоротечности событий, влекущих за собой моментальное и фатальное наступление предвиденных вредных последствий. Как показывает судебная практика, между нарушением правил и возникновением опасной ситуации протекает достаточно длительное время, дающее субъекту возможность как для прекращения противоправного поведения, так и для предотвращения возможности наступления вредных последствий; при построении адекватного ситуации расчета и своевременном принятии мер возможность наступления последствий предотвращается. Например, оказываясь в сложных аварийных ситуациях от 3 до 15 раз за смену, опытные водители успешно выходят из этих ситуаций без вредных последствий.³

Содержание предвидения возможности наступления общественно опасного последствия. Хотя формулировка ст. 9 Основ не дает видимых оснований для спора, в литературе существуют различные мнения по данному вопросу. Расхождения эти сводятся к вопросу о том, предвидит ли субъект самонадеянности абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий⁴ или же он предвидит реальную возможность наступления конкретных общественно опасных последствий, яв-

---

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961, с. 370.

² См.: Дагель П.С. Неосторожность. М., 1977, с. 129-134.

³ См.: Игнатов Н.А. Человек за рулем. М., 1974, с. 4.

⁴ См.: Макашвили В.Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957, с.21; Пионтковский А.А. Учение о преступлении, с. 369 и др.

ляющихся элементом состава преступления?»¹ По этому поводу П.С. Дагель отмечает, что «закон, определяя самонадеянность... имеет в виду конкретное, а не абстрактное предвидение... Лицо потому и рассчитывает на определенные обстоятельства... что предвидит реальную возможность... наступления» конкретных последствий, являющихся «элементом данного состава преступления».²

Мы поддерживаем точку зрения П.С. Дагеля по следующим соображениям: во-первых, трактовка предвидения при самонадеянности как абстрактного стирает грань между самонадеянностью и небрежностью, ибо такое предвидение возможно и при небрежности.³ Например, когда лицо берется за деятельность, требующую специальных знаний и навыков, которые у него отсутствуют.

Во-вторых, нормативные требования должного поведения сообразуются с конкретными условиями, при которых возможно их выполнение, ибо в сферу производственной деятельности людей внедряются механизмы (процессы), соответствующие по своему параметру их психофизиологическим способностям, уровню знаний и социального опыта, а потому определением должного поведения одновременно устанавливается и возможность такового.

В-третьих, к преступной самонадеянности необходимо относиться как к сознательно совершаемому в нарушение установленных правил действию или бездействию в конкретных сферах материально-предметной деятельности, к которой лицо было допущено после прохождения специализированного обучения с направленной передачей фиксированных знаний как об основах правильной деятельности в процессе труда, так и о возможных вариантах их нарушения со всеми вытекающими отсюда материально-физическими и социальными последствиями. Это явствует из того, что только «анализ деятельности и составляет решающий пункт и главный метод научного познания психического отражения, сознания... в изучении индивидуальной психики – это анализ деятельности индивидов в данных общественных

---

¹ См.: Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974, с. 132.

² Там же.

³ «Правоведение», 1962, № 2, с. 99-103.

условиях и конкретных обстоятельствах, которые выпадают на долю каждого из них».¹ Такой принцип открывает возможность исследования общего понятия самонадеянности через многообразные единичные, дифференцированно-конкретные ее проявления, развивающиеся в различной пространственно-временной обстановке. Так, деятельность людей по управлению техническими средствами и другими источниками повышенной опасности, выполнению профессиональных либо должностных (управленческих) функций отличается своей предметностью, ибо в каждой из них установлены свои специфические правила. Профессиональные и психофизиологические требования, предъявляемые, например, летчику, строителю, энергетика или врачу, различны.

В связи с урбанизацией, ростом автоматизации и интенсификации производства, появлением новых специальностей и специализаций профессиональные требования все более детализируются, а границы применения каждой группы профессиональных нормативов сужаются. Поэтому каждый индивид в процессе своей ежедневной работы встречается с повторяющимся, определенно ограниченным кругом ситуаций. Имея соответствующие знания об отрицательных свойствах деяний, предпринимаемых с нарушением специальных требований и сознательно нарушая их, субъект предвидит возможность наступления определенно ограниченного, конкретного круга реально возможных общественно опасных последствий. Не случайно поэтому нормы УК предусматривают определенные виды общественно опасных последствий: аварию, крушение, взрыв, пожар, обвал и т. д. с причинением материально-физического вреда.

Повторяемость нарушений правил в конкретных сферах предметной деятельности и закономерность наступления присущих им вредных последствий подтверждается судебной практикой. Например, из всех имевших место в республике в 1974 году автотранспортных преступлений 36,8% составили столкновения, 32,8 – наезды, 24,4% – опрокидывание автотранспорта с наступлением вредных последствий, указанных в статьях 217 и 218 УК Казахской ССР. В 40 случаях из 240 изученных уголовных дел должностные лица заведомо допустили к управлению автотранспортом лиц, находившихся в нетрезвом состоя-

---

¹ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977, с. 23.

нии, не имеющих прав на его управление либо лишенных прав в административном и судебном порядке. Примерно такое же положение наблюдается и по делам, предусмотренным статьями 126, 206, 207 и 208 УК Казахской ССР.

Содержание сознания общественно опасного характера деяния. Самые острые споры ведутся по вопросу о том, следует ли считать признаком самонадеянности сознание общественно опасного характера деяния. Так, П.С. Дагель, правильно признавая за субъектом самонадеянности предвидение реальной возможности наступления конкретного вредного последствия, являющегося элементом состава преступления, в то же время, к сожалению, отрицает сознание им общественно опасного характера своего деяния. Аргументирует он это тем, что за счет построения легкомысленного расчета у субъекта самонадеянности предвидение возможности наступления последствия «сопровождается и нейтрализуется¹ предвидением его предотвращения».

Субъект самонадеянности не сознает, а имеет лишь обязанность и возможность к сознанию общественно опасного характера своего деяния. В связи с этим он предлагает дополнить ст. 9 Основ (после слов «его совершившее») словами «имело возможность и было обязано сознавать общественно опасный характер своего действия или бездействия»² как общего признака неосторожности. С этим мнением мы не можем согласиться по следующим основаниям.

1. Точка зрения П.С. Дагеля допускает мысль, что предвидение вредных последствий и сознание общественной значимости

---

¹ По мнению М.Г. Угрехелидзе, в подобных случаях «представление об опасности сохраняется в психике лишь в снятом виде и утрачивает всякую актуальность» (См.: Угрехелидзе М.Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1977, с. 115). Эта аргументация, на наш взгляд, неточна: сохранение явления «в снятом виде» означает интегрированность, поглощенность его иным явлением, но никак не утрату «всякой актуальности»; если предвидение утрачивает свою актуальность в поведении субъекта, то самонадеянность как вид вины не имеет основания для существования; такая трактовка противоречит ясному определению ст. 9 Основ о предвидении как признаке преступной самонадеянности.

² Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч., с. 123-135; Дагель П.С. Указ. соч., с. 123. Этой же точки зрения придерживаются К.Ф. Тихонов («Правоведение», 1963, № 3, с. 87), И. Портнов («Социалистическая законность», 1977, № 9, с. 45).

деяния являются последовательными, во времени разграниченными актами психики, происходящими один за другим, а расчет строится субъектом после предвидения возможности наступления последствий, но до момента возникновения сознания общественно опасного характера деяния, тогда как у человека эти психологические процессы осуществляются одновременно.

2. Усматриваются существенные расхождения между высказываниями П.С. Дагеля. С одной стороны, при самонадеянности «лицо предвидит как фактические признаки возможных последствий своих действий, так и их общественно опасный характер», а «расчет на предотвращение последствий не изменяет характера предвидения» (Дагель П.С. Указ. соч., с. 130, 132) и с другой – «предвидение возможности наступления последствия (за счет расчета. – К.З.) сопровождается и нейтрализуется предвидением его предотвращения» (Дагель П.С., Котов Д.П., Указ. соч., с. 133).

Тем самым допускается, что один и тот же субъект в одно и то же время и предвидит, и не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий. В действительности же следует признать, что субъект самонадеянности либо предвидит реальную возможность наступления конкретных последствий, являющихся элементом инкриминируемого состава преступления, либо не предвидит, – третьего не дано.

Далее, сознание общественно опасного характера деяния П.С. Дагель выводит из предвидения возможности наступления общественно опасного последствия¹ и сам же отрицает наличие такого сознания даже при предвидении реальной возможности наступления конкретного последствия, являющегося элементом данного состава преступления.² Такая трактовка сознания субъекта самонадеянности, на наш взгляд, делает его пустым понятием, не имеющим своего содержания и четкой определенности, тогда как она обуславливается сознанием противоправности своего деяния и предвидением возможности наступления общественно опасных последствий, т. е. является содержательным понятием.

3. Обязанность и возможность сознания социального смысла совершаемого деяния относится к признакам преступной

¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Указ. соч., с. 156.

² Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления..., с. 123, 129-130, 132.

небрежности, так как «возможность сознания общественной опасности является тем минимальным требованием, без которого не могут быть вменены лицу в вину»¹ вредные последствия при непредвидении возможности их наступления, а такое психическое состояние, согласно ст. 9 Основ, происходит именно при небрежности.

4. Предложение П.С. Дагеля о дополнении ст. 9 Основ приведенными выше словами по логике вещей нивелирует существенные различия не только между предвидением возможности наступления вредных последствий при самонадеянности и непредвидением их при небрежности, но и их влияние на выбор варианта поведения.

5. При соблюдении логической последовательности в аргументации о «нейтрализации» предвидения в сознании субъекта следует отрицать в качестве признака самонадеянности и «предвидение возможности наступления общественно опасных последствий», закрепленное в ст. 9 Основ, ибо нейтрализованное предвидение не может кого-либо обязать к предотвращению возможности наступления вредных последствий.

По нашему мнению, предвидение возможности наступления общественно опасных последствий, возникнув однажды в интеллекте субъекта самонадеянности, не может нейтрализоваться до тех пор, пока не будет прекращено само противоправное деяние, ибо «...предметность деятельности порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств».² Поэтому для обозначения психического состояния субъекта, сознательно совершающего противоправное деяние с предвидением возможности наступления общественно опасных последствий, более всего подходит понятие временно-го притупления³ как предвидения последствий, так и сознания общественно опасного характера деяния, происходящего за счет построения легкомысленного расчета на предотвращение наступления последствий. Такой подход дает нам возможность глубже понять и верно объяснить психологию субъекта самонадеянности: благодаря сохранению в его психике и сознании, хотя бы в «притупленном» виде, предвидения последствий и

¹ «Вестник отделения...», 1960, № 1, с. 131.

² Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность..., с. 89.

³ Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976, с. 212-213.

Поэтому вина субъекта самонадеянности заключается в том, что при сознании противоправного, общественно опасного характера своего деяния и предвидении возможности наступления общественно опасных последствий из-за легкомыслия он не реализует имеющиеся у него возможности как для прекращения своего противоправного деяния, так и для построения адекватной ситуации расчета, в результате чего наступают общественно опасные последствия. Резюмируя сказанное, мы предлагаем изменить ст. 9 Основ и изложить ее в следующей редакции: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело возможность наступления его общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение, либо не сознавало общественно опасного характера своего действия или бездействия, не предвидело возможность наступления его общественно опасных последствий, хотя должно было и могло их сознавать и предвидеть». Представляется, что в предложенной редакции ст. 9 Основ дается более содержательная характеристика неосторожности как формы вины, адекватно описывающая все виды неосторожных преступных деяний, обозначенных в Особенной части уголовных кодексов; четко дифференцируется объективная и субъективная стороны обоих видов неосторожности; устанавливается критерий для разграничения преступной самонадеянности от косвенного умысла, преступной небрежности, правомерного риска и «случая» по интеллектуальным и волевым признакам; обосновывается конструирование «формальных» составов неосторожных преступлений как совершаемых только по преступной небрежности и фактически имеющих в действующих УК союзных республик; решается проблема «сложной», «двойной» формы вины как результат различного психического отношения к различным последствиям совершаемого деяния.

О ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

С вступлением социалистического общества в качественно новый, более высокий этап своего развития – этап зрелого социализма – существенные изменения претерпевает и социалистическое право. Оно охватывает содержание и структуру права, условия его формирования и функционирования, внутренние ресурсы и назначение. Насыщение социалистического права новым содержанием соответственно обуславливает обогащение и развитие понятия права. Сегодняшний и завтрашний день социалистического права, или, говоря иначе, современные и перспективные условия, в которых действует и будет действовать социалистическое право, во многих отношениях масштабнее и сложнее, чем в предшествующие периоды, соответственно растут требования, предъявляемые обществом и государством к правовой системе. В связи с этим правовая мысль должна не только привести понятие права в соответствие с существующей реальностью. Не менее важно теоретически сориентировать развитие права на успешное выполнение современных и перспективных задач коммунистического строительства. В этом плане осмысление права под углом зрения сегодняшнего его состояния и его перспектив – неотложная задача, выдвигаемая практикой.

Современный стиль научного мышления, характеризующийся более высоким уровнем оснащенности общими логико-методологическими и специальными теоретико-методологическими методами, дает возможность глубже и шире охватить правовую действительность и явления, порожденные, связанные с нею, и на этой основе развивать представления о праве.

Как следовало ожидать, значительное место в докладе С.С. Алексеева было отведено вопросам содержания, определения и системы права общества развитого социализма. Вместе с тем нельзя согласиться с отдельными положениями доклада.

К числу существенных регулятивных качеств права, по мнению С.С. Алексеева, относятся его всеобщность и глобальность, которые в полной мере раскрываются в зрелом социалистическом обществе. Как утверждает С.С. Алексеев, это вытекает из того, что «являясь классовой силой, право в то же время имеет значение общесоциального регулятора – основного регулятивного инструмента, призванного обеспечить функционирование классового общества как единого социального организма».

В этом определении допущено произвольное и неправильное употребление понятий «всеобщность» и «глобальность» по отношению к праву. Право не может претендовать на «всеобщность», «глобальность» и не является таковым по своим регулятивным свойствам. Право как выражение социального верховенства (классового господства) и как выражение определенных социальных потребностей и интересов не охватывает ни моментов всеобщности, ни глобальности. Наделение права всеобщими и глобальными регулятивными свойствами искажает саму его природу и социальное назначение.

С указанным положением связано и другое ошибочное представление, в соответствии с которым право в условиях зрелого социализма якобы выступает в качестве «основы государственной и общественной жизни» или, как сказано в другом месте в тезисах доклада, приобретает «значение основы государственной и общественной жизни».¹ В докладе была предпринята попытка обосновать эту идею ссылкой на положения новой Конституции СССР, в частности на указание о том, что на новом этапе «социализм развивается на своей собственной основе», и на ст. 9, где говорится об укреплении правовой основы государственной и общественной жизни. При этом суждение автора примерно выглядело так: поскольку современная государственная и общественная жизнь страны в совокупности содержит основные характеристики зрелого социализма и они по содержанию в этом смысле совпадают, постольку и правовые основы включают важнейшие аспекты общих основ социализма. Отсюда, заключал докладчик, право составляет основу государственной и общественной жизни зрелого социализма. Нетрудно увидеть

---

¹ Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик». М., 1978, с. 8, 10.

всю несостоятельность такого вывода, полученного к тому же с нарушением правил как формальной, так и содержательной логики. Право, каким бы весом и значением оно ни обладало в условиях развитого социализма, не может превратиться из инструмента регулирования государственной и общественной жизни в ее основу.

Понятие «правовые основы государственной и общественной жизни» не может быть отождествлено с понятием основ этой жизни, тем более они не могут быть сведены друг к другу. В первом случае имеются в виду нормативные основы жизни общества, а во втором – материальные условия его существования и функционирования.

Надо полагать, что данное суждение – прямой результат начальной ошибки, заключавшейся в наделении права всеобщими и глобальными регулятивными свойствами. Если допустить, что право является социальным феноменом именно с указанными свойствами, то можно предположить, что оно составляет основу государственной и общественной жизни.

В своем желании глубже раскрыть социальное содержание и назначение права мы порой переходим рамки строгой научности и наделяем право надуманными содержательными качествами, которыми оно на деле не обладает. Но это еще полбеды. Главное заключается в том, что такое насыщение права «не замеченными» ранее качествами должно служить, по идее, доказательством богатства его социального содержания, «собственной социальной ценности», что само по себе делает излишней постановку вопроса о необходимости при изучении социального действия и эффективности права «выходить» на сферу социальной жизни.

Так, в докладе и в тезисах доклада С.С. Алексеева социалистическое право характеризуется как «особая самостоятельная Ценность», как само по себе «социальное благо», «социальный капитал», указывается, что оно содержит «эффект гарантированного результата», олицетворяет «социальную свободу и социальную активность». Словом, право включает все социально ценное. При таком взгляде эффективность права, его регулирующее и преобразующее воздействие на сферы общественной жизни, его социальное значение выступают как самораскрытие и саморазвертывание права. Но в таком случае познание и постижение права происходят и возможны в рамках самого права, поскольку

оно содержит собственные социально-всеобщие моменты и ценности. Но с этим вряд ли можно согласиться.

С.С. Алексеев полагает, что на уровне сущности внутреннее противоречие права складывается из двух противоположных свойств: классовой силы и общесоциального регулятивного назначения. Причем в правовой системе антагонистического классового общества доминантой выступает первая сторона противоречия, а в социалистическом обществе, наоборот, преобладает вторая.

Слабость такой конструкции состоит в том, что, во-первых, классовый характер права и его регулятивное свойство рассматриваются как два отдельных свойства права, противостоящих друг другу. Это не согласуется с общим представлением о природе права, в соответствии с которым классовость составляет основу регулятивного свойства права, не отделена от него и определяет его содержание. Во-вторых, положение о том, что в социалистическом праве доминируют его общесоциальные регулятивные черты, ведет к признанию правовой системы зрелого социализма как внеклассовой.

В последние годы, при рассмотрении системы социалистического права в его структуре наряду с основными и неосновными выделяют фундаментальные отрасли, которые составляют ядро этой системы. В докладе С.С. Алексеева указывалось на пять таких отраслей (конституционное, административное, гражданское, уголовное и процессуальное право). Не вдаваясь в разбор вопроса в целом, хочется заметить следующее. Любая наука как система представляет целостность, в которой структурные компоненты выступают в единстве сложной связи и имеют единое начало, единый фундамент, единое основание. Наличие в системе социалистического права пяти отраслей, каждая из которых является фундаментальной, а следовательно, ведущей и определяющей в системе, вопреки нашему желанию, ведет к разрушению этой системы, ибо в ней много оснований, много начал. Задача науки состоит в том, чтобы свести это множество «фундаментальных» отраслей к единой главной, наиболее фундаментальной.

Из нашего знания о праве вообще, о социалистическом праве в особенности, вытекает определение права, в котором выражаются его главные стороны, некоторые наиболее существенные характерно-качественные свойства, черты и особенности.

С.С. Алексеев предложил следующее общее определение права: «право – это социально-классовый нормативный регулятор, который выражает и призван обеспечить возведенную в закон государственную волю экономически господствующего класса (трудящихся во главе с рабочим классом в социалистическом обществе) и который воплощен в системе общеобязательных, формально определенных норм; действующий через субъективные права и обязанности и поддерживаемый государственно-принудительными мерами». Мы должны обсудить и высказаться по поводу этого определения и тем самым приблизиться к выработке общенаучной современной концепции права.

Одно из важных требований, предъявляемых ко всякому научному определению, – то, что оно не должно подменять понятие, из которого исходит и на раскрытие которого направлено. Предложенное определение внешне растянуто, представляется общим изложением самого понятия права без выделения главного. Для научного определения предмета важна не его полнота в смысле охвата важных аспектов и сторон этого предмета. Определение должно включать только моменты устойчивой сущности, свойственной только этой группе предмета, из которой возможно развертывание понятия. Изложение, в котором дано движение мысли от главного, субстанционального в предмете до явления, т. е. описывается динамика развития понятия, не может служить определением. Именно такой недостаток присущ указанному общему определению права.

Обсуждаемое определение имеет и определенный недостаток. В нем нечетко проводится различие между правом как нормативным регулятором и возведенной в закон государственной волей экономически господствующего класса. Право, как указывает автор, «призвано обеспечить возведенную в закон государственную волю».¹ Право, выходит, нечто другое, чем закон, выражающий государственную волю, ибо оно имеет назначение обеспечить осуществление этого «закона».

Наше критическое отношение к некоторым положениям доклада С.С. Алексеева продиктовано исключительно целью совместного поиска более адекватных форм теоретического

---

¹ Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР и конституций союзных и автономных республик», с. 9.

осмысления правовой реальности, права Советского общенародного государства. Плодотворная работа в этом направлении предполагает, что на каждом этапе мыслительной деятельности должны раскрываться достоинства и пробелы, умножаться первые и устраняться вторые.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Образование общенародного социалистического государства – явление новое и уникальное в мировой истории. Оно осуществлено в нашей стране как неизбежный результат закономерного развития социалистического общества, начало которому положила Великая Октябрьская революция.

Концепция общенародного государства разработана коллективными усилиями Коммунистической партии Советского Союза на основе глубокого и комплексного анализа всего процесса развития советского общества и всесторонней оценки происшедших изменений в областях социально-экономической и политической жизни страны. На XXII съезде партии был сделан вывод фундаментального значения о том, что государство диктатуры пролетариата, обеспечив полную и окончательную победу социализма в нашей стране, выполнило свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестало быть необходимым в СССР. Социалистическое государство вступило в новый этап своего развития, став органом выражения воли и интересов всех классов и социальных слоев общества, государством всего народа, общенародным государством. Этот новый вывод, творчески развивающий марксистско-ленинское учение о социалистическом государстве, получил теперь законодательное закрепление в новой Конституции СССР. «Союз Советских Социалистических Республик, – сказано в ней, – есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны».¹

Новая Конституция СССР, если говорить в интересующем нас плане, представляет концентрированное и итоговое выражение

---

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, ст. 1.

теоретической мысли о социалистическом государстве. Вместе с тем теория о государстве получила в Основном Законе новое, дальнейшее развитие: в нем определены основные направления деятельности государства, его место в политической организации общества и возрастающая роль в коммунистическом строительстве. В Конституции содержатся основные посылки теории социалистического государства вообще, государства развитого социализма в особенности. Научная разработка аспектов и вопросов общенародного государства должна опираться на принципиальные положения нового Основного Закона и исходить из них.

В данном докладе затрагиваются лишь некоторые вопросы общенародного государства, связанные с теоретическим осмыслением процесса его возникновения и содержания.

1. Раскрытие того, как протекал процесс сложения общенародного государства, сколь продуктивно «поработало» государство диктатуры пролетариата, чтобы подготовить условия формирования своего детища – общенародного государства, – представляет значительный научный интерес.

В самом начале следует сказать, что бытующее в отдельных работах мнение об общенародном государстве, элементы которого начали формироваться только с победой социализма в середине 30-х годов, не может считаться правильным. Так, в одном из серьезных монографических исследований сказано, что «становление общенародного государства нужно рассматривать как процесс, начало которому положила победа социализма и принятие Конституции 1936 года».¹ Было бы точнее и правильнее сказать, что с победой социализма намного ускорилось и развитие элементов общенародного государства и сам процесс его сложения.

Общенародное социалистическое государство подготавливалось и вызревало в течение десятилетий в рамках государства диктатуры пролетариата. Государство диктатуры пролетариата не только было носителем будущего общенародного государства. Оно всей своей деятельностью целеустремленно накапливало в себе и умножало элементы и основные компоненты общенародного государства, направляло формирование последнего

---

¹ Косицын А.П. Социалистическое государство. Закономерности возникновения и развития. М., 1970, с. 272.

в целостную политическую систему, в систему более высокого совершенства, чем оно само. Общепародное государство было детищем, естественным приемником государства диктатуры пролетариата, продолжателем дела последнего. Можно сказать, что государство диктатуры пролетариата вынашивало и породило свое собственное отрицание как продолжение «собственного» дела в его же интересах.

В этом заключались и переходный характер, и глубокий гуманизм государства диктатуры пролетариата, и его коренное отличие от других типов государств.

Однако формирование общепародного государства нельзя односторонне сводить только к собственным внутренним качествам государства диктатуры пролетариата, тем более нельзя выводить и объяснять его всецело из последних. Главным побудительным и формирующим мотивом в этом процессе были социально-экономические и идейно-политические факторы, изменения в обществе, которые отражались и аккумулировались в системе государства диктатуры пролетариата и тем самым изменяли и обогащали внутреннюю его структуру и содержание, предопределяли уровень и темпы формирования основных элементов общепародного государства. И когда эти воздействующие «внешние» силы достигают высокой степени развития, нового качественного уровня, только тогда соответствующие им политические формы и учреждения становятся более совершенными и зрелыми. «С построением зрелого социализма, – указывает Л.И. Брежнев, – с переходом на идейно-политические позиции рабочего класса всех слоев населения и государство наше, возникшее как диктатура пролетариата, переросло в общепародное государство».¹

Формирование и становление элементов общепародного государства происходило одновременно с победой Октябрьской революции, одновременно со становлением и утверждением социалистического государства.

2. В литературе нередко отождествляются понятия этапы и «периоды» развития социалистического государства. Порою период делится на этапы и наоборот.

В партийных документах, руководящих материалах и в новой Конституции СССР общепародное государство характеризуется как новый этап в развитии социалистического государства.

¹ «Коммунист», 1977, № 8, с. 35.

Правомерно ли будет, исходя из некоторых прежних наших представлений, употреблять применительно к общенародному государству понятие «периода» в качестве синонима «этапа»? Нам кажется, что это было бы неправильно.

Под этапом развития социалистического государства следует понимать цельную полосу восходящего его движения, целостную протяженность процесса развития государственности, качественно-временной ее критерий. Важнейшим этапом развития социалистического государства было государство диктатуры пролетариата.

Общенародное государство является последующим важнейшим этапом развития социалистического государства. Содержательно-терминологическое значение понятия «период» менее объемно, чем «этап».

3. Следует также уточнить определение общенародного государства с точки зрения сущностной характеристики социалистического государства.

Социализм есть сущностное определение как общества, так и государства. Сущностью Советского государства является его социалистическое содержание. Когда мы говорим «Социалистическое государство», тем самым указываем на его сущностную характеристику, на его качественное определение. В нашей литературе было принято считать, что диктатура пролетариата составляет сущность социалистического государства. Общенародное государство пришло на смену государству диктатуры пролетариата. Можно ли теперь считать общенародное государство сущностью социалистического государства? Чтобы ответить на этот вопрос, следует разобраться в смысловой определенности первого утверждения.

По своей сущности как государство диктатуры пролетариата, так и общенародное государство являются социалистическими. Они существуют и функционируют в рамках и внутри социалистического государства, но только не одновременно, не параллельно, а последовательно сменяя друг друга. Говоря точнее, государство диктатуры пролетариата и общенародное государство представляют собой важнейшие моменты движения социалистического государства, его саморазвития. Социалистическое государство выступает то в одной, то в другой сущностной форме при сохранении во всех этих случаях основной

своей сущности субстанционального ряда, то есть более глубокой сущности, определяющей социалистическое государство как таковое при всех его конкретно-исторических проявлениях. Поскольку государство диктатуры пролетариата и общенародное государство суть сущностные проявления и качественные выражения социалистического государства, вполне логично отнести их к категории сущности социалистического государства.

Такой подход нам кажется плодотворным в том плане, что он вносит определенную ясность в вопросы о системной роли и характере общенародного государства. С этой позиции нетрудно усмотреть ошибочность утверждения о том, что «изменилась сущность социалистического государства с переходом к общенародному государству». Оговорка, что это изменение происходит в рамках государства социалистического типа, не устраняет дефекта указанной формулировки.

В унисон нашей логике профессор Д. Чесноков отмечает, что «социалистическая сущность диктатуры пролетариата полностью сохранилась в общенародном государстве».¹

Продолжая эту мысль, можно сказать, что по сущностной характеристике общенародное государство не отличается от государства диктатуры пролетариата, они оба государства социалистические. Однако означает ли это, что они как реальные конкретности тождественны между собою и совпадают во всех своих жизненных формах? На это следует ответить, безусловно, отрицательно.

Дело в том, что социалистическая сущность в общенародном государстве «обрастает» иначе, чем в государстве диктатуры пролетариата, жизненными дополнениями, объем и содержание которых непосредственно зависят от конкретно-исторических условий и определяются целями и задачами социалистического государства в этих условиях. Потому они и не могут быть одними и теми же, не могут быть тождественными, хотя имеют общую социалистическую сущность.

4. Понятийные термины «тип», «вид», «разновидности» в применении к государственности несут сугубо качественно-содержательную смысловую нагрузку, характеризуют уровни

---

¹ Чесноков Д. Развитие социалистической государственности. «Коммунист», 1965, № 17, с. 14.

развития, то есть не являются качественно-временными или пространственно-смысловыми понятиями, каковыми, например, являются «этап», «период», «рубеж» и другие выражения. Мы вправе ставить вопрос о том, к какой качественной, содержательной определенности относится общенародное государство: является ли оно типом, видом или разновидностью социалистической государственности?

В одном из новейших изданий высказывается мысль о том, что общенародное государство «не новый тип или вид государства, а новый этап в развитии социалистического государства в период зрелого социализма и строительства коммунизма».¹

Здесь допущена, во-первых, логическая погрешность: тип и вид государства неосмотрительно соотносятся, сопоставляются с «этапом» развития государства, тогда как они – понятия, лежащие на различных плоскостях отношений и потому несравнимы, несопоставимы. Во-вторых, тот факт, что общенародное государство является новым этапом в развитии социалистической государственности, вовсе не покрывает и не делает излишней постановку вопроса о том, к какому уровню качественной определенности относится общенародное государство. Нам представляется, что общенародное государство являет собой новый вид социалистического государства.

Зрелый социализм решает сложные, многоструктурные и многоплановые задачи строительства коммунистического общества. В этих условиях всемерно возрастает роль общенародного социалистического государства как главного орудия обеспечения общественного развития. Теоретическая мысль должна способствовать раскрытию новых возможностей его эффективного функционирования и решать проблемы, выдвигаемые ходом укрепления и развития социалистической государственности.

---

¹ Демократия развитого социалистического общества. М., 1975, с. 6-160.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

1. Новая Конституция СССР обобщенно выражает ведущее и главное в итогах развития советского общества за всю его историю. «Новая Конституция, – это, можно сказать, концентрированный итог всего шестидесятилетнего развития Советского государства», – указывает Л.И. Брежнев.¹ В этом заключена ее преемственная и органическая связь с предыдущими советскими конституциями – 1918, 1924 и 1936 годов, каждая из которых отражала содержание определенных периодов и этапов развития советского общества. В то же время Конституция СССР 1977 г., исходя из провозглашенных идей Октября и заветов В.И. Ленина, с наибольшей собранностью, концентрированно отразила коренные изменения в социально-экономической и политической областях, происшедшие в нашей стране за годы после принятия Конституции СССР 1936 г.

Иными словами, в новом Основном Законе был подвергнут наиболее глубокому анализу и осмыслению более чем сорокалетний – с 1936 г. до наших дней – период истории Советского государства.

В свое время В.И. Ленин о первой Советской Конституции 1918 г. говорил, что она выработана «на основе долгого опыта борьбы всех трудящихся и угнетенных»² и что в ней «записан опыт борьбы» революционных масс «и внутри страны, и во всем мире».³ Новая Конституция СССР обобщила на концептуальном уровне не только то, что было характерно для социализма в нашей стране. Вместе с тем она подвела итоги развития мировой социалистической системы и всего революционного процесса в

---

¹ «Правда», 1977, 5 октября.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 138.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 147.

мире. Ленинскую оценку, данную первой Советской Конституции, его мысль о том, что она «отражает идеалы пролетариата всего мира»,¹ с неменьшим основанием можно отнести и к новой Конституции СССР. Она отражает современные идеалы всего революционного и прогрессивного человечества.

Конституция СССР, будучи построена на прочном фундаменте исторической действительности и на ее закономерностях, сориентирована на настоящее и будущее развитие советского общества, содержит и закрепляет испытанный историей статус социалистического общества, усовершенствованный и развитый в соответствии с глобальными задачами, решаемыми нашим государством сегодня и в будущем как внутри страны, так и в международном плане, ибо, как указывал В.И. Ленин, Конституция «является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма».² Применительно к современному периоду это означает, что Конституция СССР есть могучее орудие закрепления, усовершенствования и дальнейшего развития зрелого социализма и его социально-экономических и политических компонентов по пути к строительству коммунистического общества.

2. Новую Конституцию СССР обоснованно называют манифестом общества развитого социализма, хартией прав и свобод граждан общенародного государства.

Новая Конституция есть конституция зрелого социализма, которому в политической сфере соответствует общенародное государство. Перерастание государства диктатуры пролетариата в общенародное государство явилось важнейшим событием нашего времени в политической области.

Оно отразило коренные изменения, происшедшие в областях экономики, социальной, политической и идеологической жизни общества. Конституция СССР, как об этом в ней сказано, закрепляет наряду с другими также «принципы организации и цели социалистического общенародного государства».³ В качестве его главных задач она определила «создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунисти-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 534.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 535.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, с. 5.

ческие, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества».¹

Роли и месту общенародного государства в политической системе социалистического общества, принципам его организации посвящены пятнадцать глав из двадцати одной новой Конституции СССР. В них дан весь комплекс основных вопросов, определяющих системный, структурный и функциональный статус общенародного государства, начиная от его низового механизма до высших органов.

3. В определении содержания и связанных с ним форм всякого государства главным остается вопрос о власти. Это вопрос о том, кому реально власть принадлежит, а следовательно, чьи интересы она утверждает и защищает, вопрос, содержание которого и составляет сущностную характеристику государства. В первых двух статьях Конституции сказано, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны», «Вся власть в СССР принадлежит народу». При этом понятием «народ» охватываются все без исключения слои и группы населения, слившиеся в единую социальную общность — «советский народ». Особенностью этой общности является то, что она состоит из классов, единых по идеологическим позициям и различных по месту и роли в сфере производства и обмена.

Социалистическое общенародное государство существует в условиях классового общества, следовательно, является классовой организацией. В то же время оно основано на единой воле всего народа, воле, обусловленной тем обстоятельством, что все классы и социальные группы советского общества стоят на идейно-политической позиции рабочего класса, слившись с ним в сфере идеологии.

Используя оригинальный термин Ф. Энгельса, В.И. Ленин называл Советское государство «полугосударством» в том смысле, что оно в отличие от известных истории предыдущих государств

---

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978. с. 4-5.

выражает волю и интересы всех трудящихся масс. Социалистическое общенародное государство есть продукт развития этого «полугосударства», его качественно новый момент, соответствующий условиям зрелого социализма.

В.И. Ленин, подготавливая материалы по пересмотру партийной программы в канун Октябрьской революции, в условиях, когда революционная ситуация развивалась изо дня в день, начертал главные пункты Конституции будущей «демократической пролетарско-крестьянской» республики. На первое место при этом В.И. Ленин поставил «самодержавие народа», при котором «вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа...».¹ Уже в первые месяцы после Октябрьской революции, когда только началась подготовка первой Советской Конституции, В.И. Ленин в своих тезисах об укреплении и развитии Советской власти указал, что «в области политической» необходимо «распространение советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплуататоров, на все население».² При этом слово «все» было выделено: В.И. Ленин желал придать именно ему особое значение.

4. Теоретическая мысль о социалистическом общенародном государстве развивалась как познание, осмысление реального свершения вместе с практическим опытом его формирования. Подлинно творческий подход и всеобъемлющую теоретическую и политическую работу осуществила Коммунистическая партия. Совместно с братскими партиями стран социализма она разработала концепцию развитого социализма, которая стала крупным творческим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. На этой основе партия выдвинула положение о новой ступени к коммунистическому обществу в политической сфере – об общенародном государстве. Это было новым словом в учении марксизма о государстве. Оно было зафиксировано в важнейшем политическом документе – в Программе партии, принятой XXII съездом КПСС в 1961 г.

5. В течение более чем пятнадцати лет, в период, предшествовавший принятию новой Конституции СССР, теоретическая мысль о социалистическом государстве поработала с достаточной нагрузкой: были опубликованы десятки монографических

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 153.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

исследований, много статей, проведен ряд дискуссий об общенародном государстве. В них наряду с вопросами об истории и процессе формирования общенародного государства, о его преемственной связи с государством диктатуры пролетариата ставились и вопросы о функциях, системе, структуре и перспективе развития общенародного государства, о его новых возможностях и роли в политической системе общества, основывались варианты и модели структурных и функциональных звеньев, подсистем общенародного государства, внедрялись и испытывались на практике некоторые построения и схемы, по идее призванные раскрывать созидательные силы государственности. На этом пути было немало эффективного и неудач, обоснованных посылок и серьезных недоработок. Однако вся эта теоретическая и практическая работа в конечном счете служила целям успешного поиска ряда оптимальных определенностей в развитии социалистической государственности периода зрелого социализма.

6. Социалистическое общество – общество динамичное, устремленное в будущее. В условиях зрелого социализма это свойство проявляется еще полнее, содержательнее и стремительнее. Это относится и к его политической сфере, в первую очередь к общенародному государству.

Социалистическое общенародное государство – государство реальное, действующее, мощное влияние и воздействие которого ощущается в повседневной поступи общества во всех его сферах. Оно, сталкиваясь с новыми и все более сложными задачами социалистического строительства и решая их, само должно постоянно совершенствоваться и развиваться с развитием общества в целом. Это, в свою очередь, выдвигает и ставит перед наукой новые проблемы, своевременное осмысление и разработка которых составляют первостепенную задачу ученых, работающих в области марксистской теории социалистического государства.

Не следует упускать из виду то положение, что выработанное партией и коллективным умом советских ученых учение о социалистическом общенародном государстве является теоретической базой конкретных политических решений, служит идейной посылкой руководства и управления отраслями народного хозяйства и культурой. Чем полнее и глубже эта теоретическая разработка, раскрывающая внутренние возможности

социалистического общенародного государства, тем успешнее и эффективнее будет его созидательная деятельность.

7. Новая Конституция СССР на более высоком уровне, в ряде случаев по-новому ставит ряд вопросов, связанных с развитием социалистической государственности. Возведение в конституционный принцип того положения, что в советском обществе «ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза»,¹ имеет принципиально важное значение. Это свидетельствует о возрастании руководящей и направляющей роли партии в развитом социалистическом обществе, о всеобщем доверии, оказываемом всеми слоями населения, всем народом партии как авангарду всего народа. Конституция СССР 1977 г. ввела понятие «политическая система», уточнила и конкретизировала его содержание и структуру, определила основные направления развития политической системы советского общества в целом, осуществляемые как дальнейшее развертывание социалистической демократии. Новым является также конституционное положение, по которому СССР – единое союзное многонациональное государство, которое, в свою очередь, характеризуется как социалистическое общенародное государство.

8. Общенародное государство – явление новое, не имеющее прецедента в мировой истории. Оно родилось как мощная политическая организация на пути к коммунистическому обществу. С существенными переменами и сдвигами в социально-экономической и политической жизни общества, которые произойдут в будущем, произойдут изменения и в задачах, функциях, структуре и содержании общенародного государства. Они произойдут не стихийно, не автоматически, а на основе политики и теоретических разработок.

Главный итог принятия новой Конституции СССР вызывает в памяти слова В.И. Ленина, который, оценивая первую Советскую Конституцию в плане провозглашения в ней полной и подлинной власти трудящихся, говорил: «То, что дает советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать».²

---

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1978, ст. 6.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 309.

С.З. Зиманов, С.О. Даулетова, М.Ш. Исмагулов

КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Это первое исследование, посвященное Казахскому революционному комитету, его характеристике как краевого политическому учреждению на первом этапе осуществления ленинского учения о праве наций на самоопределение в условиях Казахстана и его правовому статусу в особенности.

Казахский ревком, в организации которого принимал личное участие В.И. Ленин и деятельность которого проходила под постоянным контролем ЦК РКП (б) и СНК РСФСР, в 1919–1920 гг. представлял чрезвычайную революционную государственную власть в крае, подготовившую условия для провозглашения Казахской Советской автономии.

В книге раскрывается многосторонняя политическая, организационно-практическая деятельность ревкома в сложных условиях первых лет послеоктябрьского периода в Казахском крае по распространению и утверждению в сознании местного населения великих идей Октября.

ВВЕДЕНИЕ

Революционное учение В.И. Ленина о праве наций на самоопределение, являющееся ядром национальной политики Октябрьской социалистической революции, претворялось в жизнь даже на самых тяжелых этапах борьбы с иностранной военной интервенцией и внутренней контрреволюцией. Конкретные исторические условия, в которых находилась Советская Россия в целом, и самоопределяющаяся национальность в частности, диктовали и обуславливали методы, способы и формы проведения этого учения.

Казахский революционный комитет был создан в самое трудное и сложное время гражданской войны в Казахстане – в июле 1919 г. и просуществовал до октября 1920 г., т. е. до провозглашения Казахской Советской автономной республики. Он был создан в первую очередь как орган, подготавливающий советскую государственность казахского народа и наилучшим образом приспособленный для выполнения этой задачи в условиях жестокого вооруженного противоборства сил революции и контрреволюции.

Подготовить и подвести Казахский край к провозглашению советской национальной государственности означало достичь решающего успеха в разгроме контрреволюционных сил и в очищении от них территории края, в вовлечении большинства трудового населения в русло новой жизни и революционного обновления, в укреплении органов Советов как подлинных органов революционной организации и народовластия.

Вся система разносторонней деятельности партии большевиков и Советского правительства в Казахстане в области военной, политической, социально-экономической была направлена на осуществление этих задач. Казахский революционный комитет явился одним из важных органов, внесших свой существенный вклад в это общее дело.

Решение о создании Казахского революционного комитета было подготовлено и принято Центральным Комитетом РКП(б) и Совнаркомом РСФСР при личном участии В.И. Ленина. Вопросы, связанные с учреждением и функционированием Казахского революционного комитета, в течение зимы и весны 1919 – 1920 гг. несколько раз обсуждались на заседании Политбюро и

Оргбюро ЦК РКП(б), ВЦИК и Совнаркома РСФСР, Народного Комиссариата по делам национальностей и межведомственных и отраслевых комиссий в Центре. Непосредственно на месте, на территории края, повседневной работой Казахского революционного комитета некоторое время занимались М.В. Фрунзе как командующий южной группой войск Восточного фронта и член Комиссии ВЦИК и Совнаркома по делам Туркестана (Турккомиссии) В.В. Куйбышев как член реввоенсовета 4-й армии, а затем южной группы войск (Туркестанского фронта) и как член Турккомиссии. Знакомился на месте с деятельностью Казахского революционного комитета и председатель ВЦИК М.И. Калинин. Все это говорит о том, что помощь и внимание ревкому были оказаны огромные. Ими подчеркивалось значение Казахского революционного комитета, которое придавалось ему со стороны Коммунистической партии и Советского правительства. Это не могло не отразиться положительно на всей деятельности Казахского революционного комитета, направленной на углубление процесса революционизирования и активное вовлечение трудовых масс казахского населения в социалистическое строительство.

Казахский революционный комитет с его системой органов и задачами, реальной деятельностью и ее результатами представляет важнейший этап в истории первых послеоктябрьских лет Казахстана. Он был тесно связан с предшествующим периодом политического развития Советского Казахстана, воплотил его итоги и подготовил условия для последующего этапа развития края. Изучение и осмысление деятельности Казахского революционного комитета на фоне сложных обстоятельств и ситуации, которыми обуславливалась его деятельность, и в системе общих и специфических задач, для решения которых он был создан, раскрывает жизненную ценность ленинской национальной политики и углубляет наше понимание о революционном процессе казахского общества периода гражданской войны.

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ

Первой монографией, посвященной истории становления Казахской Советской государственности, была работа М.С. Сапаргалиева. В ней Казахскому революционному комитету отводится несколько абзацев. В них содержались указания на декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., которым учрежден Казревком, и на одно его заседание, проходившее с участием членов Турккомиссии ВЦИК и СНК 27 октября 1919 г. в г. Оренбурге.¹

Примерно в таком же объеме Казахский революционный комитет освещался и в монографии Г.Т. Тайманова, посвященной развитию Советской государственности в Казахстане. Хотя в предыстории образования Казахской автономной республики ему отведено более десяти страниц, тем не менее о Казахском революционном комитете автор ограничился самыми общими замечаниями о том, что он утвердил инструкцию об организации местных Советов, проводил определенную работу «по привлечению на сторону Советской власти интеллигенции», им бы организован созыв в начале 1920 г. и первой казахской советской конференции.² Известный своими значительными исследованиями видный ученый С. Сартаев, рассматривая историю процесса советского национально-государственного строительства в Казахстане за период с Октября до победы социализма, намного больше внимания уделил Казахскому революционному комитету, посвятив ему и Декрету об образовании Казахской АССР в своей монографии специальный параграф.³ Им была предпринята попытка взглянуть на некоторые аспекты содержания деятельности Казревкома и его утверждения о том, что «учреждение ревкома имело громадное значение для дальнейшего подъема деятельности Советов...»,⁴ отражало фактическое положение.

К первым исследователям, специально обратившимся к теме о Казахском революционном комитете, следует отнести А. Мухтарова. О результатах его изыскания мы можем судить по трем

---

¹ Сапаргалиев М.С. Возникновение Казахской Советской государственности (1917-1920 гг.). Алма-Ата, 1948, с. 88-89, 95.

² Тайманов Г.Т. Развитие Советской государственности в Казахстане. М., 1956, с. 28-29.

³ Сартаев С.С. Образование и становление Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1960, с. 51-65.

⁴ Там же. с 53.

его статьям. В первой из них, опубликованной в соавторстве с М. Имашевым в 1955 г., освещается роль Казахского революционного комитета в подготовке условий для провозглашения советской автономии в крае. В частности, в ней указывается, что ревком «стал центром объединительного движения казахского народа», «отныне вся работа по подготовке созыва учредительного съезда Советов Казахстана переходила в компетенцию Кирвоенревкома».¹ Правда, эти мысли высказаны авторами мимоходом.

Вторая небольшая по объему статья посвящена образованию Казахского революционного комитета. В ней вкратце затронуты вопросы его структуры, состава и некоторые аспекты функциональной деятельности. Автор дает высокую оценку той роли Казревкома, которую он играл в социально-экономической и политической жизни казахского общества. Так, по оценке А. Мухтарова, Казахский революционный комитет, несмотря на тяжелые условия периода гражданской войны, «принял и проводил в жизнь ряд принципиально важных постановлений и решений, направленных на укрепление диктатуры пролетариата в Казахстане».²

Более насыщенной по содержанию является его другая статья, специально посвященная деятельности Казревкома в подготовке созыва Всеказахского учредительного съезда Советов. В ней уделено внимание вопросам организации и укрепления Советов в казахских аулах, показано, что Казревкомом «в освобожденных районах Казахстана велось широкое советское строительство».³ Вместе с тем под руководством областного бюро РКП(б) края Казахский революционный комитет возглавил «организационную работу по созыву учредительного съезда Советов».⁴

Из числа общенсторических монографических работ, в которых вопрос о Казахском революционном комитете получил

---

¹ Мухтаров А., Имашев М. К истории возникновения Казахской Советской государственности. Вестник АН КазССР, 1955, №11, с. 5.

² Мухтаров А. Образование революционного комитета по управлению Казахским краем. Вестник АН КазССР, 1959, № 8, с. 84.

³ Мухтаров А. Деятельность Кирвоенревкома по подготовке образования Казахской АССР. — Известия Академии наук КазССР. Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960, вып. 2(13), с. 14.

⁴ Там же, с. 28.

более или менее содержательное освещение, следует отметить в первую очередь книги С.М. Кенжебаева,¹ А.С. Елагина,² К. Нурпейсова.³

Монография С.М.Кенжебаева, безусловно, является одной из обстоятельных работ по вопросам советского строительства в Казахстане в период борьбы за победу социализма. В ней Казревком рассматривается в основном в плане его деятельности в области организации выборов и перевыборов местных Советов. По мнению автора, «много внимания в своей работе ревком уделял советскому строительству на местах».⁴ В исследовании А.С. Елагина более подробно освещаются революционные комитеты Казахстана в основном на уровне волостей, уездов и областей. В этой части книга представляет значительную научную ценность. Кстати, многие из описываемых нами ревкомов входили в состав Сибирского ревкома и Туркестанского края, а собственно Казахскому революционному комитету в работе уделено скромное место, хотя один из параграфов второй главы назван «Образование революционного комитета Киргизского (Казахского) края и начало его деятельности».

К. Нурпейсов в своей книге⁵ сосредоточил все внимание на вопросах организации и строительства крестьянских Советов в Казахстане в 1917 – 1929 гг., а других задач, например, связанных с Казревкомом, он специально не ставил.

Казахский революционный комитет и его деятельность рассматриваются им только в плане подготовки к выборам на Всеказахский съезд Советов.

Исследователь истории Советского Казахстана периода 1917 – 1920 гг. не может пройти мимо такой значительной и ценной работы, как книга С. Бейсембаева «Ленин и Казахстан».⁶ В

---

¹ Кенжебаев С.М. Советы в борьбе за построение социализма в Казахстане. 1917-1937 гг. Алма-Ата, 1969.

² Елагин А.С. Социалистическое строительство в Казахстане в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). Алма-Ата, 1966.

³ Нурпейсов К. Қазақстанның шаруалар Советтері (1917-1922 жылдар). Алматы, 1972.

⁴ Кенжебаев С.М. Советы в борьбе за построение социализма в Казахстане. 1917-1937 гг. Алма-Ата, 1969, с. 80.

⁵ Нурпейсов К. Қазақстанның шаруалар Советтері (1917-1929 жылдар). Алматы, 1972.

⁶ Бейсембаев С. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968.

ней подробно и документально освещена роль В.И. Ленина, ЦК РКП(б) и его Политбюро в делах и жизни казахского народа и Казахстана. В ней Казахский революционный комитет рассмотрен в плане руководящей и направляющей деятельности центральных органов партии и лично В.И. Ленина, их постоянного внимания и помощи казахскому краю.

В «Истории Казахской ССР», изданной в 1949 г.,¹ о Казахском революционном комитете сказано только несколько слов. В последнем пятитомном издании «Истории Казахской ССР» Казревком только упомянут.² В двухтомном курсе «Истории государства и права Советского Казахстана»,³ подготовленном в 1963 – 1964 гг. Институтом философии и права АН КазССР под руководством и при участии одного из авторов данной книги, имеется специальный параграф, посвященный Казахскому революционному комитету. В нем, однако, из-за ограниченности документальной базы авторы не могли сказать что-нибудь новое о Казревкоме.

Ни один исследователь истории, экономики и политической организации Казахстана первых лет послеоктябрьского периода не мог так или иначе не упомянуть и не осветить некоторые стороны деятельности Казахского революционного комитета. В преобладающем большинстве авторы добросовестно излагали содержание Декрета Совнаркома РСФСР от 10 июля 1919 г. об учреждении революционного комитета по управлению Казахским краем, о первом его составе, упоминали об одном или двух заседаниях Казревкома, в самых общих словах отмечали его плодотворную работу в области советского строительства и большую работу по подготовке созыва Всеказахского съезда Советов, на котором в октябре 1920 г. была провозглашена Казахская Советская автономия.

Исследования о Казахском революционном комитете до настоящего времени не выходили за рамки отдельных статей и параграфов в общих курсах и книгах.

В целом современное наше знание о Казахском революционном комитете далеко не полно отражает сложные задачи и

---

¹ История Казахской ССР. В 2-х томах, т. 1. Алма-Ата, 1949, с. 95.

² История Казахской ССР. В 5-ти томах, т. IV. Алма-Ата, 1977, с. 217.

³ История государства и права Советского Казахстана. В 2-х томах. Алма-Ата, 1963 - 1964.

содержательную деятельность, его значительную роль и место в социально-политической истории Советского Казахстана. Оно и далеко не достаточно для создания более или менее ясной картины о нем.

Настоящим исследованием, основанным на достижениях советской исторической и государственно-правовой науки, нами предпринята попытка выработать более целостное знание о Казахском революционном комитете в такой мере, в какой позволяли имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы.

ОБ ИСТОЧНИКАХ

Источники, на которых основано наше исследование, можно разделить на четыре группы: сборники документов и материалов; фактические данные, введенные в научный оборот предыдущими исследователями; различные воспоминания и записи современников исторических событий и, наконец, архивные материалы.

В сборниках, включающих документы и материалы периода иностранной военной интервенции и гражданской войны в Казахстане,¹ широко представлены данные об организации отпора врагу, о военных операциях частей Красной Армии, об установлении Советской власти и ее упрочении в различных регионах Казахстана. В них приводятся некоторые приказы, постановления и материалы Казахского революционного комитета и подведомственных ему местных ревкомов и Советов. Таких материалов, правда, немного, и имеющиеся в них сведения по интересующему нас комплексу вопросов отрывочны. Ценность этих сборников заключается в том, что они дают возможность ориентироваться в общей военно-политической обстановке в крае того периода, детищем которого был Казахский революционный комитет.

Большой интерес и ценность для исследователя событий исторического прошлого представляют различные записи и воспоминания их непосредственных участников и очевидцев. В них часто схватываются и описываются такие моменты и стороны этих событий, которые обычно не фиксируются или недостаточно фиксируются в письменных источниках. В нашем распоряжении были опубликованные воспоминания С.С. Пестковского и В.А. Радус-Зеньковича – представителей Казахского революционного комитета на разных этапах его деятельности, а также членов Казревкома – А.Т. Джангильдина, С.М. Мендешева, Б.Б. Каратаева и А.Айтиева.

---

¹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. – Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1947; Образование Казахской АССР. – Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957; Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, т. I, II, 1963, 1964; Советские ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 - 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971; Гражданская война в Казахстане. Алма-Ата, 1974.

Несмотря на то, что содержащиеся в этих воспоминаниях сведения в основном относятся к другим периодам их деятельности и другим вопросам, они в той части, в которой относятся к Казахскому революционному комитету, его предыстории и деятельности, представляют большую фактологическую и оценочную ценность.

Вместе с тем следует сказать, что в этих материалах, как вообще во всех подобного рода источниках мемуарного плана, встречается немало суждений и оценок личного, субъективного характера, которые нуждаются в осмыслении в системе других источников, особенно документальных.

Основной и главной базой нашего исследования были архивные материалы. Лишь незначительная их часть оказалась к сегодняшнему дню введенной в научный оборот. Наши поиски новых материалов и сведений продолжались в течение четырех лет в фондах Центрального государственного архива Октябрьской революции, Центрального архива Советской Армии, Центрального партийного архива ордена Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, партийного архива его Казахского филиала – Института истории партии при ЦК КП Казахстана, Центрального государственного исторического архива Казахской ССР, партийных и государственных архивов Уральской, Астраханской, Оренбургской и Гурьевской, а также государственных архивов Семипалатинской, Целиноградской, Кызыл-Ординской областей.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Несколько слов следует сказать о терминологическом уточнении относительно названия революционного комитета Казахского края.

Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 10 июля 1919 г. носил название: «Временное положение о Революционном комитете по управлению Киргизским краем». В самом тексте Декрета употреблено только одно выражение – «Революционный комитет» («С организацией Революционного комитета...», «Революционному комитету...»).¹ А в Декрете ВЦИК и СНК РСФСР «Об Автономной Киргизской Советской Социалистической Республике» от 26 августа 1920 г. несколько раз встречается выражение «Кирревком».²

Автор первой монографической работы, посвященной образованию Казахской Советской государственности, М.С. Сапаргалиев употребил термин «Казахский революционный комитет (Казревком)».³ Однако этот термин не получил признания в литературе. Видный ученый-историк Т. Елеуов, автор ряда прекрасных работ об установлении Советской власти в Казахстане, а также А. Мухтаров постоянно пользовались терминами «Киргизский революционный комитет», «Кирвоенревком» и «Кирревком».⁴ Г. Тайманов свободно обращался с терминологическим арсеналом и именовал Краевой ревком то «Революционным комитетом по управлению Киргизским краем», то «Казахским революционным комитетом».⁵

С. Сартаев в своем исследовании, опубликованном в 1960 г., предложил «Кирревком» заменить «Казревкомом». Он писал, что «до 1925 г. казахов неправильно называли киргизами. Соответственно этому революционный комитет называли Кирревкомом.

¹ СУ, 1919, № 36, с. 354.

² СУ, 1920, № 76, с. 359.

³ Сапаргалиев М. С. Возникновение Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1948, с. 94-95.

⁴ См. статьи: Елеуов Т.Е. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев в борьбе за Советский Казахстан. - «Большевик Казахстана», 1950, № 6. с. 29; Мухтаров А. Образование революционного комитета по управлению Казахским краем. - «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1959, № 8, с. 80-85.

⁵ Тайманов Г.Т. Развитие Советской государственности в Казахстане. М., 1956, с. 26, 27.

Поскольку в 1925 г. казахскому народу вернули его подлинное имя,¹ мы будем говорить о Казревкоме».² Следует заметить, что на протяжении всей своей книги он пользовался одним только сокращенным термином «Казревком» и избегал полного названия «Казахский революционный комитет» или «Революционный комитет Казахстана».

Причину своей терминологической приверженности автор не объяснил. Однако и после выступления С. Сартаева положение не изменилось. Разношерстное название революционного комитета по управлению Казахским краем сохранилось в обширной литературе по сей день.

В таком обобщенном, авторитетном труде, как «История Казахской ССР», в его последнем пятитомном издании, как и в предыдущих изданиях, революционный комитет по управлению Казахским краем неизменно именуется Кирревкомом.³

Совершенно ясно, что термины «Киргизский революционный комитет» или «Кирревком» после того, как состоялось специальное решение верховной власти республики о восстановлении подлинного имени народа, стали анахронизмами, и употребление этих старых терминов в новой литературе следует считать недоразумением. Вместо них необходимо употреблять терминологические названия «Казахский революционный комитет» или сокращенно «Казревком».

В процессе обсуждения нашей работы в рукописи возник вопрос о выборе между терминами «Казахский революционный комитет» и «Революционный комитет Казахстана». Мы клонимся к тому, что более строгим и правильным является первое название, так как оно точнее передает содержание работы этого органа и общий смысл Декрета СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., которым учрежден революционный комитет по управлению Казахским краем.

В исторической и современной литературе Казахский революционный комитет очень часто именуется «военно-революционным комитетом», «Кирвоенревкомом», «Казвоенревкомом», т. е.

¹ Такое решение было принято V Всеказахским съездом Советов в 1925 г.

² Сартаев С. Образование и становление Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1960, с. 51.

³ История Казахстана ССР. В 2-х томах, т. 1. Алма-Ата, 1949, с. 95; История Казахской ССР. В 5-ти томах, т. IV. Алма-Ата, 1977, с. 217.

слово «военный» включается в его терминологическое название. Оно берет свое начало с исторических лет деятельности самого Казревкома. В протоколах его заседаний и в сношениях с другими советскими органами он часто именовал себя Кирвоенревкомом. Это название придавало органу особую значимость в годы гражданской войны, когда военная власть была наиболее популярна и авторитетна. К тому же Казахский революционный комитет, согласно Декрету, представлял «высшее военно-гражданское управление» и это давало определенное основание считать его вместе с тем и «военно-революционным» органом. Кроме того, в мандатах, выданных Совнаркомом РСФСР членам ревкома, часто употреблялся термин «Военно-революционный комитет по управлению Киргизским краем». Однако в официальных государственных и партийных актах распространенным было название «Кирревком». На деле Казревком не обладал ни функциями ведения военных операций, ни решениями сугубо военных вопросов, хотя пользовался в своей деятельности методами военного времени.

Употребление и использование в научной литературе терминов «Кирвоенревком» или «Военно-революционный комитет Казахстана» не правомерно и может внести известную путаницу.

Авторы данной книги систематическую разработку проблемы политической истории Казахстана послеоктябрьского периода ведут с середины 60-х годов. В наших ранее изданных работах¹ значительное место отводилось вопросам организации первых советских органов по делам Казахского края в Центре и на местах, их задачам и деятельности, а также Казахскому революционному комитету в плане его роли и месте в системе мероприятий, подготовивших создание Советской национальной государственности в Казахстане. Предлагаемая читателям настоящая работа является продолжением предыдущих наших исследований и вытекает из них.

Многие вопросы, поднятые и освещенные в данной работе в связи с характеристикой Казахского революционного комитета и раскрытием его содержания, системы и структуры, ранее в лите-

---

¹ Зиманов С.З. В.И. Ленин и Советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970; Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский отдел Народного Комиссариата во делах национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975.

ратуре в таком плане не ставились. К ним, в частности, относятся вопросы: политико-правовой статус Казревкома, организационно-структурное развитие представительства Казревкома в Центре и в других краях, его кадровая политика, система местных ревкомов, стиль и методы руководства ими со стороны Казахского революционного комитета, вклад Казревкома в советское строительство в крае и его деятельность по распространению идей социалистической революции среди трудовой массы казахского населения, взаимоотношение Казревкома с ревкомом и исполкомами областей и отдельных уездов. При освещении ряда других вопросов внесены нередко существенные дополнения и уточнения в прежние наши представления о них.

Данная работа подготовлена авторским коллективом под руководством и редакцией академика Академии наук Казахской ССР С.З. Зиманова. Она написана: Зимановым С.З. – введение, гл. 1, ч. 1, 3, 4, – гл. II, ч. 1, 4 – гл. III, ч. 1, 4 – гл. IV, ч. 2, 3, 4, 5 – гл. V и заключение; Даулетовой С.О. – ч. 2 – гл. II, ч. 3, 5 – гл. III, ч. 2, 3 – гл. IV, ч. 1 – гл. V; Исмагуловым М.Ш. – ч. 2, 4, 6, – гл. III, ч. 4 – гл. IV, ч. 2 – гл. V. В подготовке рукописи книги к печати принимали участие младшие научные сотрудники К. Идрисов, М. Атанов.

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ДЕЛАМ КРАЯ И СОЗДАНИЕ КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Ленинская национальная политика и казахское общество

К моменту совершения Великой Октябрьской социалистической революции важнейшие теоретические проблемы и аспекты национального вопроса и магистральные пути его решения на этапе перехода от капитализма к социализму были в основном разработаны В.И. Лениным и партией большевиков. Они достаточно ясно были сформулированы и зафиксированы в трудах В.И. Ленина, в Программе и других политических документах партии.

Как бы ни был важен национальный вопрос в марксистской социологии, как бы ни был он сложен в условиях послеоктябрьской России, как бы сам ход развития социалистической революции ни придавал ему значение одной из первостепенных проблем, национальный вопрос, тем не менее, всегда был подчинен вопросу о социалистической революции и диктатуре пролетариата и решался в плане и рамках этого главного вопроса.

Решение национального вопроса есть составная часть социальной революции, осуществляемой под руководством революционного рабочего класса. «В числе этих демократических преобразований, входящих в понятие социальной революции, — писал В.И. Ленин в набросках статьи «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», — видное место не могут не занять и преобразования национальных отношений».¹ Победа социалистической революции и установление власти рабочих и крестьян являются основным условием и одновременно определяющим фактором уничтожения национального гнета, установления национального равенства,

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 54, с. 464.

обеспечения условий для всестороннего развития наций, т. е. последовательно демократического и полного решения национального вопроса.

Диалектика органической связи социалистической революции и национального вопроса состоит не только в том, что решение последнего возможно в рамках и внутри первой, но и в том, что решение национального вопроса служит упрочению позиции и мощи социалистической революции, и, наоборот, укрепление социалистической революции ведет к более полному решению национального вопроса.

К анализу любого социального явления, тем более к такой важнейшей политико-практической проблеме социалистической революции, как национальный вопрос, следует подходить строго исторически. Задачи в области национальных отношений и методы их решения в истории социалистической революции и социалистического государства менялись, но суть их, основные перспективные цели остались неизменными.

Основным содержанием национальной политики партии большевиков как в ходе подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, так и ее проведения было объединение, сближение и сплочение трудовых, революционных слоев каждого народа, каждой нации в борьбе с капиталом, за упрочение власти Советов, за социализм. В Программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., определившей основные ее задачи в области национальных отношений, было записано: «Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии».¹

В обстановке революционного переворота, по глубине и сущности не имевшего прецедента в предшествующей мировой истории, эпохального по своему значению и масштабности, ленинская теория по национальному вопросу должна была воплотиться в жизнь. Как всегда бывает при переходе от теории к социальной практике, задачи этого периода вообще, в области национальных отношений в частности, были исключительно сложными и трудными как в части конкретной разработки и воплощения в план, так и в части практической их реализации.

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. т. 2. М., 1970, с. 45.

Задачи осмысления нового в области национальных отношений состояли в том, что нужно было, во-первых, пристально следить за революционной практикой развития национальных отношений и внести соответствующие ее тенденции коррективы в доопытную теорию; во-вторых, своевременно осмыслить, понять и обобщить в теории новые явления, которые ежечасно рождались в ходе бурного течения и развертывания этой революционной практики; в-третьих, смело отбрасывать устаревшие и не выдержавшие жизненного испытания теоретические формулы, если таковые окажутся, и заменять их новыми; в-четвертых, стремиться к созданию в перспективе цельной и системно завершенной теории по национальному вопросу на основе комплексного обобщения всех важнейших элементов, составляющих и определяющих в своей совокупности бытие и содержание, а также тенденцию развития национальных отношений в послеоктябрьский период.

В области организационно-практической деятельности по национальному вопросу следовало, во-первых, найти общие, типичные, структурные формы его решения по отдельным комплексам и направлениям вопросов в условиях революционной, советской России; во-вторых, отработать и испытать частные модели и схемы приложения общих формул политики к конкретным условиям каждой национальности, максимально учитывающие ее особенности; в-третьих, организационно обеспечить тесную увязку сугубо национального вопроса с другими вопросами социально-политического развития народов, обеспечить их единство на путях достижения главной задачи переустройства всей общественной жизни на социалистических началах; в-четвертых, определить формы и методы, сроки и этапы последовательности постановки и решения отдельных и комплексных вопросов социалистического развития национальностей.

Эти и другие теоретические и практические задачи в области национальных отношений, вставшие с первого дня победы Октябрьской революции, решались партией и Советским государством в труднейших внутренних и международных условиях развития революции последовательно, твердо и успешно.

В ленинском плане решения национального вопроса центральное место занимает право наций на самоопределение, т. е. право каждого народа решать свою судьбу по своему усмот-

рению. Революционный рабочий класс и его партия не только борются за создание условий для осуществления нациями этого права, но вместе с тем протягивают им руку помощи для совместной борьбы за превращение этой возможности в реальность. Как само право, так и процесс самоопределения наций приобретают истинное, реальное значение только в условиях объединения, сплочения и сближения рабочих и крестьян разных национальностей, одновременно служат целям такого сплочения и сближения.

Лозунг самоопределения наций выражал принципы пролетарского интернационализма, вернее - был его проявлением в национальном вопросе. И не случайно, что В.И. Ленин, в зависимости от признания и неуклонного его осуществления, отличал истинных социалистов от шовинистов. Тот социалист, «который не признает и не отстаивает права угнетенных наций на самоопределение (т. е. на свободное отделение), – писал В.И. Ленин в 1915 г., – на деле не социалист, а шовинист».¹ Без признания права наций на самоопределение «признание равноправия наций и интернациональной солидарности рабочих, – как указывал В.И. Ленин, – было бы на деле лишь пустым словом, лишь лицемерием».²

В национальной политике ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение коренным образом отличалась от старой буржуазно-демократической, мелкобуржуазной и «рутинно-социалистической» формулы «самоопределения», при которой главное внимание обращалось на формально юридические моменты, а не на реальное обеспечение национальных интересов и суверенитета наций. Ленин еще в 1915 г. указывал, что «только последовательно-демократическая программа в вопросе о самоопределении, предлагаемая нами, и отвечает такому назначению».³

Национальная политика Коммунистической партии и Советского государства своими принципиальными доктринами и организационной формой, а главное – своим гуманистическим содержанием быстро завоевала симпатию основной массы народов Советской России, а также за ее пределами. Она имела

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 304.

² Там же, т. 27, с. 63.

³ Там же, т. 54, с. 468.

растущий международный резонанс в самом положительном смысле. В письме председателю Великого национального собрания Турции Мустафе Кемалю, с одобрением отозвавшемуся о национальной политике Советской власти, В.И. Ленин 7 января 1921 г. писал: «Советская Россия предоставляет автономию всем народам на ее территории и поддерживает образование ими местных республик, согласно принципу права каждого народа на самоопределение. Только этот принцип позволяет установить братские отношения, основанные на взаимопонимании и взаимном доверии, которые существуют между всеми нациями, входящими в Советскую Россию. Только такая политика укрепляет и объединяет все нации России в одну великую могучую семью, способную бороться против окружающих нас бесчисленных врагов».¹

В первый же день победы Великой Октябрьской социалистической революции с трибуны II Всероссийского съезда Советов, объявившего переход всей полноты власти к Советам, В.И. Ленин заявил, что Советская власть «обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».² Крупным практическим шагом было в этом направлении определение государственно-политических и организационно-практических форм осуществления самоопределения народов на базе и в условиях Советской власти. «Советская Российская республика, – говорилось в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», – учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».³

Ленину принадлежит заслуга разработки основных принципов и условий, на которых могла быть построена Советская федерация: полная добровольность объединяющихся в федерацию национальных республик, равная их ответственность за судьбу федеративного развития, демократический централизм. «Республика русского народа, – писал В.И. Ленин, – должна привлекать к себе другие народы или народности не насилем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 52 с 301

² Там же, т. 35, с. 11.

³ Там же, с. 221.

мирятся ни с прямым, ни с косвенным насилием над другими народами».¹

Уже в первые месяцы после Октября было провозглашено и признано самоопределение ряда национальностей, входивших прежде в состав России, и на основе их союза складывалось новое социалистическое объединение – Федерация советских народов. К этому же времени на повестку дня стал вопрос и о самоопределении казахского народа.

Ленинское учение о праве наций на самоопределение имеет универсальный характер в том плане, что оно в равной степени распространяется на народы, как преуспевшие, так и отставшие в своем развитии, т. е. народы, находившиеся как на стадии буржуазных, так и добуржуазных, в том числе патриархально-феодалных отношений. Казахское общество, отсталое по своей социально-экономической структуре, раздробленное на мелкие подродовые, аульные мирки, подавленное колониальным и местно-феодалным угнетением нередко в архаических формах, с установлением советской политической системы оказалось в сфере активной политики самоопределения народов, одним из его субъектов.

Уже при встрече А. Джангильдина с руководителями партии и Советского государства в Петрограде в конце 1917 – начале 1918 гг. вопрос о Казахской Советской автономии занимал одно из центральных мест в их беседах. Об этом А. Джангильдин вспоминал: «Мне было предложено командировать в Комиссариат по делам национальностей казахских делегатов для подготовки вопроса об автономии Казахстана».² В связи с усилением выступления местной контрреволюции и белоказаков, борьба с которыми распространилась на обширные территории Казахстана, практическое решение даже такого организационного вопроса, как посылка представителей края в Центр для указанной цели, оказалось во многом затруднительным.

Подготовка к провозглашению Казахской Советской автономии включала разработку Положения о ней до того, как будет созван Всеказахский съезд Советов. Народный Комиссариат по делам национальностей имел специальное поручение СНК РСФСР, его председателя В.И. Ленина о подготовке такого Положения и по Казахской Советской Автономной Республике.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 154.

² См. сб.: Они встречались с Лениным. Алма-Ата, 1968, стр. 22.

В соответствии с этой установкой Наркомнац уже в начале 1918 г. стал вплотную заниматься проектом Положения о Казахстане. Об этом указывалось, в частности, в письме Наркомнаца от 23 марта 1918 г., которым местные органы извещались о том, что в числе других разрабатывается Положение о Казахской Советской автономии.¹ Спустя некоторое время, в апреле того же года Наркомнац объявил, что «проектируется провозглашение автономии Киргизской территории».²

Из-за несвоевременного прибытия представителей Казахстана в Москву, которые должны были участвовать в работе рабочей группы, занятой проектом Положения о Казахской Советской автономии, а также ввиду недостаточности материалов и сведений в Центре о таких важных вопросах, как территориальные границы края, экономико-политическое тяготение степных областей и их фактическая подчиненность, и некоторых других было найдено целесообразным подвергнуть эту проблему дополнительной предварительной разработке.

Казахский отдел Наркомнаца РСФСР, организация которого планировалась в конце 1917 – начале 1918 г., был создан только к середине 1918 г. Ответственность за это всецело лежала на местных революционных группах и организациях, медливших с делегированием своих представителей в указанный отдел.

В разработанное Наркомнацем Положение о Казахском отделе, о его задачах был включен пункт, который гласил: «Выработка на началах Советской Конституции оснований и положений административно-территориальной автономии».³

Это было своего рода директивным указанием, нацеливавшим деятельность отдела.

А. Джангильдин, назначенный Чрезвычайным комиссаром степного края, имел персональное поручение СНК и Наркомнаца РСФСР приступить к практической реализации идеи созыва Всеказахского съезда, сообразуясь с местной обстановкой.

За эту задачу с особенной энергией он берется после I съезда Советов Тургайской области (апрель 1918 г.). Есть основание

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 134, л. 1-5.

² История Советской Конституции. Сборник документов 1917-1957 гг. М., 1957, стр. 56.

³ Народный Комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. М. 1918. ст. 14.

предполагать, что он первоначально намеревался в конце лета или в начале осени 1918 г. созвать такой съезд в г. Оренбурге. В личных встречах и в письмах к руководителям советских органов некоторых областей края он определенно об этом ставил вопрос. Так, 28 мая 1918 г. А. Джангильдин телеграфно известил Семипалатинский областной Совет: «Предполагаю вскоре созвать краевой съезд киргизов. О месте, времени и порядке сообщу особо».¹ Несмотря на осложнение военной обстановки в Казахстане, в сентябре – октябре 1918 г. А. Джангильдин через своих уполномоченных и письменно ставит в известность руководителей областей и отдельных уездов о необходимости созыва местных съездов Советов и избрания на них делегатов на Всеказахский съезд Советов. «Для подготовки автономии Киргизского края, – писал он в Мангышлакский уездный Совет к осени 1918 г., – Вам необходимо созвать съезд представителей волостных и городских Советов и на нем избрать представителей на общий Киргизский съезд, который соберется в Тургайской области для выработки Конституции Киргизской республики».²

Инициатива А. Джангильдина в подготовке к созыву Всеказахского съезда Советов натолкнулась на серьезные трудности. На территории края не было единого административного центра края, не было и центра экономико-политического тяготения. Области и отдельные уезды, традиционно считавшиеся казахскими, находились в подчинении ряда административных центров, в большинстве находившихся за пределами территории Казахстана – гг. Омска, Ташкента, Оренбурга, Астрахани, Челябинска и др. Поскольку к весне 1919 г. еще не было официальных решений центральных органов Советского государства о созыве Всеказахского съезда Советов и направлении для участия в его работе делегатов областей, именно в силу этого во многих областях не торопились с выполнением просьб и пожеланий А. Джангильдина, полномочия которого как Чрезвычайного комиссара степного края фактически на эти области не распространялись. К тому же новое наступление войск Колчака и белогвардейцев еще больше осложнило обстановку во многих центральных и северо-восточных областях края.

¹ Джангильдин А. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, с. 93.

² Образование Казахской ССР. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957, с. 95.

4 апреля 1919 г. ВЦИК вынес постановление о созыве Всеказахского съезда Советов в г. Оренбурге.¹ На следующий день, 5 апреля, Наркомнац объявил о создании «инициативной группы» во главе с заведующим Казахским отделом Наркомнаца РСФСР М. Тунгачиным по созыву Всеказахского съезда Советов.² Правительство с целевым назначением на проведение этого съезда выделило 500 тыс. руб.³

И этот план, предусматривавший созыв съезда в ближайшем будущем – в апреле – мае 1919 г., натолкнулся на новые трудности. Оренбург, в котором должен был состояться этот съезд, в начале апреля снова был занят белогвардейцами, и ряд видных партийных и советских руководителей оказались захваченными врагом. Начался разгул контрреволюции и реакции в этом регионе края. А. Джангильдин 21 апреля 1919 г. докладывал Совнарком РСФСР: «Ввиду таких обстоятельств я решил не поднимать на съезде вопроса об автономии Киргизских областей. Автономия необходима, но до нее надо укрепить власть Советов, обезопасить ее от нападения извне и внутри. Поэтому я прошу Совет Народных Комиссаров предоставить решение вопроса о времени объявления автономии области мне и областному Совету, когда он покажет себя на деле органом, способным преобразовать местную жизнь на социалистических началах. Конечно, подготовительные меры к ведению автономии будут предприниматься мною и исполнительным комитетом теперь же».⁴

Положением казахского народа и работой партийных, советских органов в крае по подготовке к самоопределению казахского народа, вопросами развертывания среди него культурно-просветительных мероприятий постоянно интересовались и занимались ЦК РКП(б), Совнарком РСФСР и лично В.И. Ленин. «В.И. Ленин не выпускал из виду событий в Казахстане», – указывает А. Джангильдин, – описывая положение казахского общества начала 1918 г.⁵ В.А. Радус-Зенькович вспоминает, что В.И. Ленин требовал от партийных и советских работников Башкирии и Казахстана представления ежемесячных отчетов по вопросам:

¹ Декрет Советской власти, т. V. М., 1971, с. 18.

² ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 44, л. 1-а.

³ Декреты Советской власти, т. V. М., 1971 с. 18.

⁴ Образование Казахской АССР. - Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957, с. 72.

⁵ Джангильдин Алибий. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961. с. 44.

«1. Что дали мы башкирам, киргизам (казахам) и др.?

2. Итоги просветительной работы вообще.

3. Особо – школы для коммунистов данной народности».¹

По его словам, В.И. Ленин обдумывал план помощи казахам-кочевникам. Так, в заметках, сделанных во время совещания беспартийных делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, есть такая ленинская пометка: «Скотоводам надо помочь. Хозяйство разрушено войной. Пропаганда нужна».²

Делегаты Семиреченской области, участвовавшие в работе VIII съезда партии, вспоминают, что после съезда с ними в течение двух часов беседовал В.И. Ленин. Среди вопросов, которыми интересовался он, был и вопрос о взаимоотношениях между национальностями. По рекомендации В.И. Ленина они встретились с Наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным. «Иосиф Виссарионович задал нам ряд вопросов, – пишет один из этих делегатов. – Его интересовало, как мы проводим работу среди казахских трудящихся, много ли трудящихся казахов вовлечено в партийную и советскую работу, какие решения мы принимали и т. д.».³

Трудовое казахское население под воздействием идей Октябрьской социалистической революции и практических действий, а также осуществленных планов Советской власти по организации жизни национальностей относительно быстро втягивалось в русло социалистического строительства. Трудные годы наступления контрреволюции и борьба за очищение от нее территории края еще больше усилили притягательную силу Великой Октябрьской социалистической революции в казахском обществе.

---

¹ В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 18.

² Там же, с. 18-19.

³ В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 46, 47.

2. Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР

Первым органом, специально созданным по делам Казахского края, был Казахский отдел, организованный в мае 1918 г. при Народном Комиссариате по делам национальностей РСФСР. Его учреждение и задачи, с одной стороны, были связаны со статусом и задачами Наркомнаца, структурным подразделением которого он являлся, а с другой – мыслились как начало организационно-практической подготовки самоопределения казахского народа. Он был нужным и политически важным звеном в системе механизма, разработанного Центральным Комитетом партии и Советским правительством, посредством которого и через который проводилась в жизнь ленинская национальная политика.

Известно, что на Наркомнац были возложены задачи организационного обеспечения решения национального вопроса и повседневного руководства делами национальностей. «Народный Комиссариат по делам национальностей – учреждение, призванное к строительству мирного сожительства разноязыких и разноплеменных национальностей, населяющих территорию бывшей Российской империи», – сказано в первом официальном отчете этого органа.¹ Несколько позже целевые задачи Наркомнаца были сформулированы более конкретно, как «введение освобожденных революцией наций в советское русло», «осуществление самоопределения народов» и «обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР».

Основными структурными звеньями Наркомнаца являлись национальные комиссариаты и национальные отделы,² которые формировались коммунистическими организациями в каждой

---

¹ Народный Комиссариат по делам национальностей. Отчет деятельности. 1 ноября 1917 – 20 июня 1918 г. М., 1918, с. 5.

² Деление национальных групп Наркомнаца на комиссариаты и отделы было условным. Первоначально предполагалось, что все они будут именоваться «комиссариатами» и утверждаться СНК РСФСР. На деле это оказалось не всегда возможным: СНК из-за перегруженности не успевал рассматривать и утверждать их, и в то же время создание национальных групп было неотложным. Приходилось, по согласованию с СНК, самому Наркомнацу учреждать эти группы, именовав их «национальными отделами». Такая практика со временем стала преобладающей.

национальности, а там, где их не было или они были очень слабы, — левореволюционными организациями на местах, стоявшими на платформе Советской власти.

Такой порядок создания национальных отделов, когда основная инициатива в этом исходила от самого народа, от его революционных организаций, когда эти органы больше походили на делегированных представителей мест в Центре, должен был обеспечить и на деле обеспечивал органическую, тесную связь Наркомнаца с жизнью национальностей.

В значительной степени благодаря этим национальным группам Наркомнац всегда был в курсе событий в национальных регионах: о степени и глубине развития революционных процессов в них, о влиянии политики партии и Советского государства на внутреннюю жизнь и сознание ранее угнетенных народов, об их запросах и потребностях, возникающих на путях переустройства всего общественного уклада, на социалистических началах. Все это было важно и имело большое значение при формировании и разработке конкретных аспектов национальной политики в национальных территориях, различающихся между собой историческими, социально-экономическими и бытовыми особенностями.

Первыми национальными комиссариатами и отделами, организованными при Наркомнаце, были польский и литовский (ноябрь 1917 г.); в течение 1918 г. учреждаются мусульманский, белорусский, еврейский, армянский, латышский, эстонский, чувашский, казахский, немецкий, украинский и чехословацкий комиссариаты и отделы. К концу года их в составе Наркомнаца было 17, число их росло и в последующие годы.

Национальные комиссариаты (отделы) были наделены значительными полномочиями, и на них возлагались весьма ответственные, в первую очередь политические задачи по обеспечению углубления революционного процесса в среде национальностей. Круг их основных задач был определен следующим образом: «1. Информирование Советской власти о нуждах данной национальности; 2. Информирование национальностей о всех шагах и мероприятиях Советской власти; 3. Удовлетворение через органы Советской власти культурно-просветительных нужд масс населения данной национальности; 4. Самая широкая массовая агитация и пропаганда идей Советской власти между массами данной национальности; 5. Улаживание всякого рода

конфликтов, возникающих между органами Советской власти и национальностями; 6. Выработка на началах Советской Конституции оснований и положений административно-территориальной национальной автономии там, где это требуется особыми экономическими и территориальными условиями».¹

В выполнении этих задач для национальных комиссариатов и отделов был создан максимум возможных в той обстановке условий, как правовых, так и материальных. Как правило, для их размещения отводились нередко отдельные особняки из национализированного городского фонда г. Москвы, выделялись денежные и транспортные средства, топливо и продовольствие. Многие из национальных комиссариатов и отделов со временем обзаводились своим издательством и типографией (на местах или в столице), организовывали подотделы, опорные пункты и группы в местах расселения национальностей.

Было установлено, что национальные комиссариаты заведующие национальными отделами, как правило, по должности входят в состав коллегии Наркомнаца, те, которые не вошли в нее, пользуются решающим голосом при обсуждении на ней вопроса национальностей, которых они представляют. Они обязаны были присутствовать на заседаниях Совета Народных Комиссаров при обсуждении вопросов, касающихся национальностей, представителями которых они являлись. Руководители национальных комиссариатов и отделов могли вносить на рассмотрение СНК каждый важный спорный вопрос, обсужденный в Наркомнаце, в наркоматах или в межведомственных комиссиях, по которому не было выработано согласованного мнения.

Руководители ряда национальных комиссариатов и отделов избирались делегатами Всероссийских съездов Советов, членами ВЦИК, участвовали в международных и национальных съездах коммунистических организаций, а те, которые были беспартийными, проходили политическую и образовательную подготовку для вступления в ряды Коммунистической партии. Руководящий состав национальных комиссариатов и отделов снабжался специальными мандатами при переездах, командировках, в которых содержались не только задачи и обязанности работника, но и требование к местным партийным и советским

---

¹ Народный комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917-20 июня 1918 г. М., 1918, с. 5.

органам об оказании ему необходимого содействия в успешном выполнении поручений Центра, Наркомнаца РСФСР.

Как видно из этого, Советское правительство и Наркомнац РСФСР придавали деятельности национальных комиссариатов и отделов большое политическое значение, наделяли их отдельными общими функциями «национально-краевых органов, в том числе функциями подготовки к образованию Советских национальных автономий. Главным итогом их работы, как это указывалось в отчете Наркомнаца за шесть лет его деятельности, было то, что «в результате своей упорной работы они сумели взять на себя руководство массами... и шаг за шагом последовательно им удалось втянуть массы национальностей в русло советского строительства».¹

Решением Наркомнаца от 11 мая 1918 г. был создан Казахский отдел. В нем говорилось: «При Народном Комиссариате национальностей учреждается Киргизский отдел. Заведующим отделом назначается Мухамедьяр Тунгачин, его заместителем – Сейдкасым Кочумбеков». Наркомнац Сталин. Секретарь И. Товстуха».² В связи с неприбытием в Москву Кочумбекова вместо него заместителем заведующего Казахским отделом 29 июня был назначен Хусаин Бекентаев.

До официального учреждения Казахского комиссариата (отдела) в работе Наркомнаца, в заседаниях его коллегии временами, в свою бытность в столице, принимал участие сам А. Джангильдин, и он в протоколах заседаний всегда значился представителем «От Киргизского Комиссариата».³

Ко времени организации Казахского отдела Наркомнаца на территории Казахстана не было единого административного центра, не было и органа, занимавшегося в какой-то степени делами всего края. Южные области Казахстана находились в составе Туркестанской Советской Республики, на северо-восточные обширные районы распространялась власть Сибирского ревкома, ряд областей и уездов, населенных преимущественно казахами, входил в административное подчинение

---

¹ Шесть лет национальной политики Советской власти и Наркомнац. М., 1924, с. 6.

² Известия ВЦИК, 1918, 12 мая.

³ Исмагулов М Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. ЦГАОР, ф.1318, оп. 1, д. 2, л. 10. Алма Ата. 1975.

Астраханской, Прикаспийской, Саратовской, Оренбургской и Челябинской областей, каждая из которых в отдельности сносилась непосредственно с центральными органами Российской Федерации. Раздробленность Казахского края в административно-территориальном отношении усугублялась тем положением, что обширные регионы Западного, Центрального и Восточного Казахстана являлись зонами военных операций между силами революции и контрреволюции. С началом гражданской войны положение еще более осложнилось. Некоторые территории и города нередко по несколько раз переходили из рук в руки. Революционной власти приходилось создавать и восстанавливать советские органы в этих регионах не один раз.

Казахский отдел Наркомнаца не был, разумеется, краевым органом, распространившим свою власть на все советские области края. Такая задача перед ним и не ставилась. Он был наделен отдельными общими, специфически местнонациональными функциями на всей территории края, исполнение которых учитывало сложившуюся структуру административной подчиненности областей и не нарушало ее. Казахский отдел составлял в определенном смысле прообраз, зачатки или компонент будущего краевого органа.

Вслед за организацией Казахского отдела, исходя из типовых функций национальных комиссариатов (отделов) Наркомнаца и с учетом некоторых особенностей Казахского края, были определены его задачи следующим образом: «1) Распространение среди киргизского (казахского) народа идей социализма и планомерное проведение в жизнь; 2) культурно-просветительное развитие всего киргизского (казахского) народа, так как лишь своим культурным развитием народ может открыть себе путь к национальному самоопределению и к устройству своей жизни на новых началах; 3) поднятие его экономического благосостояния; 4) выработка проектов гражданских и уголовных законов соответственно с обычным правом киргиз (казахов), кладя в основу идею социализма; 5) урегулирование землепользования как между самими киргизами (казахами), так и крестьянами-переселенцами на основах закона о социализации земли, принятого на III Всероссийском съезде Советов; 6) выработка на началах Советской Конституции оснований и положений администра-

тивно-территориальной Киргизской (казахской) автономии».¹

Из этого видно: что, во-первых, зона влияния казахского отдела не ограничивалась определенными территориальными рамками. Ею охватывался «киргизский (казахский) народ» в целом, независимо от административной подчиненности его отдельных частей; во-вторых, перед отделом вовсе не ставилась задача объединения казахских областей и Положение не содержало каких-либо указаний о переходе где-нибудь на месте полноты власти к отделу; в-третьих, на Казахском отделе лежала печать Центрального органа управления, занимавшегося сугубо вопросами национальной политики в крае; в-четвертых, в то же время отдел выступал как орган оперативного решения на месте некоторых вопросов, затрагивавших национальные интересы населения, а главное – связанных с прокладыванием пути «к национальному самоопределению и устройству своей жизни на новых началах» и с подготовкой положения об административно-территориальной схеме будущей Казахской Советской автономии. При этом вся практическая деятельность Казахского отдела должна была основываться на началах идей социализма, на положениях первой Советской Конституции 1918 г. и на решениях III Всероссийского съезда Советов. Задачи, поставленные перед Казахским отделом, на деле оказались для него слишком обширными и непосильными. Кроме того, они были приняты до начала гражданской войны и иностранной военной интервенции. С выдвиганием на первый план задач организации отпора врагу и удержания завоеваний Октябрьской революции, т. е. задач политических и военных, изменилась и структура функциональной деятельности национальных комиссариатов (отделов) Наркомнаца, в том числе и Казахского отдела. Наряду с основными задачами политической агитации организация национальных воинских частей и добровольческих вооруженных отрядов непосредственно или содействие в этом местным органам власти стали важнейшей функцией Казахского отдела Наркомнаца.

Продуктивным участком деятельности Казахского отдела было собирание вокруг отдела активистов-агитаторов из числа патриотической национальной интеллигенции и направление их

---

¹ Народный Комиссариат по делам национальностей. Отчет о деятельности. 1 ноября 1917 – 20 июня 1918 г. М., 1918. с. 44.

в край в качестве уполномоченных-комиссаров для агитационной работы среди казахского аульного населения, для оказания помощи местным, партийным и советским органам в организации Советов в степных районах, проведения перевыборов Советов там, где это было необходимо, а также для собирания достоверных сведений о положении в степных областях, для информирования об этом органов центральной власти, в первую очередь руководства Наркомнаца. В это же время активно зондировался вопрос о созыве Всеказахского съезда Советов, на котором предполагалось провозгласить образование Казахской Советской автономии. В этом вопросе Казахский отдел принимал самое деятельное участие.

С помощью Наркомнаца через ВСНХ отдел в конце 1918 г. приобрел в Петрограде почти полное типографское оборудование со шрифтом, бумагу, краски и другие необходимые материалы для налаживания выпуска политической, агитационной и просветительской литературы на казахском языке и переправил их в Букеевскую область, где вскоре было налажено издательское дело.

В трудные годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда была необходима всемерная мобилизация всех материальных, людских ресурсов и духовных сил народа для организации отпора врагу, деятельность Наркомнаца и его национальных комиссариатов и отделов существенным образом была реорганизована и преобразована. Мобилизация революционных и демократических сил в каждой национальности для отпора наступлению внутренней и внешней контрреволюции и реакции, удержание и расширение позиций и сферы влияния Советов в национальных районах и принятие срочных и эффективно-активных мер по этим вопросам стали неотложными и безотлагательно важными задачами Наркомнаца и его национальных комиссариатов и отделов.

Было решено основную работу ряда национальных комиссариатов и отделов, в том числе и Казахского отдела, перебазировать непосредственно в национальные районы для установления более тесного контакта с местными партийными и советскими органами в целях усиления их организаторской работы среди населения национальностей.

В августе 1918 г. руководители Казахского отдела прибыли

в г. Урду Букеевской области. Они были снабжены удостоверениями Наркомнаца РСФСР, в которых перечислялись их задачи, воспроизводившие с некоторыми сокращениями функции отдела.¹ Первоначально предполагалось, что эта группа по возможности продвинется вглубь Казахской степи, возможно, даже «за фронтовую полосу», где обширные зоны оставались не охваченными военными действиями. Однако от этого плана пришлось отказаться. Значительная часть Уральской и Тургайской областей оказалась занятой силами белоказаков и контрреволюции, и боевые действия, охватившие эти и другие области Казахстана, сделали практически нереальными осуществление задуманного плана.

Букеевская область представлялась наиболее благоприятным регионом для организации в ней очага Казахского отдела Наркомнаца РСФСР. Она была свободна от боевых действий, хотя 1/4 часть ее контролировалась летучими белобандитскими отрядами. Здесь были более или менее работоспособный советский аппарат и небольшая группа партийных работников, успевших в определенной мере наладить революционную созидательную деятельность. К тому же область имела прочный красный тыл в лице Саратовской и Астраханской соседних областей. Большое значение имело и то обстоятельство, что здесь было немало патриотически и революционно настроенной казахской интеллигенции, активно включившейся или готовой включиться в советскую и агитационную работу. Руководители Казахского отдела хорошо знали эту область и пользовались личным влиянием среди ее интеллигенции и части населения. Все это предопределило решение руководителей отдела обосноваться в этой области и сделать г. Урду своей опорной базой.

Деятельность перебазированного Казахского отдела, проходившая непосредственно под контролем Наркомнаца, развертывалась одновременно в нескольких важных направлениях:

- организация нового Советского Казахского образцового кавалерийского полка и других национальных частей;
- борьба и вооруженное подавление белогвардейских и бандитских шаек, бродивших на территории области и соседних областей и терроризировавших местное население;

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 44, л. 14.

- создание советов на освобожденных территориях, примыкавших к Букеевской области, и укрепление уже действующих Советов в казахских аулах Западной части края;

- налаживание и организация на месте работы первого Советского национального издательства в целях ведения печатной пропаганды и распространения идей Октября и декретов Советской власти среди казахского населения;

- организация издания первой краевой казахской советской газеты, официально объявленной органом Казахского отдела Наркомнаца РСФСР;

- ведение агитационной работы в Зауральских районах белогвардейских войск, а также в зоне их западного отделения Алаш-Орды;

- подготовка к созыву Всеказахского съезда Советов, на котором предстояло провозгласить Казахскую Советскую автономию.

Эти весьма ответственные и сложные задачи и деятельность по их осуществлению были подготовлены и оформлены организационно. По решению Советского правительства был создан «Киргизский Комиссариат по военным делам» с передачей руководства им Казахскому отделу, и с согласия Наркомнаца был образован Букеевский подотдел Казахского отдела в г. Урде, на который и было возложено исполнение ряда важных функций отдела.

Казахскому отделу удалось довольно в короткие сроки сколотить вокруг себя значительную группу активистов из числа национальной молодежи, интеллигенции, средних и батрацких слоев местного населения и использовать их в интересах разъяснения и распространения идей Октября, укрепления советских органов власти в аульно-волостных звеньях. Именно эти люди, с энтузиазмом пришедшие и работавшие в революции, во многом предопределили успех общего дела.

В составе Букеевского подотдела были созданы структурные подразделения: общий, издательский, культурно-просветительный, агитационный отделения, комиссия по переводу литературы на казахский язык и комиссия по составлению проекта гражданского и уголовного кодексов. Работа подотдела проходила в тесном контакте с местной партийной группой (позже – с оформлением партийной организации – комитетом

партии) и облисполкомом. Он непосредственно был подчинен руководству Казахского отдела.

Важным результатом деятельности Казахского отдела была организация первого Советского национального издательства с типографией в г. Урде. На его базе с февраля 1919 г. стала выходить казахская газета «Дұрыстық жолы» («Путь правды») – официальный орган Казахского отдела Наркомнаца РСФСР, а вскоре – и журнал «Мұғалім» («Учитель»). Это было событием большого значения в культурной жизни не только населения Букеевской области, но и казахского народа в целом. Тиражи этих печатных органов распространялись по всей степи там, где только было возможно.

В этом издательстве в течение 1918 – 1919 гг. печатались отдельные политические листовки и воззвания, переведенные на казахский язык, декреты Советской власти и другие важные материалы, спрос на которые среди местного населения был огромен. В числе материалов и документов, подготовленных и изданных Букеевским подотделом, были биография В.И. Ленина, принадлежавшая перу Е. Ярославского «Великий вождь рабочей революции», и первая Советская Конституция 1918 г.

Важными организационно-политическими мероприятиями, проведенными Казахским отделом Наркомнаца совместно с местными партийными и советскими органами, были созыв II съезда Советов Букеевской области¹ с участием представителей отдельных советских районов Западной части края (сентябрь 1918 г.) и III областного съезда Советов² с участием представителей руководства Наркомнаца РСФСР, Астраханского губкома партии, Уральского облревкома, а также проведение I и II съездов мугалимов (учителей) в сентябре 1918 г. – январе 1919 г.

Эти массовые форумы, на которых ставились и обсуждались злободневные вопросы начального периода советского строительства в степи, имели исключительное значение в подъеме

---

¹ Его организаторы хотели, чтобы этот съезд походил на Всеказахский съезд, и решить на нем некоторые общие вопросы края. Однако эта идея оказалась неосуществимой. На нем отчет Букеевского облсполкома ставился как отчет «Центрального Киргизского исполкома» (ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 44, л. 20).

² В официальных отчетах этот съезд назван Съездом Советов Букеевской и Киргизской степи (Газ.: «Жизнь национальностей». 1919. № 26).

политического сознания и активности казахского народа в социалистическом преобразовании. В резолюции III областного съезда Советов говорилось: «Убедившись, что единственным защитником беднейшего класса и вообще угнетенных народов является Советская власть, мы, киргизы (казахи), даем клятву, что будем защищать эту власть до последней капли крови».¹

Выполняя наказ центральных органов Советского правительства, Казахский отдел проявил значительную активность и в области подготовки к созыву Всеказахского съезда Советов, в обсуждении ряда аспектов будущей Казахской автономии как на местах, так и в Центре.

Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР имеет определенную заслугу в истории социалистической революции в Казахстане, в его западном регионе. Он был первым специальным органом Советской власти, наделенным некоторой общекраевой функцией на самом начальном этапе проведения ленинской национальной политики в Казахстане в период до образования революционного комитета по управлению краем.

---

¹ Протокол заседания III съезда Советов Внутренней Букеевской орды. Урда, 1919, с. 7.

3. Казахский Комиссариат по военным делам

До создания Казахского революционного комитета специальную задачу краевого органа выполнял и Казахский Комиссариат по военным делам. С его организацией к нему перешла значительная часть функций Казахского отдела Наркомнаца РСФСР.

Создание такого органа непосредственно было связано с необходимостью формирования национальных частей Красной Армии и отдельных полувоенных отрядов для проведения широкой разъяснительной работы среди казахского населения и объединения усилий, предпринимаемых в этом направлении местными органами, с одной стороны, для борьбы с вооруженными бандитскими шайками и группами, терроризировавшими местное население освобожденных от белогвардейцев территорий Западного Казахстана – с другой.

Инициатива организации военного комиссариата края исходила от самого казахского населения, от его революционных объединений и передовых представителей, считавших своим долгом с оружием в руках активно участвовать в защите позиций и интересов социалистической революции в Казахстане, находившихся в опасности в условиях выступления контрреволюционных сил и белогвардейщины.

По предложению Чрезвычайного комиссара Степного края А. Джангильдина, постановку вопроса в Центре об организации казахских воинских частей взял на себя Казахский отдел Наркомнаца. Его предложение по этому вопросу 29 июня 1918 г. официально обсуждалось на Коллегии Наркомнаца РСФСР. На ней было решено подвергнуть этот вопрос дополнительному изучению в гражданских и военных ведомствах, поскольку казахи «по настоящее время воинской повинности не отбывали, а потому обучение их воинскому искусству в короткий срок не представляется возможным».¹ В то же время руководство Наркомнаца, в том числе нарком И. Сталин, выразили в принципе свое положительное отношение к поставленному вопросу. Дальнейшее рабочее обсуждение вопроса в СНК и Высшем военном Совете, в котором приняли участие А. Джангильдин, М. Тунгачин, проходило в плане конкретной разработки его деталей при

¹ ЦГАОР, ф. 1318, он. 1, д. 2, л. 30.

принципиальном одобрении самой идеи формирования казахских национальных частей Советской Армии.

Постановлением Высшего военного Совета от 4 августа 1918 г. при штабе Восточного фронта (в г. Самаре) учреждается отдел по формированию «Киргизских воинских частей в полном соответствии с воинскими штатами и правилами, действующими в регулярной армии».¹ Спустя немногим более двух месяцев, 29 октября того же года Реввоенсовет Восточного фронта утвердил Положение об отделе по формированию казахских воинских частей. Казахский отдел Наркомнаца в качестве своего представителя делегировал в указанный отдел ответственного сотрудника Ш. Бекмухамедова.²

Принятые официальные решения в Центре о формировании национальных воинских частей из казахских джигитов придали новый импульс и размах деятельности на местах в этом направлении. Стремление трудовых масс казахского народа своими руками защищать завоевания и позиции Октябрьской революции в степи теперь стало принимать организованную форму.

Первый съезд Советов Букеевской области, проходивший под руководством Казахского отдела Наркомнаца, в начале сентября 1918 г. специально обсудил «вопрос об образовании киргизских воинских частей для защиты Советской власти от чехословацко-белогвардейско-казачьих банд»³ и принял решение о начале мобилизации джигитов в «Первый Советский образцовый Киргизский конный полк».

По предложению Реввоенсовета фронта и с одобрения Наркомнаца РСФСР вскоре были созданы: военный подотдел Казахского отдела Наркомнаца с местом дислокации в г. Урде, одновременно подчиненный отделу формирования казахских воинских частей, находившемуся в г. Самаре, и мобилизационная комиссия из представителей политуправления армии, Казахского отдела Наркомнаца и Букеевского облисполкома с задачей разработки и проведения на местах мер по мобилизации и отбору кандидатов из числа казахской трудовой молодежи в формируемую национальную воинскую часть. Всю непосредственно организационную работу по созданию национальных

---

¹ Там же, д. 99, л. 22.

² Там же.

³ Там же, д. 44, л. 20.

военных формирований в Букеевской области и в неохваченных военными действиями районах Уральской, Тургайской областей возглавлял Казахский отдел Наркомнаца РСФСР.

Вскоре военный подотдел преобразуется в Военный Комиссариат отдела формирования казахских воинских частей Восточного фронта, а затем в «Киргизский Комиссариат по военным делам». 21 октября 1918 г. командующий войсками Восточного фронта издал приказ, в котором было сказано: «Согласно приказанию Председателя Реввоенсовета республики, Военному Комиссариату отдела формирования воинских киргизских частей тов. М. Тунгачину предлагается приступить к формированию единого шестиэскадронного Киргизского образцового конного полка исключительно из киргиз (казахов)-добровольцев».¹

Руководство Военным Комиссариатом края было поручено Казахскому отделу Наркомнаца. Военным комиссаром был назначен зав. отделом М. Тунгачин, его заместителями – Ш. Бекмухамедов (по формированию), В. Лукашев (по политической работе), Х. Бекентаев² (по снабжению). При Военном Комиссариате учреждается военная коллегия, в состав которой, кроме указанных лиц, вошли представители Реввоенсовета армии, партийной и советской организации Букеевской области.

С развертыванием мобилизационной работы с новой силой забурлила Казахская степь, поднялась политическая активность трудового населения и углублялось социальное расслоение в обществе. Вот как описывает эти дни в своих воспоминаниях один из первых джигитов-добровольцев, зачисленный в национальный кавалерийский полк, Нигмет Куаншалиев. Он был пастухом у бая и жил в местности Тайгара-Карабультек, в 60 – 70 верстах от г. Урды. По его словам, к осени 1918 г. быстро облетела степь весть о том, что «бедняки собираются в отряды и бегут в Ханскую ставку (в г. Урду)... что все принимаемые джигиты полностью обеспечиваются за счет казны питанием и новым обмундированием... Мысль о красных кавалерийских отрядах, в которые принимают только бедняков, не покидала меня ни на минуту.

---

¹ ЦГАОР, ф. 1329, оп. 1, д. 7, л. 10.

² Он в основном находился в г. Москве, вел дела казахского отдела Наркомнаца и сосредоточился на решении вопросов снабжения национальных частей воинским снаряжением, обмундированием, инвентарем и продовольствием и их отправки в Казахстан.

Надвигалась осень, и начались похолодания. Все эти обстоятельства толкали меня на решительный шаг – уйти от бая. Поводом к побегу послужила весть, что мой старший брат Кабдулгали первым записался в отряд Красных джигитов, а командует им друг брата, Народный комиссар полка Бисен Джаникешев».¹

Плодотворная активная деятельность Казахского комиссариата по военным делам не только в области формирования национального кавалерийского полка, но и создания отдельных вспомогательных отрядов, и успешная борьба с местными бандитскими группами вызвала необходимость дальнейшего расширения полномочий Комиссариата: решением Реввоенсовета республики от 3 апреля 1919 г. Казахскому военному комиссару присваивается право командующего армией с подчинением всех воинских частей и подразделений, формируемых из казахов как в Букеевской, так и соседних областей края; комиссариат наделяется также правом издавать приказы и иметь печатные бюллетени; ниже приводится текст первого приказа «По Киргизскому Комиссариату по военным делам» от 22 апреля 1919 г, подписанного военкомом М. Тунгачиным: «Прибыв 17-го сего апреля из Москвы, я вступил на правах командующего армией к исполнению обязанностей Комиссара Киргизских воинских частей и всех военных учреждений и заведений».²

Военный Комиссариат в военно-оперативном отношении находился в непосредственном подчинении Главного Всероссийского штаба. Местное руководство над ним осуществлял Чрезвычайный комиссар Степного края А. Джангильдин. 21 апреля 1919 г. ему был выдан мандат Реввоенсоветом Южной группы войск Восточного фронта с подписями М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышева следующего содержания: «Настоящим удостоверяется, что Реввоенсоветом Южной группы армии Восточного фронта тов. Алибию Джангильдину поручается общее руководство над скорейшим формированием воинских киргизских частей в областях Уральской, Тургайской и Закаспийской, а также Буке-

---

¹ Куаншалиев Нигмет Копганович, член КПСС с 1930 г., ветеран гражданской войны, ныне персональный пенсионер. Его воспоминания хранятся в архиве Института философии и права Академии наук Казахской ССР.

² Приводится по кн.: Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш. Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975, с. 237.

евской орды».¹ А. Джангильдин в то же время непосредственно руководил военным строительством в Тургайской области. В структурном отношении Казахский Комиссариат по военным делам состоял из отделов: мобилизационного, политико-просветительного, снабжения и артиллерийской части.

В становлении и налаживании всей деятельности Казахского Военного Комиссариата большую постоянную помощь оказывали Реввоенсовет республики, дважды обсуждавший ход формирования национальных частей в Казахстане, командующий Восточным фронтом М.В. Фрунзе, члены Реввоенсовета Южной группы фронта, в частности В.В. Куйбышев, приехавший в г. Урду летом 1919 г., Астраханский губком партии, представители которого неоднократно на месте занимались работой Советов и Военного Комиссариата, видные деятели партии, в том числе член губкома Н. Нариманов.

Партийная группа, а затем районный партийный комитет, организованный в г. Урде с весны 1919 г., Букеевский облисполком проводили большую работу по оказанию всемерного содействия Военному Комиссариату в выполнении сложных и ответственных задач, возложенных на него в первые годы начала гражданской войны.

К середине 1919 г. в ведении Военного Комиссариата уже находились сформированные в Букеевской области Первый Советский образцовый казахский конный полк с полковой школой при нем, Первая Советская образцовая казахская конная батарея, этапная команда при военном коменданте г. Урды, конно-верблюжья запасная команда, а также казахская конная бригада, организованная в Уральской области под руководством Б. Каратаева («Каратаевская бригада»), отряд добровольцев в Тургайской области.

Деятельность Военного Комиссариата не ограничивалась только сугубо военными делами, хотя им, разумеется, уделялось в ней главное внимание. Вместе с тем он занимался широким кругом вопросов, которые в обычных условиях относились к компетенции гражданских ведомств. Условия военного времени выдвинули Военный Комиссариат в ведущий орган администрации в зоне своего влияния. Он, координируя свою работу с

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1. Алма-Ата, 1963, с. 299.

работой местных советских органов, которые, кстати, еще оставались сравнительно слабыми, занимался вопросами классовой налоговой политики, продовольственного снабжения населения, укрепления аульно-волостных советов вплоть до созыва областных съездов Советов и учителей, а также вопросами подготовки к Всеказахскому съезду и организации полномочного чрезвычайного краевого органа – революционного комитета по управлению Казахским краем.

Широта полномочий Казахского Военного Комиссариата была обусловлена и тем обстоятельством, что в его лице совмещалась деятельность двух органов: собственно Военного Комиссариата и Казахского отдела Наркомнаца РСФСР. В то же время сфера его власти была территориально ограничена и фактически распространялась только на западную часть Казахстана. Вся остальная часть края частично являлась зоной военных действий, частично была оккупирована войсками Колчака и белогвардейцев, а южные области продолжали находиться под юрисдикцией Туркестанской Советской Республики.

Казахский Комиссариат по военным делам, превращаясь в полномочный орган в зоне своего влияния, немало сделал для подъема политической активности в казахском обществе. Так, работники агитационно-вербовочных отделов созывали на местах съезды волостных и аульных Советов, проводили собрания жителей населенных пунктов и митинги трудящихся, на которых разъясняли характер и политику Советской власти к ранее угнетенным народам, что дает она им сейчас и почему надо защищать завоевания социалистической революции от врагов. Тут же принимались решения и производилась запись добровольцев в формируемые национальные войсковые части.

Ниже приводится пример одного из многих подобных съездов. 1 апреля 1919 г. группой из агитационно-вербовочного отдела был созван съезд представителей Советов 2-го Приморского округа Букеевской области. На нем участвовало 25 делегатов, представлявших десять волостных Советов и два поселковых. С докладом на съезде «О добровольной вербовке киргиз (казахов) в военные киргизские (казахские) части» выступил М. Кашкинбаев, член агитационно-вербовочного отдела. В принятом по докладу постановлении съезда говорилось: «Добровольную вербовку киргиз в киргизские воинские части считать делом весьма

важным, неотложным, и практическое проведение в жизнь путем широкой агитации среди населения через особых уполномоченных поручить волостным Советам...».¹

Издательство и типография при Букеевском подотделе Казахского отдела Наркомнаца РСФСР были укреплены с помощью Комиссариата по военным делам специалистами, финансами и оборудованием. В них наряду с казахской литературой стали печататься известия, бюллетени, приказы военного ведомства на русском и казахском языках, а главное, расширилось издание важной и злободневной политической и пропагандистской литературы, предназначенной для массового читателя в казахских аулах.

Национальные воинские формирования представляли не только вооруженную силу, но имели также огромное политическое, революционизирующее значение для казахского населения. То, что казахские джигиты добровольно записывались в отряды, чтобы своей грудью защищать завоевания Октября, возвышало идею Октября, делало ближе и роднее Советскую власть народной массе. Служба в рядах Красной Армии воспитывала идейно зрелых борцов за новое дело, и красные бойцы, возвращаясь в свои аулы, становились в ряды активных агитаторов революционных свершений.

О патриотическом и революционном духе говорят слова из резолюции собрания казахских джигитов, вступивших в ряды Красной Армии, состоявшегося 28 марта 1919 г. в г. Уральске: «Мы, добровольцы особого Киргизского (Казахского) кавалерийского дивизиона и трудовые мусульмане г. Уральска, – говорится в ней, – перед пролетариями всего мира клянемся, что будем защищать и стоять на страже социалистической международной революции и не выпускать из рук оружия вплоть до полного поражения всех врагов трудового народа».²

Такие отдельные мероприятия, как вручение Н. Наримановым от имени Российской Коммунистической партии 3 июня 1919 г. Первому Советскому образцовому казахскому конному полку

---

¹ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). – Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 90.

² Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской ССР (Сборник документальных материалов). Алма-Ата, 1947, с. 159.

Красного Знамени, как открытие в г. Урде Красноармейского клуба имени В.И. Ленина (в здании бывшего ханского дворца), выливались в значительные политические мероприятия, направленные на соби́рание здоровых сил народа под Красное Знамя Октября.

В Букеевской области была сосредоточена вся местная работа по подготовке и созыву Всеказахского учредительного съезда, на котором намечалось провозглашение Казахской Советской автономии. Эту работу по поручению Центра возглавил военный комиссар, одновременно являвшийся и заведующим Казахским отделом Наркомнаца РСФСР.

Сложившееся фактическое положение, когда Казахский Комиссариат по военным делам и Казахский отдел Наркомнаца, обосновавшиеся в Букеевской области, являлись в той или иной мере органами по делам Казахского края, учитывалось в Центре. Это видно хотя бы из решения Президиума ВЦИК от 11 апреля 1919 г. об отпуске средств для созыва I съезда Советов Казахстана.

Вот это решение:

«Слушали:

20. Ходатайство Народного Комиссариата по делам национальностей об отпуске средств для созыва Киргизского (Казахского) съезда.

Постановили:

Удовлетворить в размере 500 000 руб. Деньги перевести на текущий счет в Ханскую ставку».¹

Казахский Комиссариат по военным делам своей деятельностью внес определенный вклад в подготовку условий для создания революционного комитета по управлению Казахским краем.

---

¹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. – Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1947, с. 229.

4. Организация Казахского революционного комитета

Вопрос об организации Казахского революционного комитета, надо полагать, возник летом 1919 г., когда с большей очевидностью стало ясно, что созыв Всеказахского съезда Советов в сложившихся условиях в крае, в годы разгара гражданской войны, непосредственно неосуществим и что для этого необходимы переходные формы и серьезная подготовительная работа.

В 1918 – начале 1919 г. СНК и Наркомнац РСФСР, руководствуясь ленинским учением о праве наций на самоопределение и решением III Всероссийского съезда Советов, установившим, что подлинное право наций на самоопределение «составляет важную задачу Советского правительства»,¹ развернули активную деятельность по подготовке к провозглашению Казахской Советской автономии. Она проводилась по двум направлениям: подготовка проекта Положения о Казахской Советской автономии и подготовка созыва Всеказахского съезда Советов. Первая часть работы должна была вестись и велась в Центре, а вторая – на местах, непосредственно в крае, органами местных революционных организаций.

С весны 1919 г. положение в Казахском крае становилось все более сложным, и ход событий давал основание предполагать, что оно осложнится еще больше. В начале марта началось общее наступление колчаковских войск на Восточном фронте. В это же время белоказаки в Оренбургской и Уральской областях перешли к активным действиям против Советских войск.² Оккупировав обширные территории Северного и Центрального Казахстана, в том числе города Омск, Петропавловск, Акмолинск, Семипалатинск, Кокчетав, колчаковцы 10 апреля захватили г. Кустанай. 18 апреля – Актюбинск. Ободренные успехами врагов Советской власти, активизировали свои действия алашордынцы. 20 апреля они совершили контрреволюционный переворот в Тургае и зверски расправились с руководителями местного Совдепа, в том числе военным комиссаром области А. Имановым. Линия

---

¹ История Советской Конституции. – Сборник документов, 1917 – 1957. М., 1957, с. 48.

² Гражданская война в Казахстане. Летопись событий. Алма-Ата, 1974. с. 160.

фронта приближалась к Оренбургу, сжималось кольцо белогвардейцев вокруг г. Уральска. В степной зоне Зауралья действовали летучие вооруженные отряды Западного отделения «правительства» Алаш-Орды, превратившего г. Джамбейты в свою ставку.

С таким поворотом событий созыв Всеказахского съезда Советов, на котором планировалось провозглашение Казахской Советской автономии, оказался нереальным и практически в этот период неосуществимым. Обстановка диктовала принятие другого решения, и таким решением было создание революционного Комитета по управлению Казахским краем.

Вот как описывает Чрезвычайный комиссар Степного края А. Джангильдин ход подготовки создания Казахского революционного комитета: «Весной 1919 г. меня вызвал в Москву телеграммой Народный Комиссар по делам национальностей И.В. Сталин по вопросу создания Казахской Советской автономии. По приезде я прежде всего направился к товарищу Сталину. Он принял меня в своем кабинете, где состоялась беседа... И.В. Сталин пришел к убеждению, что мне необходимо переговорить с Владимиром Ильичом...

Владимир Ильич встретил меня очень приветливо. Он тоже спросил меня о работе... По всем вопросам товарищ Ленин предложил мне более подробно договориться с товарищем Сталиным. Я вторично отправился к И.В. Сталину ввиду необходимости создать Киргизский (Казахский) военно-революционный комитет и выработать о нем Положение. Он предложил мне остаться в Москве.

На следующий день при Наркомнаце под председательством И.В. Сталина состоялось совещание. В нем участвовал и я. Совещание приняло важное решение об образовании Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета и Положение о нем... Это совещание проходило в мае 1919 года...».¹

В течение мая – июня 1919 г. в Москве работал ряд комиссий и подкомиссий с задачей рассмотрения различных аспектов создания Казахского революционного комитета. Этому вопросу придавалось столь серьезное значение, что персональный состав их членов просматривал и одобрял лично Наркомнац И.В. Сталин.

---

¹ Казахстан в огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1960, с. 366-367.

В процессе обсуждений как в руководстве Наркомнаца, так и в комиссиях было установлено наличие ряда сложных и запутанных вопросов, мнения по которым участников обсуждений порою резко расходились. Особенно это относилось к вопросам определения территориальных границ ревкома и его правомочий. Вскоре вопрос о Казахском ревкоме был перенесен на обсуждение СНК, которое состоялось 12 июня 1919 г. под председательством В.И. Ленина.¹

Вслед за обсуждением вопроса в СНК работа рабочих групп и комиссий развертывалась весьма активно.

25 июня 1919 г. была созвана межведомственная Комиссия «по вопросам Положения о Киргизском (Казахском) крае». В ней участвовали: от народного комиссариата по делам национальностей – С. Пестковский, В. Лукашев, от Казахского отдела – А. Джангильдин, М. Тунгачин, Х. Бекентаев и др., от Наркомзема – Берзин, от Всероссийского главного штаба – Стрельбицкий, полномочные представители Туркестана – Шакиров, Тоболин, от наркома внутренних дел – Арсений Грачев, от наркома иностранных дел – Вознесенский.² Комиссия тщательно обсудила некоторые разногласия о границе края и одобрила проект Декрета о Казахском революционном комитете.³

28 июня 1919 г. состоялось объединенное заседание представителей Казахстана, Туркестана, младобухарцев, афганского народа, на котором обсуждался вопрос о взаимоотношениях Казахстана и Туркестана.⁴ Оно проходило с участием и под руководством ответственного работника Наркомнаца.

Проект Положения о Казахском революционном комитете, предварительно обсужденный в ряде комиссий и одобренный Народным Комиссариатом по делам национальностей, 10 июля 1919 г. рассматривался на заседании Совнаркома под председательством В.И. Ленина и был утвержден. В тот же день В.И. Лениным был подписан Декрет «О революционном комитете по управлению Киргизским (Казахским) краем».⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 566.

² ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 4, л. 88.

³ Более подробно об этом см. кн.: Зиманов С. В.И. Ленин и Советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970. с. 276-278.

⁴ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 56, л. 198.

⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, 1919, № 36.

Образование Казахского революционного комитета местными органами власти и народной массой воспринималось как начало советской автономии в крае, а иногда и как орган автономии. Так, в приветствии представителей казахских волостных Советов Астраханского и Красноярского уездов, принятом 21 октября 1919 г., говорилось следующее: «Признать правильной и отвечающей требованиям национальностей политику Советской власти по национальному вопросу и одобрить ее...

Приветствовать Киргизскую (Казахскую) автономию в лице Временного Революционного Комитета по Управлению Киргизским (Казахским) краем как единственного выразителя желаний и чаяний трудовой киргизской (казахской) массы».¹

В резолюции фракции коммунистов на первой казахской краевой конференции в Актюбинске 5 января 1920 г. отмечалось, что «первый шаг по организации Киргизской (Казахской) Социалистической Советской республики уже сделан путем создания краевого Киргизского военно-революционного комитета...».² Семипалатинский уездный съезд трудового казахского населения в марте 1920 г. решил «приветствовать краевой военно-революционный Киргизский (Казахский) комитет, которому выпала задача осуществления самоопределения трудового киргизского (казахского) народа».³

Видный исследователь С.М. Кенжебаев отмечает, что Казахский революционный комитет имел огромное значение для исторических судеб казахского народа. «С образованием Кирревкома работа Советского государства и трудящихся Казахстана за создание национальной государственности вступила в новую фазу».⁴ Образование Казахского ревкома с одобрением было встречено многими русскими большевиками, работавшими в Казахстане, армейскими политработниками.

Период учреждения ревкома Казахского края совпал с активными действиями на Уральском участке войск 4-й армии Восточного фронта. Видный партийный работник П. Петровский в

---

¹ Образование Казахской АССР. – Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957, с. 142.

² Образование Казахской АССР. – Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1957, с. 168.

³ Там же, с. 178.

⁴ Кенжебаев С.М. Советы в борьбе за построение социализма. Алма-Ата, 1969, с. 79.

статье «Наши успехи и задачи» писал: «Красные части вышли на Бухарскую сторону, перейдя в нескольких местах течение Урала. Враг отброшен от города со всех сторон... Особые условия создают для работы на киргизской (казахской) территории декреты Совета Народных Комиссаров об автономии Киргизского (Казахского) края и создание Киргизского ревкома для управления всеми местностями, населенными киргизами (казахами). Эта работа ведется в общекиргизском масштабе, и нам через соответствующие организации придется выполнить долю нам выпавшей работы...».¹ В одной из фронтовых газет была напечатана статья «Киргизстан», посвященная образованию Казревкома. В ней говорилось: «...организуя Киргизстан (Казахстан), мы стремимся не только к осуществлению полного равенства в отношениях русских трудовых людей к трудовым людям киргизским, татарским, башкирским и т. д. Организацией самостоятельных Башкирии и Киргизстана мы даем могучий толчок пробуждению народа Востока».²

---

¹ Лицкая правда, 1919, 19 августа, № 100.

² Красный боец, 1919, 17 ноября, № 149.

ГЛАВА II

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Высшее военно-гражданское управление краем

К середине 1919 г. был накоплен определенный опыт создания и организации деятельности революционных комитетов в целом, губернских, уездных и волостных – в особенности. В 1917 и в начале 1918 г. они создавались для захвата власти пролетариатом, а в период гражданской войны – как временные чрезвычайные органы: в их руках была сосредоточена вся полнота власти, как гражданская, так и военная. Между ревкомками и советами существовала непосредственная преемственность: первые подготавливали условия для организации и упрочения советов, и с эффективным функционированием последних ревкомки упразднились.

К моменту организации Казахского революционного комитета, хотя еще и не было единого положения о ревкомках, тем не менее существовали отдельные персонифицированные разработки, определявшие характер, назначение и полномочия конкретных ревкомков. И можно сказать, что в общем-то политико-правовой статус ревкомков, в основных чертах, уже был довольно определен.

Революционные комитеты организационно и функционально были наиболее приспособленными органами к сложным условиям военного и особенно сложного мирного времени. Их структурное построение и деятельность власти отражали классово-пролетарский характер.

Политико-правовой статус Казахского революционного комитета был определен Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 10 июля 1919 г. В нем говорилось, что революционный комитет учреждается как «высшее военно-гражданское уп-

равление краем».¹ Этим положением было установлено главное: Казревком являлся высшим органом государственной власти и государственного управления с чрезвычайными полномочиями на территории Казахского края.

В литературе при оценке статуса и политико-административной власти Казахского революционного комитета имеет место приравнение его к «правительству». Такое мнение в 40-х годах высказал М.С. Сапаргалиев. «Революционный комитет по управлению Казахским краем, – писал он, – есть первое правительство Советского социалистического Казахстана». В другом месте он называет Казревком прообразом «первого правительства Советского Казахстана».² Аналогичной точки зрения придерживается и С. Бейсембаев.³

В этом вопросе более осторожен видный исследователь С. Сартаев. По его мнению, «образование Казревкома было первым камнем, заложенным в фундамент Казахской Автономной Советской социалистической республики».⁴

Казахский революционный комитет, разумеется, не был «правительством» Казахстана как по методу формирования и подконтрольности, так и по условиям, основаниям деятельности и политико-правовых полномочий. Правительство есть институт определенной политической системы – государственности, только в ее рамках оно функционирует. В Казахстане не было еще национальной государственности, следовательно, и не было места и основания для существования ее правительства. Положение и роль Казахского революционного комитета более точно выражает его определение как «высшее военно-гражданское Управление краем», данное в Декрете СНК РСФСР от 10 июля 1919 г.

Политико-административный статус Казревкома обуславливался тем, что он был создан как переходный и временный орган до созыва Всеказахского съезда Советов, который намечался быть «в возможно непродолжительном времени». Причем Советское правительство установило, что сам Казревком готовит

---

¹ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.) Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 102.

² Сапаргалиев М.С. Возникновение Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1948, с. 89.

³ Бейсембаев С. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968, с. 191.

⁴ Сартаев С.С. Образование и становление Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1960, с. 52.

условия для собственного упразднения и что в основную его задачу входит разработка проекта Положения о Казахской Советской автономии для представления его на утверждение Всеказахского съезда Советов.

Полномочие Казревкома может быть охарактеризовано как «полновластие» на территории областей, объединенных в Казахский край. Согласно Декрету об его организации, ему непосредственно были подчинены местные советские органы и вменялось в обязанность «объединение и организация всей Советской деятельности в пределах Киргизского (Казахского) края». Казревком обладал правом контролировать деятельность местных Советских органов и «реконструировать» их по своему усмотрению. Как показывают сохранившиеся архивные материалы, Казревком выступал на деле как высший партийно-политический орган в крае до образования краевой партийной организации.

Казревком, его руководство и члены обладали обширными полномочиями в выполнении задач, возложенных на них. Характерно в этой части содержание мандата, выданного 23 ноября 1919 г. заместителю председателя революционного комитета С. Мендешеву, которым определялись его полномочия. В нем было сказано, что С.Мендешев имеет:

«...3. Право отмены и утверждения всякого рода решений отделов Военревкома и всех советских учреждений Киргизского края;

4. Право смещения всех должностных лиц Киргизского края без исключения.

5. Право распоряжаться кредитами и средствами Военревкома.

6. Право подачи военных телеграмм и пользования прямым проводом».¹

Казревком, как и другие революционные комитеты периода гражданской войны, при необходимости действовал военно-административными методами. Его постановления, приказы, предписания, распоряжения, циркуляры подлежали беспрекословному выполнению теми, кому они адресовались. Случаи несвоевременного выполнения, тем более игнорирования распоряжений Казревкома пресекались немедленно и нередко с соответствующими выводами.

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 26, л. 61.

Казревком уделял большое внимание установлению должной, по тогдашнему выражению, «железной» дисциплины, в первую очередь, в своем аппарате и в подчиненных учреждениях. В этой части характерен приказ, подписанный в сентябре 1919 г. председателем ревкома края С. Пестковским по случаю обнаруженных недостатков в выполнении служебных обязанностей со стороны некоторых сотрудников ревкома. В нем говорилось: «Во избежание всяких печальных последствий, предупреждаю всех сотрудников и служащих, что мною будут предприняты для восстановления железной дисциплины самые суровые меры. Вольнонаемные служащие за неисполнение своих обязанностей будут исключаться со службы без права поступления на какую бы то ни было работу в другие советские учреждения. Откомандированные же из Красной Армии, мобилизованные (врачи, фармацевты, военнообязанные и т. п.) будут предаваться суду Революционного трибунала».¹

Казревком осуществлял руководство народно-хозяйственной, социально-культурной и административно-политической жизнью областей, отнесенных к его компетенции, непосредственно и через областные ревкомы, облисполкомы в тесном контакте с реввоенсоветами армии и военными ведомствами, действовавшими в крае. Осуществляя свою деятельность, революционный комитет имел право отменять решения губернских, областных, уездных, волостных и сельских ревкомов и Советов, если они были вынесены в нарушение интересов трудящихся или законов центральной Советской власти.

Казахскому революционному комитету большую помощь оказали Реввоенсоветы Южной группы войск Восточного, а затем Туркестанского фронта, Реввоенсоветы Армии и местное руководство частей Красной Армии. На освобожденных территориях они занимались организацией ревкомов, Советов и местных партийных организаций. Политработники войск фронта проводили большую политико-просветительную работу среди местного населения, оказывали значительную помощь Казревкому в восстановлении народного хозяйства ряда областей.

Казахский революционный комитет как Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., так и последующими указаниями и

¹ ЦГА КазССР. ф. 14, оп. 1, д. 4, л. 11.

рекомендациями центральных органов был сориентирован на работу в основном среди казахского населения при одновременном осуществлении руководства областными и уездными ревкомками и исполкомаами Советов.

В процессе своей деятельности он встретился со значительными, порою необычными и своеобразными трудностями, связанными с поиском и нахождением путей политической и советской работы в специфически кочевой и полукочевой казахской среде, с пониманием и осмыслением новых явлений в жизни казахского народа и их влияния на историко-этнографический, социально-бытовой традиционный его уклад.

В течение всего периода существования Казахского революционного комитета не прекращались обсуждения и дискуссии вокруг вопросов о работе среди казахского населения, о методах, темпе его активного вовлечения в политическую жизнь нового общества. Этим вопросам уделяла немало внимания и центральная печать, в особенности орган Наркомнаца РСФСР – газета «Жизнь национальностей».

И в целях более правильного проведения советской политики и организации всей работы в Казахском крае Центр собирал и изучал фактические материалы и мнения различных деятелей. В 1920 г. Наркомнац РСФСР активно занялся «киргизским вопросом» с целью обобщения начального опыта работы по вовлечению трудовых масс казахского населения в социалистическое строительство в свете решений VIII съезда партии и в связи с предстоящим обсуждением вопросов об образовании Казахской Советской Автономной республики. Были запрошены мнения и тезисы ответственных работников и учреждений, связанных с работой в Казахском крае.

В Центральном архиве Октябрьской революции, в фондах Наркомнаца РСФСР отложились три варианта «тезисов по киргизскому вопросу», составленные некоторыми членами Казахского революционного комитета и Областного бюро РКП (б) Казахского края к середине 1920 г. В них заметно выступают не только стремление к глубокому осмыслению революционных процессов в крае и различное понимание, но и развитие подхода к этому вопросу.

Тезисы опытного коммуниста и члена Казревкома В. Мюрата начинаются так: «1. Киргизский (казахский) вопрос, как и для

всей нашей партии в целом, так и и для местных коммунистических организаций в особенности, представляет огромный теоретический и практический интерес, поскольку на киргизской (казахской) почве нам предстоит определить свою деловую политику и найти пути устройства бывших неравноправных народов и колоний, принять активное участие в самоопределении киргизского (казахского) народа в данных конкретных условиях и в создании органов Советской власти, почему все местные партийные организации, соприкасающиеся с Киргизским (Казахским) краем, должны принять самое активное участие в деле организации Киргизской (Казахской) республики, стремясь закрепить там влияние нашей партии».¹

Он считал, что отсталость дореволюционного казахского общества выражалась в том, что в нем «первобытные формы хозяйства» сочетаются, как он называет, «с патриархально-авторитарными формами общественных отношений». По своему социальному развитию оно само по себе внутренне не было подготовлено «как для современного буржуазного государства, так и для социалистического». Несмотря на это, самым ходом исторического развития казахское общество теперь «поставлено перед необходимостью выбора между двумя указанными выше формами власти буржуазной и советской». Автор справедливо указывает, что опыты революций февраля и октября 1917 г., диктатура Колчака в 1918 – 1919 гг. убедили казахский народ в «невозможности добиться при буржуазном строе в России национальной независимости и свободы... Киргизы (казахи) в своем большинстве решительно встали на точку зрения необходимости создания автономно-территориальной республики в рамках советского строя».² По его мнению, это, однако, не снимает всю сложность «киргизского вопроса».

В качестве одного из тезисов, определяющих задачу партийной и советской работы в крае, автор выдвигает то положение, что «нашей партии в этом отношении предстоит проделать длительный и вместе с тем сложный опыт, чтобы изжить и ликвидировать все остатки старого национального антагонизма: путем длительной политической работы примирить иногда враждебно иногда друг другу настроенные трудовые элементы различных

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 643, л. 183.

² Там же, л. 184-185.

национальностей, как то: киргиз (казахов), переселенцев, казаков, татар и т. д.»).

Автор тезисов считал, что в связи с подготовкой к провозглашению Казахской Советской республики актуальным является решение вопроса о включении в ее состав гг. Оренбурга, Семипалатинска, Кустаная, Уральска как опорных экономических и политических центров края, опираясь на которые можно и только возможно развернуть партийно-политическую работу и выполнить задачу государственного управления. Он особенно настаивал на включении в Казахскую республику, хотя бы на первом этапе, г. Оренбурга и Оренбургской губернии. «Необходимо сейчас же установить полное принципиальное соглашение, – писал В. Мюрат, – между Оренбургским губкомом и губисполкомом – с одной и Киркрайревкомом – с другой стороны, с тем что обе стороны примут все необходимые меры для осуществления полного сотрудничества сейчас с целью... включения Оренбургской губернии в состав Киргизской или Степной республики».¹

Представляют значительный интерес Тезисы по киргизскому (казахскому) вопросу областного бюро РКП(б) Казахского края, направленные в Центр к середине 1920 г. В них с большой тщательностью и развернуто анализируется положение казахского общества в прошлом и в Советскую эпоху. Здесь указывается, что ходом развития Октябрьской революции теперь поставлена задача «определения и конкретизации нашей партийной политики среди отдельных мусульманских народов, в частности в Киргизском (Казахском) крае.., поскольку нашим организациям в Киркрае приходится быть проводниками программы (партии) во всех областях жизни в данных конкретных исторических условиях и революционной действительности и принимать активное участие в процессе национального самоопределения киргизского (казахского) народа».²

Дореволюционный Казахстан по своему уровню развития рассматривается как общество «с патриархально-родовым укладом», соединенным «с возникающими феодально-деспотическими отношениями восточного типа». О политическом положении края в Тезисах сказано, что «царским правительством и русской буржуазией в Киргизском (Казахском) крае прово-

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 643, л. 186-187.

² ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 643, л. 192.

дилась колониальная политика в самом чистом виде и крайних ее формах, чем совершенно было задушено всякое дальнейшее развитие киргизского (казахского) народа». В силу такого положения, как указывалось в Тезисах, с точки зрения внутренних, национальных условий казахский народ к моменту Октябрьской революции был «неподготовленным как для капиталистической-буржуазных, так и для социалистических, советских форм хозяйства и государственного устройства». ¹ Однако развитие политической жизни общества и революционного процесса в России поставило казахское общество «перед необходимостью выбора» между двумя политическими формами организации общественной жизни. И передовые группы, и деятели народа, испытавшие власть буржуазии и буржуазных националистов, Колчака и белогвардейцев, избрали «путь сближения и союза с Советской властью». ²

В Тезисах отстаивается позиция и имеются предложения относительно партийно-советской работы в казахском обществе в первые годы после Октября, при этом обращается особое внимание на необходимость учитывать в работе особенности края. «Край в силу своих особенностей требует особого управления... Точно так же мы здесь стоим перед необходимостью выработки определенной программы о наших ближайших задачах в Киргизском (Казахском) крае и видоизменения некоторой части нашего советского законодательства применительно к условиям киргизской (казахской) жизни». ³

По мнению авторов Тезисов, в политической работе в крае в первую очередь необходимо обратить внимание «на действительное и полное политическое, экономическое и правовое освобождение киргизских (казахских) трудовых масс., на сближение и уравнивание трудящихся масс различных национальностей, ...на раскрепощение и защиту всемерно эксплуатируемой киргизской (казахской) женщины, ...на всемерную борьбу с суевериями и политической отсталостью широких народных масс».

Указанные «Тезисы по киргизскому (казахскому) вопросу» не свободны от отдельных ошибочных представлений относительно социально-экономического уровня развития дореволюционного

---

¹ Там же, л. 193.

² Там же.

³ Там же, л. 194, 195.

казахского общества по вопросам темпа и масштабов распространения идей Октября и Советской власти в среде местного населения края. Однако ценность этого документа состоит в том, что в них охвачены особенности революционного развития казахского общества и намечены некоторые конкретные рекомендации о формах и путях дальнейшей партийно-политической работы в Казахском крае в соответствии с его действительным положением.

В постановке правильной работы и в решении возникающих в крае вопросов постоянную и огромную помощь Казахскому революционному комитету оказали ЦК РКП(б), ВЦИК, СНК и Наркомнац РСФСР. «Там, на месте, моя работа натолкнулась на громадные трудности, – пишет председатель Казревкома С.С. Пестковский, – а ходить за советом было не к кому. Зато всякий раз, когда я приезжал в Москву на съезд партии или съезд Советов, я ходил к Ильичу, чтобы советоваться с ним по целому ряду вопросов».¹ В.А. Радус-Зенькович, заменивший на посту председателя Казревкома С.С. Пестковского в августе 1920 г., также указывает, что «последующие мои встречи с В.И. Лениным состоялись в годы, когда я работал в Казахстане».²

---

¹ В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 29.

² Там же, с. 18.

2. Структурное развитие революционного комитета

Казахский революционный комитет возник и формировался не на базе какого-то другого советского органа и не пришел на смену сломленного революцией старого аппарата. Он явился совершенно новым органом в крае и не имел ни аналога, ни предшественника в прошлом. Это обстоятельство наложило отпечаток на структурное развитие Казревкома.

Организационное построение ревкома обуславливалось тремя факторами: во-первых, задачами, для выполнения которых он был создан; во-вторых, конкретными условиями, в которых приходилось выполнять эти задачи и, в-третьих, наличием и уровнем кадров, привлекаемых для работы в органе.

Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. установил, что Казревком имеет целью: «а) объединение и организацию всей советской деятельности в пределах Киргизского (Казахского) края; б) проведение в жизнь всех постановлений центральной Советской власти в соответствии быту, обычаю и условиям местного населения; в) контроль над деятельностью местных Советов; г) принятие всех мер к поднятию Киргизского (Казахского) края в хозяйственном и культурном отношениях; д) разрешение всех возникающих вопросов, имеющих чисто местное значение; е) составление проекта положения о киргизской (казахской) автономии для представления на утверждение Всеобщего съезда; ж) урегулирование отношений между Киргизским (Казахским) краем, РСФСР и Туркестанской Советской Республикой».¹

В соответствии с этими целями и задачами складывалась структура революционного комитета. Местом постоянного пребывания Казревкома определен Оренбург, куда и прибыл основной состав его членов во главе с председателем ревкома С. Пестковским, участвовавшим на совещаниях в Москве при разработке и принятии Декрета «О революционном комитете по управлению Казахским краем». 7 августа 1919 г. С. Пестковский направил в Москву в ЦК партии, Совнаркому, Наркомнацу. Казахскому отделу Наркомнаца следующую телеграмму: «Киргизский ревком прибыл в Оренбург».² Этот день можно считать

¹ См.: Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917-1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 103-104.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 9, л. 4.

началом фактического функционирования революционного комитета Казахстана.¹ Оренбургский губком партии выделил для Казревкома одно из лучших в то время зданий города по ул. Советской, 10, помог организационно оформиться в самые сжатые сроки.

В первые дни работы Казревкома, когда его аппарат состоял в основном из одних членов и нескольких временно привлеченных местных интеллигентов, главным в его деятельности было установление связи с местными ревкомками, ознакомление с их положением, контакт с Оренбургским и Уральским губкомками партии и облисполкомками, а также комплектование собственно деятельного аппарата ревкома. В эти дни члены Казревкома выполняли важные разовые поручения и работы по временным участкам.

С самого начала деятельность ревкома столкнулась с серьезными трудностями. Край был охвачен гражданской войной. Пути сообщения и связь с областями и уездами были разрушены отступающими белыми. В ряде мест существовал голод и свирепствовал сыпной тиф, экономика края переживала упадок. Для советских и хозяйственных органов не хватало специалистов и технических работников. К этим трудностям прибавилось то, что в первом составе ревкома не было достаточного единства во мнениях при установлении политической линии и определении методов работы в крае. Значительной помехой в налаживании советской работы явилась отсталость местного населения, слабая классовая дифференциация внутриаульных коллективов, остатки межнациональной розни, земельная и хозяйственная неустроенность отдельных слоев населения, разруха и голод, еще не изжитое влияние буржуазных националистов среди некоторой части казахского населения.²

Как указывалось в официальных документах, деятельность Казревкома развертывалась в двух основных направлениях:

---

¹ Некоторые местные члены Казревкома начали съезжаться несколько позже. С. Мендешев вспоминает: «В Оренбург я приехал в десятых числах сентября и застал там Пестковского - председателя Кирревкома. Тов. Джангильдин работая в Тургайской области». Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1960, с. 371.

² Зимапов С. В. И. Ленин и Советская национальная государственность в Казахстане. Алма-Ата, 1970, с. 282.

политическом и организационном. Политическое направление деятельности включало вопросы, связанные с собиранием областей и уездов, перечисленных в Декрете Совнаркома РСФСР, под единое управление, подчинение их Казревкому, определение политических линий и методов функционирования ревкома как высшего органа управления. В крае в условиях гражданской войны организаторская деятельность Казревкома выражалась в формировании системы власти и работоспособного краевого и местного аппарата, в налаживании и упорядочении отношений в первую очередь с Оренбургским, Уральским губкомом партии, облисполкомами и облревкомами, а также с уездными организациями краевого подчинения.

Организация отделов в составе ревкома относится к началу сентября 1919 г. 12 сентября на заседании Казревкома с участием пяти его членов состоялись первые выборы открытым голосованием руководителей ведомств и отделов краевого аппарата. Были избраны большинством голосов: заместитель председателя ревкома, военный комиссар, заведующие отделами внутренних дел, финансово-хозяйственным, народного просвещения, продовольственным и социального обеспечения.¹ В дальнейшем создаются в структуре Казахского революционного комитета отделы: продовольствия (А. Бегимбетов), юстиции (Б. Каратаев), земледелия (Ф.А. Буйвида), здравоохранения, труда, совнархоза (Г. Букейханов), информационный (Е.М. Мюльман), полиграфический (К.Г. Акулов), общей канцелярии (С. Д. Иаселяни), а также следственная комиссия, краевой военный трибунал, краевой комиссариат рабоче-крестьянской инспекции и др. К концу 1919 г. во всех этих учреждениях, составляющих аппарат Казахского революционного комитета, уже работало 138 человек, включая членов ревкома.²

Вот как описывает начальную обстановку создания Казревкома один из его членов С. Мендешев: «Немного ознакомившись с положением в ревкоме, я заявил Пестковскому, что беру на себя организацию отдела народного образования. Он согласился с моим предложением. Помнится обстановка первых шагов нашей работы: стол в большой комнате ревкома и на стене объявление, что здесь находится отдел народного образования. Начали мы

¹ ЦГА КазССР. ф. 14, оп. 3, д. 1, л. 7.

² Там же. д. 3, л. 561-563.

с того, что послали телеграмму по всем областям об образовании отдела. Через несколько дней появился первый работник, которому я поручил руководство русскими школами. Мы с ним составили проект положения об отделе и разработали структуру отдела и штаты. Скоро появился и второй сотрудник, который занялся вопросами работы казахских школ».¹

Непосредственный контроль и руководство над деятельностью отделов и других подразделений осуществлял Президиум Казревкома, состоящий из его руководства и секретаря. Президиум ревкома направлял, согласовывал и контролировал работу всех отделов, готовил повестки дня заседаний ревкома, решал текущие организационные вопросы, а также вопросы общего характера.

На одном из заседаний Казревкома был установлен и принят регламент его работы, согласно которому Президиум заседал ежедневно с 13 до 14 часов, заседание состава ревкома проходило еженедельно по пятницам с 18 часов. Пленумы Казревкома, в которых участвовали руководители отделов, краевых ведомств и уполномоченные центральных органов РСФСР, проводились еженедельно по вторникам с 6 часов вечера. Был установлен еженедельный доклад заведующих отделами председателю Казревкома и его заместителям с 12 ч. 30 мин. до 13.00.

Комплектование отделов кадрами, знающими местную жизнь, представляло большую трудность. Особенно острый недостаток ощущался в казахах, которых можно было бы привлечь для работы в делах ревкома. Этот вопрос специально рассматривался на заседании ревкома 31 марта 1920 г. На нем было констатировано, что в отделах Казревкома большинство служащих составляют русские, а казахов почти нет, а те, которые работают, преимущественно выходцы из Уральской и Тургайской областей. Поэтому было решено стараться, чтобы во всех отделах были местные кадры из разных областей, которые в будущем самостоятельно могли бы вести дела в отделах ревкома.²

Организация отделов, краевых ведомственных органов заняла всю вторую половину 1919 г. Одни из них создавались самим

---

¹ Казахстан в огне гражданской войны. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1960, с. 372.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 22.

Казревкомом, а другие – совместными решениями с Реввоенсоветом Туркестанского фронта или центральными органами РСФСР.

Отдел внутреннего управления, который ведал вопросами советского строительства общественного порядка и др., начал функционировать с конца октября 1919 г. В его структуре имелись следующие подотделы: общий, канцелярия, информационно-инструкторский, финансово-счетный, главное управление милиции, отдел записей актов гражданского состояния. Отдел созывал совещания, создавал комиссии по работе местных Советов. Он широко практиковал посылку агитаторов-инструкторов на места для восстановления, укрепления и инструктирования советских органов. В специальной инструкции, выработанной отделом внутреннего управления, указывалось, что агитаторы-организаторы командуются «для агитации и революционизирования киргизского (казахского) населения, а равно для устранения влияния на массы бедняков консервативных элементов».¹ Отделом также осуществлялось наблюдение за проведением в жизнь всех постановлений центральных органов Советской власти, охраной революционного порядка.

Продовольственный отдел ревкома был создан 12 сентября 1919 г. На нем лежала обязанность проведения продовольственной политики в крае «местного значения» под непосредственным руководством революционного комитета и Наркомпрода РСФСР. В первые месяцы своей деятельности отдел, пока он укомплектовывался и набирался опыта, работал в тесном контакте и под организационным руководством Оренбургского губпродкома – таково было решение ревкома, принятое на своем заседании 18 октября 1919 г.²

Значение продовольственной политики и продовольственного дела в крае было огромно. Отсюда и задачи продовольственного отдела были значительны.

В целях координации и централизации постановки продовольственных вопросов в крае в сентябре 1919 г. была образована Особая комиссия по снабжению армии и населения Оренбургской губернии и Казахского края. В состав комиссии входили представители Оренбургского губпродкома, ревкома по

¹ Там же, оп. 1, д. 81, л. 4.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 19, л. 18.

управлению краем и военных продовольственных учреждений.¹ В ее функцию входило рассмотрение и решение принципиально важных практических вопросов, возникающих в процессе работы перечисленных учреждений и требующих координированных действий.

На заседании Казревкома, состоявшегося 27 октября 1919 г., на котором обсуждалась работа продотдела, участвовали представители Реввоенсовета фронта и армии, члены комиссии СНК РСФСР по делам Туркестана. На нем, по предложению представителя Туркестанского фронта, было решено реорганизовать продовольственный отдел в комиссариат продовольствия с тем, чтобы он работал по заданиям и под контролем продовольственной комиссии Туркестанского фронта и Казревкома.² Это предложение было в принципе принято при новом обсуждении его 9 ноября 1919 г. и было решено: 1) народный комиссар продовольствия края выдвигается ревкомом, а Туркестанский фронт имеет право отвода; 2) коллегия Наркомпрода состоит из семи человек, причем наркома и трех ее членов назначает Казревком, двух членов коллегии – Туркестанский фронт, седьмого члена коллегии определяет Центр. При этом признавалось право ревкома отводить членов коллегии, выдвигаемых Туркестанским фронтом.³

В соответствии с Декретом от 10 июля 1919 г. Казахский комиссариат по военным делам с местом пребывания в г. Урде был реорганизован в военный отдел Казревкома. В задачу этого отдела входило формирование добровольческих воинских частей из казахов, создание в степи сети военных учреждений, производство учета населения призывного возраста, повозок, лошадей, проведение всеобщего обучения, организация военных школ для подготовки инструкторского и командного состава из казахов, формирование рабочих рот, дружин, продовольственных отрядов, отрядов особого назначения и т. д.⁴ На местах были созданы губернские, уездные, участковые военные комиссариаты. Дело формирования национальных воинских частей при содействии и помощи Реввоенсовета Туркфронта быстро налаживалось. При

---

¹ Там же, д. 61, л. 123.

² Там же, оп. 2, д. 19, л. 20 об.

³ Там же, ф. 14, оп. 3, д. 19, л. 28.

⁴ Там же, д. 4, л. 8, 9 об.

военном отделе Казревкома были открыты одномесечные политические курсы для подготовки местных кадров-агитаторов.¹ В 1920 г. в Оренбурге были организованы курсы по подготовке командно-политического состава частей Красной Армии.

Отдел юстиции был образован в октябре 1919 г. Первоначально было намечено в его составе организовать 6 подразделов: общий, судебно-следственный, административно-хозяйственный, законодательных предположений, карательный и нотариальный. Однако фактически удалось организовать к началу 1920 г. четыре первых подраздела, а другие из-за отсутствия кадров не были организованы. Основными задачами отдела являлись организация новых судебных учреждений, осуществление судебной деятельности на всей территории края. Усилиями отдела юстиции народные суды и следственные комиссии были организованы вскоре во всех уездах Тургайской области, постепенно учреждались в Уральской, Букеевской областях и Волго-Каспийской зоне.

Решение Казревкома об организации отдела земледелия было вынесено 30 сентября 1919 г., а фактически он начал функционировать с 25 ноября. Отдел имел следующие подразделения: агрономический, животноводства, гидротехнический, земельно-технический.² На отдел земледелия возлагалось содействие переходу кочевого населения на оседлость, наделение кочевых хозяйств сезонными пастбищными угодьями, организация прокатных пунктов сельскохозяйственного инвентаря, открытие ремонтных мастерских, учет и мобилизация специалистов по сельскому хозяйству. Отдел внес определенную лепту в подготовку к проведению земельной реформы в кочевых районах в поддержание скотоводческого хозяйства.

Отдел здравоохранения был образован постановлением революционного комитета 12 сентября 1919 г. В его составе в отличие от других отделов в первые месяцы не были созданы структурные подразделения. Это объяснялось в первую очередь отсутствием надлежащих специалистов. Лишь к концу января 1920 г. организуются следующие подразделения: лечебный, санитарно-эпидемиологический, фармацевтический, статистический, бухгалтерский и общей канцелярии. Отдел здравоохранения и

¹ Там же, д. 2, л. 8-9.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 58, л. 2, 2 об.

его местные органы испытывали острый недостаток в медицинских кадрах. Так, в г. Актюбинске и Тургае было всего по одному врачу, а во многих уездах не было вообще и этого. Не лучше обстояло дело и в Уральской области. Казревком в сентябре 1919 г. дал телеграмму в Москву на имя Наркомздрава Семашко с просьбой прислать в его распоряжение «10 врачей-организаторов и отпустить авансом медикаменты».¹ Несмотря на эти трудности, отделом здравоохранения была проведена большая работа по собиранию необходимых сведений о состоянии медико-санитарного дела в крае, по восстановлению пострадавших медицинских учреждений и по борьбе с эпидемиями.

Отдел народного просвещения сформировался в сентябре 1919 г. и имел следующие подотделы: школьный, внешкольный, дошкольный, профессионально-технический, научный и снабжения. Деятельность отдела была направлена на создание сети народных школ, привлечение состава мугалимов для работы в этих школах. Отделом открывались библиотеки, избы-читальни, школы для взрослых, народные театры, был составлен первый план работы по ликвидации неграмотности, организованы курсы по подготовке учителей по дошкольному воспитанию, работников меховой промышленности и одна сельскохозяйственная школа. Решение об организации краевого отдела, а затем бюро ВСНХ было принято революционным комитетом 15 сентября 1919 г. До полного укомплектования его функцию выполнял продовольственный отдел, а затем в течение ряда месяцев – Оренбургский губсовнархоз. Краевое бюро (Кирбюро) Совнархоза, как гласило о нем Положение, согласует свою работу с Центром, руководит всей экономической жизнью края, финансирует, контролирует все экономические органы.²

На статистическое управление, организованное 20 декабря 1919 г., были возложены задачи: выяснение результатов переписи 1917 г., организация демографическо-профессиональной, сельскохозяйственной и промышленной переписи, исследование кочевого населения, создание местных статистических учреждений.

На основании постановления Совета Народных Комиссаров «О порядке всеобщей трудовой повинности» Казревком 27 марта 1920 г. организовал краевой комитет по всеобщей трудовой

¹ Там же. оп. 2, д. 9, л. 31.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 5, л. 23-25.

повинности. Основной задачей этого органа была широкая мобилизация населения на общественные работы.¹

Отдел труда был организован в апреле 1920 г. Он имел подотделы: организации и управления, учета и определения рабочей силы, социальной охраны труда, тарифный, финансовый, хозяйственный, статистики труда.² Основной задачей отдела была организация инспекции труда, упорядочение тарифного вопроса, создание комиссии по охране труда подростков и малолетних.

В соответствии с задачами революционного комитета были созданы также и другие подразделения: краевой военный трибунал (февраль 1920 г.), отделы социального обеспечения (16 сентября 1919 г.), отдел почты и телеграфа (декабрь 1919 г.) и рабоче-крестьянская инспекция.

Для решения комплексных и отдельных вопросов при Казахском ревкоме находились постоянные и временные комиссии: революционно-следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, саботажем, должностными преступлениями и уголовным делам (создана 3 декабря 1919 г.),³ специальная комиссия по определению границ края (16 мая 1920 г.), комиссия для разработки инструкций по выборам в Учредительный съезд Советов Казахстана (15 сентября 1919 г.), Центральная краевая избирательная комиссия по выборам делегатов в Учредительный съезд Советов (май 1920 г.), Особая комиссия по обследованию положения на местах по земельному вопросу и продовольствию.⁴

Структурное оформление революционного комитета по управлению краем в основном завершилось в сентябре – октябре 1919 г. В организационном и функциональном укреплении структурных подразделений ревкома большую роль играли соответствующие ведомства Оренбургского губисполкома, укомплектованные опытными специалистами.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 17.

² Там же, д. 5, л. 12, 13, 14.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 4, л. 26.

⁴ Там же, д. 105, л. 147.

3. Состав и кадры ревкома

Вопрос о персональном составе Казахского революционного комитета, и в особенности о его первом руководителе, был поднят в ходе подготовки проекта Положения о Казревкоме и конкретно стал обсуждаться в Наркомнаце вслед за заседанием Совнаркома, на котором 10 июля 1919 г. был принят и подписан В.И.Лениным Декрет о революционном комитете по управлению Казахским краем. Судя по воспоминаниям С. Пестковского и других, в среде руководства Наркомнаца было вначале твердое намерение председателем Казревкома назначить представителя коренной национальности, пользующегося определенным авторитетом в крае. Об этом была поставлена в известность группа делегатов из Казахстана, принимавшая участие в разработке проекта Положения о ревкоме. Однако казахские делегаты решили из своей среды председателя ревкома не выдвигать и просили Наркомнац назначить на эту должность опытного и «нейтрального» товарища из Центра. Такой кандидатурой оказался С. Пестковский, один из организаторов народного комиссариата по делам национальностей и его руководителей.

С. Пестковский – поляк по национальности, член партии с 1902 г., прошел суровую школу большевика-подпольщика, принимал активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции, работал в Петроградском военно-революционном комитете, а после ее победы – в Смольном. Через несколько дней после II Всероссийского съезда Советов он под непосредственным руководством И.В. Сталина принимал участие в организации Народного Комиссариата по делам национальностей и был назначен заместителем наркома. Будучи на этой должности, он активно включился в работу по претворению в жизнь ленинской программы по национальному вопросу, участвовал в составе ряда межведомственных и правительственных комиссий по подготовке советской автономии западных и восточных народов. С. Пестковского хорошо знали А. Джангильдин, М. Тунгачин, Б. Каратаев, Х. Бекентаев и другие по работе в Наркомнаце. Он представлял Наркомнац в межведомственной комиссии по выработке проекта Положения о революционном комитете по управлению Казахским краем, работавшей во второй половине июня – начале июля 1919 г. Своим вдумчивым, неторопливым

отношением к делу, теоретической подготовкой и опытом решения сложных вопросов национальностей С. Пестковский заслужил высокий авторитет среди национальных кадров Советского Востока.

Назначение С. Пестковского председателем Казахского революционного комитета было весьма удачным решением. Дело в том, что ревкому предстояло не только организовать в Степном крае аппарат новой власти, но и собирать, объединять казахские области и уезды, находившиеся в подчинении разных административных центров, под одно управление. Как предполагалось и как показала последующая практика, работа в этом плане была очень сложной. Более успешно эти вопросы могли быть решены под руководством опытного, «федерального» руководителя, пользующегося авторитетом в Центре. Тем более что среди казахских работников краевого масштаба не было достаточно подготовленного руководителя на пост председателя ревкома. Более того, в их рядах не было единства взглядов и имели место элементы ненормальных взаимных отношений.

Декретом было установлено, что «революционный комитет состоит из 7 членов, назначаемых центральной властью Российской республики, с правом кооптации активных работников среди населения в члены революционного комитета». СНК РСФСР 24 июня 1919 г. под председательством В.И. Ленина обсудил представление Наркомнаца о персональном составе революционного комитета края.¹

В первый состав Казревкома входили: председатель – С. Пестковский, члены – В. Лукашев, А. Джангильдин, М. Тунгачин, С. Мендешев и Б. Каратаев.²

Деятельность Казревкома проходила в очень трудных условиях, вызванных гражданской войной и внутренним положением в крае. Продолжавшийся разгул белогвардейщины на обширной территории Центрального, Северо-Западного Казахстана и разруха, отсталость местного населения и голод, слабость советских органов в аулах и определенное влияние буржуазных националистов среди части местного населения – все это составляло реальность, с которой должен был считаться Казахский революционный комитет в организации и выборе оптимальной формы

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 588.

² Они встречались с Лениным. Алма-Ата, 1968, с. 33.

своей деятельности. К этим трудностям добавилось то, что Казревком вынужден был в первое время довольствоваться ролью «второй власти» в степи. Фактическое положение было таково, что области и уезды, перечисленные в Декрете СНК от 10 июля 1919 г., которые должны были перейти под управление ревкома края, в большей части находились в составе или в сфере административного и экономического влияния российских губерний. Осуществить сразу переход этих казахских земель под краевое управление было невозможно. Потребовалось определенное время для «признания» власти и полномочий Казревкома даже в Уральской области, считавшейся внутренней областью края.

В этих конкретных условиях ревкому края приходилось решать много таких вопросов, которые отвлекали его от выполнения прямых задач, предусмотренных Декретом СНК, и добиваться в первую очередь того, чтобы от положения «разделенной власти» перейти к осуществлению единой власти на территории, отнесенной к его компетенции. Этот процесс заметно влиял на внутренний ритм деятельности революционного комитета.

ЦК партии и Советское правительство не выпускали из поля зрения деятельность Казахского революционного комитета, вопросам его укрепления придавали большое значение. Достаточно сказать, что в течение ноября 1919 г. деятельность Казревкома дважды обсуждалась в ЦК РКП(б), а Политбюро ЦК РКП(б) рассматривало этот вопрос 20 декабря 1919 г. и 27 января 1920г.¹

Состав Казревкома был довольно подвижным. Он пересматривался и менялся несколько раз в течение немногим более года своего существования. Это было связано, во-первых, со стремлением Казревкома укрепить свой аппарат путем кооптации новых членов в соответствии с правом, предоставленным ему Декретом; во-вторых, понском деятельного и единого состава ревкома, создание которого сопровождалось освобождением одних и введением новых членов. Эти мероприятия вместе с тем имели свои издержки. Частая смена состава отрицательно сказалась на стабильности деятельности органа, порождала новые пласты разногласий и склок. Иногда между представлением и утверждением нового состава временно нарушалась ритмичная, повседневная деятельность революционного комитета.

---

1 Бейсембаев С. Ленин и Казахстан. Алма-Ата, 1968, с. 191.

Первый раз вопрос о введении новых членов в состав ревкома путем кооптации рассматривался 30 августа 1919 г. на четвертом его заседании. На нем речь шла о кандидатуре Асаналия Бегимбетова, специально приглашенного ревкомом в г. Оренбург из Актюбинского уезда для решения касающегося его вопроса. Он был определен временно членом Казревкома. 15 сентября А. Бегимбетов назначается членом коллегии отдела продовольствия. 3 октября на аналогичном основании становится членом ревкома края Габдулла Букейханов, представлявший население Букеевской области. Через несколько дней он же стал первым председателем Совнархоза края. 4 ноября в члены вводят Ш. Бекмухамедова. В дальнейшем кооптированными членами Казахского ревкома стали М. Сералин, В. Лежава-Мюрат, Г. Алибеков (5 марта 1920 г.), Сидоров (24 марта) и др.

В практике Казахского революционного комитета получили заметное распространение многофункциональность и переход от одной работы к другой. Члены ревкома, как правило, одновременно выполняли несколько обязанностей. Часто, порою слишком часто, менялись руководители многих отделов и ведомств. Так, в течение года (с сентября 1919 по сентябрь 1920 г.) сменились заведующие продовольственным отделом пять раз, отделом юстиции – три раза, военным отделом – три раза и т. д. Такое положение имело некоторое оправдание. Нехватка компетентных кадров вынуждала Казревком перебрасывать отдельных работников с места на место.

С расширением границ влияния и власти ревкома и осложнением его функции объем и содержание задач некоторых отделов и краевых ведомств сильно менялись и становились значительными. В новых условиях прежние их руководители перестраивались и овладевали новой формой деятельности крайне медленно, и это послужило в ряде случаев основанием для их замены. Хотя все это и было причиной перемещения руководящих кадров в аппарате Казревкома, тем не менее оно несколько не служило оправданием практики перемещения и смещения работников, принявшей массовый характер. В этом заключался один из ряда недостатков, имевших место в деятельности Казахского революционного комитета.

Вопросы состава и взаимоотношения членов Казревкома были настолько сложными и важными, что они несколько раз

специально рассматривались на Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), во ВЦИК по представлению Совнаркома и в Наркомнаде РСФСР. Решениями этих органов в течение 14 месяцев пять раз утверждался, обновлялся и переутверждался состав Казахского революционного комитета.

Было немало причин, объясняющих трудности и нередко конфликтные ситуации, возникавшие внутри Казревкома. Среди них необходимо отметить следующие:

а) этот орган был создан на начальном, сложном, поворотном этапе становления советского Казахстана; б) он был первым полновластным органом управления Казахским краем, не имел ни прецедента, ни серьезного опыта в предшествующей истории края; в) Казревком был создан как орган чрезвычайный и временный в отсталом в социально-экономическом, политическом отношении крае с низким уровнем идейной и классовой зрелости местного населения; г) состав Казахского революционного комитета был весьма пестрым по уровню идейно-политической зрелости его членов и по их опыту революционной борьбы, по взглядам на методы и формы проведения ленинской национальной политики в условиях казахской действительности, по политико-теоретической подготовке. Члены Казревкома в ряде случаев представляли различные слои казахского населения – от аульных шаруа (крестьян-скотоводов), революционно-патриотической молодежи до мелкобуржуазной и буржуазной интеллигенции. Определенное значение имело и то обстоятельство, что они по-разному понимали и знали казахское общество.

Все эти обстоятельства к тому же были осложнены и отягощены ненормальными личными отношениями между некоторыми членами Казревкома, доходившими до откровенной неприязни друг к другу, а иногда и до полной взаимной нетерпимости, что не могло не отразиться отрицательно на внутриорганизационной и повседневной деятельности революционного комитета.

Уже к концу 1919 г. существовали определенные основания для пересмотра состава Казревкома в плане его укрепления и замены выбывших членов новыми. Кадровыми вопросами в связи с общей деятельностью Казахского революционного комитета вплотную вначале занялся народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, а затем весь комплекс вопросов перенесли на рассмотрение Организационного бюро ЦК РКП(б).

Постановление Президиума ВЦИК от 20 февраля 1920 г., которым утвержден обновленный состав революционного комитета, было итогом большой работы, проделанной директивными партийными и советскими органами по его укреплению. В новый состав Казревкома вошли: С. Пестковский, Т.И. Седельников», С. Мендешев, А. Джангильдин, А. Айтиев, С. Арғанчиев и А. Алибеков.¹ 26 марта 1920 г. постановлением Совнаркома введен в состав ревкома А. Авдеев, который прибыл в Оренбург 10 апреля и приступил к выполнению своих обязанностей.²

К середине 1920 г. сложилась несколько новая ситуация в крае. Решающие победы Красной Армии и разгром контрреволюции и интервентов создали условия для перехода страны к мирной жизни. К задачам экономическим и политическим, связанным с началом восстановления разрушенного хозяйства и упрочением позиции Советской власти в обширных кочевых и полукочевых зонах Казахстана, добавились задачи подготовки к провозглашению Казахской Советской автономии. С приближением победоносного окончания гражданской войны и с углублением процесса объединения казахских земель под одно общее краевое управление резко возросли объем и масштабы задач и деятельности Казахского ревкома.

Новое рассмотрение и переутверждение состава революционного комитета по управлению краем было ускорено и тем обстоятельством, что в Центре возник вопрос о направлении С. Пестковского, председателя Казахского ревкома, на другую работу. Речь шла о его мобилизации как поляка на Западный фронт. 26 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) рассмотрело вопрос «О мобилизации тов. Пестковского как поляка». Однако с получением телеграммы Сталина о целесообразности оставить его на прежней работе определенного решения не было принято.³ На запрос Казахского ревкома от 13 августа была получена телеграмма от секретаря ЦК РКП(б) Крестинского «Об оставлении тов. Пестковского в Кирревкоме».⁴ Это было лишь временным решением. 26 августа 1920 г. Президиум ВЦИК на своем заседании утвердил новый состав Казахского революционного комитета. В

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 51, л. 22.

² ЦГА ИМЛ, ф. 17, оп. 7 (общ. отдел), ед. хр. 40, л. 25.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 51, л. 42.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 125, л. 31.

него вошли: В.А. Радус-Зенькович, Мартынов, В. Покровский, А. Авдеев, Кулаков, Г. Алибеков, А. Джангильдин, С. Аржанчев, С. Мендешев, С. Сейфуллин и др.¹ В этом постановлении говорилось, что до приезда Радус-Зеньковича в г. Оренбург Пестковский остается при исполнении своих обязанностей. 15 сентября ЦК РКП(б) сообщил, что Пестковский откомандирован на Западный фронт, а на тов. Радуса-Зеньковича, наряду с работой в Казахском ревкоме в качестве его председателя, возлагается и руководство облбюро партии в Казахском крае.²

Вот как описывает В.А. Радус-Зенькович³ свое назначение на пост председателя Казахского революционного комитета: «В августе 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о работе областного партийного бюро Казахстана. Указав на серьезные недостатки в партийной и советской работе на местах, Политбюро утвердило новый состав областного бюро. Я вошел в его состав и одновременно был председателем Кирревкома».⁴

Проблема кадров была самым трудным и сложным вопросом, с которым столкнулся Казахский ревком с первого же дня своей деятельности. Надо было, во-первых, в самые сжатые сроки сформировать аппарат ревкома, укомплектовать его отраслевые отделы и ведомства специалистами и знающими людьми. Во-вторых, по возможности, больше привлечь национальных кадров для работы в ревкоме, так как некоторые группы и должности обязательно должны были замещаться только казахами или знающими язык, быт местного населения ввиду специфики их работы. А главное – эти люди должны были быть политически

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 57, л. 74.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 125, л. 60.

³ В.А. Радус-Зенькович, член КПСС с 1898 г. В октябрьские дни – член исполкома Саратовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов; в 1918 г. – заместитель Наркома труда РСФСР; в 1919 – 1920 гг. – председатель Саратовского губисполкома, а затем – председатель Реввоенсовета Поволжской трудовой армии, производившей строительство Алгай-Эмбенской железной дороги и нефтепровода по той же трассе на территории Казахстана. С образованием Казахской АССР был избран председателем Совнаркома республики, одновременно являлся председателем Президиума Казахского областного бюро РКП(б) (1920-1921 гг.).

⁴ В огне революции. Воспоминания участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Казахстане. Алма-Ата, 1957, с. 18.

благонадежными, во всяком случае лояльными к мероприятиям и политике Советской власти. Кадров, отвечающих всем этим требованиям, было немного в крае вообще, а еще меньше – в г. Оренбурге, где обосновался Казахский ревком. Наличные кадры были заняты в работе губернских и уездных учреждений, часть из них участвовала в боевых операциях против белогвардейщины.

В комплектовании кадрами аппарату Казахского ревкома определенную помощь оказали Оренбургский губком партии и губисполком, которые из своего актива командировали в распоряжение ревкома несколько работников. По предложению А. Джангильдина и С. Мендешева, в первые месяцы было приглашено для работы в краевом органе несколько человек из областей и уездов. Так, были привлечены члены бывшего Тургайского губисполкома Задорожный (членом коллегии отдела внутренних дел), Пахомов (членом коллегии продкомитета), Эрас (членом совнархоза)¹ и др.

Остро ощущалась нехватка специалистов в отраслях народного хозяйства, особенно в нефтяной и угольной промышленности. В Центр и некоторые крупные города Центральной России ревком посылал просьбы и представителей по вербовке специалистов для работы в Казахстане. В качестве некоторой иллюстрации этому могут служить следующие телеграммы, направленные председателем Казревкома Пестковским в Москву, в Президиум Высшего Совета Народного хозяйства 12 августа и 3 сентября 1919 г. Одна из них гласила: «Просим срочно выслать специалистов по постановке нефтяного и угольного дела в Оренбург в распоряжение Киргизского ревкома»,² а в другой было сказано: «Нужны специалисты по нефтяному и угольному делу как по использованию, так и по эксплуатации в распоряжение военревкома Киргизского края».³

Значительную помощь в укреплении состава и аппарата Казахского ревкома оказывали реввоенсоветы Туркестанского фронта и первой армии. Они не только проявляли заинтересованность в нормальной и эффективной работе революционного комитета края, но и помогали опытными кадрами путем их

---

¹ Там же, д. 19, л. 18.

² Там же, д. 9, л. 7.

³ Там же, д. 3, л. 27.

откомандирования в распоряжение ревкома, назначали своих уполномоченных при нем, создавали объединенные комиссии по решению отдельных важных вопросов, принимали участие в работе некоторых отделов Казахского ревкома (например, в продотделе).

В кадровой политике Казахского революционного комитета актуальным оставалось привлечение как можно больше местной национальной интеллигенции в строительстве нового социалистического общества в крае, в том числе в аппарате ревкома.¹ Решение этого вопроса служило укреплению авторитета и позиции органов социалистической революции.

На взглядах и действиях ряда представителей казахской интеллигенции в первые годы после Октября сказывалось то, что она формировалась в среде отсталого, преимущественно патриархально-феодального общества и в системе колониальных учебных заведений. Они не всегда критически могли оценить и разобраться в потоке информации и поддавались агитации. И нет ничего удивительного в том, что на начальном этапе революции в Казахстане «значительная часть этих кадров находилась под влиянием алашордынцев».²

Линия политики ЦК РКП(б) и Советского правительства по отношению к национальной интеллигенции восточных окраин Советской России ясно и недвусмысленно была выражена Наркомом по делам национальностей РСФСР И.В. Сталиным. Он указывал, что «одной из серьезных преград на пути к осуществлению Советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительскую, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов, которые, быть может, и хотели бы послужить народным массам, но не могут этого сделать, может

---

¹ К началу 1920 г. из 237 чел., работавших в аппарате Казахского ревкома (за исключением Военного Комиссариата), казахов было 20. ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 3, л. 561-563.

² Федоров Е. Учредительный съезд Советов Казахстана. Большевик Казахстана. Алма-Ата. 1940, № 10, с. 23.

быть, потому что они, как не коммунисты, считают себя окруженными атмосферой недоверия, боятся возможных репрессий. К этим группам с успехом может быть применена политика их вовлечения в советскую работу, политика привлечения на хозяйственные, аграрные, продовольственные и иные посты в целях постепенной их советизации, ибо едва ли можно утверждать, что эти интеллигентские группы менее надежны, чем, скажем, те контрреволюционные военные специалисты, которые, несмотря на их контрреволюционность, все же были привлечены к работе и потом советизированы на важнейших постах».¹

Политика, последовательно и настойчиво проведенная Казревкомом под руководством партийных органов по привлечению и мобилизации национальных интеллигентов в советскую работу, начиная с учительской деятельности до участия в местных органах власти и управления, давала свои положительные результаты. Советская власть собрала и объединила трудовые слои казахского населения, в том числе большинство людей интеллигентного труда, под свое знамя борьбы за строительство социалистического общества.

---

¹ Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Л., Госполитиздат, 1939, с. 63.

4. Представительство Казахского ревкома в Центре и в соседних областях

В структуре и деятельности Казахского революционного комитета важную роль играл институт представительства – постоянных и временных уполномоченных, выполнявших поручения и задания ревкома и нередко представлявших интересы последнего как в Центре, так и в соседних областях. Особенно важным было представительство Казахского революционного комитета при ВЦИК.

Группа членов Казахского революционного комитета во главе с его председателем С. Пестковским перед отъездом в г. Оренбург созвала совещание в Казахском отделе Наркомнаца, который должен был в соответствии с Декретом СНК от 16 июля 1919 г. реорганизоваться в Представительство Казахского ревкома при ВЦИК. На нем решался ряд организационных вопросов, в том числе вопросы о руководстве Представительства, об отделении краевого комиссариата по военным делам, существовавшего параллельно с Казахским отделом, о характере и объеме задач представительства и др. Возглавлять Представительство было поручено Х. Бекентаеву, до этого занимавшего должность заместителя заведующего Казахским отделом Наркомнаца.

Приказом по Представительству¹ от 7 августа 1919 г. было объявлено, что к нему переходят все функции ликвидированного Московского отдела Казахского Комиссариата по военным делам, связанные со снабжением формируемых национальных частей в Казахском крае. В конце 1919 г. Представительство в своем штате имело 21 работника: председатель и его два товарища, два секретаря, делопроизводитель, казначей, три сотрудника по поручениям, журналист, два переписчика-машиниста, шесть красноармейцев, сторож и уборщица.² Сверх этого военное отделение имело четырех сотрудников.

Задачи Представительства были намного больше и шире, чем

---

¹ Представительство, как преемник Казахского отдела, в первые месяцы после образования Казахского революционного комитета продолжало находиться при Наркомнаце РСФСР, и только 26 октября 1919 г. официальным решением Коллегии Наркомнаца Казахский отдел был ликвидирован в связи с его реорганизацией в Представительство Казревкома при ВЦИК. ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 55, л. 8.

² ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 9, л. 9, 25.

Казахского отдела. При нем с весны 1920 г. организуются отраслевые группы и отделы, учреждается коллегия, в состав которой в порядке усиления работы Представительства были включены и Г. Букейханов, П. Петровский, присланные ревкомом края.

Представительство Казахского ревкома в Центре выполняло важную задачу, вытекавшую из того, что оно, как сказано в одном из его отчетов, было «органом, связывающим Военно-революционный комитет по управлению Киргизским (Казахским) краем с центром, информирующим последнего о положении в Степи и по политическим и экономическим вопросам Киргизского (Казахского) края».¹ Оно занималось как в соответствии с заявками и поручениями Казахского ревкома и его отделов, так и по своей инициативе вопросами снабжения края материалами и оборудованием через центральные органы РСФСР, «необходимыми для поднятия и развития культуры, экономики, промышленности, образования, внутренней охраны, медико-санитарного состояния и др. Киркрая»² и отправкой их на места, а также вопросами набора и привлечения в особенности технического, медицинского персонала и специалистов для работы в Казахском крае.

В целях создания условий для выполнения задач, возложенных на Представительство, Казахский ревком установил порядок, по которому отделы ревкома должны были: а) постоянно информировать Представительство о своих заявках на материальное снабжение, направленные в центральные органы Федерации; б) представлять доклады в центральные органы и их копии – Представительству ревкома при ВЦИК; в) один экземпляр печатного материала, а также статистических отчетов направлять Представительству края в Центре.³

Некоторые меры, направленные на перестройку и улучшение работы Представительства, оказались малоэффективными на фоне его расширяющихся и растущих задач. 10 апреля 1920 г. на заседании ревкома края поднимался вопрос о реорганизации всей деятельности и пересмотре структуры Представительства в соответствии с его возросшей ответственностью и функцией, но

---

¹ Там же, д. 31, л. 17.

² Там же.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 63, л. 42.

конкретного решения не было принято.¹ 9 июля ревком утвердил временное Положение о Представительстве края в Центре и решил поручить своим представителям, участвовавшим в Московском совещании о границе Казахского края, состоявшемся в начале августа, на месте ознакомиться с работой Представительства и решить основные организационные вопросы, связанные с ним. Казахский революционный комитет в процессе своей деятельности вообще, а также в решении вопроса объединения казахских областей и уездов, перечисленных в декрете СНК от 10 июля 1919 г., в одно краевое управление, должен был находиться в постоянном контакте в особенности с Астраханской, Челябинской и Омской областями и республикой Туркестан.

Вопрос о представительстве Казахского ревкома при ТуркЦИК рассматривался на его заседаниях дважды и каждый раз оставался открытым. Связь с правительством Туркестана осуществлялась посредством обмена телеграммами, переписки и через командируемых уполномоченных.

Семипалатинская и Акмолинская области, очищенные от колчаковских войск в конце 1919 – начале 1920 г., несмотря на постановление Совнаркома РСФСР о переходе их под власть Казахского ревкома, продолжали находиться в ведении Сибирского ревкома. Аналогичное положение создалось и с Кустанайским уездом, входившим в Челябинскую область.

Казахский ревком 28 мая 1920 г. принял решение о направлении своих представителей в лице двух членов ревкома – А. Джангильдина и А. Авдеева – в Сибирский ревком (г. Омск) и в Семипалатинский областной ревком. В нем говорилось, что на них возложены задачи «установления связи, выяснения положения на месте, правильной постановки работы на местах и урегулирования взаимоотношений с подведомственными Сибирскому ревкому, с одной стороны, и Военревкому Киркряя органами – с другой стороны».² В течение октября 1919 – апреля 1920 г. члены Казахского ревкома дважды посетили Кустанайский уезд и Челябинский облисполком.

В результате предварительных переговоров было достигнуто компромиссное решение, по которому до окончательного уста-

---

¹ Там же, оп. 3, д. 17, л. 28, 56.

² Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917-1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 171.

новления территориальных границ Казахского края в состав Омского уездного ревкома, подчиненного Омскому губернскому ревкому, а также Кустанайского уездного ревкома, подчиненного Челябинскому облисполкому, вводились по два представителя от Казахского ревкома на правах членов уездных ревкомов.¹

13 августа 1920 г. Казахский революционный комитет учреждает свои представительства при Сибирском ревкоме, Семипалатинском облревкоме и назначает уполномоченных.²

Представители Казахского ревкома в соседних областях проводили определенную работу по подготовке условий для собирания казахских земель под одно краевое управление.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 44.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 64, 69.

ГЛАВА III

КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ И МЕСТНЫЕ РЕВКОМЫ

1. Организация и система местных ревкомов

В период гражданской войны организация революционных комитетов получила широкое распространение по всей стране. В соответствии с положением ВЦИК и Совета рабоче-крестьянской обороны о революционных комитетах, принятым 24 октября 1919 г., революционные комитеты создавались «для упорной обороны против врага и поддержания революционного порядка».¹ Организация ревкомов предусматривалась в местностях, освобожденных от неприятеля, в прифронтовой полосе и в тылу. В первых двух случаях они создавались Реввоенсоветах армии и руководились ими. Губернские (областные) революционные комитеты тыла учреждались по постановлению Совета рабоче-крестьянской обороны, а уездные, волостные – губернскими (областными) революционными комитетами.

Казахский революционный комитет как в основе своей организации, так и в своих полномочиях имел некоторые особенности. Они были обусловлены тем, что Казревком был создан не только как орган «для упорной обороны против врага», но и как высшее краевое управление в рамках самоопределения народа, подготавливавшее провозглашение Казахской Советской Автономной республики. Это отразилось в задачах Казревкома, определенных Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. В них перечисляются гражданские функции от организации Советов и объединения их деятельности в пределах края до составления положения о будущей автономной республике. В то же время революционный комитет осуществлял высшее военно-гражданское управление на территории, отнесенной к его компетенции.

Декрет СНК не содержал конкретного указания о правах Казахского революционного комитета относительно организации

---

¹ СУ, 1919, № 53, ст. 58.

новых ревкомов и руководства уже созданными местными ревкомами.

В Декрете содержалось указание о том, что Казревком обладает правом «реконструировать подчиненные местные советские объединения и исполнительные комитеты», если это окажется необходимым (статья 4). Смысл этой установки может быть растолкован двояко: местные Советы могут быть реорганизованы путем перевыборов, изменены в структуре и укреплены кадрами и организационно; или местные Советы в необходимых случаях могут быть распущены и заменены ревкомами, которые могут существовать параллельно с Советами с подчинением последних первым. В практике Казахского революционного комитета имели место оба эти метода «реконструирования» местной власти. Чаще всего местные революционные комитеты на освобожденных территориях создавались Реввоенсоветами армии и политотделами частей Красной Армии. В отдельных случаях они создавались революционными организациями и группами в порядке местной инициативы или при поддержке армейских работников. Казахский ревком проявил значительную активность в организации и переназначении уездных и волостных, а иногда областных ревкомов в зоне своей юрисдикции.

Нами здесь рассматривается система местных ревкомов не на всей территории современного Казахстана, а только на территории, отнесенной к ведению Казахского ревкома. Декретом СНК было установлено, что до окончательного определения территориальных границ края в ведение ревкома края входят «Киргизская (Казахская) территория Астраханской губернии и области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская».¹ В момент организации и начала деятельности Казревкома почти все указанные области являлись театрами военных действий, частично находились под оккупацией белогвардейских войск.

К середине августа 1919 г. гг. Актюбинск, Гурьев, Акмолинск и Семипалатинск находились в руках врага. Линия фронта местами проходила в 100 – 150 км от Уральска и Оренбурга. Только в июле была снята вражеская блокада г. Уральска. Таким образом, Казахский революционный комитет оказался недалеко от прифронтовой полосы. Из всех перечисленных в Декрете

---

¹ СУ, 1919, № 36, ст. 354.

местностей, отнесенных к ведению ревкома, только казахские районы Астраханской губернии – прикаспийские уезды и Букеевская область – были свободны от военных действий. В результате решительных наступательных действий частей Красной Армии значительная часть Акмолинской и Семипалатинской областей была освобождена от врага только к концу 1919 г.

Освобожденные районы и области края, хотя входили в перечень подведомственных Казахскому ревкому территорий, не сразу переходили под его управление. Если говорить более точно, многие из них так и остались не включенными под реальную власть ревкома по управлению Казахским краем, а на некоторые лишь номинально распространялась его власть. Все это было обусловлено сложностью обстановки в крае и традиционно сложившейся структурой тяготения регионов в экономическом и административном отношениях к определенным центрам за пределами Казахстана, перестраивание которой требовало более длительного времени. Таким образом, власть Казахского ревкома была и оставалась территориально ограниченной. Она фактически распространялась только на западную часть края – на Букеевскую область, на отдельные уезды Уральской и Тургайской областей. Некоторые из областных и уездных ревкомов, подчиненных Казревкому, возникли в 1918 и в начале 1919 гг., т. е. в период до его учреждения. Некоторые из них организовались при участии или с санкции Казревкома в 1919 и 1920 гг. Ревкомы в Акмолинской и Семипалатинской областях создавались Реввоенсоветах армий и Сибирским революционным комитетом.

Местные революционные комитеты, более или менее стабильные, функционировавшие относительно продолжительное время и входившие в систему областных и уездных органов Казахского революционного комитета, нами освещаются каждый в отдельности. Вместе с тем было немало не выдержавших испытания временем ревкомов, вышедших непосредственно на Казахский ревком. Данные о некоторых из них даются ниже.

Своеобразны основания и условия возникновения Уральско-Букеевского киргизского (казахского) военно-революционного комитета. Можно обсуждать, целесообразно ли было создавать вообще такой революционный комитет в рамках другого – Уральского областного революционного комитета. В данном случае важна не эта сторона вопроса. Создание такого ревкома

было исключительно вызвано авторитетом этих чрезвычайных органов и желанием улучшить, усилить революционную работу среди казахского населения области.

При Уральском областном революционном комитете в свое время была организована коллегия по национальным делам,¹ призванная вести идеологическую и политическую работу среди казахского населения области. Ее деятельность, несмотря на важность участка, была не так эффективна, как этого хотелось. Усилия и старания как облревкома, так и членов коллегии по национальным делам не всегда были достаточно результативными и плодотворными. Именно в этих условиях возник вопрос об организации ревкома взамен коллегии по национальным делам с целью придания ее деятельности большей власти и авторитета. Этот вопрос обсуждался 17 сентября 1919 г. на совместном заседании представителей штаба 4-й армии Туркестанского фронта, Комитета партии г. Уральска, представителей казахского населения Зауральской (Бухарской) стороны и Уральского облревкома. На нем было решено образовать «Уральско-Букеевский киргизский (казахский) военно-революционный комитет» в составе председателя Б.Б. Каратаева, его заместителей П.Г. Петровского, Мухамед-Кафия Мурзагалиева и членов А. Айтиева и С. Арганчеева.² Ревком просуществовал всего два месяца. За это время он успел провести некоторые полезные мероприятия, направленные на разоблачение антинародного характера войскового «правительства» Западного отделения Алаш-Орды среди аульно-волостного казахского населения как в тыловых районах, так и в прифронтовой полосе. Он выпускал и распространял агитационные листовки с изложением декретов и политики Советской власти, призывал к укреплению дружбы трудового казахского народа с крестьянами-переселенцами. В одной из докладных записок, датированной 24 октября 1919 г., ревком писал о положении и результатах наблюдения и тайной работы на территории, занимаемой алашордынцами, что там казахское население «...разделяется на сторонников и противников Советской власти, поэтому ревком, организовав первых, по отношению

---

¹ Более подробно об этом изложено в кн.: Зиманов С., Даулетова С., Исамагулов М. Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата, 1975, изд. «Наука» с. 115-123.

² ЦГА КазССР, ф. 1409, оп. 1, д. 9, л. 3-5.

ко вторым старается яснее уяснить причины неприязненного отношения к Советской власти... произвести расслоение и создать так или иначе своих приятелей и друзей в потустороннем лагере (то есть алашордынском. – Авторы)».¹

В ходе кратковременной и интенсивной работы Уральско-Букеевский ревком рос и структурно. В его составе были созданы отделы управления, инструкторско-информационный, комендатура и другие подразделения. Сфера его деятельности распространялась в основном на левобережную сторону реки Урала, на Джамбейтинский, Темирский, Уилский уезды до Гурьева. В его сферу деятельности не входила Букеевская область, которая имела свое более или менее стабильное управление во главе с областным исполнительным комитетом. Довольно активная работа этого ревкома в определенной мере была связана с опытным и энергичным его составом. Его организаторы Б.Б. Каратаев, М.К. Мурзагалиев, А. Айтиев и С. Арганчеев впоследствии стали членами казахского революционного комитета.

Уральско-Букеевский казахский революционный комитет был упразднен постановлением революционного комитета по управлению Казахским краем от 21 ноября 1919 г. Для руководства делами казахского населения Уральской области при Уральском областном ревкоме было организовано новое отделение.

Темирский ревком на правах уездного был создан Политотделом 3-й дивизии 1-й армии 13 сентября 1919 г.

Его первым председателем был армейский политработник Г. Ковалев.² Через 10 – 15 дней власть в ревкоме была передана бывшим членам Темирского уездного исполкома Советов, эвакуировавшимся в мае 1919 г. из города в связи с его занятием белогвардейцами. В новый состав ревкома входили три большевика: Ряхов - председатель, Аллагуватов и Кучуков.³

Темирский уездный ревком в самом начале своей деятельности организовал народную милицию в составе 25 чел. и направил нескольких агитаторов-инструкторов в разные волости «для

---

¹ Партархив Уральского обкома партии, ф. 1, оп. 1, д. 17, л. 21.

² Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. II. Алма-Ата, 1964, с. 134-135.

³ Там же, с. 578.

агитации среди населения и дачи основных понятий о советском строе и для организации Советов на местах». Как сказано в отчете ревкома, «Оседлое население уезда, как русское, так и киргизское (казахское), ограбленное, измученное целое лето казачьими налетами и самоуправством казачьих офицеров и натерпевшееся немало горя и лишений, с прибытием советских войск относилось к Советской власти очень даже сочувственно. Некоторые стали дорожить ею».¹

В актив Темирского уездного ревкома следует отнести восстановление аульных, поселковых и волостных Советов в уезде, которое было завершено к концу ноября 1919 г., создание местной организации коммунистов-большевиков и сочувствующих ей, созыв III уездного съезда Советов 15 декабря 1919 г.² С образованием на этом съезде уездного исполкома Совета ревком передал ему свои полномочия.

18 сентября 1919 г. был освобожден г. Иргиз, а за день раньше Казахский революционный комитет принял решение о командировании туда своих представителей для организации Советской власти в уезде.³ Вскоре был создан Иргизский уездный ревком, который в течение 4-5 месяцев проделал важную работу по организации выборов в местные Советы, созданию уездного аппарата управления. 28 декабря 1919 г. уездный ревком принял решение об организации уездного Совета народного хозяйства⁴ и центр своей деятельности переместил на хозяйственно-организаторские работы.

Создание Тургайского уездного ревкома относится к началу декабря 1919 г. По решению Казахского революционного комитета его временным председателем был назначен член Казревкома А. Джангильдин, членами – Ахмед Омаров, Сейткасым Кочумбеков, Абдрахман Иманкулов и Уралий Баспаков.⁵ Ревком просуществовал весьма недолго. На его долю выпала задача восстановления и организации органов Советской власти в казахских волостях.

¹ Там же.

² Там же, с. 143.

³ Летопись Октябрьской революции в Казахстане. – Большевик Казахстана, 1940, № 6, с. 100.

⁴ Гражданская война в Казахстане. Летопись событий. Алма-Ата, 1974, с. 263.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 14, он. 3, д. 1, л. 25.

Кустанайский уездный ревком учрежден Реввоенсоветом 5-й армии 21 августа 1919 г. Его первым председателем был В. Дружицкий. Приказ ревкома от 1 сентября гласил: «В городе Кустанае и его уезде сего числа вступает полностью в силу Конституция Советской России. Лишь временно до образования Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и киргизских (казахских) депутатов и в связи с военным положением власть в городе и уезде находится в руках революционного комитета и коменданта города».¹

Казахский ревком установил деловой контакт с Кустанайским уездным ревкомом, включился в работу по организации и укреплению Советов в казахских аулах и волостях, хотя уезд в административном отношении продолжал тяготеть к Челябинской области. Казревком и уездный ревком 18 октября 1919 г. созвали съезд казахских представителей Кустанайского уезда.

Кроме указанных уездных ревкомов, с которыми Казахский революционный комитет на начальном этапе их деятельности устанавливал прямые связи, были Гурьевский, Джамбейтинский и др., которые создавались и руководились Уральским областным ревкомом и Оренбургским губисполкомом.

Основными местными ревкомами в системе и структуре управления Казахского революционного комитета были Уральский и Семипалатинский областные ревкомы, Адаевский и Акмолинский уездные ревкомы и ревком Волго-Каспийских казахов.

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. II. Алма-Ата, 1964, с. 179-180

2. Уральский областной революционный комитет

Уральский областной революционный комитет был создан в тяжелых условиях борьбы с белогвардейцами и белоказаками, под оккупацией которых находилась большая часть области, в том числе г. Уральск. Он был создан как орган содействия частям 4-й армии Восточного фронта, готовившейся к наступлению на врага в этом районе, и как орган управления на советской территории области. Инициатива создания ревкома принадлежала Реввоенсовету 4-й армии и группе местных коммунистов.

Уральский областной революционный комитет был организован согласно телеграфному извещению Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов тов Я.М. Свердлова от 26 декабря 1918 г., в котором сказано: «организовать Уральский областной революционный комитет в составе: председателя Хаустова, секретаря Рамма, членов тт. Счетчикова, Петровского, Гаранина и Крюкова».¹ На четвертом заседании ревкома, состоявшемся 8 января 1919 г., был согласован текст ответной телеграммы и послан в Центр в Наркомвнутдел и Президиум ВЦИК. В телеграмме сообщалось, что «Уральский ревком приступил к деятельности. Принимаются меры к производству хлебных и мясных заготовок... разосланы агитаторы-организаторы... Необходима присылка из Центра специалистов инструкторов-организаторов Совета, финансовых дел и других отраслей работы».² Судя по некоторым данным, ревком временно, до освобождения областного центра г. Уральска, находился в районе станции Озинки Самарской губернии, а затем при штабе 30-й Николаевской дивизии. Приказом № 1 от 8 января 1919 г. облревком оповестил население о начале своей деятельности. В нем далее говорилось: «Вся гражданская власть на территории Уральской области, занятой советскими войсками, переходит в его ведение... Все советские организации на территории области, занятой советскими войсками, уже соорганизовавшиеся и вновь организуемые, за всеми указаниями обращаются в революционный комитет. Все сознательные рабочие, крестьяне, казаки и киргизы (казахи) обязаны оказывать революционному комитету полное содействие в его деятельности».

¹ Государственный архив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 8, л. 9.

² Там же, д. 18, л. 5.

Облревком горячо взялся за дело. Была разработана временная инструкция о задачах облревкома и его сотрудников. Она состояла из трех разделов: информационная деятельность, агитационная деятельность и организационная деятельность.¹

Содержание этой инструкции дает конкретное представление о направлении деятельности облревкома. В ней, в частности, указывалось: «Прибывая на место, сотрудник-агитатор приступает самостоятельно или при помощи местных органов власти к собиранию сведений» политического и хозяйственного характера, необходимых для целенаправленной организации работы партийно-советских органов и командования армейских частей. В разделе, посвященном агитационной деятельности, инструкция предписывала, что сотрудник-агитатор облревкома на месте организует собрания и митинги по вопросам советской политики с освещением следующих обязательных вопросов: текущий момент; разница между властью учредительного собрания и Советов; земельная и продовольственная политика Советской власти; отношение советской власти к казакам; отделение церкви от государства и другие вопросы по усмотрению сотрудников. Инструкция далее содержала такие пункты: «Сотрудник-агитатор проводит также ряд беседований, стараясь, чтобы слушатели задавали вопросы и выступали самостоятельно... При проведении митингов, собраний и беседований сотрудник-агитатор замечает настроение населения и отношение его к разного рода вопросам».²

Согласно инструкции, сотрудник-агитатор облревкома обязан принимать меры к укреплению позиции и власти местных Советов, а там, где они еще не созданы, он принимает организационные меры к их созданию. Руководствуясь этой установкой, сотрудники Уральского областного революционного комитета за короткий срок сумели покрыть освобожденные районы сетью сельских, аульных, станичных Советов. Отчеты сотрудников-агитаторов систематически обсуждались на заседаниях ревкома.

18 января 1919 г. Уральский областной революционный комитет на своем заседании объявил о создании отделов и утверждении их заведующих. Так, А. Счетчиков был назначен заведую-

---

¹ Там же, л. 1-4.

² Там же.

щим продовольственного отдела, Гаранин – отдела социального обеспечения, П.И. Хаустов – военного отдела, П.Г. Петровский – отдела управления, Рамм – заведующим Совета народного хозяйства, Крюков – отдела труда, Паэгле – заведующим отдела народного образования.¹

19 января 1919 г. Уральский областной ревком принял постановление о назначении тов. Вильдегруббе председателем областной Чрезвычайной комиссии.

Свою деятельность Уральский областной ревком проводил в тесном контакте с политотделами бригад и дивизий 4-й армии, действовавшей на уральском направлении фронта, и коммунистическими ячейками, созданными на освобожденной от противника территории области. Так, на одном из заседаний облревкома в середине января 1919 г. слушался доклад представителей коммунистической ячейки г. Покровска.²

Наступательные действия частей Красной Армии на уральском направлении, начавшиеся в начале января 1919 г., завершились освобождением г. Уральска. В день освобождения областного центра, 24 января 1919 г., постановлением Реввоенсовета 4-й армии был утвержден новый состав Уральского областного революционного комитета.³ В него входили: председатель В.И. Ермощенко, члены П.И. Хаустов, И. Ружейников, А.Ф. Семенников и П.Г. Петровский.⁴ Скоро в состав Облревкома был введен Б.Б. Каратаев.⁵ 3 февраля 1919 г. решением облревкома в целях организации и проведения массово-политической работы среди казахского и татарского населения области была создана Коллегия по национальным делам.⁶

Областной революционный комитет имел в своей структуре следующие отделы: управления, продовольственный, совет народного хозяйства, народного образования, финансов, социального обеспечения, труда, здравоохранения, земельный, юстиции, чрезвычайной комиссии, военный, Коллегия по национальным

¹ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 18 л. 16.

² Там же, л. 19.

³ Теперь областной ревком назывался Яицким областным революционным комитетом, однако с марта 1919 г. он опять стал называться Уральским ревкомом.

⁴ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 9, л. 1-2.

⁵ Там же, л. 2.

⁶ ЦГА КазССР, ф. 1409, оп. 1, д. 15, л. 5.

делам, «пленбеж», а также подотделы: инструкторский, информационный, общего управления, управления милиции, записи гражданского состояния.

Наряду с вопросами строительства, укрепления Советов и политико-агитационной работы в деятельности облревкома важное место занимали вопросы продовольственной политики. В середине февраля 1919 г. был отправлен в Москву первый состав маршрутного поезда с хлебом, о чем было сообщено облревкомом в ЦК РКП(б).¹ За 15 дней облревком зарегистрировал и устроил на работу свыше 900 чел., а 653 чел. направил на поденные работы.²

Важным участком работы облревкома было оказание помощи семьям красноармейцев и пострадавшим от действия войск контрреволюционного «правительства» Уральского белоказачества. В этой части руководством служило письмо ЦК РКП(б), подписанное секретарем Е.Д. Стасовой. Оно начиналось так: «Всем губернским комитетам РКП (большевиков). В Уральский областной ревком. Дорогие товарищи! Из всех частей армии в Политотдел поступают многочисленные жалобы тт. красноармейцев, сражающихся на фронтах, о том, что находящиеся на родине их семьи голодают, не получая никакой помощи...». Далее ЦК РКП(б) требовал: «Так как работа по оказанию помощи семьям красноармейцев возложена на отделы социального обеспечения, необходимо обратить на них самое серьезное внимание. Немедленно выделить для работы в них энергичных, хороших работников. Работу в отделах социального обеспечения приравняйте к работе военной. Мобилизуйте для работы в них лучших товарищей, обяжите их почаще отчитываться перед вами, следите за их работой и своевременно направляйте. Немедленно же дайте соответствующие указания уездным комитетам. Последние должны провести широкую кампанию по ячейкам, привлечь коммуны и использовать советские хозяйства для своевременной помощи семьям красноармейцев по уборке урожая...».³ При облревкоме была создана особая комиссия по регистрации нуждающихся членов красноармейцев и оказанию им помощи. Она организовала выдачу пайков этим семьям, а также инвалидам,

¹ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 9.

² Там же, ф. 7, оп. 1, д. 20, л. 63.

³ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 3, л. 9.

пострадавшим при старом режиме. Комиссия занималась и вопросами пленных и беженцев, которых было около 300 человек, среди них значились и иностранные подданные.¹

Во главе Уральского областного революционного комитета находился опытный и деятельный большевик В.И. Ермощенко. В конце марта 1919 г. он был отозван и направлен на работу в армию. Расставаясь со своим боевым руководителем, облревком 23 марта 1919 г. указал: «Уральский пролетариат горячо благодарит незаменимого борца за рабочее дело, революционера тов. Ермощенко, глубоко сожалея об его отъезде. Он уверен, что в момент острой борьбы уральский пролетариат снова увидит на аванпосте своего вождя».²

Начиная особенно с апреля положение Уральской области в военном отношении осложнилось. Белоказачьи войска готовили новое наступление и осаждали г. Уральск. В этот трудный момент работа облревкома была сконцентрирована на вопросах организации обороны и общественного порядка. В г. Уральске была создана милиция. Город был разделен на отдельные участки. Работал розыскной отдел, вооруженный милицейский отряд насчитывал около 300 человек, город готовился к отражению нападения боевых групп белогвардейцев. Городскую милицию возглавлял один из ответственных работников облревкома коммунист Кропалев. 20 апреля 1919 г. на объединенном совещании Уральский областной ревком объявил осадное положение в г. Уральске, а 22 апреля облревкомом принято решение об эвакуации ряда учреждений из города. Эвакуировались учреждения, их документы, продовольственные и хозяйственные склады в г. Покровск (ныне г. Энгельс). Из состава членов Уральского облревкома было образовано бюро, председателем которого назначили т. П.И. Хаустова. Бюро также эвакуировалось в г. Покровск и занималось вопросами руководства всеми эвакуированными учреждениями из г. Уральска, оно стало связующим звеном между Москвой и Уральской областью. Некоторые члены Уральского облревкома – Б.Б. Каратаев и А. Счетчиков – переправились в г. Аткарск и приступили там к формированию Особой Казахской кавалерийской бригады. Коллегия по национальным делам Уральского облревкома переехала в г. Покровск.

---

¹ Там же, д. 11, л. 7.

² Там же, л. 47 об.

Окружение г. Уральска белоказачьими войсками в количестве 15 тыс. конницы началось 24 апреля 1919 г. На оборону г. Уральска «...встали возглавляемые коммунистами 2,5 тысячи бойцов Красного гарнизона и 1200 рабочих Уральска. На помощь защитникам города пришли партизаны Зауралья численностью 700 человек».¹

В критический момент натиска войск уральского белоказачества на г. Уральск руководство деятельностью Уральского областного ревкома взяли П. Петровский и другие члены – И. Ружейников, Гаранин, Самсонов.² Сознавая тяжелое положение защитников г. Уральска, 15 июня 1919 г. М.В. Фрунзе телеграфно обратился к В.И. Ленину со следующей просьбой: «Уральск уже пятьдесят дней выдерживает осаду. Необходимо продержаться еще минимум две недели. Мужество же гарнизона истекает. Полагал бы целесообразным посылку приветственной телеграммы лично Вами. Телеграмму можно послать на штаб Южнгрруппы, который передаст по радио».³ 16 июня 1919 г. В.И. Ленин на имя командующего Южной группой войск М. В. Фрунзе прислал телеграмму. В ней говорилось: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом».⁴ Эта телеграмма вождя придавала силу защитникам г. Уральска, и они выстояли и удержали город, проявив отвагу и героизм. Ударная 25-я стрелковая дивизия В.И. Чапаева, в составе которой находилась Особая Казахская кавалерийская бригада под руководством Б. Каратаева (командир) и А. Счетчикова (военком),⁵ смела вражеские силы, сняла осаду г. Уральска и 11 июля 1919 г. соединилась с героическими защитниками этого города. Очень высоко оценивал подвиги защитников г. Уральска В.В. Куйбышев. Он писал: «Уральск непоруганным сохранен революционерами для революции... Коллективная воля к победе спасла Уральск. Вооруженный народ, рабочие и крестьяне совершили подвиг, совершили чудо!».⁶

¹ Под знаменем ленинских идей. Алма-Ата, 1973, с. 242.

² Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 106.

³ Фрунзе М.В. Избранные произведения, том 1, с. 105-106.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 351.

⁵ Красный воин, 1919, 17 июня.

⁶ ЦГА КазССР, ф. Р -1227, оп. 1, д. 3, л. 47.

Постановлением Реввоенсовета 4-й армии от 23 июля 1919 г. был утвержден новый, четвертый по счету, состав Уральского областного революционного комитета. Его председателем стал Сундуков, членами – Кулаков, Васильев, П. Петровский.

Облревком совместно с военным гарнизоном Южной группы и продгруппой 25-й дивизии принял срочные меры по заготовке и отправке хлеба в Центр и по восстановлению железнодорожной линии. В уезды командировались ответственные работники для выявления запасов продовольствия и организации их вывоза к железнодорожным станциям,¹ а в г. Уральске создавались продовольственные запасы на текущие нужды армии и населения. Все это было мобилизовано на срочную отправку продовольствия голодающему населению Москвы.² Только в течение августа 1919 г. Уральский облревком отправил два маршрутных поезда в Центр, в адрес наркомпрода, с грузом 47761 пуд пшеницы, 20 тыс. пудов пшеницы и 6 вагонов соленой рыбы весом 3718 пудов, а также в адрес 4-й армии 25 тыс. пуд пшеницы.³ Л. П. Петровский указывает, что «только за июль – сентябрь 1919 г. из Уральской области было отправлено в Центр более 45 млн. пуд. хлеба».⁴

При областном ревкоме функционировала, как было замечено, Коллегия по национальным делам, организационно оформившаяся к 1 августа 1919 г. В ее составе были организованы подотделы: культурно-просветительный, информационно-организационный, статистический и татарский. Основной задачей Коллегии, как подчеркивалось в ее отчете от 1 сентября 1919 г., была активная работа «по революционизированию мусульманского населения Уральской области, главным образом киргизского (казахского) населения, занимающего обширную территорию области...».⁵

В составе Коллегии по национальным делам облревкома был создан и довольно активно функционировал «агентурно-разведочный отдел на Зауральской стороне», которым руководил

¹ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 11, л. 143.

² Там же и см. кн.: Петровский Л.П. Петр Петровский. Алма-Ата, 1974, с. 58.

³ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1964, т. II, с. 125.

⁴ Петровский Л.П. Петр Петровский. Алма-Ата, 1974, с. 58.

⁵ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, т. II. Алма-Ата, 1964, с. 123.

С. Арганчеев. По инициативе этого отдела 13 июля 1919 г. в г. Оренбурге состоялось расширенное заседание Коллегии по национальным делам с участием армейских ответственных работников, в том числе военкома 22-й стрелковой дивизии Андреева. На нем рассматривались меры по усилению агитационной и военной работы в Зауральской степи, в тылу белогвардейцев «для подготовки населения к восстаниям...».¹ В начале октября 1919 г. «было подготовлено и размножено в 2000 экз. третье по счету воззвание на казахском языке для распространения среди населения в Зауральской степи посредством аэроплана».²

Вопрос о подчиненности Уральского облревкома революционному комитету по управлению Казахским краем в течение определенного времени оставался дискуссионным. Несмотря на Положение Декрета СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. о том, что Уральская область входит в состав Казахского края, партийные и советские руководители области не только не торопились войти в состав края, но и официально отстаивали свою «независимость» от Казахского ревкома. Потребовались дополнительные разбирательства и разъяснения ЦК РКП(б) и Наркомнаца РСФСР, которыми вопрос подчинения облревкома Казревкому решился окончательно. 24 июня 1920 г. Казахский революционный комитет принял установочное постановление о том, что «Все вопросы, связанные с определением состава Уральского губернского ревкома, его назначениями и перемещениями ответственных работников разрешаются Военревкомом Киркрая».³

В сентябре 1920 г. состоялся Уральский (областной) съезд Советов. Среди других вопросов съезд обсудил итоги работы VII Всероссийского съезда Советов и принял решение об оживлении и улучшении работы местных Советов. Съезд избрал областной (губернский) исполнительный комитет. В этой связи на заседании облревкома, состоявшемся 17 сентября 1920 г., было решено передать полноту власти в области вновь избранному исполкому.

---

¹ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 108.

² Там же, с. 115.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 63, л. 20.

3. Семипалатинский областной революционный комитет

Семипалатинская губерния в старых своих границах считалась наиболее обширной среди других губерний и областей Казахстана. Ее население превышало один миллион человек.

С освобождением г. Семипалатинска от белых распоряжением Сибирского походного революционного комитета 16 декабря 1919 г. был образован областной революционный комитет¹ в составе членов гг. Скиба, Большакова, А. Бобра, В.А. Курамжина, Неворотова. Состав областного ревкома за период его деятельности с декабря 1919 г. по 10 ноября 1920 г. менялся и переутверждался шесть раз.²

21 декабря 1919 г. были созданы отделы облревкома: управления (заведующий Кожевников А.А.), социального обеспечения (Бобра А.С.), финансов (Курамжин В.А.), здравоохранения (Гаврилов И.К.), народного образования (Запорожский П.Ф.).³ 24 декабря 1919 г. был образован отдел земледелия.

Областному ревкому принадлежала вся полнота гражданской власти. В первом его приказе говорилось, что распоряжения облревкома должны исполняться всеми гражданами области в точности и беспрекословно. Всякое неисполнение и противодействие распоряжениям и приказаниям ревкома будет считаться неподчинением законам Российской Федеративной Социалистической Республики и будет караться по всей строгости военного времени.⁴

Одной из важнейших задач областного революционного комитета было создание и укрепление Советской власти на местах и налаживание административного и хозяйственного аппарата. В его специальном обращении к населению сказано: «Крестьяне и трудовые казаки, выбирайте во временные революционные Советы людей честных и трудоспособных, стоящих на страже интересов трудящихся бедных масс».⁵

В районах преимущественно с казахским населением по указанию облревкома шли работы по восстановлению и организации

¹ 13 февраля областной ревком был переименован в губернский ревком. Госархив Семипалатинской обл., ф. 72, оп. 1, д. 17, л. 104.

² Госархив Семипалатинской обл., ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 1, д. 27, л. 66.

³ Там же, ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 5.

⁴ Госархив Семипалатинской обл., ф. 72, оп. 1, д. 5, л. 1.

⁵ Там же, л. 2.

аульных и волостных комитетов Советов, а в уездах создавались уездные ревкомы с подчинением их облревкому.¹ В январе 1920 г. было дано указание всем уездным революционным комитетам принять самые энергичные меры к организации волостных ревкомов там, где это необходимо, в целях пресечения хищения народного достояния, охраны общественного порядка и прекращения самовольной реквизиции имущества и скота у населения вопреки декретам Совнаркома и приказам областного ревкома.² При этом указывалось, что в волостных ревкомех не должно быть более пяти членов и допускалось образование лишь трех отделов: общего управления, земельного, военного. Во главе отделов находились члены ревкома, которые несли полную ответственность за их деятельность. При сельских ревкомех отделы не образовывались. В тех селах, где имелись волостные ревкомы, отдельно сельские ревкомы не создавались.³

В практике деятельности облревкома получили широкое распространение выезды членов и активистов ревкома непосредственно на места для личного ознакомления с положением в уездах и волостях, а также для оказания более квалифицированной помощи низовым органам. Так, на заседании облревкома 12 января 1920 г. было решено командировать членов ревкома Скиба и Большакова по маршруту: Усть-Каменогорск, Кокпекти, Каркаралинск.⁴

Они проехали 1500 верст. При этом в г. Зайсане был реорганизован ревком с включением в его состав двух представителей «от инородческого» населения.⁵ Предложения этих командированных членов облревкома содействовали улучшению советской работы в уездах.

По инициативе областного ревкома и представителей Казахского революционного комитета созывались массовые, беспартийные конференции для разъяснения текущей политики Советской власти и в целях подъема общественно-политической активности масс.

I съезд представителей трудящегося крестьянства Семипа-

---

¹ Там же, д. 12, л. 33.

² Там же, д. 100, л. 2.

³ Там же, д. 1, л. 12.

⁴ Там же, д. 17, л. 45.

⁵ Там же, д. 8, л. 313-314.

латинского уезда состоялся во второй половине марта 1920 г. Съезд обсудил земельный и продовольственный вопросы, вопрос о борьбе с разрухой и о задачах советского строительства в деревне. В постановлении, принятом съездом, говорилось: «Мы, крестьяне, собравшись на уездный съезд, заявляем: уроки колчаковщины научили нас многому. Из кровавого опыта мы убедились, что только Советская власть есть народная власть».¹ В конце марта 1920 г. состоялся казахский съезд Семипалатинского уезда, на котором присутствовало 90 делегатов. На съезде были обсуждены доклады облревкома, доклады о Советской автономии Казахстана, об организации казахских частей Красной Армии и др.²

Под руководством революционного комитета по управлению Казахским краем при уездных ревкоммах создавались казахские (отделы) секции или, как их еще называли, «инородческие подотделы». Очень активную деятельность развернул казахский отдел Усть-Каменогорского ревкома. Он проводил подготовку населения к выборам в Советы, занимался открытием школ для казахов, переводил на казахский язык постановления вышестоящих органов Советской власти, оказывал населению юридическую помощь, часто посылал своих представителей улаживать споры и конфликты, возникавшие среди казахского населения, вел работу по искоренению родовой вражды, следил, чтобы подворная повинность и продрозверстка ложились в основном на богатых баев. При этом он действовал решительно и смело.

Семипалатинский областной ревком под руководством Сибревкома и партийных органов, при содействии Казахского краевого ревкома проводил значительную работу среди казахского населения в плане реализации ленинской национальной политики. 23 декабря 1919 г. при отделе управления облревкома был организован «инородческий» подотдел, руководителем которого назначили М.О. Ауэзова. Были разработаны меры по вовлечению местного населения в новые революционные органы. Облревком 18 января 1920 г. принял решение о необходимости включения в состав уездных ревкомов со смешанным населением представителей казахского населения. Это было одобрено и

---

¹ За власть Советов. Семипалатинск, 1961, с. 121.

² Там же, с. 121.

подтверждено облревкомом 12 февраля 1920 г.¹ Несколько раньше, 20 декабря 1919 г., на объединенном заседании Сибирского ревкома и облревкома было решено ввести в состав облревкома двух представителей от казахов.²

«Иностранческий отдел» облревкома созвал ряд уездных «киргизских (казахских) информационных съездов», митингов, совещаний с широким участием национальной молодежи. В одном из докладов М.О. Ауэзова в облревком от 23 февраля 1920 г. указывалось, что такие съезды намечено проводить в Семипалатинском уезде 3 марта, а в остальных четырех уездах – 20 марта с посылкой во все уезды по одному делегату от облревкома в качестве руководителей и организаторов съезда. На уездный казахский съезд в г. Каркаралинске в качестве представителя от облревкома был командирован член ревкома Тюленев.³

На созванном съезде в Усть-Каменогорском уезде участвовало 70 делегатов. По отзывам председателя мусульманской секции облревкома Шарафутдинова, этот съезд явился хорошей аудиторией для разговора о власти рабочих и крестьян и в этом деле имел большой успех, ибо, по его словам, «делегаты уехали веселые и радостные, словно открыли новую Америку».⁴

В апреле началась подготовка к выборам в Советы. Была создана облревкомом губернская избирательная комиссия. В ходе избирательной кампании в казахских уездах и волостях усилились групповые, родовые конфликты, нередко носившие характер борьбы за преобладание в местной власти. Объединенное совещание казахских уездных работников, созванное 28 мая 1920 г. в целях устранения родовых конфликтов, особенно вредных в тот момент, единогласно постановило составить список активных вождей родовых лагерей и изолировать этих главарей на время предстоящих выборов. По инициативе «иностранческого отдела» облревкома от 15 июля 1920 г. были разработаны предложения о пересмотре состава ряда волостных ревкомов, а также о мерах по ограничению произвола и самоуправства некоторых лиц под видом сотрудников губчека, уездного военкомата и милиции, творившихся в казахских волостях, которые вели

---

¹ Госархив Семипалатинской обл., ф. 72, оп. 1, д. 17, л. 67, 103.

² Там же, д. 16, л. 29.

³ Там же, д. 100, л. 2-4.

⁴ Там же, д. 74, л. 27.

только к усилению межгрупповой борьбы. Заведующий отделом управления облревкома Большаков, ознакомившись с этим документом, наложил резолюцию: «Вполне соглашаюсь с данным предложением, которое совпадает с желаниями и намерениями избирательной комиссии. Об изложенном сообщить губчека, милиции и уездному военкому, чтобы никакие отряды временно не посылались в пределы означенных волостей без ведома и распоряжения губревкома или его отдела управления».¹ Облревком своим решением от 15 июля 1920 г. заново утвердил состав ревкомов: в Чаганской волости (председатель Шарип Исмагулов, член Тлубай Атеков), в Чингизской волости (председатель Карим Дюсебаев, члены Давлет Искаков и Кульсулеймен Жиренчин).

Административное положение Семипалатинской области, а следовательно, и Семипалатинского облревкома было двойственным. Область и областные органы находились в подчинении Сибревкома, хотя Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. предусматривалась передача области в ведение Казахского революционного комитета. А «иностранческий» подотдел облревкома, распространивший свое руководство на все казахские волости, которые составляли область, в плане административном тяготел и находился под сферой власти Казахского революционного комитета в г. Оренбурге. Почти по всем местным вопросам, когда их решение представлялось важным, подотдел вступал в связь с Казревкомом. В свою очередь, ревком по управлению Казахским краем с большой охотой поддерживал такой контакт, считая это одним из условий подготовки перехода области в его ведение.

В результате помощи казахского ревкома и Семипалатинского облревкома «иностранческий» подотдел стал превращаться в важный и активный орган.

«Иностранческий» подотдел облревкома считал, что он имеет две основные задачи: поддерживать и укреплять Советскую власть среди казахского населения и защищать всеми законными мерами их интересы. В докладе подотдела от 12 мая 1920 г. указывалось, что к нему все больше и больше людей обращаются с вопросами: о продовольственном снабжении и политике; о содействии в организации потребительских обществ, товариществ и всякого рода коммун; об отводе земель под разное хозяйственное обзаведение; об оказании помощи пострадавшим от

---

¹ Там же, д. 5, л. 273.

разного рода бедствий, главным образом от гражданской войны; о защите интересов бедного люда от работодателей и промышленных предприятий; о справедливом распределении подворной повинности; об открытии дошкольных, внешкольных и школьных курсов, печатании литературы, газет, брошюр и т. п. и снабжении ими трудового народа; об организации судов, направлении их деятельности и подыскании подходящих кандидатов на должность судей, оказании юридической помощи населению и по другим вопросам.¹

В связи с ростом масштаба работ «инородческого» подотдела встал вопрос о его преобразовании в самостоятельный отдел облревкома. Этот вопрос обсуждался на совместном заседании членов Казревкома и подотдела 25 июля 1920 г. На нем было принято постановление о необходимости такой реорганизации и создания казахского отдела управления облревкома. Причем на эту должность был рекомендован тов. М. Ауэзов.²

26 июля 1920 г. состоялось объединенное заседание облревкома, губбюро, на котором была заслушана информация члена Казахского ревкома А. Авдеева об «инородческом» подотделе. В своем докладе А. Авдеев высказался за реорганизацию этого подотдела в самостоятельный отдел, непосредственно подчиняющийся облревкому. Было также принято решение: поручить заведующему отделом управления Большакову осуществить реорганизацию подотдела в «инородческий» отдел, а его руководителя М. Ауэзова ввести в облревком в качестве его члена с совещательным голосом.³

Семипалатинский областной революционный комитет в течение года – с декабря 1919 по ноябрь 1920 г. – провел 145 своих заседаний, вынес 256 постановлений и приказов, что свидетельствует о весьма бурной и активной его деятельности. Наряду с вопросами советского строительства облревком энергично занимался и хозяйственными вопросами, и вопросами созидания новой культуры. Он внес заметный вклад в общий процесс осуществления ленинской национальной политики в Казахстане.

¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 25, л. 3-4.

² Там же, л. 11.

³ Госархив Семипалатинской обл., ф. 72, оп. 1, д. 125, л. 16.

4. Адаевский революционный комитет

Адаевский революционный комитет был организован в начале сентября 1918 г. А.Т. Джангильдиным в период его продвижения с экспедиционным отрядом от г. Астрахани через Мангышлакский полуостров до ст. Челкар в Актюбинской степи.

25 августа 1918 г. пароходы «Абассия» и «Мехди», входившие в отряд во главе с А. Джангильдиным, выполнявшим поручение В.И. Ленина по доставке 68 млн. руб. денег, крупной партии оружия и боеприпасов для Туркестанского фронта, бросили якорь в Тюб-Караганской бухте в районе форта Александровского на Мангышлакском полуострове. Отряд численностью около 400 чел., разбившись на две группы, овладел радиостанцией и крепостью этого форта, находившимися в руках эсеров. Военный гарнизон форта был распущен. А.Т. Джангильдин установил деловой контакт с местными большевистски настроенными рабочими Н. Унгалбаевым, А. Баутиным и др. Они помогли ему провести многолюдное собрание жителей форта, на котором было принято постановление «Признать полномочия Чрезвычайного степного комиссара А.Т. Джангильдина как представителя Центральной Советской власти и беспрекословно выполнять все его распоряжения и приказания». ¹ Вскоре он перевел свои суда и отряд на мыс Жандаур у полуострова Бузачи, чтобы быть ближе к массе аульного населения. «Прибыв со своим отрядом 28 августа в пределы Мангышлакского уезда Закаспийской области, – писал А.Т. Джангильдин, – я выяснил, что население уезда, вследствие провокации контрреволюционеров, находилось в полнейшем неведении относительно существования Советской власти и поэтому мало сочувствовало ей». ²

А.Т. Джангильдин начал проводить активную политическую и агитационную работу среди населения рода Адай. Он рассылал в аулы агитаторов для ознакомления с целями и задачами Советской власти, ее декретами и политикой. Вокруг интернационального отряда вскоре удалось собрать местный актив. Среди кочевников-адаевцев были такие влиятельные люди, как Тобанияз Альниязов (столяр), Садык Жубаев, Зулкарнай Баймурзаев (прибывший из форта) и др. Используя этих активистов,

---

¹ Три тысячи верст с флагом Советов. Газ.: Прикаспийская коммуна. 1967, 2 июля.

² Там же.

А. Джангильдин в урочище Кара-Тобе 25 сентября созвал съезд представителей двенадцати волостей уезда, на котором объявил о создании Адаевского революционного комитета. Его председателем был назначен Тобанияз Альниязов.¹ О результатах работы этого уездного съезда А.Т. Джангильдин писал: «...Представители киргизского (казахского) трудового народа, узнав от меня о характере и целях власти в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, безусловно, признали советскую власть и с восторгом приветствовали идею создания Киргизской (Казахской) автономной единицы в составе республики на основе Конституции, принятой на V съезде Советов...».²

Адаевский ревком, его председатель Т. Альниязов и члены С. Жубаев, З. Баймурзаев, а также местные активисты оказали значительную помощь экспедиционному интернациональному отряду, которому предстоял теперь пеший поход через пустынные степи. За короткое время на добровольных началах они собрали 700 лошадей и 400 верблюдов, в которых нуждался отряд, для транспортировки военных и продовольственных грузов через пустыню до ст. Челкар на Актюбинский фронт. Отряд пополнился адаевскими джигитами-добровольцами. В их числе был молодой Толесин Алиев, ставший в дальнейшем неизменным помощником Джангильдина в его боевых делах на фронтах гражданской войны в Казахстане и за его пределами. Отряд, в свою очередь, выделил Адаевскому ревкому винтовки и патроны для формирования конного отряда из бедняков-кочевников Мангышлака, обеспечив их «...одеждой и обувью..., которыми располагал отряд».³ Отряд нужен был ревкому не только как военная сила, а, главным образом, для защиты жителей Мангышлака, особенно адаевцев, подвергавшихся бандитским нападениям басмаческих шаек, приходивших из Хивы. А.Т. Джангильдин разработал даже инструкцию, в которой говорилось что «в киргизскую (казахскую) армию должны приниматься только трудовые киргизы (казахи) и русские, военными инструкторами могут быть приглашены специалисты этого дела из бывших офицеров...».⁴

Адаевский ревком помог интернациональному отряду в выборе более безопасного пути выхода из вражеского кольца, в котором

---

¹ Джангильдин А. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, стр. 58-59.

² Прикаспийская коммуна, 1967, 2 июля.

³ Там же.

⁴ Там же.

почти оказался этот отряд. Дело в том, что к этому времени Ашхабад и Красноводск были захвачены английскими войсками. В Гурьеве и Уральске хозяйничали белогвардейцы. По существу отряд А.Т. Джангильдина и Адаевский ревком оказались в полуокружении: на юго-востоке находились английские и хивинские войска, на северо-востоке – армии Уральского войскового «правительства» и части алашордынцев. Ревкому удалось через знатоков пустынной и степной местности и путей-лабиринтов на них наметить более безопасные пути перехода через пустыню. В этом ему помогли народный акын Боранкул Каипов и старец Каражан Тасимов.

Интернациональный боевой отряд А. Джангильдина, его революционная агитация оставили огромное впечатление среди местного населения. Проводы отряда превратились в большое торжество и ликование. Акын-импровизатор Боранкул Каипов на прощание, обращаясь к А.Т. Джангильдину, запел:

*«Қазақта бірінші рет қол бастаған,
Шығысқа ер Әліби жол бастаған.
Біз бердік 700 ат, 400 түйе
Шыққанда шөл далаға жан баспаған.
Суларға кездескенде мұқият бол,
Құдыққа талай затым у тастаған.
Оң болсын сапарыңыз, қош-аман бол,
Өлгенше ауызымнан мен тастаман.
Жолыңыз мәңгі қалсын кейінгіге,
Қиын жол сапарыңыз құс аспаған».¹*

---

¹ Из рукописного воспоминания Байтлеуова Нурбаулы, учителя и жителя Мангышлака, участника этих событий 1918 г. Ниже дается подстрочный перевод:

«Ведомый Алиби отряд берет курс на Восток,
Это он первый такой среди казахов.
Мы доставили ему 700 лошадей и 400 верблюдов,
Чтобы он успешно преодолел переход по безводной пустыне,
Где прежде не проходили люди.
Говорим тебе: будь осторожен, встретив колодцы с водой,
Нередко враги бросают яд туда.
Удачного перехода Вам – говорим на прощанье,
Как легенда ваше пребывание здесь сохранится
В моих устах до смерти.
Пусть память о Вас сохранится в поколениях —
Ваш трудный путь и стремление в неизведанное».

В течение первых 20 дней с интернациональным отрядом двигался председатель Адаевского ревкома Т. Альниязов со своим конным отрядом, который уже был создан. По пути и на стоянках разбирались жалобы населения, проводилась агитационная работа, организовывались аульные и волостные Советы. Получив жалобы из аулов на насилие и грабежи басмаческих групп и отрядов Хивинского ханства в пограничной зоне, А. Джангильдин письменно делал ультимативное предупреждение главарям этих групп. Об этом факте А.Т. Джангильдин писал в своем отчете Совету Народных Комиссаров РСФСР от 14 марта 1919 г.: «Получив здесь (т. е. на Мангышлаке – М.Ш.) известие, что туркмены-разбойники постоянно нападают на киргизское (казахское) население, грабя и увозя в рабство жен и девиц, я послал приказ в Хиву, чтобы туркмены впредь не беспокоили бедных киргиз (казахов), предостерегая их, что в случае невыполнения моих требований будет противопоставлена военная сила Российской республики для уничтожения туркменских разбойничьих шаяк».¹

Адаевский ревком порой именуют кочевым ревкомом. Для этого есть основание. Весной и даже зимой он передвигался вместе с кочевыми группами и родами. Выбор путей и районов кочевания зависел от наличия корма для скота, от передвижения вражеских войск и бандитских групп, от безопасности местности, и не менее важным было сочувствие населения тех или иных районов Советской власти. В один из таких переходов осенью 1919 г. Адаевский ревком с конным отрядом и подвластным ему населением ряда волостей ушел из пустынных мест и двигался в направлении г. Уила, где ежегодно проводилась ярмарка. Но в Уиле и Кзыл-Куге в это время хозяйничали оренбургские белоказакки из армии Дутова, уральские белогвардейцы и милиция «правительства» Западного отделения Алаш-Орды. Получив сообщение о том, что к реке Уил прикочевали адаевцы и продают много скота, они направили туда военный отряд для сбора дани по 100 руб. с кибитки. Местное население, руководимое ревкомом, пошло на хитрость. Как об этом сообщила местная советская газета в статье под названием «Неудавшийся ясак», адаевцы просили дать им время посоветоваться, а отряду было устроено самое богатое угощение, во время которого он и был

¹ Джангильдин А. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961. с. 115.

обезоружен. Белогвардейскому генералу Толстову был предложен ультиматум: или дать заверение, что он оставит их в покое, или, в противном случае, отряд будет уничтожен. «Храброму превосходительству ничего не оставалось, как согласиться».¹

Конный отряд ревкома вскоре превратился в серьезную военную силу, с которой вынуждены были считаться враги Советской власти. Он пополнился партизанским отрядом Закира Бекчурина, действовавшим в пустыне Мангышлака, получил оружие от частей Красной Армии, находившейся в Закаспийской области. Ревком не только не признавал власти Западного отделения Алаш-Орды, он вел довольно успешную борьбу с ним. Под влиянием этой борьбы и деятельности ревкома адаевцы на части оккупированной алашордынцами территории оказывали последним упорное неповиновение. Так, в конце октября 1919 г. в советской фронтовой газете была опубликована корреспонденция «Киргизы поднимаются», в которой говорилось следующее: «Киргизы рода адаевцев, кочующие между Каспийским морем и Тургайской областью, восстали против киргизского «правительства», возглавляемого ханом Джаншой Досмухамедовым. Адаевцы напали на воинские части хана Досмухамедова, стоявшие на Уиле. Отряд численностью в 300 человек был ими частью истреблен, частью взят в плен. Сам Досмухамедов спасся на автомобиле».² Адаевский ревком со своим конным отрядом участвовал в начале 1920 г. в разгроме отступавших частей атамана Толстова, когда они проходили по территории Мангышлака, пытаясь пробраться в Персию.

С организацией и функционированием Казахского революционного комитета в г. Оренбурге Адаевский ревком считался в его ведении. Казревком, Уральский облревком иногда посылали на Мангышлак своих уполномоченных и извещали Адаевский ревком об отдельных проводимых в крае и области мероприятиях. Однако налаженной постоянной связи между ними не было, и подчинение носило спорадический характер.

К середине 1920 г. на территории Мангышлака образовалось многовластие. Адаевский ревком почти полностью находился в кочевых районах, в глубине степи, передвигался с кочевыми коллективами. В конце апреля 1919 г. приказом командующего

---

¹ Яицкая правда, 1919, 31 октября, № 147.

² Там же.

Астрахано-Каспийским фронтом был образован ревком, распространивший свою власть на форт Александровский и селение Николаевское, которые прежде считались административными центрами всего Мангышлакского уезда.¹ В свою очередь, Закаспийский областной революционный комитет, исходя из того, что до революции Адаевский уезд находился в административном подчинении Закаспийской области, и считая, что власть краевых органов Казахстана, в частности Казревкома, не должна распространяться на Мангышлак, организовал в июне 1920 г. Мангышлакский уездный революционный комитет с постоянным местом пребывания в форте Александровском. К этому времени уже существовал Мангышлакский уездный исполнительный комитет как орган «Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов», созданный еще в ноябре 1918 г.

Создание Мангышлакского уездного революционного комитета происходило без ведома и без оповещения об этом как Казахского, так и Уральского областного ревкомов. Хотя в решении Закаспийского областного ревкома о создании уездного ревкома на Мангышлаке не было упоминания об Адаевском ревкоме, тем не менее по смыслу этого решения двоевластие и тем более троевластие не должно было иметь места.

Казахский революционный комитет, получив известие об этом, а также по просьбе Адаевского ревкома 29 марта 1920 г. утвердил «Временное положение об управлении адаевцами». В нем было предусмотрено направление на Мангышлак Особой комиссии Казахского ревкома в составе уполномоченного краевого ревкома, одного представителя военкомата, уполномоченного Крайчека и одного представителя Уральского областного ревкома и губкома. В ее задачу входила «организация органов Советского управления на местах».² Комиссия прибыла в район Уила в начале июня 1920 г., где находился Адаевский ревком, и созвала с 11 по 15 июня 1920 г. I Советский съезд представителей адаевцев, табынцев и др. кочевников в местах их летовки. В работе съезда участвовали представители революционного комитета по управлению Казахским краем Г. Алибеков и Уральского обкома РКП(б) М. Мурзагалиев.³

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, т. 1, с. 214.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 82, л. 20.

³ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 21, л. 230.

Как видно из протокола, председателем съезда был избран «заместитель бывшего Чрезвычайного комиссара Степного Киргизского (казахского) края А.Т. Джангильдина – Тобанияз Альниязов».¹ На съезде стояли следующие вопросы: сущность Советской власти; Адаевский ревком; снабжение адаевцев и др. кочевников предметами первой необходимости; урегулирование взаимных отношений кочевников и оседлых казахов и переселенцев; организация народной милиции и образование добровольческих красноармейских частей из казахов; о Всеказахском съезде и др.

12 июня 1920 г. на втором заседании съезда было принято приветствие в адрес ЦИК РСФСР, которое гласило: «Представители адаевцев, табынцев и др. киргиз (казахов)-кочевников, собравшись на съезде 11-го июня, приветствуют ЦИК Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и вождей мирового пролетариата, ведущих героическую борьбу с хищниками мирового капитала за завоевание Великой российской пролетарской революции, освободившей народы России от векового гнета, насилия и эксплуатации, объединив их на началах равноправия и свободы в Великую Российскую Социалистическую Федеративную Республику и поднявшей знамя освобождения пролетариев и трудящихся всего мира, угнетенных создавшимся на насилии и крови капиталом».²

Также был обсужден и принят текст приветствия на имя революционного комитета по управлению Казахским краем: «Представители адаевцев, табынцев и других кочевников, собравшиеся на съезд 11 июня с. г., приветствуют Кирвоенревком как центральный орган, являющийся связующим звеном объединения всех киргизских родов в единую федерацию. Адаевцы и другие кочевники изъявляют готовность как можно скорее принять участие в общей работе революционного правления, ведущей к раскрепощению нации, уравниению в правах всех национальностей и сословий единой Социалистической Федеративной Советской Республики и освобождению от всякого гнета капитала.

---

¹ В оставленной в свое время А. Джангильдиным Инструкции для председателя Адаевского ревкома Альниязова было сказано: «Оставляю Вас своим заместителем в Мангышлакском уезде». Джангильдин А. Документы и материалы. Алма-Ата, 1961, с. 105.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 81, л. 11.

Съезд кочевников приветствует создающуюся национальную Киргизскую (Казахскую) Красную Армию, которая станет на страже завоеваний революции, несущих счастье и освобождение всем трудящимся мира. Да здравствует объединение свободного киргизского (казахского) народа! Да здравствует Киргизское (Казахское) революционное правление! Да здравствует создающаяся Киргизская (Казахская) Красная Армия!».¹

Относительно советского органа управления на Мангышлаке было установлено «В срочном порядке ходатайствовать об учреждении уездного ревкома и немедленно приступить к организации волостных и аульных Советов».² Временным местопребыванием этого ревкома определено бывшее Уильское укрепление.

Уральский областной революционный комитет на своем заседании 9 июня 1920 г. с участием членов облревкома Струппе, Каратаева, Почиталина, Имагамбетова и др. по докладу Струппе принял следующее решение: «1) Приветствовать адаевцев в лице Адаевского ревкома за начало организации среди них Советской власти. 2) Просить Адаевский ревком выслать своего представителя в Уральский губернский отдел управления для установления живой связи Уральска с Адаевским ревкомом. 3) Издать постановление губревкома о создании Адаевского уезда в его границах и об Адаевском ревкоме, указав в постановлении, чтобы все уездные ревкомы (исполкомы), а также и другие органы Советской власти Уральской губернии при каких-либо деловых сношениях к волостям нового уезда, при стремлении производить в них какие-либо работы все свои мероприятия проводили с ведома и согласия Адаевского уездного ревкома».³

Из этого решения Уральского областного революционного комитета видно, что облревком считал Адаевский уезд подведомственной ему территорией, а Адаевский ревком – подчиненным органом. Однако на деле вопрос об административной подчиненности уезда был далеко не ясным, спорным. Руководители Туркестанской республики и Закаспийского областного революционного комитета также продолжали считать Адаевский уезд своей территорией, а Адаевский ревком – незаконным органом, не санкционированным ими.

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 81, л. 11.

² Там же.

³ Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 19, л. 153.

После состоявшегося съезда в Оренбург прибыла делегация Адаевского ревкома и населения, которая была выслушана в Казахском ревкоме наряду с докладами Особой комиссии по делам адаевцев. Казревком 3 июля 1920 г. обратился к председателю Туркестанского ЦИК Т. Рыскулову с телеграммой следующего содержания: «В Киркрайревком прибыли представители адаевцев, населяющих Мангышлакские и частью Красноводские уезды, входящие в состав Туркеспублики, с предложением включить их в состав Кирреспублики. Адаевцы, как кочевники, в местах их приписки проводят всего одну треть года, остальное время кочуют на Киртерритории... Уральские экономорганизации организуют снабжение адаевцев на Уиле, куда двинуты товары на сотни миллионов. Необходимость снабжения, организация власти среди адаевцев и разрешения спорных вопросов между ними и оседлым населением Уральской и Тургайской областей заставляет настоятельно просить ТуркЦИК о немедленном согласии включения адаевцев в состав Кирреспублики...».¹

Не дожидаясь окончательного решения вопроса, Казревком, заслушав доклад Г. Алибескова – руководителя Особой комиссии по делам адаевцев, табынцев и др. кочевников о положении в Адаевском уезде, постановил: «1. Назначить двух членов Адаевского ревкома, если окажется возможным, в лице председателя Калмыковского райисполкома Хаустова и сотрудника от народа Киркрая Омарова. 2. Выяснить вопрос о ходе формирования Адаевского конного полка. 3. Поручить отделу внутреннего управления оформить существование Адаевского уезда в границах, установленных с подчинением указанного уезда непосредственно Военревкому. Отделу же управления поручается разработка сметы на содержание Адаевского ревкома и отпуск кредитов из средств Военревкома».²

Повторно учрежденный Адаевский ревком находился в непосредственном подчинении Казревкома, хотя на эту роль претендовал и Уральский облревком. Председателем Адаевского ревкома остался его прежний руководитель Тобанияз Альниязов, заместителем председателя – тот же Садык Джубаев. Они 5 августа 1920 г. представили письменное сообщение Казревкому

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 82, л. 31.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 5, л. 54.

о том, что вверенный им ревком с 1-го июля того же года возобновил свою работу в Уиле. В течение 20 дней после I съезда Советов, согласно его решениям, организованы отделы ревкома: управления, экономики, народного образования, здравоохранения, земельный, уездная милиция и уездный суд. На содержание их «Уездный ревком ходатайствует об отпуске необходимого кредита по смете с посланным нарочным».¹

Одновременно руководители Адаевского ревкома сообщали, что «...в форте Александровском появился другой самочинный ревком, претендующий на власть по управлению адаевцами с присоединением к Туркестанской республике, и оттуда командированные комиссии по сбору скота задерживали адаевцев, идущих на Уильскую ярмарку. Такое двоевластие в одном уезде, по мнению ревкома, не может ограничиваться только одним вмешательством в поставку скота, но и быть тормозом в организации Советской власти в волостях, состоящих в Адаевском уезде. Посланные с нашей стороны телеграфные и прочие сообщения об организации здесь законного ревкома не действовали на тамошний ревком, и там без ведома здешнего ревкома разными комиссиями производится реквизиция скота у адаевцев. Во избежание всяких нежелательных явлений и двоевластия в одном и том же народонаселении, уездный ревком полагал бы сделать со стороны краевой власти распоряжением о роспуске самочинно организованного в форте Александровском уездного ревкома».²

Обсудив это донесение Адаевского ревкома, Коллегия Комиссариата Внутренних дел Казревкома решила: «Просить Военревком Кирккрая снести со штабом 11-й армии по вопросу ликвидации уревкома, организованного в форте Александровском, и известить ТуркЦИК об образовании Военревкомом нового Адаевского уезда и организации для управления этим уездом ревкома в Уиле».³ Казахский ревком направил телеграмму штабу 11-й армии 21 августа 1920 г., в которой сообщалось: «В силу постановления Московского совещания присоединении Мангышлакского уезда к Кирккраю, также образования Адаевского уездревкома с временным пребыванием в Уиле Военревком Кирккрая предлагает ликвидировать уревком в форте-Александ-

¹ Там же, д. 82, л. 43, 44.

² Там же, д. 5, л. 43.

³ Там же, л. 42 об.

ровском, передать дела и имущество новому ревкому в Уиле».¹ Это фактически произошло в феврале 1921 г. Вскоре были образованы пять районных ревкомов, подчиненных Адаевскому ревкому. Он просуществовал до середины 1927 г. и был самым продолжительным ревкомом на территории Казахстана.

---

¹ Там же, д. 82, л. 47.

5. Акмолинский уездный революционный комитет

Территория Акмолинского уезда составляла более 214 тыс. верст с населением 340 тыс. чел., из них казахов насчитывалось 220 тыс. чел.¹

25 ноября 1919 г. власть в г. Акмолинске перешла к организованному представителем политотдела 59-й дивизии уездному ревкому во главе с т. А. Ереминым. Вскоре при ревкоме были организованы отделы: внутреннего управления, финансов, земельный, медико-санитарный, военный, продовольственный, народного образования, социального обеспечения, совнархоз, юстиции, труда.² На начальном этапе первоочередными задачами ревкома были: закрепление завоевания власти, организация новых советских органов, установление революционного порядка. Уездный ревком взялся за организацию волостных, сельских и аульных ревкомов, чтобы «была возможность принять действенные меры к восстановлению порядка и спокойствия, к пресечению каких бы то ни было контрреволюционных выступлений, к подъему сознательности и самостоятельной деятельности наиболее широких кругов беднейшего населения».³ С такой задачей 15 декабря 1919 г. решением ревкома в казахские волости было послано 11 инструкторов. Волостные и большинство сельских и аульных ревкомов были организованы в декабре 1919 – феврале 1920 гг.⁴

Акмолинским уездным ревкомом была разработана инструкция об организации волостных и сельских ревкомов. В ней указывалось, что волостные ревкомы организуют отделы земельный и продовольственный, военный и общее управление.

Основными задачами волостных ревкомов были: проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти; принятие всех мер к поднятию данной территории в хозяйственном и культурном отношении; разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное значение; объединение всей советской деятельности в пределах данной волости; под-

¹ Госархив Целиноградской обл., ф. 212, оп. 1, д. 16, л. 257.

² Там же, ф. 114, оп. 1, д. 1, л. 1, 2.

³ Там же, ф. 212, оп. 1, д. 16, л. 11.

⁴ См. кн.: Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 157.

держание революционного порядка, учет населения, земли, запашки посева, сенокоса, семян и т. д. и сообщение об этом в высший орган власти; забота о правильной постановке сельского хозяйства и в особенности преобразовании его на коллективных началах; забота о правильной постановке местных промыслов, выполнение поручений губернских и уездных продовольственных отделов, особенно по учету продуктов; устройство волостных и сельских культурно-просветительных учреждений и забота об общем благоустройстве волости.

Согласно инструкции, сельские ревкомы состояли из трех членов и решали те же задачи, что и волостные ревкомы, но только в пределах данного селения. Отделы они не образовывали.¹ Волостные и аульно-сельские ревкомы в большинстве своем избирались на собраниях представителей населения из числа лиц, рекомендованных уездным ревкомом. Организационная работа в этой части была сопряжена со значительными трудностями, связанными особенно с проведением в ревкомы подлинных представителей трудового народа и защитников его интересов. Уездный ревком под руководством партийной организации и Сибревкома пытался обеспечить классовый принцип при создании органов местной власти.

Выборы в местные ревкомы и Советы особенно сложно и остро проходили в казахских волостях и аулах. На них сказывалось прошлое: групповая борьба, старые счеты между родовыми отделениями и т. д. Уездному ревкому пришлось в ряде мест выборы заменить принципом назначения местных органов.

В 20 из 49 казахских волостей ревкомы были созданы приказом. В их состав прошли «10 сочувствующих РКП, а остальные бедняки, которые истинно защищали их интересы».²

Основными направлениями в деятельности уездного ревкома были организация и наблюдение за правильным функционированием волостных аульно-сельских ревкомов, своевременное информирование их о распоряжениях и указаниях вышестоящих органов власти. Для этой цели отдел управления имел специальный штат инструкторов и была разработана им временная инструкция уездному и волостному инструктору.³ Она подробно

¹ Госархив Целиноградской обл., ф. 212, оп. 1, д. 1, л. 20.

² Там же, ф. 212, оп. 1, д. 16, л. 39 об.

³ Там же, д. 1, л. 83.

регламентировала права и обязанности инструкторов. Для информации населения о целях и задачах Советской власти было командировано в мае 1920 г. в волости уезда 50 инструкторов-информаторов. Для проверки правильности функционирования волостных сельских и аульных ревкомов отделом управления 17 мая 1920 г. был командирован в волости помощник заведующего отделом С. Сейфуллин.¹

Инструктора уездного ревкома в условиях отсутствия регулярной связи, преодолевая бездорожье, добирались до многих волостей, сел и аулов, организовав борьбу против антисоветских действий кулаков, баев и их агентуры, помогали налаживать работу ревкомов, изучали положение дел на местах. Инструктор А. Омаров в своем докладе писал, что казахи Карагальджинской, Кен-Кургальдинской волостей жаловались на должностное лицо, что оно большую тяжесть подворной и другой повинности раскладывает на бедняков и что местное население слабо информировано о политике и значении Советской власти. После определенной работы инструктора настроение людей изменилось в лучшую сторону и отмечались здоровые высказывания местных жителей: «До сих пор мы не слышали таких толкований; если все это правдоподобно, то наше безразличие к Советской власти – одно только недопонимание».²

В политической и агитационной работе большую помощь уездному ревкому оказывали армейские агитаторы и красноармейцы, командиры и политработники 5-й армии.

Был подготовлен и созван 12 января 1920 г. съезд председателей волостных ревкомов, в работе которого участвовали представители 32 волостей, 12 станиц, отделов уездного ревкома и губревкома.³ Первый Акмолинский уездный съезд волостных ревкомов обратился с призывом ко всем ревкомам напрячь все силы и проявить возможно большую энергию для быстрого устройства в уезде новой свободной жизни. Съезд отметил, что прежде всего местными ревкомками должны быть приняты серьезные меры для пропаганды идей Советской власти среди населения, необходимо распространять в деревнях и аулах как можно больше газет, посылать агитаторов и

---

¹ Там же, д. 3, л. 200.

² Там же, д. 16, л. 113.

³ Там же, л. 9 об.

инструкторов для работы как с русским, так и казахским населением.¹

Важнейшим рычагом пробуждения казахского населения и их приобщения к советской работе были беспартийные собрания. Они помогали следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников. 31 января 1920 г. было проведено собрание казахского населения г. Акмолинска и уезда. На нем выступил от казахской секции уездного ревкома Жаманаев. Приветствуя собрание, он сказал, что «перед Советской властью все нации равны, никаких привилегий одной нации перед другой не дается, как это делалось раньше. Мы должны ясно представить, что такое власть Колчака, помещиков, банкиров, генералов, кулаков и что такое Советская власть, власть трудящихся.

Все коммунисты (большевики) обращаются к киргизам (казахам), к киргизским (казахским) организациям с предложением самоорганизоваться самим и самим же приняться за устройство своей жизни. Даже можно сказать официально, что Советская власть дала киргизскому (казахскому) народу самоопределение».² На этом же собрании был зачитан Декрет Совнаркома РСФСР об учреждении революционного комитета по управлению Казахским краем.

Казахская секция уездного ревкома, переизбранная на этом собрании в составе 21 члена, была органом, содействующим деятельности казахских волостных, аульных революционных комитетов. Постановления и распоряжения секции были обязательны для казахских ревкомов. Секция проводила в жизнь все декреты, распоряжения и постановления рабоче-крестьянского правительства и местного ревкома и содействовала последнему в организации волостных и аульных ревкомов. В области просвещения секция наблюдала за деятельностью мусульманского подотдела, отдела народного образования, оказывая последней помощь в открытии школ и правильной постановке внешкольного образования. Она планировала работу по привлечению казахской интеллигенции к труду, принимала меры к созданию национальных частей из добровольцев, переводила на казахский язык политическую литературу.

---

¹ Там же, д. 1, л. 102-104.

² Там же, д. 249, л. 2.

Акмолинский ревком функционировал вплоть до 26 июля 1920 г. За это время он в контакте с военными организациями осуществил немало полезных работ по советизации уезда и по углублению этого процесса. Он вел борьбу за восстановление разрушенного хозяйства, пытался наладить аппарат административного управления.

К началу июля 1920 г. во всех селах, аулах и волостях Акмолинского уезда были проведены выборы в Советы. Организация Советов проходила при непосредственной помощи Омского губревкома и губкома РКП(б). Так, инструктор Омского ревкома Н. Дубинин, посланный в Акмолинский уезд, во второй половине июня – начале июля организовал выборы 20 сельских и 3 волостных Советов, создал из 14 сочувствующих партийную ячейку в селе Оксановка.

23 июля 1920 г. представители 83 русских и 50 казахских волостных Советов собрались на первый Акмолинский уездный съезд и избрали уездный исполнительный комитет в составе 20 человек.¹ Передав свои полномочия уездному исполкому, уездный ревком самоликвидировался.

---

¹ Елагин А.С. Переход от ревкомов к Советам в Казахстане в 1920 г. Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР, 1967, т. 17, с. 109.

6. Революционный комитет волго-каспийских казахов

Организация революционного комитета волго-каспийских казахов связана с преобразованием казахского подотдела, входившего в состав отдела по делам национальностей исполнительного комитета Советов Астраханского края. Этот подотдел, функционировавший с конца 1918 г., обслуживал казахское население Красноярского, Астраханского и Енотаевского уездов Астраханского края.

Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. предусматривал, что в ведение Казахского революционного комитета наряду с другими входит и «Киргизская (Казахская) территория Астраханской губернии». В соответствии с этим Казревком направил в г. Астрахань своего ответственного сотрудника Ахмета Умерова, который совместно с казахским подотделом, при одобрении Астраханского губкома партии, созвал съезд Советов казахских уездов Астраханской губернии.¹

Съезд, на котором присутствовали и представители Астраханского губкома партии и губисполкома, обсудил вопросы: о текущем политическом моменте (А. Умеров); о деятельности казахского подотдела (Кобэ); о национальной политике Советской власти в связи с казахской автономией; о выборах представителей для поездки в г. Оренбург на переговоры с Казахским ревкомом и др.²

Съезд прошел в условиях большого политического подъема его участников, он принял ряд важных резолюций и документов. В них говорилось: «В тот самый момент, когда мировые капиталисты и империалисты хотят задушить рабоче-крестьянскую революцию в России, когда наемник англо-франко-американской биржи царский генерал Деникин со своими бандитами, состоящими из подонков общества, идет на Советскую Россию для восстановления проклятого монархического строя, мы твердо и настойчиво говорим, что этого не допустим. Мы торжественно заявляем: Бандит, прочь руки, обгаренные кровью сотен тысяч рабочих и крестьян, замученных тобою.

Мы обещаем дать из своей среды стойких и честных борцов для распространения идей коммунизма и социализма не только

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, он. 1, д. 8, л. 1.

² Там же, л. 5.

в России, но и во всем мире».¹ Единодушное одобрение участников съезда получили декреты и заявления Советской власти о земельной и национальной политике. «Признать правильной и отвечающей требованиям национальностей политику Советской власти по национальному вопросу и одобрить ее, – сказано в другой резолюции съезда, – так как лишь при такой политике возможно объединение национальностей под красным знаменем социализма и осуществление великого лозунга великого учителя Карла Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».²

На съезде было решено присоединить казахские уезды Астраханской губернии к Казахскому краю и реорганизовать Казахский подотдел Астраханского губисполкома в «Отделение Киргизского (Казахского) ревкома». Для переговоров с Казахским ревкомом в г. Оренбурге о статусе и порядке финансирования и снабжения этого «отделения» съезд избрал комиссию в составе пяти чел., в которую вошли: Кобэ, Яхин, Утарбаев, Т. Рахметов и Кунаев. Она прибыла в г. Оренбург в начале ноября 1919 г. Вскоре их принял председатель Казахского революционного комитета С.С. Пестковский. Он поручил подготовку вопроса для внесения на рассмотрение ревкома края заведующему отделом внутренних дел с указанием о необходимости «...представления в ревком заключения по докладам представителей астраханских киргиз (казахов), предварительно устроив совещание с участием их и члена ревкома Мендешева».³

Революционный комитет по управлению Казахским краем, рассмотрев этот вопрос на своем заседании, постановил: «а) из занимаемых киргизами (казахами) Астраханского, Красноярского и Енотаевского уездов Астраханской губернии образовать самостоятельную на правах уезда во всех отраслях управления единицу с присвоением ей наименования Волго-Каспийской Киргизии и с непосредственным подчинением ее центральной власти

Киргизии (Кирвоенревкому). Для управления этой частью Киргизии, примыкающей к прифронтовой полосе, образовать временно, впредь до избрания исполкома, ревком в составе пяти лиц: председателя Кобэ Джанмухамеда, заместителя председа-

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 8, л. 1.

² Там же.

³ Там же, л. 1-2.

теля Яхина Карима, членов: Рахметова Тулегена, Кунаева Наурызгалия и Боканова Амангалия; б) Сообщить как Комиссариату Внутренних дел Российской Республики, так и Астраханскому губисполкому и равно Реввоенсовету Ц-й армии Туркфронта о состоявшемся выделении Волго-Каспийской Киргизии в особую административную единицу с подчинением ее ревкому Киргизии».¹

На следующем очередном заседании Казревкома, состоявшемся 25 ноября 1919 г., уже слушался доклад председателя ревкома волго-каспийских казахов. Ревком решил на свое содержание отпустить до конца 1919 г. 2 млн. руб.²

Спустя два дня Казревком информировал Народные Комиссариаты Внутренних Дел и по Делах Национальностей РСФСР о том, что «Согласно положению управления Киргизским (Казахским) краем, утвержденному Совнаркомом 10 июля 1919 г., ведению ревкома Киргизии относятся все киргизские (казахские) территории Астраханской губернии. На основании сего положения из Киргизской (Казахской) территории Астраханского, Красноярского и Енотаевского уездов Астраханской губернии образована отдельная административная единица под названием «Волго-Каспийская Киргизия», непосредственно подчиненная в административном, продовольственном, хозяйственном и др. отношениях ревкому Киргизии в г. Оренбурге. Для управления Волго-Каспийской Киргизией, как прикасающейся к прифронтовой полосе, назначен революционный комитет в составе: председателя т. Кобэ Джанмухамеда, заместителя председателя т. Яхина К. и членов: тт. Рахметова Тулегена, Кунаева Наурызгалия и Боканова Амангалия».³ Далее Казахский ревком просил Народные Комиссариаты Внутренних дел и по Делах Национальностей РСФСР утвердить административное деление «Волго-Каспийской Киргизии» на правах уезда. Одновременно ревком края поручил своему постоянному представителю при ЦИК РСФСР т. Бекентаеву «похлопотать о признании Центром административного деления Волго-Каспийской Киргизии на правах уезда».⁴ Об этих состоявшихся решениях Казревкома он

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 3, л. 2.

² Там же, д. 8, л. 30.

³ Там же, л. 39.

⁴ Там же, л. 41.

уведомил Астраханский губисполком и просил его «передать ревкому Волго-Каспийских киргиз все относящиеся к ним дела и всячески оказать ему со своей стороны законное содействие к осуществлению им возложенных задач. Средства на содержание ревкома волго-каспийских киргиз отныне будут отпускаться из ревкома Киркряя».¹ Аналогичное уведомление было сделано Реввоенсовету 11-й армии с обращением к нему оказать новому ревкому содействие в практической его деятельности и при исполнении возложенных на него задач по укреплению органов местных Советов и мобилизации казахского населения для оказания необходимой помощи частям действующей 11-й армии.²

Деятельность ревкома Волго-Каспийских казахов была направлена, как сказано в одном из его докладов, на то, чтобы «объяснить казахскому населению задачи Советской власти теперь и в будущем, поднять их умственный уровень и самосознание и, наконец, подготовить их к восприятию грядущей, лучезарной эры социалистического строя».³ Для политического просвещения населения аулов ревком направлял на места агитаторов, снабжая их газетами, брошюрами, лозунгами и плакатами. Они практиковали проведение митингов, сходов и собраний для разъяснения трудящимся смысла социалистической революции и решения вопросов организации и укрепления местных Советов, в читальнях и библиотеках организовали чтение декретов, постановлений и инструкций, изданных органами Центральной власти, а также изучение Конституции РСФСР.

Ревком повседневно занимался вопросами создания местных Советов на освобожденной территории, в прифронтовой зоне и вопросами работы существующих Советов, открывал новые школы.

Серьезным участком ревкома был учет и распределение продуктов среди остро нуждающегося населения; особое внимание уделялось батракам и рабочим при обеспечении их предметами первой необходимости. Для этой цели ревком создал специальную учетно-распределительную комиссию, на которую возложил обязанность распределять продукты с участием местных властей.

---

¹ Там же, л. 36.

² Там же, л. 38 и об.

³ Там же, л. 7.

Издательский отдел ревкома волго-каспийских казахов наладил издание газеты на казахском языке «Ұмытылған қазақтар» («Забытые казахи»), которая выходила один раз в неделю тиражом до 6000 экз. Позже она была переименована в «Кедей туы» («Орган бедняка»)¹. Под этим названием она выходила более 10 лет и играла большую роль в агитации и пропаганде идей Октябрьской революции и национальной политике партии большевиков и Советского правительства среди казахского населения этого региона.

Работу ревкома волго-каспийских казахов постоянно курировали член Казревкома С. Мендешев и политсотрудник Казревкома А. Умеров. В начале 1920 г. С. Мендешев прибыл в г. Астрахань с группой работников.² Он оказал большую помощь в советском строительстве, в выделении продовольственных и иных товаров первой необходимости для остро нуждающихся семей красноармейцев, находившихся в составе 11-й армии, инвалидов войны, а также престарелых жителей.

Решением Президиума Казревкома от 16 июля 1920 г. волго-каспийский ревком «временно считается самостоятельным и непосредственно подчиняется Кирревкому впредь до окончания Московского совещания».³ В начале сентября 1920 г. состоялся II съезд Советов волго-каспийских казахов. На нем была избрана делегация на Всеказахский Учредительный съезд Советов в составе Кунаева, Джаришева, Айтасова, Манаева, Мискарянц.⁴

Делегаты, избранные населением Волго-Каспийского района, принимали участие в работе первого Всеказахского съезда Советов в г. Оренбурге, на котором была провозглашена Казахская Советская автономия. Вскоре после административно-территориального упорядочения края ревком Волго-Каспийских казахов был упразднен.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 8, л. 8, 9.

² Там же, д. 3, л. 5.

³ Там же, д. 5, л. 53.

⁴ Образование Казахской АССР. – Сб. документов и материалов. Алма-Ата. 1957, с. 259-260.

ГЛАВА IV

КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ И ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

1. Казревком и областные Советы

Казахское краевое управление во главе с Казревкомом, как это было предусмотрено Декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., временно до окончательного определения границ включало пять областей: Букеевскую, Тургайскую, Уральскую, Акмолинскую и Семипалатинскую. В последних трех областях почти вплоть до образования Казахской АССР существовали областные и уездные ревкомы, взявшие в свои руки всю полноту власти.

Накануне образования Казревкома положение Букеевской области и областных органов в ней было своеобразным. На территории области находились Казахский Комиссариат по военным делам с некоторой функцией специального краевого органа, Букеевский подотдел Казахского отдела Наркомнаца РСФСР, распространивший свою деятельность за пределами области, первая казахская национальная типография и издательство, и, наконец, здесь выпускалась первая краевая советская казахская газета. Все это выдвинуло Букеевскую область на передний план политической жизни края, что определенным образом отразилось на функциях и структуре областных органов власти и управления.

Казревком в числе первых своих мероприятий 20 августа 1919 г. направил Букеевскому облисполкому предписание, в котором говорилось следующее: «Широко оповестить население Букеевской орды об учреждении ревкома и поставить об этом в известность все существующие общественные и советские организации, вменяя им в обязанность принять к точному исполнению утвержденное положение об управлении Киргизским (Казахским) краем... Снести с Астраханским губисполкомом о передаче всех дел, касающихся Букеевской орды и других киргиз (казахов) Астраханской губернии, отходящих теперь к ведению ревкома».¹

¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 73, л. 3, 3 об.

Упразднение некоторых краевых функций органов Букеевской области и связанную с ним определенную реорганизацию структуры аппарата облисполкома соседние ревкомы сначала восприняли как некую ликвидацию самой области, во всяком случае как падение ее престижа. Они считали, что только ревкомы компетентны в сложившихся условиях управлять областями и уездами, и поскольку в Букеевской области не было ревкома, то она должна перейти под влияние, даже под управление других соседних ревкомов. Исходя из такого соображения, «революционный комитет киргизского населения» Уральской области, созданный на базе Казахского отдела Уральского областного ревкома в сентябре 1919 г., стал именоваться «Уральско-Букеевским военно-революционным комитетом», тем самым претендуя на Букеевскую область. Потребовалось вмешательство Казахского революционного комитета и разъяснение, что Букеевская область управляется непосредственно Казревкомом.¹ Претендентом на часть территории Букеевской области, в частности на приморские ее округа, выступал ревком волго-каспийских казахов, организованный в ноябре 1919 г. В начале 1920 г. членом Казревкома С. Мендешевым в его бытность в Букеевской области было предложено указанному ревкому прекратить вмешательство в дела области. Потребовалась специальная телеграмма Казахского революционного комитета, подтверждавшая правильность указания Мендешева и недопустимость дальнейшего вмешательства в дела области со стороны ревкома.²

Дело, однако, этим не кончилось. Уральский облревком, претендуя на Букеевскую степь, стал последнюю именовать уездом. Возражения Казахского ревкома в этой части оказались малоэффективными. Вопрос этот получил такой серьезный оборот, что 20 января 1920 г. он стал предметом обсуждения на заседании Малой Коллегии Наркомнаца РСФСР. Присутствовавший на нем представитель Букеевской области Х. Чурин внес предложение «Об образовании Букеевской области». Наркомнац решил: «Запросить Киргизский (Казахский) ревком и до получения его ответа вопрос не обсуждать».³ Затем этот вопрос 12 февраля

¹ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 7, л. 6.

² Там же, д. 62, л. 5-6.

³ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 2.

1920 г. рассматривался уже на заседании Президиума ВЦИК, который передал его на заключение «Федеративной комиссии», созданной на первой сессии ВЦИК.¹ Советские органы Букеевской области, включая и облисполком, накопили значительный опыт в вопросах советского строительства, в проведении политики социалистической революции среди казахского населения. При их активном участии удалось успешно решить формирование первого образцового Казахского Советского кавалерийского полка, очистить некоторые уезды и волости от влияния белогвардейских и кулацко-байских бандитских групп. В области существовала относительно налаженная система советских органов, начиная от аульных, поселковых Советов до областного масштаба.

В марте 1920 г. Букеевский облисполком уже имел в своем составе десять отделов: внутреннего управления, народного хозяйства, земельный, продовольственный, народного просвещения, народного здравоохранения, юстиции, финансовый, труда и социального обеспечения, госконтроля. Кроме них в двойном подчинении находились областной военный комиссариат, революционный трибунал и некоторые другие учреждения. Облисполком имел свой рабочий президиум, состоящий из председателя, его заместителей (товарищей председателя) и секретаря, периодически созывал Пленум облисполкома.

Букеевский облисполком в соответствии с предписанием Казахского революционного комитета 11 ноября 1919 г. принял решение о выходе из административного влияния Астраханского губисполкома. В свою очередь, Астраханский губисполком, полагая, что тем самым Казревком берет на себя и снабжение, аннулировал все наряды на продовольствие и другие товары, которые прежде им выделялись для области. На деле ревком оказался неподготовленным для немедленного решения вопроса снабжения этого региона. На первых порах область оказалась в трудном положении. Образовался разрыв между поставкой товаров по линии нарядов Казревкома и выходом Букеевской области из-под опеки органов Астраханской губернии. Это происходило на фоне засухи и частичного голода, разразившихся к осени 1919 г. Казахский ревком 26 сентября 1919 г. рассмотрел представление Букеевского областного исполнительного комитета с ходатайством о срочном отпуске 5 млн. руб. на продовольственные

¹ Там же. д. 141, л. 39.

нужды населения области. Казревком, признавая неотложность удовлетворения просьбы, поручил продовольственному отделу ревкома «занять эту сумму, откуда бы то ни было».¹ Этот же вопрос повторно обсуждался на заседании ревкома края 31 декабря 1919 г.

Казахский революционный комитет принял срочные меры по оказанию неотложной помощи населению Букеевской области.

В начале 1920 г. облисполкому было предоставлено право непосредственного сношения с представительством края при ВЦИК и центральными органами РСФСР. Одновременно Казахский ревком дал поручение продотделу принять все зависящие от него меры к скорейшей поставке населению Букеевской области пшеницы, муки, проса,² а также обязал Казахское Представительство при ВЦИК оказать через центральные органы всемерную поддержку ходатайству Букеевского облисполкома.³ 5 января 1920 г., по докладу делегата VII Всероссийского съезда Советов Х. Чурина положение в Букеевской области стало предметом обсуждения на заседании Президиума ВЦИК. В принятом им постановлении поручалось соответствующим комиссариатам РСФСР «обратить серьезное внимание на постановку дела снабжения степи всем необходимым, включая сюда ввоз хлеба из других губерний, а также сельскохозяйственного инвентаря и широкую медико-санитарную помощь».⁴

Казахский ревком постоянно уделял внимание вопросам советского строительства в Букеевской области, участвовал в организации перевыборов местных Советов, инспектировал их работу, помогал им направлением на места опытных работников и уполномоченных из г. Оренбурга. На заседании Казревкома 31 марта 1920 г. была создана специальная комиссия в составе трех человек под председательством С. Мендешева с предоставлением ей всей полноты власти, в задачи которой входило разобраться с состоянием политической и советской работы в Букеевской области и в соседних с нею уездах.⁵

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 19, л. 7.

² Там же, оп. 1, д. 61, л. 66.

³ Там же, д. 31, л. 10.

⁴ Там же, ф. 1453, оп. 1, д. 52, л. 81.

⁵ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 61, л. 25.

Своеобразно сложилась судьба и деятельность Тургайского областного исполкома, избранного на I съезде Советов Тургайской области в конце марта 1918 г. под председательством А. Джангильдина.

В течение первых двух месяцев Тургайский облисполком развернул весьма активную деятельность. Он не только заметно организационно окреп – при нем были созданы военный комиссариат, отдел по национальным делам и другие подразделения, – но и успел сформировать и вооружить красные отряды, оживить советскую работу. «Вскоре во всех уездах, волостях области образовались местные Советы, а в Актюбинске, Кустанае, Иргизе, Тургае состоялись съезды Советов, избравшие уездные исполкомы».¹

Новая, можно сказать, походно-боевая жизнь Тургайского облисполкома началась с принятия решения о перенесении центра области из Оренбурга в г. Кустанай, которое было продиктовано тем, как об этом докладывал сам А. Джангильдин, что в конце июня 1918 г. белоказачьи отряды Дутова прошли «почти всю Тургайскую область... производили насилия над населением области... Трудовой народ, с таким воодушевлением приветствовавший на съезде власть Советов и народных комиссаров, очутился во многих местах во власти контрреволюционеров...».² В этих условиях облисполком принимает решение быть в гуще событий, приблизить власть к населению для лучшего укрепления позиции Советов.

Облисполком в сопровождении небольшого красноармейского отряда не мог пробраться в новый областной центр в связи с начавшимся мятежом чехословацкого корпуса и действиями белобандитов вокруг г. Кустаная. Тургайский облисполком вначале остановился в Симбирске, затем переехал в г. Казань и оттуда намеревался в составе интернационального отряда А. Джангильдина, выполнявшего поручение Центра по доставке оружия Туркестанскому фронту, добраться через Екатеринбург и Челябинск в г. Кустанай. Однако и этот план был неосуществим из-за действия вражеских войск в этом направлении. Тургайский

---

¹ Пахмурный П.М. Чрезвычайный комиссар Степного края. Алма-Ата, 1974, с. 12.

² Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. I. Алма-Ата, 1963, с. 45.

облисполком проделал с указанным отрядом путь через Астрахань к Мангышлакскому полуострову и, пройдя около 3 тыс. км. по пустынной степи за три месяца, 11 ноября 1918 г. прибыл на ст. Челкар. Здесь состоялось «походное» заседание Тургайского облисполкома и Актюбинского уисполкома с участием ответственных работников армии, на котором был намечен план движения с воинским отрядом в сторону Тургая. В середине декабря 1918 г. им был освобожден г. Тургай, где временно обосновался облисполком. После контрреволюционного переворота в Тургае в мае 1919 г. оставшиеся в живых члены облисполкома перебрались в г. Оренбург, некоторые из них затем с образованием Казахского революционного комитета были введены в его состав.

Тургайский облисполком вновь был создан в сентябре 1919 г. с освобождением территории из-под оккупации врага. Однако к этому времени большая часть волостей Тургая вошла в состав Кустанайского уезда Челябинской области и Оренбургской губернии. Казахский революционный комитет, рассмотрев создавшееся положение, в начале октября 1919 г. упразднил Тургайский областной исполнительный комитет.¹

Казахский революционный комитет работал в тесном контакте с Оренбургским губисполкомом. Хотя Оренбургская область не входила в ведение Казревкома, она, как и прежде, продолжала играть ведущую роль в делах и вопросах края. К г. Оренбургу и Оренбургской губернии исторически тяготела как в экономическом, так и административном отношении значительная часть Западного и Центрального Казахстана. Оренбург являлся одним из крупных политических и революционных центров на границе Казахстана. Казахский революционный комитет, избирая местом своего пребывания г. Оренбург, рассчитывал на всемерную поддержку и помощь Оренбургского губкома, губисполкома. Так и было на деле. Многие отделы Казахского ревкома работали совместно с соответствующими отделами Оренбургского губисполкома по единому плану. В одно время продотдел Казревкома функционировал в составе продотдела губисполкома. Такое тесное отношение дало основание поставить к весне 1920 г. вопрос о слиянии деятельности ряда отделов. Была даже создана объединенная комиссия для разработки и подготовки этого вопроса.

---

¹ ЦТА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 19, л. 18.

Слияние части деятельности Казревкома и Оренбургского губисполкома первоначально мыслилось как организация аппарата общего управления при раздельном существовании краевого и губернского высшего органа. В порядке проработки вопроса 7 июня 1920 г. состоялось совместное заседание отдела внутреннего управления Казревкома и оренбургского губернского отдела управления. На нем был составлен план слияния органов милиции, делегирования оренбургских рабочих и уполномоченных губисполкома в краевой отдел внутреннего управления и в Комиссию по созыву Всеказахского съезда и др.¹

Отношения между Казахским ревкомом и Оренбургским губисполкомом стали еще более тесными в связи с обсуждением в Центре вопроса о присоединении Оренбургской губернии к Казахской Советской автономии, провозглашение которой скоро ожидалось. 7 июля 1920 г. Казахский ревком и губисполком принимают совместное решение, одобряющее такое присоединение, и о создании Оренбургско-Тургайской губернии на базе объединения Оренбургской губернии с Тургайской областью. В этом решении далее говорилось, что «Общее направление деятельности Оренбургско-Тургайского губернского исполкома на общих основаниях принадлежит Военревкому Киргизского (Казахского) края, который пополняется двумя членами из числа ответственных оренбургских работников».² С этого времени деятельность Казахского ревкома по отношению к губисполкому стала иметь направляющий координирующий оттенок.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 24, л. 3.

² Там же, ф. 14, оп. 1, д. 52-а, л. 3.

2. Осуществление задач по укреплению местных Советов

В числе первоочередных задач, ради осуществления которых был организован Казахский революционный комитет, были «объединение и организация всей советской деятельности в пределах Киргизского (Казахского) края», «контроль над деятельностью местных Советов».¹

Во всей своей деятельности, в том числе и в осуществлении задач организации расширения влияния и укрепления местных Советов, Казахский революционный комитет, руководимый краевой партийной организацией, в первую очередь опирался на Уральский и Семипалатинский областные революционные комитеты, Оренбургский губисполком и Букеевский облисполком, а также на Адаевский, Акмолинский и Волго-Каспийский уездные революционные комитеты, которые непосредственно несли ответственность перед казахским ревкомом за состояние дел органов Советской власти на своей территории. Вместе с тем, особенно в вопросах советского строительства, Казревком проявлял немало самостоятельности как в решении некоторых общих вопросов, так и в плане прямого влияния на аульно-волостные уездные органы Советов.

Советское строительство в условиях гражданской войны имело свои трудности и особенности. Оно было, вместе с тем, во многом специфично в условиях Казахского края. Аульно-волостные и уездные Советы в зоне кочевого, полукочевого и полуседлого населения сплошь и рядом создавали крестьянские объединения, состоящие из неграмотных, малограмотных, с ограниченным политическим кругозором активистов трудового населения, а также из «престижных» людей, пользующихся влиянием, авторитетом среди населения. В этой обстановке роль местных ревкомов и городов, в которых были сосредоточены наиболее зрелые революционные, патриотические и рабочие силы, была особенно ответственна. Процесс пролетаризации деятельности и состава местных Советов происходил более медленно, постепенно, своеобразно в Казахском крае, но неуклонно. К своеобразию советского строительства в крае относится существование определенной опасности использования органов местной власти как

¹ Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. - СУ, 1919. № 36, ст. 354, п. 6.

орудия в межгрупповой и межродовой борьбе. Дореволюционное казахское общество стараниями официальной власти было предельно насыщено социальными противоречиями, отношениями распрей, взаимной неприязни и даже враждебности между отдельными родовыми и территориальными группами. Все это могло перенестись в советскую эпоху и отразиться на системе новых отношений и новой власти. Характерен в этой части отчетный доклад Темирского уездного исполнительного комитета от 28 февраля 1920 г., в котором говорилось следующее: «Цель, поставленная исполкомом, такова: улаживание всяких мелких и крупных недоразумений среди населения, примирение враждующих сторон на чисто киргизской (казахской) родовой почве, сглаживание родовой и национальной розни, для чего посланы и посылаются агитаторы-организаторы, которые одновременно производят реорганизацию Советов на местах, искоренение злоупотреблений по должности...».¹

Казахский революционный комитет в своей деятельности должен был учитывать особенности казахского общества, его исторические, этнические, нравственно-идеологические и социально-экономические формы развития в прошлом и строить свою работу в целом, в области Советского строительства в частности, с полным сознательным учетом этих особенностей. На это нацеливал СНК РСФСР, указав в своем Декрете от 10 июля 1919 г., что на Казахский революционный комитет возлагается «проведение в жизнь всех постановлений центральной советской власти в соответствии быту, обычаям и условиям местного населения».²

Организация Советов облегчалась тем, что абсолютное большинство казахского населения с большой надеждой и симпатией относилось к Красной Армии, к Советской власти. Центральная газета «Известия» 7 октября 1919 г. сообщала, что киргизское (казахское) население в высшей степени доброжелательно относится к красноармейцам и советским работникам».³ Спустя несколько дней, на основании корреспонденции, полученной из г. Самары, газета снова отметила, что «киргизское (казахское) население радостно встречает Красную Армию».

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. Алма-Ата, 1964, с. 578-578.

² СУ, 1919, № 36, ст. 354.

³ Известия ВЦИК, 1919, 7 октября.

В освобожденных районах Уральской области, например, казахское население с энтузиазмом участвовало в восстановлении и организации местных органов Советской власти. Газета «Солдат революции» 12 декабря 1919 г. об этом писала следующее: «В киргизских (казахских) аулах, в освобожденной от белых азиатской части Уральской области организованы Советы. Киргизская беднота и середняки сочувственно относятся к Советской власти. Во многих киргизских аулах состоялись митинги. Начала выходить газета на киргизском языке. Открывается специальная школа для подготовки киргиз-агитаторов».¹

Методы и приемы укрепления местных Советов, которыми пользовался Казахский революционный комитет в своей повседневной деятельности, были многообразны. Среди них большое распространение получили: созыв съездов и сходов представителей Советов, ознакомление на месте с работой органов Советов, организация выборов и перевыборов, создание комиссии по работе конкретных звеньев местных Советов, делегирование рабочих, опытных работников из уездов и городов в состав аульно-волостных Советов, публичный разбор различных претензий и жалоб, в том числе межгрупповых, непосредственно на месте с участием представителей областных и уездных ответственных работников и работников Казахского ревкома и др.

18 октября 1919 г. состоялся съезд представителей трудящегося казахского населения Кустанайского уезда под руководством и с участием члена Казревкома А. Джангильдина. На нем выступили: с приветственной речью – председатель ревкома Г. Дружицкий, от татаро-башкирских частей 5-й армии – Исмагилов, с докладами о текущем моменте – А. Джангильдин, «Что такое Советская власть и ее значение для киргиз (казахов) в будущем» – Саркин, о народном образовании – Когулбаев, о создании казахских воинских частей – Джангильдин. В принятых единогласно решениях съезда было сказано: «Принять Советскую власть, защищающую интересы всех трудящихся классов, и приветствовать Центр в лице вождя пролетариата тов. Ленина».² Телеграмма, посланная участниками съезда В.И. Ленину, гласила: «Первый Киргизский (Казахский) съезд приветствует в

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. II. Алма-Ата, 1964, с. 164.

² Там же, с. 205.

вашем лице Советскую власть, организует вооруженный отряд против Колчака».¹

К весне 1920 г. в Казревкоме имелись достаточные данные, указывавшие на слабую работу ряда местных Советов в Актюбинском уезде, засорение их состава чуждыми элементами. На заседаниях Казахского ревкома 4 и 8 мая 1920 г. была образована комиссия в составе членов ревкома Алибекова (председатель), Сидорова, Мюрата и Бегимбетова для проведения в Актюбинском уезде съезда Советов местных Советов.² Результаты такой работы не замедлили положительно сказаться на некоторых сторонах советской работы в уезде.

Аналогичное положение создалось и в Иргизском уезде. С широкими полномочиями в марте 1920 г. туда прибыл член Казревкома А. Джангильдин. Он созвал заседание уездного ревкома с участием представителей некоторых волостей. На нем он выступил с политическим докладом о текущем моменте, о задачах местных Советов, а также о предстоящем Всеказахском съезде Советов. Как сказано в протокольной записи заседания, А. Джангильдин призывал, «чтобы население, стоя на страже всего пролетариата, зорко следило за правильностью выборов, которые послужили бы на благо и защиту трудового киргизского (казахского) населения».³ Дело Иргизского уезда этим не кончилось. 17 апреля 1920 г. на заседании Казревкома была оглашена телеграмма, полученная из г. Иргиза, в которой говорилось о групповой и родовой борьбе, имевшей место в уезде, о низком уровне и слабости агитационной работы среди населения и о том, что «бедная часть населения Иргиза, Челкара и далее страдает из-за неправильности работы волостных и аульных исполкомов».⁴ Казахский ревком решил направить новую комиссию в Тургай и Иргиз «для обследования и организации советской работы»,⁵ а результаты обследования и принятые комиссией меры предложено обсудить в Оренбургско-Тургайском облисполкоме под контролем президиума Казахского ревкома.

---

¹ Там же, с. 212.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 39, 41.

³ Там же, д. 11, л. 163.

⁴ Там же, оп. 1, д. 61, л. 69.

⁵ Там же, д. 63, л. 26.

В начале 1920 г. возникла необходимость ознакомления с работой ряда волостных Советов Букеевской области. Казревком эту задачу поручил члену ревкома С. Мендешеву. Он побывал в ряде волостей, участвовал на заседании облисполкома, на котором рассматривалась работа ряда уездных и волостных Советов.¹

Широкое распространение в крае получила практика направления местными Советами своих уполномоченных в краевой центр – в г. Оренбург, к Казревкому для получения советов, инструкций относительно постановки советской работы в аульных и волостных звеньях. Многие волостные и уездные Советы, а нередко и аульные Советы сделали для себя правилом посещение Казахского ревкома накануне проведения выборной и перевыборной кампании на местах. Отдел внутреннего управления Казревкома, в котором были сосредоточены вопросы советского строительства в крае, со временем превратился в место массового приема делегатов местных Советов.

При отделе Внутреннего управления Казахского ревкома со временем сложился институт агитаторов-инструкторов (инструкторов-организаторов). Согласно временной инструкции, разработанной краевым ревкомом, эти агитаторы должны были осуществлять инструктирование и объединение деятельности местных Советов, а в необходимых случаях – и их реорганизацию; им вменялись задачи контроля и ревизии деятельности и содействия местным органам в проведении в жизнь постановлений и распоряжений высших органов Советской власти».² Они следили за тем, чтобы в местные Советы не проникали баи, ишаны, бии, прилагали усилия к ослаблению родовых начал и группировок, пресекали «таласы» (групповые конфликты). Они наделялись правом принятия на месте мер к устранению замеченных недостатков вплоть до роспуска аульных, волостных Советов и организации новых выборов. В случае разногласия с уездными отделами внутреннего управления вопрос переносился на рассмотрение Казахского ревкома.³

Процесс советизации аулов был сложен. На местах ощущался острый недостаток в кадрах и организаторах. Так, в одном из докладов Букеевского областного исполкома отмечалось, что при

¹ ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 10, л. 30.

² Там же, ф. 14, оп. 1, д. 81, л. 4, 4 об.

³ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 65, л. 15.

нем находится всего 4 инструктора, и те малоопытны.¹ Об этом же писал и Уральский революционный комитет в своем отчете за период деятельности с января по апрель 1920 г.²

Казахскому революционному комитету, а также областным уездным ревкомам пришлось заниматься немало с разбором фактов злоупотреблений, неправильных действий на местах командированных агитаторов-инструкторов и других уполномоченных. Так, Актюбинский уездный исполком к середине 1920 г. предписал учреждениям, предприятиям и организациям уезда, чтобы они всем своим сотрудникам и агентам, командируемым на места с различными поручениями, выдавали соответствующие мандаты и удостоверения, точно и ясно указав цель командировки, права и обязанности командируемого, а также предупреждали их о недопустимости злоупотреблений мандатами. Все командированные были обязаны работать в контакте с местными Советами и действовать в пределах прав, предоставленных им высшей инстанцией власти. За всякое нарушение мандатов виновные привлекались к революционному суду.³

Казахскому революционному комитету в его работе в области советского строительства большую помощь оказывали краевая и местные партийные организации. Важные текущие вопросы часто обсуждались на совместных, объединенных заседаниях и собраниях коммунистов и советских работников, активистов. Летом 1920 г. в Уральске было проведено расширенное губернское совещание председателей уездных и волостных партийных, советских и общественных организаций.⁴ В ноябре 1920 г. в Кустанае состоялась 3-я уездная партийная конференция, на которой был обсужден вопрос о работе уездного исполкома. На этих совещаниях принимали участие и представители Казахского ревкома.

Казахский революционный комитет под руководством и при содействии краевой партийной организации проводил инициативную работу по вовлечению в работу Советов и других советских органов казахской интеллигенции, той ее части, которая лояльно относилась к политике Советской власти. На необходи-

---

¹ Там же, ф. 1353, оп. 1, д. 10, л. 21.

² Там же, д. 21, л. 4.

³ Там же, д. 7, л. 24, 24 об.

⁴ Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. 2. История. Алма-Ата. 1956, с. 80-81.

мость привлечения казахской интеллигенции к работе в органах Советской власти неоднократно указывал ЦК РКП(б) в 1920 г.¹

Казахский ревком еще в январе 1920 г. дал указание всем областным, уездным, волостным ревкомам и исполкомам Советов немедленно приступить к составлению, во-первых, списков лиц обоего пола, получивших образование в русских учебных заведениях не ниже 2-классных училищ и мусульманских медресе; во-вторых, списков лиц, окончивших курс в волостных, аульных школах и вообще учащихся в русских школах и мектебах, с указанием возраста и типа учебного заведения, где они учились. Составленные списки должны были представляться в Казревком, которому принадлежало право распределения интеллигентных сил как по центральным, так и по местным учреждениям.² Казахский ревком 27 мая 1920 г. издал приказ о мобилизации всех интеллигентных казахов в областных уездных центрах. Особой комиссии, в состав которой входили представители от Казревкома и Оргбюро РКП(б) Казахского края, поручалось следить за этой мобилизацией, учетом и распределением мобилизованных интеллигентов.³

В соответствии с указанными документами Казахского революционного комитета на местах принимались определенные меры по вовлечению национальной интеллигенции в советскую работу. В одном из постановлений Уральского облревкома 1920 г. говорилось: «Товарищи киргизы-интеллигенты... По поручению Военно-революционного комитета по управлению Киргизским (Казахским) краем, мы от имени Уральского губернского революционного комитета предлагаем вам отбросить все прежнее, недостойное и пойти к нам в советские учреждения, принять самое широкое участие в работе последних по советскому строительству среди киргизского (казахского) населения. Долг и совесть каждого честного интеллигентного киргиза (казаха) подать о себе в срок верные сведения; не подавшие сведения будут рассматриваться как не желающие работать совместно с советской властью, как враги народа и за укрывательство себя они понесут

---

¹ Тимофеев Н. Борьба казахской партийной организации на два фронта с уклонами в национальном вопросе в 1919 – 1920 гг. – Большевик Казахстана, 1935, № 9-10, с. 91-92.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 61, л. 10 а.

³ Там же, д. 54, л. 25.

наказание, как дезертиры с фронта труда».¹ Облревком создал Особую комиссию по учету и распределению интеллигентных кадров казахов в составе Струппе и других членов ревкома, которой поручалось проведение мобилизации казахской интеллигенции в пределах Уральской области с целью распределения их между всеми советскими учреждениями.²

Вопрос о привлечении интеллигентных сил к работе в советских учреждениях стоял и на заседании I Тургайского уездного съезда Советов в июне 1920 г.³

В укреплении социальной базы Советской власти важное место занимал вопрос об отношении к среднему крестьянству. К таким слоям относились все те, кто не эксплуатировал чужой труд, но являлся мелким собственником. В.И. Ленин отмечал, что это такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик.⁴ VIII съезд партии подробно обосновал необходимость постепенного и планомерного вовлечения середняка в социалистическое строительство, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований.⁵

Партия представляла всю трудность установления союза с колеблющимися крестьянами, но понимала необходимость такого союза. Такая политика означала «соглашение с мелкой буржуазией не в смысле ограничения задач социалистической революции, а в смысле исключительно форм перехода к социализму для отдельных слоев мелкой буржуазии».⁶ Твердый курс партии на союз со средним крестьянством сыграл решающую роль в укреплении Советской власти, в расширении ее социальной базы, в победоносном окончании гражданской войны, в возможности дальнейшего мирного строительства нового общества.

Борьба за превращение Советов в подлинные органы Советской власти, преодоление байского влияния и усиление в них роли рабочего класса являлись постоянной заботой Казахского

¹ Большевик Казахстана, № 9-10, 1935, с. 91.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 51.

³ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 14, л. 1.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 196.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, ч. II, с. 55.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 424.

революционного комитета. Развитие классового самосознания аульной бедноты, объединение аульной бедноты и середняков против эксплуататорской верхушки аула означало укрепление Советов. Эта задача всегда стояла перед партийными и советскими органами казахского края.

3. Организация выборов и перевыборов местных Советов

Организация Советской власти на местах и ее укрепление являлись главнейшей задачей Казахского революционного комитета. В первые же дни работы 20 августа 1919 г. Казревком разработал инструкцию для своих уполномоченных по организации Советской власти на местах, и одновременно им был проведен комплекс активных мероприятий в этом направлении. Так, его решением от 27 августа 1919 г. для организации сельских и волостных Советов в Можаровский район были посланы Корха и Аркабаев, а в Актюбинский – Чернявский. 30 августа краевой ревком принимает решение разбить казахские волости Актюбинского уезда на организационные районы и назначить в них инструкторов для проведения выборов и перевыборов аульных и волостных Советов.¹ Вскоре в Актюбинский уезд направляется Насач, бывший армейский политработник.²

Уполномоченный Казревкома Чернявский в своем докладе от 22 ноября 1919 г. писал, что по мере очищения Актюбинского района от белых население многих поселков и аулов, не дожидаясь представителей Советской власти, приступило к выборам временных сельских исполкомов, которые оказывали большие услуги проходящим частям Красной Армии. По прибытии на места уполномоченные краевого ревкома провели перевыборы уже существовавших Советов и выборы в тех поселках, где таковых еще не было.³

В освобожденных районах и местностях, где по тем или иным причинам была невозможна немедленная организация органов местных Советов, по решению Казревкома временно создавались местные ревкомы. Так, на заседании Казахского революционного комитета 17 сентября 1919 г. было решено в Тургайском и Иргизском уездах, на территории которых орудовали просочившиеся и оставшиеся белобандитские группы и отряды, не создавать на данном этапе Советы, а организовать ревкомы. С этой целью краевой ревком командировал ряд членов бывшего Тургайского областного исполкома в Тургайский и Иргизский

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 3, л. 1, 2, 3, 684.

² Там же, оп. 1, д. 38, л. 31.

³ Там же, оп. 3, д. 3, л. 684.

уезды, уполномочив их учредить уездные временные ревкомы, которые, в свою очередь, должны были подготовить условия для создания местных Советов.¹ А в некоторых волостях Актюбинского и Тургайского уездов стали организовываться районные Советы и их исполкомы. Как правило, при наступлении соответствующих условий ревкомы постепенно упразднялись, передавая свои полномочия Советам.

В первые годы Советской власти выборы во все органы государственной власти, кроме сельских и городских, были многоуровневыми: сначала проводились выборы сельских и аульных Советов, затем созывались волостные съезды, а вслед за ними – уездные и губернские съезды Советов, избиравшие уездные и губернские исполкомы. Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. об учреждении Казахского революционного комитета содержал пункты, регламентирующие выборы Советов депутатов в аульно-волостных звеньях. Было установлено, что выборы в аульные Советы проводятся по расчету – один депутат от каждых 50 чел. населения, а в волостной Совет – один депутат от каждых пяти членов аульного Совета. На съездах аульного и волостного Советов избирались их исполкомы. При этом их состав не должен был превышать трех лиц.

Краевой революционный комитет разработал свою инструкцию «для руководства при организации Советской власти», в которой конкретизировались положения Декрета СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. Ею, в частности, было установлено, что «аульный съезд избирателей созывается по возможности в центре аула и там, где расположен беднейший класс населения».² Аульный съезд являлся правомочным, если в нем принимало участие не менее 1/5 части населения, обладающего избирательным правом, а волостной и уездный съезды Советов считались действительными, если в них принимало участие не менее 2/3 делегатов, избранных соответственно аульными и волостными съездами Советов. Инструкция содержала порядок организации исполкомов Советов, их состав и структуру.

В июле 1920 г. Краевой революционный комитет выступил с воззванием, обращенным к казахскому населению края в связи с выборами Советов. В нем говорилось, что «Советы не везде

¹ Там же, оп. 3, д. 19, л. 7.

² ЦГА КазССР, ф. 1453, оп. 1, д. 52, л. 15.

стоят на высоте своего назначения в смысле неперемного охранения интересов беднейших киргиз». ¹ Казахский революционный комитет призывал далее население «избирать в Советы лишь трудящихся, способных служить примером честности, справедливости и самоотверженности... Самых лучших, самых преданных интересам бедноты и затем зорко следить за каждым шагом своего избранника, чтобы он не смог отступить от воли своего трудового народа». ²

В период выборной и перевыборной кампании в местные Советы бурно и остро разрешались вопросы лишения избирательных прав отдельных категорий граждан. В условиях слабого классового расслоения и значительного влияния байства и его агентуры, особенно среди отсталого населения в кочевых зонах, проведение классового принципа при организации выборов местных Советов было делом весьма сложным. Декретом СНК от 10 июля 1919 г. было установлено, что избирательным правом в казахских аулах и волостях пользуются все граждане, достигшие 18-летнего возраста ко дню выборов, «за исключением торговцев-спекулянтов, эксплуатирующих киргизский (казахский) народ, и активных агентов старого режима, зарекомендовавших себя ревностными проводниками его политики». ³ В условиях острой классовой борьбы лишение представителей нетрудовых эксплуататорских элементов избирательных прав являлось мерой временной, но необходимой. В решении VIII съезда РКП(б) указывалось, что «лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров настоять или восстановить свои привилегии. По мере того как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к полной их отмене». ⁴

Избирательные комиссии, там, где они создавались, агитаторы-инструкторы Казахского революционного комитета, под кон-

---

¹ Госархив Целиноградской обл., ф. 212, оп 1, д 3, л 84

² Там же.

³ СУ, 1919, № 36, ст. 354.

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8, т. 2. Политгиздат, 1970, с. 42.

тролем и наблюдением которых проходили выборы и перевыборы местных Советов, обращали особое внимание на то, чтобы правильно составлялись списки лишенных избирательных прав, не оказывалось давления на бедноту и среднее крестьянство со стороны баев, кулаков и эксплуататоров, а если замечалось – они преследовали виновных в законодательном порядке. Они следили за тем, чтобы в состав Советов и их исполкомов прошли в политическом отношении надежные и деловые люди.

В начале января 1920 г. под руководством и с участием члена Казревкома А. Айтиева проходило общее собрание жителей пос. Сугурбай 1-й Караобинской волости Уральского уезда, на котором одним из основных вопросов были выборы аульного исполкома Совета. В протокольной записи собрания сказано, что многие выступившие на нем, говоря о сопротивлении богачей мероприятиям новой власти, предлагали «учредить самое бдительное наблюдение за богачами, которые пытаются путем участия на собраниях и подстрекательства неосознательных элементов захватить в свои руки Советы». Собрание постановило «устранить от участия в Советах всех богачей и приспешников земств... Нашим единственным, честным, стойким защитником является Совет. Принять все вооруженные меры к закреплению власти путем выбора самых преданных людей».¹

Агитаторы-организаторы командировались на места не только для непосредственной организации выборов, перевыборов местных Советов. Им вменялось в обязанность проведение агитации и революционизирования казахского населения, укрепление Советской власти на местах, осуществление контроля и ревизии деятельности советских организаций, оказание помощи в правильной постановке дела и в объединении деятельности местных советских органов, а также распространение среди населения агитационной и политической литературы. Для ознакомления населения с целью и задачами Советской власти агитаторы-организаторы проводили собрания и митинги по вопросам политики советского государства.

Основными темами их выступлений были: текущий момент; разница между монархическим, буржуазно-демократическим строем и Советской властью; земельная и продовольственная

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2. Алма-Ата, 1964 с. 568-569.

политика Советской власти; отделение церкви от государства; отношение Советской власти к ранее угнетенным национальностям и др.

Выборы и перевыборы Советов нередко проходили с осложнениями. В случае обнаружения злоупотреблений или засилия байства, кулачества во время выборов уполномоченными органами и лицами выборы объявлялись недействительными и назначались новые. Если возникает опасность, что перевыборы Советов здесь не обеспечат в необходимой мере интересов трудящихся, то в таких случаях создавались революционные комитеты исключительно для подготовки проведения перевыборов Советов. Так, Алимбетовский волостной Совет Актюбинского уезда в начале 1920 г. был распущен и назначен волостной ревком для подготовки и проведения перевыборов Советов.¹

Организация Советов, их выборы и перевыборы проходили поэтапно, не одновременно, не сразу, даже в пределах одной губернии, одного уезда. Так, в Нарынском уезде Уральской губернии выборы аульных Советов и волостных исполкомов прошли в апреле 1920 г.; в Калмыковском уезде – с 15 апреля по 1 июня 1920 г. Во всей Уральской губернии с 15 апреля по 1 июня 1920 г. было организовано 95 Советов, из них 16 волостных и 79 сельских.²

В казахских аулах и волостях выборы проходили в условиях острой классовой борьбы. Баи и старшины стремились захватить власть в свои руки и кое-где им удавалось это сделать. В жалобах групп бедноты 1-го и 2-го аулов Буртинской волости указывалось, что в их Советы попали богачи, бывшие управители и старшины, и они просили краевой ревком вмешаться в это дело и организовать новые выборы. Такое же положение наблюдалось и в Иргизском уезде, в целом ряде волостей Челкарского района.³ На заседании Актюбинского уездного исполнительного комитета 11 марта 1920 г. отмечалось, что часто поступают жалобы от казахов на неправильные выборы волостных и аульных Советов.⁴ По этим жалобам принимались краевым ревкомом, губернскими органами строгие меры вплоть до роспуска некоторых Советов

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 3.

² ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 21, л. 53.

³ Там же, д. 22, л. 2, 3.

⁴ Там же, д. 7, л. 31.

и проведения новых выборов с участием уполномоченных инструкторов.

Что же касается Акмолинской и Семипалатинской областей, то они находились в подчинении Сибирского ревкома, хотя Декретом СНК от 10 июля 1919 г. предусматривалось, что деятельность краевого ревкома распространяется на Акмолинскую и Семипалатинскую области. В силу такого положения представители Казревкома участвовали в качестве наблюдателей на выборах в этих областях. В июне 1920 г. в ряде волостей, сел и аулов Акмолинского уезда ревкомы были заменены выборными сельскими и аульными Советами. 23 июля в Акмолинске состоялся уездный съезд Советов, который избрал уездный исполнительный комитет, заменивший ревком.¹

Выборами местных Советов в Семипалатинской губернии руководила Западно-Сибирская партийная организация. Совместно с губкомом партии, губревкомом и представителями Казревкома она проводила большую работу среди населения по подготовке к выборам. В мае 1920 г. Семипалатинским облревкомом было созвано совещание казахских работников, которое приняло решение о мерах борьбы против байских группировок, применявших во время выборов Советов насильственные меры воздействия на избирателей. В организации выборов и перевыборов местных Советов, в надлежащей передаче власти ревкомы Советам там, где эти ревкомы уже выполнили свою задачу, большая руководящая и направляющая роль принадлежала партийным ячейкам и группам, уездным и губернским организациям. Пленум Уральского губкома РКП (б) к лету 1920 г. заслушал доклад губревкома о ходе замены местных ревкомов Советами и предложил ему усилить свою деятельность в этом направлении.² Собрание ячейки РКП (б) поселка Костекского Актюбинского уезда в январе 1920 г. выразило протест против выборов сельского Совета, оказавшегося в руках «чуждых элементов».³

В период выборов и перевыборов Советов в казахских аулах и волостях остро ощущался недостаток в грамотных, подготовленных людях, могущих вести дело местных органов Советской

¹ Гражданская война в Казахстане. Алма-Ата, «Наука», 1974, с. 336-337.

² ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 21, л. 4.

³ Из истории партийного строительства в Казахстане. – Сб. статей и материалов. Алма-Ата, 1936, с. 344.

власти. Казахский революционный комитет наряду с привлечением передовых и лояльных представителей национальной интеллигенции к советской работе занимался подготовкой и обучением кадров для советских органов. В Уральске 15 октября 1919 г. были открыты «рабоче-крестьянский университет» с отделением по советскому строительству и курсы с 6-месячным сроком обучения, куда каждая волость посылала по одному представителю.¹ В г. Оренбурге была основана школа курсантов-инструкторов для советской работы среди казахского населения.

Большая трудная работа по организации и укреплению Советов в казахской степи, проведенная под руководством партийных органов к концу гражданской войны, давала свои положительные результаты. Деятельность, состав ряда Советов и взгляды их членов стали более зрелыми.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 40, оп. 1, д. 55, л. 5.

4. Дальнейшее расширение власти Советов. Падение Западного отделения Алаш-Орды

Упрочение власти Советов непосредственно было связано с освобождением территории областей и уездов, захваченных колчаковцами, белогвардейцами и националистической группировкой Алаш-Орды. Если борьба с первыми двумя контрреволюционными силами возлагалась на войска Красной Армии, то борьба с алашординцами, направленная на разложение их рядов и ликвидацию, считалась одной из основных задач Казахского революционного комитета. Как правильно указывает С. Сартаев, «большую работу проводил Казревком по окончательной ликвидации буржуазно-националистического влияния Алаш-Орды на отсталые слои казахского крестьянства. Без ликвидации ее влияния нельзя было и думать об упрочении Советской власти, о широком привлечении трудящихся крестьян к советской работе».¹

К середине 1919 г. Тургайское отделение Алаш-Орды, пользуясь прямой поддержкой Уральского белоказачьего «правительства» генерала Толстова, действуя с ним вместе и в его тылу, распространило свое влияние на значительный район Зауральской степной зоны Западного Казахстана. Оно располагало несколькими летучими карательными отрядами, всецело вооруженными белоказачьим командованием. Часть из них участвовала в боевых операциях против Советской власти, а часть выполняла службу по обеспечению тыла белогвардейских войск.

Необходимость усиления борьбы с Западным отделением Алаш-Орды диктовалась несколькими причинами. Оно препятствовало распространению идей Октября и влияния Советской власти среди местного населения в степной зоне Зауральской степи. Объявив себя автономным «ханством», оно ввело систему тяжелых податей и сборов с населения на нужды «войны с большевиками» и установила на занятой им территории режим насилия и террора, оказывало большую материальную поддержку белогвардейским войскам.

И в то же время это отделение Алаш-Орды было далеко не прочной организацией. Его контрреволюционная политика не

---

¹ Сартаев С.С. Образование и становление Казахской Советской государственности. Алма-Ата, 1960, с. 54.

была популярна, и оно не пользовалось поддержкой народных масс. Его главной опорой были белогвардейские войска, оно держалось на их штыках, так как раздиралось острыми внутренними противоречиями, борьбой отдельных группировок за власть внутри отделения. Обманным путем вовлеченные в дела Алаш-Орды джигиты все больше и больше оставляли «ханство» и частью уходили в свои кочевья, а частью переходили на сторону Советской власти.

В ЦК РКП(б) и Совнарком РСФСР придавалось серьезное значение развертыванию повсеместной борьбы против алашордынцев, сужению влияния на местное население и их ликвидации. Как вспоминает А. Джангильдин, во время встречи с В.И. Лениным весной 1919 г. «я его информировал об алашордынцах... В.И. Ленин интересовался работой в Казахстане, указал на то, что значительная часть казахской интеллигенции не вникла в сущность программы большевиков и находится в заблуждении».¹

В воззвании командующего 4-й армией и члена ВЦИК М.В. Фрунзе, с которым он обратился к казахскому населению 16 февраля 1919 г., содержались такие слова: «Сбросьте скорее ваших буржуев Досмухамедовых, возьмите власть в руки самих трудящихся. Действуйте смело и решительно, не как рабы, а как вольные люди. Знайте, что помощь вам уже подошла».²

О необходимости усиления борьбы с алашордынской группировкой писал П. Петровский, видный деятель партии и Уральского облревкома, в статье, опубликованной в газете «Яицкая правда» 13 июля 1919 г. В ней говорилось: «По ту сторону окопов Уральского фронта кипит работа белогвардейской сволочи. Концентрируется эта работа в двух центрах. Первый центр – войсковое казачье правительство, второй – Джамбейтинская ставка контрреволюционного киргизского правительства».³ Далее в статье указывалось, что в этом Западном отделении Алаш-Орды орудуют баи, купцы и скотопромышленники и что они «в настоящее время... особенно энергично работают для выполнения

¹ Казахстан в огне гражданской войны... Алма-Ата, 1960, с. 366.

² Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. – Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1947, с. 154.

³ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 109.

плана генерала Толстова. Они устраивают для контрреволюционных штабов летучую почту. Они сгоняют подводы для перевозки запасов хлеба с Бухарской стороны в местности казачьего господства, обеспечивая тыл белой армии. Они крайне усердно помогают при мобилизации киргиз... организуют карательные экспедиции, вырезающие целыми поселками революционно настроенных киргиз и переселенцев».¹

Одновременно с активными действиями частей Красной Армии на Уральском, Актюбинском направлениях Восточного фронта Реввоенсоветом армии и Уральским областным ревкомом разрабатывался план усиления борьбы против Западного отделения Алаш-Орды, в стане которого к этому времени усилились раздоры и разлад, а также серьезные трения с белогвардейским командованием. Центральное место в этом плане отводилось работе непосредственно в лагере Алаш-Орды, направленной на разложение ее сторонников, отрыв ее от Уральского белоказачьего войскового правительства.

При этом учитывалось, что в стане вооруженных сил Алаш-Орды случаи дезертирства, сопротивления и даже восстаний целых отрядов намного участились с ослаблением позиций белогвардейских войск на фронте. Так, 7 декабря 1918 г. в ставке Западного отделения Алаш-Орды – в с. Джамбейты поднял восстание отряд «народной милиции» в составе около 300 конных, которые, по описаниям белогвардейского офицера, «открыли стрельбу из винтовок, затем бросились на почтовую контору, перерезали телеграфные провода и, разделившись на несколько отдельных команд, стали отыскивать офицеров и членов киргизского правительства».²

При сложившихся условиях, наряду с агентурной работой в лагере Алаш-Орды, допускалась и возможность вступления в прямые переговоры с руководством о прекращении им боевых действий против Советской власти и переходе их на сторону последней. Выполнение этой задачи до образования краевого ревкома поручалось Коллегии по национальным делам Уральского облревкома, при которой для этой цели и был создан

---

¹ Там же, с. 109 – 110.

² Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. – Сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1947. с. 135.

«агентурно-разведочный отдел на Зауральской стороне». На ее заседании 13 июля 1919 г. под председательством А. Айтиева с участием комиссии облревкома и военного комиссара 22 стрелковой дивизии Андреева рассматривался вопрос, как сказано в протоколе заседания, «о мерах по ликвидации белогвардейской банды на Зауральской стороне».¹ На нем выступил с сообщением руководитель агентурного отдела коллегии Арганчиев, который сообщил, что в Зауральской степи «белогвардейцы, казаки и киргизы (сторонники Алаш-Орды. – Авторы) угнетают бедный класс Зауральской стороны, как переселенцев, так и киргиз...».²

С образованием Казахского революционного комитета политическая работа в лагере Западного отделения Алаш-Орды переходит к нему, и она стала осуществляться в широком плане и решительно. 15 сентября 1919 г. краевой ревком под председательством С. Пестковского рассмотрел согласованный с Реввоенсоветом 4-й армии вопрос «О командировании уполномоченного от ревкома для личных переговоров с Досмухамедовыми для склонения их с отрядом на сторону Советской власти».³ Вначале предполагалось тайно переправить в Зауралье двух-трех компетентных лиц, которые, не представляя официально Казревком, вели бы зондаж и «личные сношения» с руководством Западного отделения Алаш-Орды. Однако этот план, принятый на заседании Казахского ревкома, был вскоре пересмотрен. Реввоенсовет армии и Казревком решили снарядить специальную для переговоров группу-экспедицию в составе уполномоченного Реввоенсовета 4-й армии В.И. Лежавы-Мюрата, члена ревкома Б.Б. Каратаева, Г. Алибекова и др. Тогда снаряжение экспедиции для направления в ставку отделения Алаш-Орды проходило в строгом секрете, чтобы не знало командование белоказачьих войск Уральского «войскового правительства». В архиве сохранились тексты трех писем, адресованных руководству отделения Алаш-Орды. Первые два письма не имеют дат и исходящих номеров, а третье письмо датировано 1 октября 1919 г. Эти письма, направленные, видимо, во второй половине сентября – начале октября 1919 г., дают конкретное представление о целях и ус-

---

¹ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971. с. 107.

² Там же. с. 108.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 9, л. 7-а.

ловиях переговоров с Западным отделением Алаш-Орды. Первое письмо, озаглавленное «Уральской группе Алаш-Орды (от) уполномоченного РВС армии об открытии переговоров» было подписано В.И. Лежавой-Мюратом. В нем говорилось следующее: «Советскому правительству известно, что, несмотря на горячее желание огромного большинства киргизского (казахского) народа..., вы все еще продолжаете поддерживать самые близкие сношения с уральскими казаками... несмотря на всю бессмысленность и безнадежность этой борьбы.

Вам должно быть известно, что Колчак совершенно разбит и бежал в Сибирь, Оренбургского фронта также не существует, наши войска соединились с Туркестанской Красной Армией и совместно ведут борьбу. Пути соединения Уральского казачества с армией Деникина по Поволжью совершенно и навсегда отрезаны... Англичане покидают Баку... Посмотрите на карту и вы увидите, что Уральское казачество вместе с вами охвачено железным кольцом и совершенно изолировано... предлагаем прекратить борьбу с нами, отказаться от союза с казаками и открыть переговоры с нами». Письмо заканчивалось заявлением и требованием: «...мы готовы распространить силу Декрета Совета Народных Комиссаров об амнистировании всех киргиз (казахов), осознавших свою вину перед Советской властью, и предоставить им право участия в строительстве своей новой власти при условии, если вы:

- порвете связь с казаками и прекратите оказывать им помощь со стороны киргиз, широко оповестив об этом весь народ путем «хабара»;

- немедленно шлите к нам в Уральск делегатов для ведения переговоров..., а также с той же целью попытайтесь связаться с Киргизским ревкомом в Оренбурге и постоянно будете поддерживать с ними связь;

- будете оказывать нам содействие путем доставки необходимых нам сведений о намерениях и силах противника и к моменту прихода наших войск сможете в поиске укрывающихся в степях офицеров и контрреволюционеров;

- освободите из-под стражи всех арестованных по политическим делам. Этим вы избежите всех последствий гражданской войны на территории Киргизского (Казахского) края в этот ответственный и критический для части киргизского (казахского) народа момент...».

Второе письмо представляет переложение первого письма с небольшими изменениями в тексте. Видимо, оно написано на основе предположения о том, что первое письмо не достигло адресата. В Казахском ревкоме было получено известие, что второе письмо доставлено руководству Алаш-Орды, однако ответа на него не последовало.

В третьем письме Казахского революционного комитета, датированном 1 октября 1919 г., было сообщено: «Мы крайне сожалеем, что не могли от вас непосредственно получить ответа на наше предложение и считаем крайне необходимым, чтобы вы и ваши сторонники завязали с нами связь путем присылки к нам своего представителя или в крайнем случае через собственного курьера. К моменту занятия области нашими войсками нам крайне важно знать своих сторонников и иметь вещественные доказательства, дабы оградить всех вас от всякой случайности...».¹

Делегация Казахского ревкома, которая официально именовалась «экспедицией», прибыла в ставку Западного отделения Алаш-Орды в с. Джамбейты в самом начале октября 1919 г. После довольно продолжительных переговоров с руководством Алаш-Орды экспедиция, оставив там небольшую группу во главе с Алибековым, вернулась в г. Оренбург.

Руководитель экспедиции В.И. Лежава-Мюрат 29 ноября 1919 г. отправил письма в два адреса: и. о. председателя краевого ревкома А. Айтиеву и временно исполнявшему должность Командующего Восточным фронтом и члену Революционного Совета Б.Г. Зулю. В одном из них он писал, что по прибытии на место они узнали, что «правительство» Западного отделения Алаш-Орды находилось не в с. Джамбейты, а в с. Калмыкове. Накануне алашордынские войска принимали участие в бою у Уила, потеряли 300 джигитов».² В письме Б. Зулю указывалось, что «мы им (т. е. руководителям «правительства» Западного отделения Алаш-Орды – авторы.) предлагаем со всем имуществом и джигитами перейти на нашу сторону; в случае, если это произойдет, все активные сторонники «правительства» и члены такового будут отправлены в Богдановку, где будут ждать решения своей участи».³

---

¹ Там же, л. 127.

² Госархив Уральской обл., ф. 7, оп. 1, д. 22, л. 125.

³ Там же, д. 13, л. 1.

В делах другого члена «экспедиции» Б. Каратаева имеется написанное им собственноручно письмо без указания даты. По его содержанию можно предположить, что оно написано в ходе переговоров. Было адресовано, как указано в нем, «Алаш-Орда, Правителю Алаш-Ордынской Киргизской группы». Вот его содержание: «Прилагая при сем копию с телеграммы Киргизского Комиссариата (речь идет о представительстве Казревкома. – С.3.) Всероссийского Советского Республиканского правительства, предлагаю Вам сделать все, что вытекает из содержания этой телеграммы. Со своей стороны считаю долгом присовокупить, что мирные намерения нашего Центрального правительства позволяют мне думать о немедленном прекращении с вашей стороны преследований советских деятелей, проявляющихся как на вашей территории, так и в ближайших селах и аулах, и в равной степени о немедленном разрыве всяких сношений с контрреволюционными бандами казаков, ведущими войну против Советской власти. О последующем благоволите уведомить меня через подателя сего».¹

Из этих писем можно заключить, что контрреволюционное правительство Западного отделения Алаш-Орды, потерпев поражение в открытом бою и оказавшись перед неминуемым крахом, не было в состоянии отвергнуть предложение советской делегации о капитуляции. Оно уже потеряло веру в уральское белоказачье правительство, войска которого на поле боя терпели одно поражение за другим. Оно окончательно стало терять надежду на сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны местного населения, среди которого быстро росло чувство симпатии и благорасположения к Советской власти. В то же время алашордынские руководители испытывали страх за свое будущее, долго не принимали твердого решения на переговорах с представителями Реввоенсовета армии и Казахского ревкома, хотя все больше и больше склонялись к капитуляции. Как видно из переписки и материалов, связанных с этими переговорами, алашордынцы одним из первых условий капитуляции ставили вопрос о гарантиях своей безопасности в случае отхода от белоказаков и перехода на сторону Советской власти. Об этом были поставлены советской делегацией и Краевым ревкомом в известность Реввоенсовет Туркфронта и Центральное Советское правительство – ВЦИК и

---

¹ Там же.

Народный Комиссариат по делам национальностей. Этот вопрос предварительно рассматривался 27 октября 1919 г. на расширенном заседании Казревкома с участием Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР (В. Лежава, М. Фрунзе и др.), членов Реввоенсовета Туркфронта и 1-й армии, на котором было принято решение созвать до 1 декабря в г. Актюбинске «конференцию из активных работников-киргиз (казахов) советских и несоветских».¹ 31 октября 1919 г. краевой ревком принимает решение обратиться в Реввоенсовет Туркфронта с просьбой объявить амнистию уральским и тургайским группам алашордынцев, боровшимся и борющимся против Советской власти на стороне белых, на случай их перехода на сторону Советской власти.²

4 ноября 1919 г. Реввоенсовет Туркестанского фронта принял постановление об амнистии алашордынцев, перешедших на сторону Советской власти. В нем говорилось, что «некоторая часть киргизского населения района Астраханской, Оренбургской, Уральской и Тургайской областей продолжает с недоверием относиться к Советской власти и местами даже поддерживает белых... Вполне понимая, что огромное большинство населения окраин России было втянуто в борьбу против нее либо силой принуждения, либо обманом и надувательством, она пользовалась и пользуется всяким случаем разъяснить народным массам сущность стремления рабоче-крестьянской России и широкими актами милости подтвердить свою готовность сохранить как можно больше трудящихся для будущей творческой деятельности». В постановляющей части резолюции далее говорилось: «...2) Объявить полное прощение всему киргизскому населению, прямо или косвенно принимавшему участие в борьбе против Советской России.

Условиями применения амнистии признать: а) заявление непосредственно или через представителей со стороны всех групп киргиз о безоговорочном признании ими Советской власти; б) немедленное прекращение всяких видов помощи белогвардейскому казачеству и выдачу Советской власти белогвардейцев, укрывающихся в киргизских степях; в) помощь советским войскам по уничтожению белогвардейских шаек, грабящих мирное население и мешающих установить нормальный ход жизни...

¹ Партархив Казфилиала ИМЛ, ф. 140, оп. 1, д. 1, л. 1.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 19, л. 25.

4) Предложить Киргизскому (Казахскому) ревкому широко оповестить об этом постановлении все население Киргизского (Казахского) края».¹

К концу 1919 г. наступательные операции советских войск Туркестанского фронта увенчались крупными победами на уральском, актюбинском и южном направлениях. Остатки разгромленных белогвардейских войск отступали в глубь степи. Оказалось отчаянным положение и «правительства» Западного отделения Алаш-Орды. Оно свою ставку в течение последних трех месяцев сменило 3-4 раза (Джамбейты, Калмыково, Уил, Кзыл-Куга). На территории бывшего опорного района алашордынцев в Джамбейты образовался в ноябре 1919 г. революционный комитет.

Таким образом создалась новая обстановка, благоприятная для расширения влияния Советской власти в Казахской степи. Вскоре было получено сообщение о том, что вооруженные отряды алашордынцев в с. Уиле численностью 300 – 400 чел. при 3 орудиях и 10 пулеметах желают сдаться Советской власти. 16 декабря 1919 г. Реввоенсовет 1-й армии дал указание начальнику 3-й дивизии, действовавшей в этом направлении, срочно «выслать в Уильское укрепление одного партийного товарища и военного специалиста для более успешного проведения предполагаемой сдачи алашордынцев».²

В этих условиях начался новый тур переговоров с Западным отделением Алаш-Орды, заключавшийся в уточнении условий капитуляции последнего. Для этой цели Реввоенсоветом 1-й армии и Казахским революционным комитетом была создана специальная комиссия в новом составе.

В середине декабря в г. Оренбург прибыл представитель Алаш-Орды, сообщивший о намерении Западного отделения перейти на сторону Советов и сдать в распоряжение последних все имущество и оружие. 16 декабря ему было вручено ответное письмо Реввоенсовета армии и Казахского ревкома, и для установления постоянного контакта с ним были направлены в Уил два советских ответственных работника: от Реввоенсовета первой Армии – Наумов, от краевого ревкома – Бегимбетов.

---

¹ Иностранная военная интервенция и гражданская война в средней Азии и Казахстане. Алма-Ата, 1964, т. II, с. 92-93.

² Там же, т. 2, с. 103.

20 декабря 1919 г. командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе направил В.И. Ленину телеграмму следующего содержания: «Семнадцатого и девятнадцатого декабря в районе расположения частей 1-й и 4-й армий явились делегаты от Западного отделения правительства Алаш-Орды с полномочиями вести переговоры с Советской властью о сдаче их отрядов... Переговоры приказал не затягивать, назначив для сдачи наикратчайший срок. Военное значение алашордынцев ничтожно, политически и экономически их сдача важна, закрепляя за нами весь Степной район до берегов Каспия. Разрешил после сдачи избрать делегацию в составе пяти человек, которую пришлем в Москву. Результаты переговоров должны выясниться в течение ближайшей недели».¹

Прямые переговоры с прибывшими представителями Западного отделения Алаш-Орды начались 25 декабря 1919 г. в г. Актюбинске. Они вручили советским представителям постановление Алаш-Орды, принятое 10 декабря в Кызыл-Куге «Об открытом переходе на сторону Советской власти и начале военных действий против уральских казаков».

31 декабря М.В. Фрунзе направил следующую телеграмму Реввоенсоветам 1-й и 4-й армий: «Из отношения Алаш-Орды от 2 декабря видно, что так называемое правительство считает себя равной с нами стороной и выдвигает соответствующие этому договорные условия. В дополнение к прежним директивам разъясняю:

1. Никакого алашордынского правительства мы не знаем и не признаем и в договорные соглашения с ним, как таковым, вступать не можем.

2. Вопрос о войсковых частях, немедленное использование которых мной разрешено по усмотрению командования армии, в окончательном виде и конечном счете будет решен командованием Российской Советской республики.

3. Правительство, как таковое, распускается.

4. Постановление (об) амнистии остается в полной силе.

5. Переговоры не тянуть.

6. Наилучшим разрешением вопроса является энергичное продвижение вперед наших частей согласно моему приказу».

4 января 1920 г. М.В. Фрунзе дает новую директиву: «Потребовать от алашордынцев немедленного присоединения к нашим

¹ Большевик Казахстана, 1936, № 7, с. 116.

войскам и открытия военных действий против казаков. Объявить им, что в случае дальнейшего промедления и как результат их пассивности – уничтожения нефтяных промыслов – Реввоенсовет фронта будет считать состав правительства алашордынцев персонально виновным в попустительстве врагу».¹

Алашордынцам не оставалось другого пути, кроме полной капитуляции на условиях советского командования и Казахского революционного комитета. Развязка несколько была ускорена тем обстоятельством, что штабы белоказачьих войск, извещенные о происходящем, в экстренном порядке готовили карательные отряды для расправы с казахским населением, сочувствовавшим Советской власти, для разоружения частей Западного отделения Алаш-Орды и ареста его руководителей. Одновременно стали ими приниматься срочные меры по мобилизации подвод для вывоза войскового имущества и части оружия, для взрыва складов с боеприпасами, которые находились в районе действия Алаш-Орды. Возникла реальная опасность поголовной резни местного населения казачьими карательными отрядами. Опираясь на помощь советских войск, джигиты подняли восстание и внезапным нападением 27 декабря 1919 г. с боем освободили г. Кзыл-Кугу, захватили в плен весь состав штаба Илецкого казачьего кавалерийского корпуса во главе с генерал-лейтенантом Акутиным, а затем слились с действующими частями Красной Армии. Об этом газета «Степная Роста», выходившая в г. Оренбурге, сообщила следующее: «В киргизских степях Уральской области восставшие киргизы бьют банды генерала Толстова. Восставшие захватили штаб Илецкого корпуса (Кзыл-Куга), наши войска, пришедшие им на помощь, встречаются киргизами (казахами) восторженно».²

4 марта 1920 г. фракция РКП(б) Казахского революционного комитета приняла решение о ликвидации Западного отделения Алаш-Орды, а 9 марта Казревком своим постановлением объявил о ликвидации Алаш-Орды и всех подведомственных ей учреждений.

Освобожденное из-под власти и сферы влияния Алаш-Орды население встречало представителей Советской власти с особым

---

¹ Там же, с. 247.

² Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Алма-Ата. 1964, т. 2, с. 168.

подъемом и чувством ожидания. Джамбейтинский уездный ревком 3 февраля 1920 г. отмечал, что «из уст и письменных докладов инструкторов видно, что киргизский (казахский) народ при гегемонии казачества и правительства Алаш-Орды (не говоря уже о царизме) чувствовал себя весьма угнетенным и отчасти инстинктивно, отчасти благодаря агитации левого крыла киргизской (казахской) интеллигенции с нетерпением ждал прихода большевиков как своих освободителей...».¹

На освобожденной от влияния Алаш-Орды территории к началу февраля 1920 г. при активной работе Джамбейтинского уездного ревкома были организованы Советы и их исполкомы в 14 волостях уезда и развернута работа по их созданию еще в 13 волостях.²

Ликвидация Западного отделения Алаш-Орды явилась важным звеном в шествии и торжестве идей социалистической революции и Советской власти в Казахской степи. Ее значение в политическом плане далеко выходило за рамки локального события. Падение и ликвидация последней опорной базы алашордынцев олицетворяли крушение планов и тактики местной контрреволюции, означали ее историческую обреченность.

---

¹ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 150.

² Там же.

ГЛАВА V

ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ, КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОДГОТОВКИ СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА

1. Налаживание хозяйственно-организаторской деятельности

Завоевание власти, ликвидация органов колониального господства, Временного правительства, белоказачьих «правительств» и «правительства» Алаш-Орды, создание на их обломках местных органов Советской власти и их укрепление открыли путь к переустройству отношений в социальной, хозяйственной и культурной областях, которые в совокупности составляли начало социалистического преобразования края. Они проводились первыми Советами в рамках и формах, возможных в условиях Казахстана. Гражданская война и иностранная военная интервенция прервали первые и активные мероприятия Советской власти в этой области, замедлили их, переключив основное ее внимание и усилия на организацию защиты политических завоеваний революции и отпора врагу. Тем не менее, как бы ни были тяжелы и неблагоприятны условия военного времени, хозяйственно-организаторская деятельность органов Советской власти на территории края не прекращалась. Она во многом была подчинена задачам успешной борьбы с контрреволюционными силами.

Важной особенностью осуществления политики постепенного переустройства края на социалистических началах было проведение различных мероприятий переходного типа, сочетавших в себе элементы как революционно-демократические, так и социалистические. В Казахстане, где прежде господствовали докапиталистические отношения со значительными пережитками патриархальщины, объем революционно-демократических мероприятий был больше и задачи сложнее, чем в центральном регионе страны. Социальные отношения отягощались сложившимися отношениями принадлежности членов общества

к определенному роду. Родовые обычаи и традиции служили в прошлом удобным прикрытием для эксплуатации знатью своих сородичей, мешали росту политического самосознания трудящихся, затушевывали остроту классовых противоречий между трудящимися бедняками и баями. Эти пережитки, сохранившиеся и в первые годы Советской власти, затрудняли осуществление социальных и экономических преобразований.

СНК РСФСР своим Декретом от 10 июля 1919 г. установил, что в задачу Казахского революционного комитета, наряду с другими, входит и «принятие всех мер к поднятию Киргизского края в хозяйственном и культурном отношении». Эту задачу ревкому пришлось решать совместно в особенности с армейскими организациями и опираясь на Оренбургский, Уральский губ(обл)исполкомы.

В 1919 – 1920 гг. в результате гражданской войны и без того слабый экономический потенциал края переживал упадок, особенно это относилось к промышленности. Так, полностью были выведены из строя белогвардейцами Риддерские рудники, Спасская обогатительная фабрика, Экибастузские угольные шахты и др. В 1920 г. из 307 национализированных в Казахстане предприятий бездействовало около 250.¹ Вдобавок к этому в 1920 г. Казахстан охватила небывалая засуха, особенно его северо-западную часть, а в 1919 и в 1920 гг. постигло сильное бедствие, связанное с массовой гибелью скота, достигшей в отдельных районах 60 – 70%.

Социально-экономические отношения в ауле после победы Великой Октябрьской социалистической революции не подверглись сразу коренной ломке в форме раскулачивания, уравнительного распределения земель, как это было в русской деревне. Уравнительный передел земли в этот период не стал массовым и «проводился в основном в переселенческой деревне, частично затронул оседлый аул и почти не коснулся кочевого и полукочевого аула».²

Если брать Казахстан в целом, независимо от административного подчинения его областей, возникновение первых коллективных хозяйств в Казахстане относится к 1918 г. Так, в 1918 г.

---

¹ Приводится по кн.: 20 лет Казахской ССР. Алма-Ата, 1940, с. 93.

² Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана. Алма-Ата, 1965, с. 77.

в волостях Букеевской области было организовано более 30 коммун и артелей.¹ К началу 1921 г. в Казахстане (без Сырдарьинской и Семиреченской губерний) имелось 150 коммун, около 500 сельскохозяйственных, трудовых артелей.² Для непосредственного руководства коммунами и артелями Казахстана к концу 1919 г. при губернских, областных, земельных отделах образуются подотделы обобществления сельского хозяйства. В начале 1920 г. они были образованы почти повсеместно при уездных и волостных ревкоммах, земельных и земельно-водных отделах исполкомов Советов.

Дело организации кооперированных хозяйств, их начальных форм всегда находилось в центре аграрной политики Советской власти в крае. Так, Атбасарский уездный ревком 10 января 1920 г. направил в волости несколько красноармейцев и инструкторов для разъяснения населению земельной политики Советского государства и для организации сельскохозяйственных коммун.³ На III Актюбинском уездном съезде Советов в ноябре 1919 г. обращалось внимание на организацию сельскохозяйственных коммун в районах с казахским и русским населением.⁴ В докладе о деятельности Уральского губернского земельного отдела отмечалось, что к середине 1920 г. организовано и зарегистрировано в области 105 сельскохозяйственных коллективов, из них 7 коммун и 98 артелей, в которых числилось 2552 семьи; начата организация племенного хозяйства.⁵ В целях проведения в жизнь декретов Советской власти по кооперативному строительству при отделе продовольствия краевого ревкома было организовано специальное управление по делам кооперации. В него входили два представителя из отдела продовольствия, один – из Совета народного хозяйства и два – из крупнейших кооперативных организаций. В директиве Казахского революционного комитета от 31 марта 1920 г. было сказано, что для руководства деятельностью кооперации и реорганизации ее применительно

---

¹ Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, ФАН, 1967, с. 555.

² См. кн.: Чуланов Г., Ишмухамедов Б. и др. Очерки истории народного хозяйства в Казахской ССР. 1917-1928 гг. Т. 1. Алма-Ата, 1959, с. 31.

³ Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917 – 1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 144.

⁴ ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 5, л. 2.

⁵ Там же. ф. 1354, оп. 1, д. 8, л. 27.

к директивам СНК от 27 января 1920 г. при Казахском ревкоме организовано управление по делам кооперации. «Ни одно из учреждений, помимо управления по делам кооперации и кооперативных отделов при губпродкомах, не может вмешиваться в работу кооперативных органов и давать им распоряжения кроме указанных органов. Виновные в нарушении указанного порядка будут привлекаться к строгой ответственности».¹

Земельная политика Советской власти в степной зоне Казахстана с кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством сводилась к ограничению и частичной ликвидации колонизаторского наследия в земельных отношениях, к упорядочению землепользования с наделением угодьями в первую очередь безземельных, малоземельных трудовых слоев населения и известному усилению общерегулирующей роли местных Советов в земельном вопросе.

Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., которым учрежден Революционный комитет по управлению Казахским краем, временно оставил без изменения существующую структуру хозяйственного и крестьянского землевладения. В нем была зафиксирована установка, которая гласила, что занимаемые русским населением земельные участки остаются в его пользовании и распоряжаются ими сельские, волостные и уездные русские секции на основании действующего в Российской Советской Республике закона. Занимаемые казахским населением земельные территории, в том числе и отмежеванные для переселения участки, еще не заселенные переселенцами, но фактически находящиеся в пользовании казахов, остаются в пользовании казахского населения и распределяются аульными, волостными съездами Советов и казахским уездным отделением исполнительных комитетов «согласно обычаю и быту жизни киргизского (казахского) народа». А в другой статье декрета говорилось, что «земельные дела между волостями, указание и закрытие кочевых путей, отвод зимовочных угодий под летовочные и летовочных под зимовочные и под хлебопашество, а также и вопросы о порядках пользования зимовочными, летовочными и покосными угодьями разрешаются в земельном отделе уездного исполнительного комитета».²

---

¹ Айтиев Т.А. Из истории кооперативного строительства в Казахстане. – Труды Института истории, археологии и этнографии, 1957, т. 4, с. 105.

² СУ. 1919, № 36, с. 354.

Казахскому революционному комитету пришлось столкнуться с двумя сложными явлениями в области земельных отношений: самовольный захват земель, прежде считавшихся казенными и пустующих, а также серьезные неполадки в распределении земель местными органами власти, в которых нередко брали верх представители кулачества и байства, и неполадки, связанные с неправильными решениями местных органов. III Актюбинский уездный съезд Советов, состоявшийся 26 ноября 1919 г., обсудив «возникшие трения» на местах на почве землепользования, указал на необходимость справедливого раздела угодий между русским и казахским населением и поручил своим уполномоченным обсудить этот вопрос в деталях в Казахском ревкоме.¹

В апреле 1920 г. краевой ревком специально рассмотрел положение, сложившееся в землепользовании края. В принятом постановлении говорилось, что «всякому произвольному и беспорядочному использованию земель», в том числе и предназначенных для колонизации участков и свободных оброчных статей посредством захвата их по праву сильного, должен быть самыми решительными способами положен конец».² Вместе с тем Казревком подчеркнул необходимость активного развертывания местными органами Советов подготовки к проведению земельной реформы, которая будет определена Всеказахским съездом Советов.

В центре хозяйственной деятельности Казахского революционного комитета находились вопросы обеспечения продовольствием. В тот период продовольственный вопрос стоял очень остро. Надо было обеспечить не только голодающий Центр, Красную Армию, но и местное население. На местах при Советах и ревкомах были созданы продовольственные отделы и комитеты. Для работы в некоторые из них приглашались армейские работники. Местные Советы и ревкомы, ломая сопротивление кулачества и байства, при поддержке трудового крестьянства осуществляли учет излишков хлеба и скота. Проводились митинги, собрания, конференции, на которых обсуждались вопросы снабжения армии и населения продовольствием.

Казахский революционный комитет в проведении продовольственной политики в Казахстане опирался на сложившиеся

¹ ЦГА КазССР, ф. 1353, оп. 1, д. 5, л. 3.

² Там же. ф. 14, оп. 3, д. 15, л. 136-137.

продовольственные органы Оренбургского, Букеевского губисполкомов, Уральского облревкома, а также на продовольственные органы армейских частей. Многие организационные мероприятия по продовольственным вопросам Казахский ревком проводил совместно с комиссией по снабжению армии и населения, созданной из представителей армейских групп и губисполкомов. Одно из первых заседаний Казахского революционного комитета было посвящено вопросам заготовки хлеба, скота, кожи, шерсти и прочего сырья.¹ 12 сентября 1919 г. на заседании особой комиссии по продовольственному снабжению Оренбургского губисполкома с участием только что прибывших в г. Оренбург членов Казахского ревкома было принято экстренное решение, первые пункты которого гласили: «1) провести мобилизацию членов коллегии, партийных и беспартийных работников губпродкома для направления их в районы в целях усиления ссыпки хлеба и подвоза его к станции; 2) произвести подобную же мобилизацию среди работников Особой комиссии, продовольственной части Киргизского (Казахского) ревкома и воспользоваться работниками Политотдела 1-й армии для направления их в районы».²

Проведение продовольственной политики в крае было общей задачей как Казахского ревкома, так и соответствующих органов губисполкомов и армейских частей. О координации деятельности в целях обеспечения ее эффективности ставился вопрос на обсуждение объединенного заседания Казахского ревкома, Оренбургского губпродкома, губсовнархоза, представителей Реввоенсовета и Главснаба. На нем было решено создать комиссию из трех лиц — представителя губпродкома, Казревкома и Реввоенсовета 1-й армии, наделив ее правами разграничивать районы заготовок и отдавать распоряжения от имени аппаратов губпродкома, ревкома и продкомармии, а также информировать Центр и Туркестанский фронт и просить их утвердить эту комиссию.³ В дальнейшем на заседаниях Казахского ревкома продовольственный вопрос ставился неоднократно. 8 мая 1920 г. ревком обсуждал вопрос о помощи продовольствием и вещами Западному фронту.⁴

---

¹ КазССР, ф. 14, оп. 2, д. 2, л. 20.

² Там же, д. 1, л. 4.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 2, д. 1, л. 24-26.

⁴ Там же, оп. 1, д. 66, л. 16-а.

Значительное место в деятельности Казахского ревкома занимали вопросы разверстки и заготовки скота, мобилизации подвод и тягловой силы для нужд войны, а также снабжения населения продовольствием и предметами первой необходимости. В многочисленных сообщениях с мест указывалось, что отдаленные районы охвачены голодом; разверстка скота производится без всякого плана и армейскими, и гражданскими органами; население, сдавшее скот, часто не получает ни денег, ни обещанной мануфактуры. Так, в телеграмме уполномоченного Казревкома Абдулгафарова из Иргиза (конец 1919 г.) сообщалось, что население уезда ограблено и разорено проходившими казачьими отрядами, ощущает страшную нужду в предметах первой необходимости, в хлебе, чае, мануфактуре. Представитель Тургайского уезда С. Кочумбеков в докладе Казахскому революционному комитету отмечал, что с самого начала войны население уезда вовсе не получало мануфактуру и другие товары и сейчас «не редкость в аулах встретить совершенно голых». Он просил воздействовать на Оренбургский губпродком об отпуске сколько-нибудь товара для Тургайского уезда. 30 ноября 1919 г. Казревком рассмотрел положение, создавшееся в Иргизском и Тургайском уездах, и поручил финансовому отделу перевести в Тургай и Иргиз определенные суммы кредита, а отделу продовольственного снабжения в срочном порядке обсудить вопрос с участием представителей Иргизского и Тургайского уездов о снабжении предметами первой необходимости.¹

Аналогичное положение сложилось и в других уездах. Темирский уездный земельный отдел доложил в краевой земельный отдел о бедственном положении уезда и просил оказания им срочной помощи. В докладе говорилось, что половину хлебов уничтожила саранча, «степь голая, травы нет». Почти в таком же положении оказались Актюбинский уезд и южная часть Кустанайского уезда.²

Обобщив эти данные, Казземотдел обратился в краевой ревком с ходатайством о создании Особой комиссии, в которую вошли бы по одному представителю от земельного отдела, отдела продовольствия для точного выяснения положения, степени нужды

---

¹ Там же, оп. 3, д. 1, л. 2-3, 12.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 105, л. 145, 147.

и меры помощи, которая должна быть оказана населению.¹ 16 июля 1920 г. было принято постановление Президиума Казревкома, которым поручалось члену ревкома Айтиеву приступить к немедленной организации таковой комиссии, а также выработать инструкцию для оказания населению уездов помощи продовольствием совместно с Оренбургско-Тургайским губисполкомом.² 19 июля 1920 г. Казревком телеграфно сообщил Темирскому уездному исполкому и Актюбинскому уездному земельному отделу о том, что им принимаются меры по обеспечению местного населения продовольствием и что на днях выезжает на места Особая комиссия Казревкома.

Казахский революционный комитет принимал определенные меры по облегчению положения населения районов, охваченных голодом и джутом, бестравьем. 20 августа 1920 г. он обратился в ТуркЦИК разрешить голодающему населению Иргизского уезда беспрепятственно перекочевывать в пределы Казалинского, Перовского уездов. 21 сентября 1920 г. Казревком снова обратился в ТуркЦИК с этой же просьбой.³

Вопросы разверстки и поставки скота, сена, подвод в кочевых и полукочевых районах для нужд армии и общественных работ с образованием краевого ревкома стали постепенно сосредоточиваться в его руках, хотя неналаженность и разноречивость деятельности различных заготовительных и снабженческих органов как военных, так и гражданских еще продолжали иметь место. Казревком неоднократно ставил перед Реввоенсоветом фронта и Реввоенсоветом армии вопрос о необходимости предварительного согласования армейскими снабженческими организациями своих заготовительных планов в казахских волостях и координированных совместных действий в этой области. С таким же требованием Казревком не раз обращался в Оренбургский губисполком, Букеевский облисполком и Уральский облревком.

Важно отметить, что Казахский революционный комитет по согласованию с Центром сам определял уезды и волости, которые временно освобождались от некоторых поставок и несения подворной повинности, разрабатывал дифференцированный план

---

¹ Там же, д. 61, л. 115.

² Там же, д. 65, л. 5.

³ Там же, д. 106, л. 3. 10.

разверстки скота и скотоводческого сырья для уездов, волостей с казахским населением. Такая практика в деятельности Казревкома продолжала иметь место и после Декрета СНК РСФСР от 23 марта 1920 г. «Об обязательной поставке скота на мясо», которым на всей территории Российской Федерации устанавливалась обязательная поставка скота на мясо в порядке разверстки всеми имеющими скот единоличными и коллективными хозяйствами. Согласно этому Декрету, размеры разверстки определялись Наркомпродом, а в губерниях – его местными органами. В осуществление требований этого Декрета продовольственный и земельный отделы Казахского революционного комитета составили нормы поставок скота волостями и уездами, единоличными хозяйствами с кочевым и полукочевым населением.

Казревком в мае 1920 г., по согласованию с Народным Комиссариатом земледелия РСФСР и Всероссийским Главным штабом, провел кампанию по массовой закупке лошадей в степи в счет разверстки скота с освобождением от таковой только Иргизского уезда. 27 сентября 1920 г. постановлением Казревкома была создана комиссия под председательством Г. Алибекова для изучения вопроса о влиянии разверстки скота на состояние скотоводческого хозяйства и его развитие.¹

Казахский революционный комитет в восстановлении нефтяных, соляных промыслов и некоторых других важных производственных отраслей хозяйства в крае, как правило, непосредственного участия не принимал, руководства ими не осуществлял. Этими вопросами почти всецело занимались подразделения трудовой армии, ведомства центральных учреждений РСФСР, а также совнархозы губернских и областных исполкомов, подчиненные ВСНХ и его региональному представительству. Казахский революционный комитет оказывал активное содействие этим органам в их работе, проводил мероприятия по мобилизации местной рабочей силы, средств и сырья для нужд промышленности.

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 87, л. 13.

2. Начало культурного строительства

В числе первых отделов, организованных в структуре Казахского революционного комитета, был отдел народного образования. С самого начала его возглавлял энергичный и деятельный член ревкома С. Мендешев. Отдел народного образования считался одним из крупных по численности сотрудников. К концу 1919 г. в нем было 2 секции (русская и казахская) и 5 подразделов (единой трудовой школы, внешкольного образования, дошкольного образования, литературно-издательский, снабжения). Существовал при Казревкоме полиграфический отдел. Эти два органа выступали основными организаторскими ячейками краевого ревкома в проведении мероприятий в области народного просвещения и культурно-массовой работы.

При Букеевском облисполкоме, Уральском ревкоме, Оренбургском губисполкоме, а также во всех уездных ревкомах существовали отделы народного образования (просвещения), которые проводили свою деятельность в тесном контакте с отделом народного образования краевого ревкома.

В первый же день своей работы отдел народного образования Казревкома обратился в информационный отдел Наркомпроса РСФСР «О высылке циркуляров, распоряжений, разъяснений организованному отделу народного образования Киргизвоенревкома», а также представителю Казревкома в Москве Х. Бекентаеву с просьбой организовать в Центре «закупку канцелярских, учебных пособий» для школ казахского края.¹

Одновременно за подписью председателя казахского ревкома С. Пестковского были сделаны телеграфные запросы у облисполкомов, областных и уездных ревкомов о состоянии школьного дела и культмассовой работы на местах. Вот одна из таких телеграмм, адресованная Уральскому ревкому 16 сентября 1919 г.: «Сообщите Военревкому Киргизского (Казахского) края сведения о числе школ, учащихся, в каком положении вопрос о реформе школы и нуждах народного образования области. Пестковский».² В это же время Кустанайскому, Иргиз-

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 48, л. 48.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 9, л. 50.

скому, Актюбинскому и Тургайскому уездным ревкомам было послано Казревкомом письмо, в котором говорилось следующее: «Сообщите количество и место нахождения библиотек, народных домов и курсов для взрослых».¹

Казахский революционный комитет и его отдел народного образования, руководствуясь решением VIII съезда РКП(б), определившим такие задачи Советской власти в области народного образования, как проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 17 лет,² а также Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 29 декабря 1919 г. «О ликвидации безграмотности взрослых», основное свое внимание в первое время уделяли вопросам открытия школ и налаживания их работы. Это было самым серьезным и трудным делом в культурном начинании. Прежние школьные здания частью разрушились, частью в период гражданской войны сплошь и рядом использовались как казармы и склады для хранения оружия и интендантского имущества. Высвобождение этих зданий, их ремонт и восстановление при ограниченности местных ресурсов потребовали много усилий и инициативы.

Мобилизация учителей и всех грамотных лиц, которые могли быть использованы в системе школьного образования и ликвидации безграмотности среди взрослых, явилась постоянной заботой краевого революционного комитета. По его приказу № 92 от 28 ноября 1919 г. такой мобилизации подлежали лица с высшим и средним образованием и получившие специальную педагогическую подготовку, окончившие высшее начальное училище, медресе, двухклассное и одноклассное начальное училище, мектебе и даже самоучки и лица с домашним образованием, хорошо знающие грамоту и начальную арифметику.

В целях снабжения школ и курсов по ликвидации неграмотности учебными пособиями, литературой были взяты на учет все книги разных библиотек, организовывались сборы учебных пособий у частных лиц и закупки их в соседних областях и издательствах. Некоторое представление о фактическом

¹ Там же, д. 48, л. 48.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов, ч. I, изд. 7, с. 419.

положении дела дают следующие документы. В декабре 1919 г. Актюбинский уездный ревком писал краевому ревкому о том, что в городе «нет ни одного учителя... были приняты меры к немедленному открытию школ, но нет учебников... Все же школы были открыты. Дети были рады, когда узнали, что скоро книги придут советские, закона божьего теперь не будет».¹ Ответственный работник Казахского ревкома, побывавший в Илекском уезде, 5 марта 1920 г. доносил, что уездный отдел народного образования «в настоящее время сидит без денег и без работников. Масса школ в уезде пустует за отсутствием преподавателей».²

С помощью центральных органов Российской Федерации, командования воинских частей и опираясь на кадровые и материальные возможности гг. Оренбурга и Уральска, советским органам края удалось добиться заметного сдвига и положительного результата в первых начинаниях в области советского культурного строительства. К началу марта 1920 г. только в одном Актюбинском уезде было открыто около 300 новых школ. Согласно докладу отдела народного образования краевого ревкома, к середине 1920 г. в Тургайской области действовало около 250 школ. В начале мая того же года в г. Оренбурге были открыты 2-х месячные курсы для учителей и 4-х месячные курсы по подготовке внешкольных работников, а на курсах казахских мугалимов уже занималось 94 чел. Курсы для подготовки мугалимов намечено организовать в Тургае на 50 чел., Челкаре – 50, Иргизе – 100, Актюбинске – 100 и Темире – на 100 чел. На школьно-инструкторские курсы в г. Москву отправлены Казревкомом 13 чел.³

Заслугой Казахского революционного комитета явилось создание им при отделе народного образования музейного подотдела, «Ученой комиссии», «Ученого общества», постановка вопроса об организации «Историко-культурного музея» края, археологических и историко-этнографических исследований в Казахстане.

Одновременно с работой в области народного образования Казахский ревком предпринял энергичные меры по органи-

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 3, л. 72.

² Там же, ф. 921, оп. 1, д. 31, л. 7.

³ Там же, д. 27, л. 5, 64-65.

зации своего национального издательства с типографией. В одной из первых докладных краевой ревком указывал, что «Военно-революционному комитету по управлению Киргизским (Казахским) краем обязательно необходимо иметь киргизские (казахские) шрифты для отпечатания Положения о Киргизском (Казахском) ревкоме, а также воззваний, распоряжений и литературы агитационного характера на киргизском (казахском) языке. В местных типографиях г. Оренбурга таковых шрифтов не оказалось...».¹ Поиски в этом направлении привели к тому, что часть оборудования бывшей типографии газеты «Казах» была обнаружена и находилась при штабе 1-й армии. По ходатайству краевого ревкома она была передана ему.² Кроме того, в распоряжение краевого ревкома был направлен специалист-типографист красноармеец 348-го полка К.Г. Акулов, в 1918 г. работавший заведующим полиграфическим отделом Тургайского губисполкома, когда его председателем был А.Т. Джангильдин. Казревком утвердил его заведующим полиграфическим отделом.³ Надо отдать должное, что К.Г. Акулов проявил себя энергичным и хорошо знающим полиграфическое дело работником. Он за короткое время приобрел некоторое оборудование для типографии, прежде принадлежавшей Тургайскому областному исполнительному комитету, а также шрифты, гранки, верстки, переплетные инструменты со швейной машинкой и другие инструменты бывшей типографии «Янги-Вакт», конфискованной и находившейся при штабе Южной группы войск. Сам председатель Казахского ревкома С.С. Пестковский был инициатором сбора красок, бумаги в учреждениях и у частных лиц Челкара, Акбулака и Кустаная.⁴ По поручению ревкома в ноябре 1919 г. была организована доставка типографских принадлежностей и материалов из г. Урды, ранее принадлежавших Букеевскому подотделу Казахского отдела Наркомнаца РСФСР. Другой член краевого ревкома был направлен в г. Казань, чтобы заказать новые арабские шрифты, крайне необходимые для налаживания издания газеты «Ушкын» («Искра») – органа Казахского революционного комитета.

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 24, л. 4, 8.

² Там же, д. 20, л. 1 и об.

³ Там же, д. 20, 38, л. 15, 66.

⁴ Там же, д. 20, 26, л. 13, 14, 15, 16, 19-20, 47.

Казахский революционный комитет кроме газеты «Ушкын» вскоре наладил печатание «Известий Киргизского (Казахского) военревкома», разной массово-политической литературы, некоторых учебных пособий, листков и воззваний на казахском языке. Это было в то время очень важным делом и успехом на фронте культурного строительства.

3. Деятельность по объединению казахских земель

Работа по объединению казахских земель в рассматриваемый нами период включала несколько важных и сложных вопросов, составляющих главное направление в деятельности Казахского революционного комитета. Во-первых, объединение казахских земель означало объединение и организацию всей советской деятельности в пределах областей и уездов, переходивших в ведение Казревкома по Декрету СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. На деле децентралистские тенденции со стороны некоторых областей и уездов настолько были сильны, что преодолеть их ревкому края не всегда и не везде удавалось. Во-вторых, объединение казахских земель включало вопрос изучения и определения территории волостей, уездов и областей, не указанных в Декрете СНК, но заселенных преимущественно казахским населением. В-третьих, объединение казахских земель предполагало ведение переговоров с Туркестанской Советской Республикой, Сибирским ревкомом для подготовки соглашения о передаче подчиненных им казахских земель в ведение будущей Казахской Советской автономии.

По всем этим важным трем вопросам Казревком, по согласованию с центральными органами РСФСР, опираясь на их поддержку, вел активную и плодотворную работу в течение 1919 – 1920 гг. Рассмотрим некоторые аспекты и направления этой деятельности.

Поучительна история перехода Кустанайского уезда под управление Казахского революционного комитета. Этот уезд, хотя в прошлом и входил в состав Тургайской области, переданной позже в ведение Казахского ревкома, в послереволюционный период оказался в сфере административного влияния Челябинской губернии. Партийная организация уезда находилась под руководством Челябинского губкома партии, уездных исполкома и губревкома. С организацией ревкома по управлению Казахским краем Кустанайский уездный исполком стал делиться на две секции – русскую и казахскую. Причем первая подчинялась Челябинскому губисполкому, а вторая номинально считалась в ведении Казахского ревкома. Такое раздвоение власти создало большие неудобства для уезда и управления им.

Челябинские губернские органы свой отказ передать уезд Казревкому мотивировали тем, что русское население составляет в уезде 53% и поэтому он всецело должен входить в состав губернии, а аргумент Казревкома состоял в том, что территория уезда является районом летних кочевий для населения многих казахских уездов и соседних областей и что в летнее время здесь собирается множество скотоводческих хозяйств, обеспечивая значительный перевес казахского населения.¹ Кроме того, ревком ссылался на историческую принадлежность этой территории Казахскому краю. Однако доводы обеих сторон долгое время не приводили к конкретному решению.

Вопрос о Кустанайском уезде, можно сказать, не сходил с повестки дня Казахского революционного комитета. 12 сентября 1919 г. он принял решение возбудить ходатайство перед центральной властью о закреплении Кустанайского уезда в пределах казахского края. На следующий день председатель Казревкома С. Пестковский по этому вопросу обратился с телеграммой во ВЦИК и СНК к В.И. Ленину.² 4 октября 1919 г. повторно была послана телеграмма ВЦИК и в СНК Ленину с просьбой ускорить рассмотрение ходатайства Казахского ревкома относительно оставления Кустанайского уезда в составе края.³ 6 октября 1919 г. Казревком просил Народный Комиссариат внутренних дел РСФСР Владимирского ускорить вопрос «о принадлежности Кустанайского уезда, так как работа стоит из-за неопределенности положения. Полагаем необходимым оставить Кустанай за Киргизией».⁴ В конце ноября 1919 г. С. Пестковский выехал в Центр, где наряду с другими вопросами собирался ставить и решить вопрос о Кустанайском уезде.

По личному заданию В.И. Ленина ВЦИК созвал в декабре 1919 г. совещание по делам Башкирии, Татарии и Казахстана. Работой совещания руководил М.И. Калинин. В числе других на нем был рассмотрен и вопрос о границах Казахского края. Выработка окончательного решения по этому вопросу была поручена административной комиссии ВЦИК.

В это же время Казахский ревком проводил активные пере-

---

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 4, л. 70.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 17, л. 4; д. 9, л. 4.

³ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 48, л. 73 об.

⁴ Там же, ф. 14, оп. 3, д. 8, л. 78.

говоры с Челябинским губкомом партии и губ-исполкомом по поводу судьбы уезда. Поочередно выезжали в Челябинск уполномоченные Казревкома М. Сералин, Ашмарин и др. Итоги этих переговоров рассматривались на заседаниях краевого ревкома 27 марта и 7 апреля 1920 г.¹ и принимались решения о направлении в Москву специального представителя Казревкома для постановки и решения вопроса о Кустанайском уезде, а также об управлении казахской частью уезда.

Как видно из доклада А. Авдеева на заседании Казревкома от 10 апреля 1920 г., по вопросу о границах края состоялось заседание в административном отделе ВЦИК. Он сообщил, что на Кустанайский уезд претендуют челябинцы и уфимцы и что вопрос перешел на разрешение в Малый Совнарком.² Этот вопрос со всеми наслоениями затем стал предметом более детального обсуждения на межведомственном совещании в Центре, которое состоялось в августе 1920 г. Выступивший на нем представитель Челябинского губисполкома (Поляков) отстаивал необходимость временного сохранения Кустанайского уезда в составе Челябинской губернии, мотивируя это тем, что Казревком пока не обрел полную способность управлять этим уездом.

Требование Казахского ревкома было поддержано представителем Оренбургской губернии Мартыновым. На втором заседании комиссии 10 августа было решено передать вопрос о Кустанайском уезде на рассмотрение Наркомнацу и Наркомвнутделу.³ Вскоре за Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. Кустанайский уезд был включен в состав Тургайской области образуемой Казахской республики. Существовала проблема и в Уральской области. Декрет СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. установил, что эта область входит в состав Казахского края, для управления которым учреждался Казахский ревком. Однако власти Уральской области не спешили с переходом в ведение Казревкома. Более того, они продолжали считать себя подчиненными непосредственно Центру, как это было до организации Казревкома. 8 декабря 1919 г. Казревком направил телеграмму в Наркомнац о том, что Уральский областной ревком «...считает

---

¹ Там же, д. 17, л. 17, 27.

² Там же, л. 28.

³ Там же, л. 49.

себя не входящим в ведение краевого ревкома». ¹ Весной 1920 г. Уральский облревком ставит вопрос перед Центром вывести область из ведения Казревкома и сохранить прежнее положение. В мае 1920 г. на II Уральской губернской партийной конференции (область в марте переименована в губернию) было принято решение о выводе Уральской губернии из состава Казахского края и непосредственном подчинении ее Москве. Однако Центр эту просьбу Уральской губернии не поддержал. 16 мая 1920 г. Казревком известил Уральский губревком о том, что, по полученным сведениям, комиссия ЦК партии по казахскому вопросу под председательством И.В. Сталина высказывается за подчинение Уральской области Казревкому. Поэтому предлагалось сделать из этого соответствующие выводы. ² В начале июля 1920 г. член коллегии Наркомнаца запросил Казревком о том, «действительно ли не подчиняется Кирревкому Уральская область и требуется ли вмешательство ВЦИК». ³

После категорического указания Центра нормальные административные контакты между Казревкомом и Уральским губревкомом постепенно налаживались. В августе 1920 г., т. е. в канун принятия Декрета об образовании Казахской Советской автономии, краевой ревком сообщил в Наркомвнутдел о том, что Уральский губревком «только в последнее время стал работать на соглашательских основах, т. е. исполнять только такие распоряжения Кирревкома, с которыми он согласен, а те, которые расходятся с его взглядами, он оставляет без исполнения». ⁴

Вскоре в г. Уральск прибыл уполномоченный ВЦИК и Наркомнаца с конкретной задачей подчинения Уральской губернии Казревкому. На расширенном заседании Уральского губкома, губпродкома, Военсовета с участием представителя Казревкома был разработан план подчинения Уральской губернии Казахской республике. ⁵

Встретились определенные осложнения и в решении вопроса включения в состав Казахского края Акмолинской и Семи-

---

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 9, л. 210.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 16, л. 29.

³ Там же, д. 11, л. 223.

⁴ Там же, ф. 1353, оп. 1, д. 22, л. 28.

⁵ Там же, ф. 14, оп. 3, д. 45, л. 187.

палатинской областей. Их территории были полностью освобождены от оккупации белогвардейскими войсками только в конце 1919 г. – начале 1920 г. Эти две области, подлежавшие ведению краевого ревкома, находились и продолжали находиться в подчинении Сибирского ревкома. Казревком ограничивался направлением туда временами своих представителей для ознакомления с положением казахского населения и подготовки условий для присоединения этих областей к будущей Казахской республике. В июле 1920 г. члены Казревкома А. Джангильдин и А. Авдеев во главе политической комиссии Казревкома посетили Омск, Семипалатинск и Акмолинск «для переговоров с Сибревкомом... относительно Семипалатинской и Акмолинской областей».¹ Попытки краевого ревкома более активно вмешаться во внутреннее управление этими областями не увенчались успехом.

К весне 1920 г. возник вопрос о Петропавловском, Кокчетавском и Омском уездах, находившихся в административном подчинении Сибревкома. Решение о принадлежности этих уездов по ходатайству Казревкома было перенесено в Административную комиссию ВЦИК. Казревком, в свою очередь, создал так называемую «Северную комиссию», которая должна была заниматься вопросами присоединения к Казахскому краю северных уездов и областей. В июне 1920 г. она выехала в северные районы.²

Для выяснения и разработки всех вопросов, связанных с определением границ края, при Казахском ревкоме 16 мая 1920 г. была образована комиссия в составе трех его членов. В обязанности комиссии входило: а) определение территорий, подлежащих включению в Казахскую республику в силу этнографических, политических и экономических условий; б) точное установление границ будущей республики и составление проекта для представления в Совнарком РСФСР и доклада Всеказахскому съезду Советов; в) подготовка и сдача заключений по всем возникающим спорным вопросам о границах Казахского края; г) разработка проекта внутреннего административного деления республики.³

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 144, л. 35.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 30, л. 5, 6, 10.

³ Там же, ф. 1353, оп. 2, д. 1, л. 23.

Стоял отдельно вопрос о присоединении к Казахскому краю районов Семиреченской и Сырдарьинской областей, входивших в состав Туркестанской автономной республики. Еще 11 ноября 1919 г. Казревком назначил своего представителя в Туркестанскую республику, поручив ему вести переговоры о передаче в состав Казахского края части Семиреченской и Сырдарьинской областей, Мангышлакского и Красноводского уездов. Этот вопрос был поставлен Казревкомом перед Центром. 20 февраля 1920 г. ВЦИК на своем заседании, рассматривая эти вопросы, решил запросить мнение тов. Фрунзе, членов Туркестанской комиссии относительно объединения казахской части Туркестана с казахской степью в одну республику.¹

Долгое время положение Адаевского уездного ревкома и территории адаевцев на Мангышлаке оставалось двойственным. Туркестанская республика продолжала считать эту территорию своей. Адаевский ревком, организованный в свое время А. Джангильдиным и официально признанный Уральским областным ревкомом и Казревкомом, наоборот, считался подотчетным Казахскому революционному комитету.

Представители Адаевского ревкома, прибывшие в марте 1920 г. в Оренбург, обратились в Казревком с предложением принять меры к устранению их неопределенного положения в пользу подчинения Казахскому краю. Они мотивировали это тем, что весь Адаевский уезд состоит исключительно из казахского населения, экономически и политически жители уезда всегда тяготели и неразрывно были связаны с Уральской областью. 27 марта 1920 г. Казревком обратился в ТуркЦИК с ходатайством признать включение адаевцев в состав Казахского края.²

Казахский ревком и Уральский облревком брали на себя вопросы снабжения и организации власти среди адаевцев, урегулирования взаимоотношений кочевников с оседлым населением, пропаганды и агитации, а также вопросы разверстки скота и сырья. В апреле 1920 г. Казревком постановил создать Особую комиссию по делам адаевцев и других кочевников в составе: уполномоченного Казревкома, по одному представителю от Казвоенкомата, Крайчека от экономических организаций, Уральско-

¹ Там же, ф. 14, оп. 1, д. 51, л. 22.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 82, л. 9, 14.

го областного ревкома и губкома партии. На нее было возложено рассмотрение всего комплекса вопросов, связанных с устройством и укреплением Советской власти в среде кочевников юга. Казревком наметил созыв съезда Советов Адаевского уезда и решил на нем вместо старого ревкома создать «кочевой ревком на правах уездного».¹ На этом съезде, состоявшемся с 11 по 15 июля 1920 г. с участием уполномоченного Казревкома, было решено войти с ходатайством в Особую комиссию Казревкома по делам адаевцев о скорейшем присоединении к Казахскому краю территории Мангышлакского уезда и двух адаевских волостей Красноводского уезда Закаспийской области.²

Выполняя волю населения Адаевского уезда, определенно выраженную на съезде Советов, и исходя из принципов ленинской национальной политики, Казревком 3 июля 1920 г. снова телеграфно обратился в ТуркЦИК и уведомил о том, что Всеадаевский съезд Советов постановил перейти в подчинение Казревкому и образовал Адаевский уездный ревком. В силу этого Казревком настоятельно просил ТуркЦИК дать согласие на «...включение адаевцев в состав Кирреспублики».³ На телеграмму аналогичного содержания, посланную Казревкомом Закаспийскому областному ревкому, был получен положительный ответ. В нем говорилось: «Облревком присоединения Мангышлакского уезда Киркраю не возражает».⁴

Вопрос о присоединении Адаевского уезда к Казахстану окончательно решился на августовском совещании в Москве, на котором обсуждались территориальные границы будущей Казахской автономной республики. Об итогах работы этого совещания Казревком телеграфно известил штаб 11-й армии, которым в форте Александровском несколько месяцев тому назад был создан второй ревком по управлению Мангышлакским уездом. Одновременно Казревком 9 сентября 1920 г. оповестил ТуркЦИК о том, что, согласно решению Центра, адаевские волости Красноводского уезда Закаспийской области переходят в ведение Казревкома и будущей Казахской Республики.

---

¹ Там же, оп. 3, д. 17, л. 35.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 81, л. 12.

³ Там же, д. 82, л. 31.

⁴ Там же, д. 106, л. 5, 6.

Как свидетельствует изложенное, Казахский революционный комитет внес большой вклад в дело объединения казахских земель в составе единой Казахской Советской республики, провозглашение которой ожидалось в скором будущем. На этом пути было немало трудностей и разногласий внутри самого Казревкома. Одна группа его работников выступала с чрезмерными и несостоятельными территориальными претензиями, другая, наоборот, столь же неоправдано требовала сужения территории будущей Казахской республики. В таких случаях, как всегда, директивные партийные и советские органы помогали найти и принять наиболее правильные решения.

4. Проведение подготовительных мероприятий к созыву Всеказахского съезда Советов

Немалая организационная работа, связанная с подготовкой к созыву Всеказахского съезда Советов, была проведена в течение 1918-1919 гг. еще до учреждения Казахского революционного комитета. ВЦИК, СНК и Наркомнац стояли на позиции возможного скорого созыва съезда и провозглашения на нем Казахской Советской автономии. Еще 4 апреля 1919 г. ВЦИК принял постановление о том, что созыв «Всекиргизского съезда разрешить».¹

СНК РСФСР в своем Декрете от 10 июля 1919 г. указал, что Всеказахский съезд Советов «созывается в возможно непродолжительном времени». Им предусматривались упразднение комиссии «по созыву Всеобщего съезда Киргизского края», учрежденной Наркомнацем 5 апреля 1919 г., и замена ее отделом «при революционном комитете по организации на местах Советской власти и по созыву Всеобщего съезда Киргизского края».²

Уже на одном из первых заседаний 15 сентября 1919 г. Казахский ревком по предложению С. Пестковского организовал Особую комиссию по подготовке к созыву Всеказахского съезда Советов в составе С. Мендешева, В. Лукашева, Петрова и др. Ей было поручено составление инструкции по созыву съезда.³

Комиссия в первую очередь занялась разработкой Инструкции о порядке избрания депутатов на Всеказахский съезд Советов. Обсуждение вопросов, особенно о том, какие категории населения лишаются избирательного права на Всеказахский съезд Советов, обнаружило существенные разногласия между членами комиссии.

Комиссия имела два документа, положенные в основу составления избирательной инструкции. Один из них изложен в статье II Декрета СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., которая гласила: «Избирательным правом в Киргизских (казахских) аулах и волостях пользуются все граждане, достигшие 18-летнего возраста ко дню выборов, которые приписаны к данному аулу, и те неприписанные, которые имеют постоянное жительство в данном ауле или живут более одного года, за исключением торговцев, спекулянтов,

¹ Декреты Советской власти, т. 5. М., 1971. с. 18.

² СУ, 1919, № 36, ст. 354.

³ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 1, л. 13.

эксплуатирующих киргизский народ, и активных агентов старого режима, зарекомендовавших себя ревностными проводниками его политики».¹

Второй документ представлял проект Положения о порядке выборов делегатов на Всеказахский съезд, составленный в свое время первой избирательной комиссией (в Букеевской обл.) и принятый на ее заседании 29 апреля 1919 г. В нем было сказано: «не имеют права избираться и избирать бывшие управители, аульные старшины, народные судьи, секретари бывших переселенческих начальников, областных, уездных полицейских управлений, волостные старшины, сельские старосты, волостные судьи и члены милиции Временного правительства Керенского, все члены и председатели областных и волостных земских управ, кулаки, спекулянты, душевнобольные, ростовщики, находящиеся под судом, следствием Советской власти, осужденные за преступления корыстного характера в прошлом, как то: за мошенничество, присвоение, взяточничество, убийство с корыстными целями; чины контрреволюционных правительств».²

На заседании избирательной комиссии краевого ревкома 11 октября 1919 г. обнаружились два мнения. Некоторые члены комиссии стояли за то, чтобы механически перенести формулировки Декрета СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. об избирательном праве в казахских аулах на выборах во Всеказахский съезд Советов и лишении избирательного права лишь небольшого круга лиц, а другая группа членов комиссии считала целесообразным принять за основу работы комиссии более подробную, конкретную разработку в части определения круга лиц, лишенных избирательного права, как это сделано в проекте первой комиссии. Комиссия большинством голосов приняла последнюю формулировку.

Однако обсуждение вопроса этим не кончилось. Определение круга лиц, лишенных избирательного права, было политическим вопросом. От его правильного решения в определенной мере зависели не только статус, состав Всеказахского съезда, но и процесс революционизирования и пролетаризации местных советов. В то же время нельзя было не учитывать особенность казахского общества, уровень сознания народных масс и степень зрелости социальных отношений в тот конкретный исторический период. 3 февраля

¹ СУ, 1919, № 36, ст. 354.

² ЦГАОР, ф. 1329, оп. 1, д. 6, л. 16.

1920 г. Казревком, заслушав доклад избирательной комиссии, дал следующее указание: «Муллы избирательных прав не лишаются... из чиновников управителей и всякого рода служащих при царском режиме лишаются избирательных прав те управители, которые были назначены по усмотрению губернатора в порядке 70 ст. Степного положения, и те чиновники, служащие царского режима, которые зарекомендовали себя активными проводниками его политики, а также и те, которые добивались избрания на советские должности путем подкупа... Что же касается участников в организации правительств (областные земские управы и Алаш-Орда) и армии, боровшихся и борющихся против советского правительства, то те из участников, которые до 20 декабря 1919 г. перешли на сторону советского правительства, согласно амнистии, не лишаются избирательных прав, поскольку их преступления носили чисто политический характер».¹ На том же заседании краевого ревкома принято решение об обновлении состава комиссии по разработке инструкции по выборам в Учредительный съезд Советов Казахстана.

Были попытки навязать комиссии и Казревкому неприемлемые проекты избирательного права, направленные на то, чтобы превратить выборы во Всеказахский съезд в какое-то «всеобщее народное» мероприятие без учета социально-классовой и политической задачи социалистической революции в Казахском крае. Именно такой проект, предложенный членом Казревкома Седельниковым, был отвергнут Казревкомом дважды: 17 и 24 апреля 1920 г. с последующим выводом его из состава избирательной комиссии. Обновленная комиссия была переименована в Редакционную коллегию по составлению избирательной инструкции.

Печатный орган краевого Оргбюро РКП(б) и Казахского революционного комитета – газета «Известия Киргизского края» 23 апреля 1920 г. опубликовала передовую статью, специально посвященную ходу подготовки к предстоящему Учредительному съезду Советов Казахстана. Она начиналась словами: «Приближается время созыва Всекиргизского (Всеказахского) съезда. В скором времени начнутся подготовительные работы по созыву съезда и предвыборная кампания».² Говоря о задачах съезда и о политике партии и Советского государства в области национальных

---

¹ Большевик Казахстана, 1935. № 9-10, с. 102.

² Советы и ревкомы в Казахстане (октябрь 1917-1920 гг.). Документы и материалы. Алма-Ата, 1971, с. 161.

5. Участие в подготовке Положения об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики

Согласно Декрету СНК РСФСР от 10 июля 1919 г., в задачу Казахского революционного комитета в числе других входило «составление проекта Положения о Киргизской (Казахской) автономии для представления на утверждение Всеобщего съезда».¹ Подготовка такого проекта была связана с предварительным решением ряда важных вопросов. Особенно сложными и трудными в тех условиях были вопросы, касающиеся определения территории республики. Именно эти вопросы в течение 1919 – 1920 гг. неоднократно выносились на рассмотрение ВЦИК и его административной комиссии, Народного комиссариата по делам национальностей и его коллегии, межведомственных и отраслевых комиссий в Центре.

Казахский революционный комитет в порядке подготовки проекта об образовании Казахской Советской автономии в июне 1920 г. представил в Наркомнац документ под названием «О территории и границах Казахского края». В нем говорилось следующее:

«1. Исходя из того основного положения, что автономная Киргизская (Казахская) республика, как составная часть РСФСР, создается не только в целях разрешения национального киргизского (казахского) вопроса в наиболее благоприятных для нас условиях, но и потому что край в силу своего географического положения и хозяйственных особенностей, резко отличных от остальных местностей республики, несомненно, требует своего краевого управления, посему в вопросах территориально-хозяйственных, помимо национального, мы должны исходить из принципа экономической целесообразности и согласования интересов республики и пролетариата, как целого с его частями.

2. При определении границ Киргизской (Казахской) республики необходимо главным образом учитывать те обстоятельства, что а) край, кроме киргизов (казахов), составляющих большинство населения, населен еще многочисленными представителями русских крестьян и рабочих и б) что край совершенно не имеет

---

¹ СУ, 1919. № 36, ст. 354.

внутри своих экономических, промышленных и культурных центров, без которых не сможет вести нормальное существование и правильно развиваться.

3. Все существующие политические и промышленные центры Киргизского (Казахского) края (Астрахань, Уральск, Оренбург, Кустанай, Омск, Семипалатинск, Ташкент) лежат на окраинах и многие из них являются спорными или совершенно не входят в состав края. Между тем благодаря кровной, исторически сложившейся связи указанных центров со степью и, наоборот, с проведением новых хотя и внутренних границ по единому экономическому целому, при создавшихся взаимоотношениях, обе стороны попадают в ненормальное положение, когда окраинные центры могут оказаться отрезанными от своих экономических источников в степи, так и для самой степи и особенно киргизского (казахского) народа, оказавшегося отрезанным от ближайших естественных центров промышленности и культуры.

4. При определении границ и разрешении вопроса о спорных уездах (Кустанайском, Кокчетавском, Петропавловском и т. д.) необходимо исходить из принципа сохранения существующей неразрывной связи между указанными уездами и остальной степью, поскольку северная часть является опорой всего полупоседлого и кочевого населения южных безводных и песчаных окраин, которые летом в северных уездах, и добывают здесь продукты питания (хлеб и т. д.), а также имеют в виду, что на очереди разрешение сложного в Киргизстане земельного вопроса, когда в самом срочном порядке необходимо обеспечить землею все лишнее надделов кочевое население и урегулировать взаимоотношения оседлых киргиз (казахов) с крестьянами-переселенцами, почему в присоединении указанных областей кровно заинтересовано не только киргизское (казахское), но и все южное-русско-татарское население края.

5. Исходя из этого вышеизложенного, признать совершенно необходимым безоговорочное включение в территорию Киргизского (Казахского) края ряда окраинных центров, как то: Уральск, Оренбург, Кустанай, Семипалатинск и т. д. и точное установление границ края по вышеуказанному принципу».¹

Почти одновременно с указанным документом, официально одобренным Казревкомом, некоторые его члены выразили свое

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 643, л. 197, 197 об.

особое мнение в справке под названием «границы Киркрая», также представленной в Народный Комиссариат по делам национальностей РСФСР. Составители этой справки высказали опасение в том, что в результате собирания казахских земель под одно краевое управление «должна будет выявиться и полная государственная неорганизованность».

По их мнению, с одной стороны, расширение территориальных границ Казахского края может быть использовано буржуазными националистами для усиления своего влияния, а, с другой стороны, «отнесение к Киркраю освоенной русскими северной и восточной полосы» может выявить якобы волнения среди русского населения этих районов. В справке было заключение о том, что «проект организации Киркрая в его давних, можно сказать, доисторических границах не может быть поддержан ни с какой точки зрения». Ее авторы предлагали исключить из пределов Казахской республики Гурьевский, Лищенский и Уральский уезды Уральской области, Кустанайский уезд Тургайской области, Петропавловский, Омский, Кокчетавский уезды Актмолинской области.¹

Наряду с разработкой отдельных аспектов и вопросов, связанных с образованием Казахской Советской автономии, Казахскому ревкому с помощью областного бюро РКП(б) и центрального правительства пришлось преодолевать трудности другого плана – националистических и шовинистических поползновений. Как правильно указывает С.Н. Покровский, «подготовка образования Казахской Советской автономии проходила в борьбе с уклонами от ленинской национальной политики».²

В разъяснении и пропаганде принципов ленинской национальной политики и вытекающих из нее практических мер, в разоблачении уклонов как националистических, так и шовинистических и выборе правильной линии действий в вопросе Казахской Советской автономии большую помощь краевым органам и Казревкому оказали ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР. Руководствуясь ленинскими установками в национальном вопросе, большую работу развернули местные партийные организации во главе с областным бюро РКП(б) Казахского края.

Деятельность центральных органов партии и Советского госу-

---

¹ ЦПА НМЛ, ф. 140, оп. 1, ед. хр. 14, л. 9-11.

² Покровский С.Н. Разгром интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане. Алма-Ата, 1967, с. 356.

дарства, а также Казревкома, направленная на подготовку Казахской советской автономии, находила горячий отклик на местах. Так, в постановлении съезда трудящихся казахов Каркаралинского уезда говорилось: «Выразить сочувствие Советской власти, как освободительнице угнетенных народов, и всеми силами поддержать Киргизский краевой Военно-революционный комитет в его работах по осуществлению самоопределения трудового киргизского народа».¹ Семипалатинский губернский съезд Советов 5 июля 1920 г. постановил: «Приветствовать центральную Советскую власть как освободительницу угнетенных народов и выразить готовность поддержать ее всеми силами, а также приветствовать Военно-революционный комитет по управлению Киргизским краем, которому выпала задача осуществления самоопределения трудового киргизского (казахского) народа».²

Инициатива подготовки проекта Положения об образовании Казахской автономной республики с мая 1920 г. полностью перешла к Центру.

Президиум ВЦИК 18 мая 1920 г. разослал телеграмму следующего содержания: «Омск. Сибревкому и Облревкому. Челябинск. Губисполкому. Оренбург. Кирревкому и Губисполкому. Уральск. Облревкому. Ташкент. Туркфронту и Крайбюро коммунистов. Орда (Ханская Ставка). Облисполкому.

Президиум ВЦИК нашел необходимым созвать совещание работников всех заинтересованных учреждений для обсуждения вопросов, связанных с управлением Киргизского края. Все упомянутые в адресе учреждения должны прислать своих представителей по два или по одному от каждого (по усмотрению самих учреждений) в Москву 1 августа сего года. Вопросы, подлежащие обсуждению: первый – управление Кирреспубликой; второй – границы Кирреспублики; третий – отношение Кирреспублики к РСФСР. По поручению Президиума ВЦИК Сталин».³

Казахский революционный комитет провел ряд рабочих совещаний в порядке подготовки к августовскому совещанию в Москве. Вопросы, поставленные в телеграмме Сталина, обсуждались и в областном бюро РКП(б) Казахского края. В свою очередь, Казревком учредил Особую комиссию, возложив на нее

¹ Советы и ревкомы в Казахстане. Алма-Ата, 1971, с. 160-161.

² Там же. с. 172.

³ ЦИА ИМЛ, ф. 558. оп. 1, ед. хр. 3734, л. 1.

подготовку необходимого материала обобщающего документа, отражающего взгляды и позицию краевых органов по вопросам, которые будут обсуждаться в Центре. Одновременно 28 июня при представительстве Казревкома при ВЦИК создается «Комиссия специалистов» из 22 чел. с задачей в срочном порядке составить проект границ Киргизской республики, основываясь на изучении данных об историческом, этнографическом, естественном и экономическом положении Киркрая, а также составить сводную карту в предполагаемых границах.¹

Казахский ревком своими решениями от 8 и 24 июля 1920 г. утвердил краевую делегацию на совещание в Москве и указал, что «представителям Кирревкома предоставляется право кооптации из числа прибывших с мест представителей».²

Межведомственное совещание ответственных работников для обсуждения вопроса Казахского края открылось в Москве 9 августа 1920 г. и продолжалось 10 августа. В нем принимали участие: от Казахского революционного комитета – С. Пестковский, А. Джангильдин, А. Кулаков, А. Мурзагалиев, Г. Алибеков, П. Петровский; от других областей Казахстана – С.П. Милютин, Д. Темралиев, Уразаев и др. На совещании участвовали заместители Народного Комиссара по делам национальностей, член Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР, Нарком земледелия, руководители Сибревкома, Омского, Астраханского и Челябинского облисполкомов.³ В течение двух дней тщательному обсуждению подвергались вопросы, связанные с определением территории будущей Казахской автономной республики. По некоторым вопросам не удалось достичь единогласия.

Для рассмотрения итогов обсуждения и разногласий участников 12 августа в Кремле состоялось третье заседание ответственных работников, на котором председательствовал В.И. Ленин. К сожалению, нам не удалось обнаружить протокол или материалы этого последнего совещания, проходившего под руководством В.И. Ленина. Судя по отдельным отрывочным воспоминаниям его участников, В.И. Ленин придавал обсуждаемому вопросу важное политическое значение и своим участием решил ряд сложных

¹ ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 61, л. 142.

² ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 1, д. 63, л. 35; д. 5, л. 52.

³ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 50.

вопросов, поставленных на повестку дня в связи с разработкой проекта Положения о Казахской автономной республике.

Коллегия Наркомнаца на своем заседании 14 августа 1920 г. рассмотрела итоги работы комиссии и отметила, что «последнее время было посвящено исключительно разработке материалов о Киргизской (Казахской) республике. Прделана большая работа. Состоялся ряд заседаний и межведомственных совещаний по этому вопросу, в том числе 2 совещания, рассмотревшие с представителями местных заинтересованных областей и учреждений. Последнее совещание проходило под председательством тов. Ленина».¹ На этом заседании указывалось, что мнения едины в вопросе необходимости создания Казахской Советской республики и включения в ее состав всех казахских областей, а разногласия относятся лишь к вопросам «о времени и темпе создания для всей республики Управления и некоторым другим вопросам деталей». Коллегия приняла решение утвердить проект Декрета об образовании Казахской Советской республики.

Согласованные решения в рабочих и межведомственных комиссиях относительно границ Казахского края теперь нуждались в официальном решении и оформлении. 14 августа из президиума ВЦИК была разослана срочная телефонограмма в Наркомнац и другим организациям следующего содержания: «В понедельник 16 августа 7 часов вечера в помещении Наркомвнутдела состоится заседание административной Комиссии при Президиуме ВЦИК.

Повестка дня:

Определение границ Киркрая. Ввиду исключительной важности вопроса присутствие всех членов Комиссии весьма необходимо».² На нем был одобрен проект Декрета об образовании Казахской Советской автономной республики, внесенный Наркомнацем, с незначительными изменениями.

17 августа, затем вторично 24 августа 1920 г. проект об образовании Казахской Автономной Советской Социалистической Республики обсуждался на заседаниях СНК под председательством В.И. Ленина. Одобренный документ был направлен на утверждение ВЦИК, и 26 августа вошел в силу «Декрет об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Социалистической

---

¹ ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 3, л. 12.

² ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 141, л. 61.

Советской Республики»,¹ подписанный председателем ВЦИК М.И. Калининым и председателем СНК В.И. Лениным. На Всеказахском учредительном съезде Советов, открывшемся 4 октября 1920 г., была провозглашена Казахская Автономная Советская Социалистическая Республика.

---

¹ Постановление ЦК Компартии Казахстана: О 60-летию Казахской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Казахстана. – Партийная жизнь Казахстана, № 6, Алма-Ата, 1980, с. 9-19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Казахский революционный комитет, созданный волею Коммунистической партии и Советского государства на сложном, поворотном и начальном этапе социалистической революции в Казахстане, играл значительную роль в победе Октябрьской революции в Степном крае, в осуществлении в нем первых опытов по претворению в жизнь ленинской политики. Он был создан, и его деятельность проходила в условиях, когда значительные силы белогвардейщины, отброшенные волной революции из центральных районов на окраины, в союзе с местной контрреволюцией, пользуясь слабостью революционных сил в Казахском крае и его отдаленностью от революционных центров России, всеми силами пытались задуть молодую Советскую власть в крае там, где она победила, и не допустить распространения новой власти там, где она еще не успела победить. Несмотря на всю сложность обстановки и чрезмерную трудность работы в крае с преобладанием кочевого и полукочевого населения с патриархальным бытом и культурной отсталостью, Казахский революционный комитет, направляемый и руководимый в своей деятельности Центральным Комитетом партии и Советским правительством, в течение немногим более одного года существования не только наладил свою деятельность, но и утвердил себя в глазах масс как народный, высший краевой орган новой революционной власти.

Успех работы Казахского революционного комитета в решающей степени был обусловлен его постоянной связью с ЦК РКП(б) и Совнаркомом РСФСР. В период организации и формирования Казахского революционного комитета его вопросы по несколько раз лично занимались В.И. Ленин, М.В. Свердлов, И.В. Сталин. В течение немногим более одного года (июнь 1919 – сентябрь 1920 г.) функционирования ревкома Казахского края вопросы, связанные с его деятельностью и составом, более пяти раз специально ставились и рассматривались на заседаниях Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) и ВЦИК, не считая заседаний Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. Вдобавок к этому, в течение двух недель – с 13 по 24 августа 1920 г. – под личным председательством В.И. Ленина проходили в Кремле заседания ответственных работников специально по

вопросу о будущей Казахской Советской автономии и два заседания Совнаркома (17 и 24 августа) с постановкой вопроса об управлении Казахским краем.

Казахскому революционному комитету, можно сказать, постоянно сопутствовал успех в Центре. Его многие важные предложения и обоснованные инициативные начинания, направленные на объединение казахских земель под одно краевое управление, на пресечение местнических настроений и недопонимания национальной политики партии отдельными группами работников, находили поддержку и одобрение в высших партийных и государственных органах Советского государства.

В успешном функционировании ревкома первостепенное значение имели деловой контакт и тесная координация своей деятельности с военсоветами и политотделами фронта и армий, действовавших на территории края, а также весьма тесное отношение и совместная работа с Оренбургской губернской партийной организацией и видными ее деятелями, которые оказали значительное влияние на всю деятельность Казахского революционного комитета. Опираясь на прочную поддержку партийных, советских и военных органов, Казахский революционный комитет с тактом, обдуманно и оперативно строил свою политическую, идеологическую и организационную работу среди казахского населения и других этнических групп, направленную на их вовлечение под знамя идей и политики социалистической революции.

За короткий срок Казахский революционный комитет собрал вокруг себя актив местных деятелей и энтузиастов из числа демократически и революционно настроенных слоев преимущественно аульно-волостного населения, желавших работать и бороться на стороне Советской власти, за реализацию национальной политики партией большевиков и Советского государства. Эти кадры, число которых постоянно росло, составляли ту массовую активную силу, с помощью которой ревком во многом смог направить национально-освободительное движение в русло социалистической революции, а точнее, соединить их в единый поток освободительной борьбы, ведомой и руководимой партией коммунистов России.

Казахский революционный комитет сделал многое в налаживании деловой связи с областными и отдельными уездными ревкомками, в большинстве своем созданными политотделами

армий на освобожденных территориях края, отнесенных к его юрисдикции. Работа в этой части в период функционирования Казревкома не была завершена, однако основные направления их объединения и централизации, совместных действий под эгидой краевого органа ради интересов социалистической революции были существенно намечены и уже прослеживались.

Важнейшим итогом работы Казахского революционного комитета была подготовка условий для осуществления самоопределения казахского народа в рамках ленинской национальной политики – для провозглашения национальной советской государственности в Казахстане. Особенно эта сторона деятельности ревкома, наиболее ответственная и беспрецедентная практика в мировой истории, находилась под неослабным вниманием Коммунистической партии и Советского государства. Председатель Казахского революционного комитета и первый председатель Совнаркома Казахской АССР В.А. Радус-Зенькович, неоднократно встречавшийся с В.И. Лениным по делам Казахстана, так обобщает свое впечатление: «С именем Владимира Ильича Ленина неразрывно связано создание Казахской советской государственности», «В.И. Ленин уделял огромное внимание оказанию помощи трудящимся Средней Азии и Казахстана в развитии своей государственности, экономики и культуры, ликвидации фактического неравенства».¹

За годы, истекшие после принятия исторического Декрета ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 26 августа 1920 г. «Об образовании Автономной Киргизской (Казахской) Советской Социалистической Республики», подписанного В.И. Лениным и М.И. Калининым, в жизни республики и казахского народа произошли эпохальные преобразования и изменения. Л.И. Брежнев, выступая на юбилейных торжествах в г. Алма-Ате, посвященных 60-летию Казахской ССР и Компартии Казахстана, сказал: «Казахстан сегодня – это одна из главных житниц страны. Это вместе с тем край могучей многоотраслевой индустрии. Всего полдня сегодня требуется Казахстану, чтобы произвести промышленную продукцию, выпущенную за весь 1920 год, – год образования вашей республики. Полдня и целый год! Какими поистине семимильными шагами идет вперед Казахстан».

---

¹ В огне революции. Алма-Ата, 1957, с. 18.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	3
---	---

С.З. ЗИМАНОВ ОТ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ИДЕЙ К СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БУХАРЕ И ХИВЕ.....	9
ВВЕДЕНИЕ	11

ГЛАВА I ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ В БУХАРЕ И ХИВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СТАНОВЛЕНИЯ	23
--	----

1. Внутреннее и внешнеполитическое положение ханств.....	23
2. Засилье мусульманского духовенства.....	31
3. Эмирско-ханская деспотия	39
4. Истоки и становление просветительских идей и характер движения за новометодные школы.....	50
5. Оформление и развитие противоречивых идей.....	62
6. Носители освободительных идей	74

ГЛАВА II РАЗВИТИЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МЫСЛИ В БУХАРЕ И ХИВЕ ПОД ВЛИЯНИЕМ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ В 1917 ГОДУ	90
--	----

1. Подъем и революционизирование освободительных идей в Бухаре (февраль – октябрь 1917 года)	90
2. Эволюция освободительного движения в Хивинском ханстве. Переход от идей реформы управления к идее свержения ханской власти	116
3. Рост социалистических идей в освободительных движениях Бухары и Хивы после Октябрьской революции.....	127

ГЛАВА III ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БУХАРЕ И ХИВЕ	154
--	-----

1. Провозглашение Советской Республики в Бухаре.....	154
2. Революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства в Бухаре.....	160
3. Бухарская Народная Советская республика на пути социалистического развития.....	176
4. Победа советской государственности в Хиве.....	192
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	202
ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	205
ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.....	206
Задачи повышения теоретического уровня исследовательских работ по национально-государственному строительству	206
Факты и их основания.....	211
Роль принципа противоречия в изучении национально-государственного строительства	216
О системном анализе национально-государственного строительства.....	222
Необходимость коллективных обсуждений теоретических вопросов.....	226
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСТУПНОЙ САМОНАДЕЯННОСТИ	229
О ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА	239
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА	245
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА	251

С. Знманов, С. Даулетова, М. Исмагулов	
КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ	257
ВВЕДЕНИЕ	259
ОБ ИСТОРИОГРАФИИ	261
ОБ ИСТОЧНИКАХ	266
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ВОПРОС	268
ГЛАВА I	
ПЕРВЫЕ ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ДЕЛАМ КРАЯ И СОЗДАНИЕ КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА	272
1. Ленинская национальная политика и казахское общество	272
2. Казахский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР	282
3. Казахский Комиссариат по военным делам.....	293
4. Организация Казахского революционного комитета	301
ГЛАВА II	
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА	306
1. Высшее военно-гражданское управление краем.....	306
2. Структурное развитие революционного комитета	315
3. Состав и кадры ревкома	324
4. Представительство Казахского ревкома в Центре и в соседних областях	334
ГЛАВА III	
КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ И МЕСТНЫЕ РЕВКОМЫ	338
1. Организация и система местных ревкомов.....	338
2. Уральский областной революционный комитет	345
3. Семипалатинский областной революционный комитет	353
4. Адаевский революционный комитет.....	359

5. Акмолинский уездный революционный комитет.....	370
6. Революционный комитет волго-каспийских казахов.....	375
ГЛАВА IV	
КАЗАХСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ	
И ВОПРОСЫ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	380
1. Казревком и областные Советы	380
2. Осуществление задач по укреплению местных Советов....	387
3. Организация выборов и перевыборов местных Советов	396
4. Дальнейшее расширение власти Советов.	
Падение Западного отделения Алаш-Орды	403
ГЛАВА V	
ВОПРОСЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ,	
КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОДГОТОВКИ	
СОВЕТСКОЙ АВТОНОМИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
КАЗАХСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА	415
1. Налаживание хозяйственно-организаторской	
деятельности	415
2. Начало культурного строительства.....	424
3. Деятельность по объединению казахских земель	429
4. Проведение подготовительных мероприятий к созыву	
Всеказахского съезда Советов.....	437
5. Участие в подготовке Положения об образовании	
Казахской Автономной Советской Социалистической	
Республики	442
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	449

Салык Зиманов: Полное собрание сочинений. 10 томов.
Алматы. «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. V том. - 456 стр.

Руководитель проекта:
Сафинов К.Б., проф., д.ю.н.

Руководитель редакционной коллегии:
Майлыбасв Б.А., д.ю.н.

Члены редакционной коллегии:
Раимханов М.С.
Сембеков М.М.
Мухамбедьярова А.Т.
Толегенов К.Ж.

Корректор Байсентова Б.З.

ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ», г. Алматы,
ул. Х. Досмухамедова, 686, (уг. ул. Карасай батыра),
тел. 8 (727) 292-43-43, факс 8 (727) 292-79-61
e-mail: info@zanmedia.kz
www.zanmedia.kz

Подписано в печать
Формат 60x90 /16 . Гарнитура Times New Roman KZ.
Печат офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 046

Отпечатано в типографии ТОО «Алан-2030»
при содействии типографии ТОО «Медиа-корпорация «ЗАҢ»

